УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
социологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ОСИПОВА Надежда Геннадьевна – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор, г. Москва, Россия, e-mail: ngo@socio.msu.ru, тел., факс: 8 (495) 939-46-98

ПОЛЯКОВА Наталья Львовна – доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заместитель главного редактора, г. Москва, Россия, e-mail: polyakova@socio.msu.ru, тел.: +7(495) 939-45-39

ИЛЬИНЫХ Ольга Владимировна – сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ответственный секретарь, редактор, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-08-54, +7 (903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

ДОБРИНСКАЯ Дарья Егоровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор сайта, г. Москва, Россия, тел.: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

ВЕРШИНИНА Инна Альфредовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

КАНЕВСКИЙ Павел Сергеевич – кандидат политических наук, доцент, заместитель декана по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

НОВОСЁЛОВА Елена Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

СИНЯКОВ Алексей Викторович – заведующий учебной лабораторией по применению ЭВМ и технических средств обучения социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-59-49, e-mail: alsin@socio.msu.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аверин Юрий Петрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7(495)939-27-95, e-mail: aup@inbox.ru; **Антонов Анатолий Иванович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai_@mail.ru; **Вельц Франк** – доктор социологических наук, профессор департамента социологии Инсбрукского университета имени Леопольда и Франца, г. Инсбрук, Австрия, тел.: +43 512 507 73405, e-mail: frank.welz@uibk.ac.at; **Бабосов Евгений Михайлович** – доктор философских наук, профессор, академик НАН Белоруссии, главный научный сотрудник Института социологии НАН Белоруссии, г. Минск, Белоруссия, e-mail: soccomsys@mail.ru; **Водопьянов Павел Александрович** – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, профессор кафедры философии и права УО "Белорусский государственный технологический университет", e-mail: pva1940@bk.ru; **Данилов Александр Николаевич** – доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, заведующий кафедрой социологии факультета философских и социальных наук Белорусского государственного университета, тел: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by; **Желтов Виктор Васильевич** – доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета, г. Кемерово, Россия, тел.: +7 (384) 254-49-33, e-mail: politdekanat@kemsu.ru; **Ильхам Мамед-Заде** – доктор философских наук, директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан, тел.: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru; **Кеничи Охаши,** профессор социологии и культурной антропологии департамента культуры и туризма Университета Риккьо, г. Токио, Япония, тел.: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp; **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Социологического общества им. М.М. Ковалевского, г. Санкт-Петербург, Россия, тел.: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru; **Тай-Лок Луи** – доктор философии, профессор, вице-президент Университета образования Гонконга, директор Академии гонконгских исследований, Гонконг, тел.: +852 2948 7220, e-mail: tloklui@eduhk.hk; **Фарро Антимо Луиджи** – доктор социологических наук, профессор Римского университета "Сапиенца", г. Рим, Италия, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it; **Цинекер Хайдрун** – доктор политических наук, профессор Университета Лейпцига, г. Лейпциг, Германия, тел.: +49 341 97 35614, e-mail: zinecker@uni-leipzig.de

Редактор **О.В. ИЛЬИНЫХ**

FOUNDER
Lomonosov Moscow State University;
Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University)

Editorial Board

Editor-in-chief: Nadezhda G. OSIPOVA, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-46-98, e-mail: ngo@socio.msu.ru
Associated Editor-in-Chief: Natalya L. POLYAKOVA, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Contemporary Sociology at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-45-39, e-mail: polyakova@socio.msu.ru
Managing Editor: Olga V. ILINIH, phone: +7(495) 939-08-54, +7(903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru
Website Editor: Daria E. DOBRINSKAYA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru
Editorial board: Inna A. VERSHININA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru
Pavel S. KANEVSKIY, PhD, Associate Professor, Associate Dean for Science at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru
Elena N. NOVOSELOVA, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru
Aleksei V. SINYAKOV, Head of IT Laboratory at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-59-49, e-mail: alsin@socio.msu.ru

Editorial council

Anatoliy I. Antonov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai_@mail.ru
Yuriy P. Averin, Doctor of Sociology, Professor, Head of Sociological Research Methodology Department at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495)939-27-95, e-mail: aup@inbox.ru
Frank Welz, Doctor of Sociology, Professor at Innsbruck School of Social and Political Sciences, Department of Sociology (Innsbruck University), Innsbruck, Austria, phone:+43-512-507 -73405, -73420 (secretary), e-mail: frank.welz@uibk.ac.at
Lui Tai-lok, Doctor of Philosophy, Professor, Vice President of the Education University of Hong Kong, Director of the Academy of Hong Kong Studies, phone: +852 2948 7220, e-mail: tloklui@eduhk.hk
Viktor V. Zheltov, Doctor of Political Science, Professor at Chair of General History and Socio-Political Sciences (Kemerovo State University), Kemerovo, Russian Federation, phone: +7 (384) 254-49-33, e-mail: politdekanat@kemsu.ru
Nikolai G. Skvortsov, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Comparative Sociology (Saint Petersburg University), Saint Petersburg, Russian Federation, phone: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru
Antimo L. Farro, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Social and Economical Sciences (Sapienza University), Rome, Italy, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it
Heidrun Zinecker, Doctor of Political Science, Professor of International Relations at the Institute of Political Science (University of Leipzig), Leipzig, Germany, phone: +49 341 97 35614, e-mail: zinecker@uni-leipzig.de
Evgeniy M. Babosov, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of National Academy of Sciences of Belarus (NAS of Belarus), Chief researcher at the Institute of sociology of NAS of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: soccomsys@mail.ru
Pavel A. Vodop'yanov, Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science (Belarusian State Technical University), Minsk, Republic of Belarus, e-mail: pva1940@bk.ru
Kenichi Ohashi, Professor of Sociology and Cultural Anthropology at the Department of Culture and Tourism Studies (Rikkyo University), Tokyo, Japan, phone: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp
Ilham Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan, phone: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru
Alexander N. Danilov, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Sociology Faculty of Philosophy and Social Sciences (Belarus State University), Minsk, Republic of Belarus, phone: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18
СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 4 • Том 25 • 2019 •
ОКТЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

К 30-летию социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Осипова Н.Г. Социологический факультет МГУ — лидер университетской социологии 7

Федоркин Н.С., Карпова Н.В. Кафедра политологии и социологии политических процессов 22

Антонов А.И. В строю научной школы фамилизма (о вкладе кафедры социологии семьи и демографии в достижения социологического факультета МГУ) 37

Мамедов А.К., ***Чудновская И.Н., Коркия Э.Д., Обрывалина О.А.*** Единственная настоящая роскошь — это роскошь человеческого общения 44

Барков С.А., ***Осеев А.А.*** История кафедры экономической социологии и менеджмента — реорганизация длиною в жизнь 52

Гавриленко О.В. Социальные технологии как исследовательское поле и инструмент социальных преобразований. 77

Кочетков В.В. Кафедра социологии международных отношений. 95

Васенина И.В., Липатова М.Е., Сушко В.А. Профессиональные и образовательные стратегии современных абитуриентов 102

Социологический факультет в системе социологического знания и образования

Современная социология, теория и методология

Осипова Н.Г. Социальное неравенство в современном мире. 124

Полякова Н.Л. Глобальная социология. Основные исследовательские стратегии. Часть I. Универсалистский подход 154

Добринская Д.Е. Цифровое общество в социологической перспективе 175

История социологии

Батуренко С.А. Интеллектуальные предпосылки формирования феминистского дискурса в истории русской социологии 193

Политическая социология

Федоркин Н.С. Политическая социология и политический менеджмент в предметном поле политической науки 209

Аверин Ю.П., Сушко В.А. Ценности и электоральное поведение российских граждан на президентских выборах (2012, 2018 гг.): постоянство и изменчивость 227

Самсонова Т.Н., Наумова Е.С. Роль СМИ в политической социализации современной российской молодежи 247

Каневский П.С. Трансформации корпоративизма в эпоху неолиберализма. 265

Социология государственного управления

Васильев В.П. Социология государственного управления. 279

Экономическая социология и менеджмент

Барков С.А., Маркеева А.В. Дауншифтинг как постмодернизм в действии. 288

Социология семьи и демографии

Новоселова Е.Н. Борьба с курением как фактор формирования здорового образа жизни 309

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология» в 2019 г. 325

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2019

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Established in 1946

Series 18
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

N 4 • VOLUME 25 • 2019 •
OCTOBER — DECEMBER

Publishing house of Moscow State University

Four Issues per Annum

CONTENTS

On the 30th anniversary of the sociological faculty of Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Osipova N.G. Sociological faculty of MSU — leader of university-sociology 7

Fedorkin N.S., Karpova N.V. Department of Political Science and Sociology of Political Processes. 22

Antonov A.I. In the structure of scientific school of familysm (about the contribution of the Department of Sociology of Family and Demography to the achievements of the Sociological Faculty of Moscow State University). 37

Mamedov A.K., Chudnovskaya I.N., Korkiya E.D., Obryvalina O.A. The only this luxury is the luxury of human communication 44

Barkov S.A., Oseev A.A. History of the Department of economic sociology and management — a life-long reorganization 52

Gavrilenko O.Vl. Social technologies as research field and instrument of social transformations 77

Kochetkov V.V. Department of sociology international relations 95

Vasenina I.V., ***Lipatova M.E.***, ***Sushko V.A.*** Professional and educational strategies of modern applicants 102

Faculty of sociology in the system of sociological knowledge and education

Modern sociology, theory and methodology

Osipova N.G. Social inequality in the modern world. 124

Polyakova N.L. Global sociology. Basic research strategies. Part I. Universalist approach 154

Dobrinskaya D.E. Digital society: sociological perspective 175

History of sociology

Baturenko S.A. Intellectual prerequisites of a feminist discourse's formation in the history of the Russian sociology. 193

Political sociology

Fedorkin N.S. Political sociology and political management in the subject field of political science 209

Averin Y.P., Sushko V.A. Values and electoral behavior of Russian citizens at presidential elections (2012, 2018): constancy and variability 227

Samsonova T.N., Naumova E.S. The role of mass media in political socialization of modern Russian youth 247

Kanevskiy P.S. Transformations of corporatism in neoliberal era 265

Sociology of public administration

Vasiliev V.P. Sociology of public administration 279

Economic sociology and management

Barkov S.A., Markeeva A.V. Downshifting as postmodernism in action 288

Sociology of family and demography

Novoselova E.N. Fight against smoking as a factor of healthy lifestyle 309

Index of articles and materials published in the journal "Bulletin of Moscow University. Ser. 18. Sociology and Political Science" in 2019 325

К 30-летию СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-7-21

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ МГУ — ЛИДЕР УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук, проф. кафедры современной социологии, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

SOCIOLOGICAL FACULTY OF MSU — LEADER OF UNIVERSITY-SOCIOLOGY

Osipova Nadezda G., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ngo@socio.msu.ru

6 июня 2019 г. социологический факультет Московского государственного университета отпраздновал свой 30-летний юбилей. С момента основания социологический факультет выпустил 7309 специалистов, бакалавров и магистров, которые пополнили дружное профессиональное социологическое сообщество.

В настоящее время социологическим факультетом осуществлен переход на трехступенчатое образование по следующим стандартам:

– образовательная программа бакалавриата по направлению 39.03.01 “Социология”;

– образовательная программа магистратуры по направлению 39.04.01 “Социология”;

– программа аспирантуры по направлению подготовки “социологические науки”.

В 2019 г. была разработана и внедрена образовательная программа бакалавриата по направлению 39.04.01 “Публичная политика и социальные науки” с профилем “экспертная деятельность в управлении социально-экономическими проектами”.

* **Осипова Надежда Геннадьевна,** e-mail: ngo@socio.msu.ru

На факультете открыто восемь магистерских программ:

– “Современная социология” (руководители проф. Н.Г. Осипова и проф. Н.Л. Полякова);

– “Социология личности” (руководители проф. Н.Г. Осипова и проф. Л.В. Темнова);

– “Социальные технологии современного управления” (руководитель проф. С.А. Барков);

– “Социология политического менеджмента” (руководитель проф. Н.С. Федоркин);

– “Коммуникативное пространство современного мегаполиса” (руководитель проф. А.К. Мамедов);

– “Современные технологии социологических исследований” (руководитель проф. Ю.П. Аверин);

– “Государственное управление социальными процессами” (руководитель доц. В.П. Васильев);

– “Социология населения и прогнозирования демографической динамики” (руководитель проф. А.И. Антонов).

С момента своего создания социологический факультет прошел большой путь, отмеченный серьезными педагогическими и научными достижениями. В то же время, этот путь неразрывно связан с историей воссоздания социологии в России после периода фактического запрета (1938 — начало 1950-х гг.), с борьбой советских социологов за легитимизацию в нашей стране социологии в качестве полноправной научной дисциплины. На наш взгляд, необходимо обозначить основные вехи этой истории, которая во многом предопределила вектор развития социологического образования в нашей стране.

Как отмечают специалисты, в СССР к началу 1950-х гг. все, казалось бы, встало на свои места и замерло в неподвижности. Политические дискуссии и борьба за власть в партийно-идеологической иерархии завершились созданием системы коммунистических научных и учебных учреждений. Институты Академии наук СССР, университеты, творческие союзы, редакции и издательства всецело подчинялись органам партийно-государственного управления. “Концептуальный лексикон, схемы аргументации и риторика общественной науки, казалось бы, приобрели завершенную форму. Общественная мысль как будто застыла в монолите словесных формул. Наименования книг и брошюр были поразительно однообразны. <…> Однако как раз в то время, когда все казалось мертвым и застывшим, происходила незримая революция в идеологии и общественной жизни”[1]. Тогда же и сложились определенные условия, благоприятные для возрождения отечественной социологии.

Фактическое возрождение социологии в СССР началось с конференции Международного института социологии по проблемам мирного

[1] Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Бытыгин; ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб., 1999. С. 127.

сосуществования, которая проходила в Москве в 1956 г. Именно тогда собравшиеся ученые заставили руководство Академии наук СССР задуматься о том, что существует общественная наука, отличная от философии и научного коммунизма. Затем последовало приглашение советских ученых на III Всемирный социологический конгресс в Амстердам; в августе 1956 г. состоялась сама поездка.

Эти события стали переломными моментами в судьбе советской социологии. Партийные лидеры были заинтересованы в выездах за рубеж, в расширении международных связей и контактов, а участвовать в конгрессах можно было только в составе национальной профессиональной организации. Так встал вопрос о создании Советской социологической ассоциации (ССА).

Советская социологическая ассоциация была утверждена под председательством члена-корреспондента АН СССР Ю.П. Францева. «Первоначально круг ее членов был немногочисленный: Институт философии АН СССР, журнал "Вопросы философии", Академия общественных наук при ЦК КПСС, несколько вузовских кафедр исторического материализма. Но логика развития приводила к постоянному расширению этого круга, поскольку социология стала "модной" и не было формальных оснований для того, чтобы не открывать все новые региональные отделения и филиалы ССА»[2]. Данная ассоциация явилась как бы водоворотом, который начал притягивать людей, желавших знать правду о советском обществе и реально изучать его. Это была уже очень серьезная организация, требующая больших затрат времени и сил[3].

Вопрос о самостоятельности социологической науки в СССР был поставлен в журнале "Социальные исследования" выдающимся отечественным социологом, Г.В. Осиповым[4] в начале 60-х гг. XX в. Вскоре в рамках существующих научных учреждений постепенно стали складываться социологические центры. Так, в 1960 г. рабочая группа, созданная за год до того в рамках сектора исторического материализма Института философии АН СССР для подготовки книги "Новые формы труда и быта" (на материалах исследований в Горьковской области), была преобразована в Сектор исследований новых форм труда и быта, заведовать которым стал Г.В. Осипов. Этот сектор стал первым законным научным подразделением в СССР, занимавшимся социологическими проблемами.

---

[2] *Колбановский В.В.* К истории постсталинской социологии: от ренессанса до реформации // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 23.

[3] *Осипов Г.В.* Мы жили наукой // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 95.

[4] *Осипов Г.В.* Социология и социальные исследования // Социальные исследования. М., 1965. С. 30–38.

В 1966 г. постановлением Президиума АН СССР "О мерах по улучшению организации и координации конкретных социальных исследований" от 25 февраля был организован Научный совет по проблемам конкретных социологических исследований, а Сектор исследований новых форм труда и быта Института философии АН СССР был преобразован в Отдел конкретных социологических исследований.

В период хрущевской оттепели в СССР стали складываться региональные социологические школы — в Ленинграде (руководители В.А. Ядов, А.Г. Здравомыслов), Свердловске (руководитель Л.Н. Коган), несколько позднее в Новосибирске (руководители Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина, Ф.М. Бородкин), а затем — в Киеве, Таллинне, Вильнюсе, Перми, Уфе и других городах. Социальные и социологические исследования велись многочисленными социологическими лабораториями на предприятиях и в производственных объединениях, созданными на общественных началах институтами и советами по социологическим исследованиям при партийных, комсомольских и других общественных организациях.

В то же время, кульминацией периода возрождения советской социологии следует считать 1968 г., когда был создан Институт конкретных социальных исследований АН СССР (ИКСИ РАН). Его директором стал вице-президент Академии наук СССР, академик А.М. Румянцев, а заместителем директора — Г.В. Осипов. Первый период создания Института конкретных социальных исследований был периодом расцвета социологической науки. Разрабатывались и активно использовались математические методы в социологии, проводились серьезные репрезентативные исследования многих социальных проблем развития советского общества, осуществлялись крупные научные проекты по теории и истории социологии, проблемам социальной организации общества, изучению общественного мнения[5].

Все, что было создано в этот период, бесспорно, вошло в сокровищницу не только российской, но и мировой науки. Советские социологи пользовались большим авторитетом за рубежом, а их научные доклады на международных конференциях и совещаниях нередко вызывали восхищение мировой общественности. В Институте работали талантливые ученые — воссоздатели отечественной социологии: В.А. Ядов, А.Г. Харчев, А.Г. Здравомыслов, Б.А. Грушин, Ю.А. Левада, И.С. Кон, Н.И. Лапин, Г.М. Андреева, Ю.Н. Давыдов, А.И. Антонов и многие другие.

Важно отметить, что научная деятельность этого учреждения концентрировалась не только на решении прикладных проблем. Несмотря на известные ограничения на развитие социологической теории ученые института внесли огромный вклад в изучение истории зарубежной социологии, что в тот период было возможно лишь за счет критики

---

[5] Смотри об этом: *Осипов Г.В.* Теория и практика социологических исследований в СССР. М., 1985.

“буржуазного знания”. Как вспоминает известный специалист в данном направлении, профессор И.С. Кон, “критика заменяла советской интеллигенции недоступные первоисточники, с нее начинали свою научную деятельность многие наиболее образованные и талантливые философы и социологи”[6]. В их числе Галина Андреева, Пиама Гайденко, Олег Дробницкий, Юрий Замошкин, Нелли Мотрошилова, Елена Осипова, Эрих Соловьев и другие.

Важно отметить, что годы становления отечественной социологии были полны вдохновения и романтики. “Люди фактически жили этой наукой. Любая новая книга, появлявшаяся в Советском Союзе или за рубежом, становилась предметом обсуждения. К социологии приобщались молодые талантливые люди, их было немало. Объединяла действительно любовь к знанию”[7]. Деятельность этих советских социологов не ограничивалась дисциплинарными рамками. Это было “движение интеллектуалов, которые находили смысл своей деятельности в искусстве, науке, философии, реинтерпретируя общество, они реформировали не только содержание социальной доктрины марксизма, но, прежде всего, стиль и язык науки, создавали новые социальные символы и стандарты”[8].

Советская социология возродилась на волне хрущевских реформ и имела своей официально провозглашенной функцией их информационное обеспечение. Однако мнения ученых мало значили при определении механизмов функционирования различных государственных, общественных и хозяйственных структур, при принятии крупных решений общегосударственного уровня. Тем не менее, не имея возможности заниматься полноценными теоретическими исследованиями вследствие искусственной ограниченности предмета социологии историческим материализмом, отечественные социологи продолжали проводить плодотворные эмпирические исследования по многим проблемам развития социалистического общества[9].

Следует отметить, что на первых этапах восстановления социологии в СССР вузовская социология обладала меньшей дисциплинарной самостоятельностью, чем академическая и “заводская”. Вместе с тем, практически все отечественные социологи преподавали социологию в высших учебных заведениях.

Так, еще в 1960 г. на философском факультете МГУ была создана социологическая лаборатория, которой в разные годы руководили

---

[6] *Кон И.С.* Эпоху не выбирают // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 116.

[7] *Осипов Г.В.* Мы жили наукой // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 107.

[8] *Батыгин Г.С.* Предисловие // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 13–14.

[9] *Осипов Г.В.* Теория и практика социологических исследований в СССР. М., 1979; Советская социология: В 2 т. М., 1982.

В.И. Разин, Р.И. Косолапов, А.И. Демидова, В.Я. Нечаев. Научные сотрудники лаборатории обучали сотни студентов и аспирантов методике и технике конкретных социологических исследований, ежегодно организовывали социологическую практику студентов, руководили курсовыми и дипломными работами, читали спецкурсы и проводили спецсеминары для студентов.

В 1967 г. на философском факультете МГУ профессор И.М. Слепенков помимо лаборатории создал социологическую группу по исследованию проблем сельской молодежи. Группа провела 16 социологических студенческих экспедиций (Московская, Калужская, Калининская, Тульская области, Краснодарский и Ставропольский края) и осуществила всесоюзные исследования сельской молодежи, на базе которых были опубликованы две монографии, несколько брошюр, десятки статей.

Важной вехой в становлении и развитии социологии в МГУ стало открытие в 1968 г. кафедры методики конкретных социальных исследований. Первой ее заведующей была видный социолог и социальный психолог, профессор Г.М. Андреева. Основным направлением деятельности кафедры являлась специализация студентов по социологии. Лекции на разных этапах ее развития читали профессора и доценты: Г.М. Андреева, В.И. Добреньков, В.Г. Гречихин, Л.А. Петровская, Д.Ф. Козлов, А.П. Куприян. Социологию преподавали не только философам, но и юристам, журналистам, для которых были разработаны специальные программы, учитывающие специфику факультетов. Сотрудники кафедры подготовили и издали одно из первых в стране учебных пособий по социологии, в котором было представлено современное для того времени состояние социологической науки.

Перспективы дальнейшего развития социологии выдвигали задачу создания на базе кафедры и социологической лаборатории отделения прикладной социологии, которое и было открыто в 1994 г. (организатор и заведующий отделением — профессор Б.В. Князев).

В 1980-е гг. в ряде регионов Советского Союза сложились научные школы, которые наряду с проведением социологических исследований осуществляли подготовку социологических кадров. Так, в 1986 г. было открыто отделение социологии на философском факультете Киевского университета. Развернулась специализация по социологии в Московском институте управления, Ленинградском финансово-экономическом институте, Уральском, Новосибирском, Харьковском университетах, университетах Риги, Таллинна, Иванова, Уфимском авиационном институте и в ряде других вузов страны.

В середине 80-х гг. XX в. начался новый этап развития отечественной социологии, когда XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза обратил внимание на исследование различных проблем развития и функционирования социальной сферы как пространства жизнедеятельности человека, поставил вопрос о социальной эффективности экономического развития советского государства.

Вопрос о дальнейшем конституировании социологии как самостоятельной науки и использовании социологических исследований в решении задач социально-экономического развития страны был поднят до общегосударственного уровня, а окончательная институционализация этой дисциплины произошла после выхода Постановления Коммунистической партии Советского союза "О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества" в 1988 г.

В частности, в данном Постановлении отмечалось, что "Центральный Комитет КПСС считает, что современное положение дел в социологии не отвечает потребностям общества. Социология еще не заняла должного места в творческом развитии марксистско-ленинского обществоведения, формировании научного мировоззрения трудящихся, осуществлении социальной политики КПСС"[10].

В данной связи в Постановлении были предусмотрены меры по реформированию академических институтов, улучшению социологического образования, подготовки, переподготовки и повышению квалификации кадров социологов. Намечалось открыть в текущей пятилетке социологические факультеты или отделения в крупнейших вузах страны, организовать социологическую специализацию и профилирование других специальностей высших учебных заведений[11].

Интересен тот факт, что на подготовку и реализацию данного Постановления повлияли различные факторы. Одним из них является тот, что к науке часто обращаются в тяжелые или судьбоносные для страны моменты. Так и Коммунистическая партия Советского Союза, когда оказалась на грани краха, "стала испытывать острую нужду в социологии. Только тогда ее лидеры обратились к социологам за помощью"[12]. Другим — тот, что супруга Генерального секретаря Коммунистической партии СССР Раиса Максимовна Горбачева в свое время защитила кандидатскую диссертацию по прикладной социологии и всегда активно интересовалась судьбой этой науки.

Последний этап развития советской социологии был отмечен рядом знаменательных событий, в том числе, связанных с формированием системы социологического образования.

Так, в 1988 г. Высшая аттестационная комиссия СССР включила социологию в номенклатуру специальностей научных работников, таким

---

[10] См. подробнее: О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества // Социологические исследования. 1988. № 5.

[11] См. подробнее: О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества // Социологические исследования. 1988. № 5.

[12] См. подробнее: *Осипова Н.Г.* Советские ученые в борьбе за конституирование социологической дисциплины // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2005. № 1.

образом, в перечне научных специальностей социология впервые была отделена от философии.

В августе 1988 г. был издан приказ Государственного комитета СССР по народному образованию "О формировании системы подготовки социологических кадров в стране". Согласно этому приказу, специальность "прикладная социология" преобразовывалась в специальность "социология", принимались предложения вузов об открытии социологических факультетов и отделений.

Наконец, 6 июня 1989 г. ректор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, академик А.А. Логунов подписал приказ № 500 "Об организации социологического факультета в Московском государственном университете". Так был основан первый в России социологический факультет.

Таким образом, институционализация социологического образования в МГУ имени М.В. Ломоносова, которая заняла почти 30 лет, включала в себя четыре этапа: социологическая лаборатория — социологическая кафедра — социологическое отделение — социологический факультет. Организатором и первым деканом факультета стал отечественный социолог, внесший существенный вклад в становление социологического образования — профессор В.И. Добреньков[13].

Организация в 1989 г. социологического факультета МГУ создала благоприятные условия для развития социологии, повышения качества фундаментальной подготовки специалистов-социологов высокого уровня. Первые шаги в становлении факультета были трудными: вначале студентов насчитывалось несколько десятков, а кафедр специализации было всего две; тем не менее, преодолевая материальные, организационные, научно-методические и административные трудности, социологический факультет МГУ за относительно короткий срок превратился в ведущий научно-образовательный центр подготовки социологических кадров и развития социологии в России.

Сегодня этот факультет выполняет четыре базовые функции: хранителя университетских традиций, научно-исследовательского центра, кузницы научно-педагогических кадров и генератора идей в области организации социологического образования.

В 2014 г. деканом социологического факультета выбрана доктор социологических наук, профессор Осипова Надежда Геннадьевна, известный отечественный социолог, проработавшая в системе социологической науки и образования свыше 39 лет.

История социологического факультета и его сегодняшнее состояние определяют конкурентные преимущества по сравнению с другими подразделениями социологической направленности в вузах России.

---

[13] Сегодня профессор В.И. Добреньков — заведующий кафедрой истории и теории социологии социологического факультета МГУ.

В их числе: 1) фундаментальность образования, основанная на университетских традициях и определяющая партнерские связи с университетами России и стран СНГ; 2) широкие возможности проведения масштабных социологических исследований, обусловленные тесным сотрудничеством факультета с ведущими научными учреждениями России социологического профиля (ИС РАН, ИСПИ РАН и др.); 3) накопленный опыт организации научно-образовательного процесса в магистратуре и аспирантуре.

Структуру социологического факультета образуют 10 кафедр, охватывающих важнейшие предметные области фундаментальной и прикладной социологии:

– кафедра современной социологии (профессор Осипова Надежда Геннадьевна);

– кафедра истории и теории социологии (профессор Добреньков Владимир Иванович);

– кафедра методологии социологических исследований (профессор Аверин Юрий Петрович);

– кафедра экономической социологии и менеджмента (профессор Барков Сергей Александрович);

– кафедра социологии государственного управления (профессор Васильев Владимир Петрович);

– кафедра социологии международных отношений (профессор Осипова Надежда Геннадьевна);

– кафедра социологии семьи и демографии (профессор Антонов Анатолий Иванович);

– кафедра политической социологии (профессор Федоркин Николай Семенович);

– кафедра социологии коммуникативных процессов профессор (Мамедов Агамали Куламович);

– кафедра социальных технологий (Гавриленко Ольга Владимировна).

Отличительной особенностью обучения на социологическом факультете является гармоничное сочетание фундаментального и прикладного знания, теоретического и эмпирического умений, что характерно для классического университетского образования. Образовательный процесс на факультете обеспечивают около 60 штатных преподавателей — докторов и кандидатов наук, подавляющее большинство которых имеют ученые звания доцента или профессора. Из их числа сформирована администрация социологического факультета.

За последние пять лет социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова добился значительных достижений как в области преподавания социологии, так и в проведении научных исследований и публикации их результатов.

Во-первых, социологический факультет в соответствии с реформой высшего образования перешел на трехуровневую подготовку (бакалавриат — 4 года, магистратура — 2 года и аспирантура — 3 года) высококвалифицированных специалистов по направлению "Социология". При этом программы всех учебных дисциплин были полностью обновлены, а количество дисциплин, предлагаемых учащимся по выбору, — серьезно увеличено.

Во-вторых, социологический факультет в 2019 г. приступил к реализации новой образовательной программы по направлению "Публичная политика и социальные науки", в рамках которой будет сочетаться усвоение обучающимися фундаментальных дисциплин и приобретение практических навыков за счет общения с ведущими политиками, специалистами в области государственного управления, международных отношений, HR и PR.

В-третьих, существенно возросло (с 13 до 28) число межфакультетских курсов, читаемых сотрудниками социологического факультета. При этом лидерами по численности записи в 2018/2019 уч.г. являются курсы "Менеджмент в эпоху постмодерна" профессора С.А. Баркова (запись свыше 300 человек), "Социология межличностной совместимости в брачных парах" профессора А.И. Антонова (свыше 193 человек), "Социология туризма" доцента С.В. Трофимова (157 человек), "Социология языка" доцента И.Н. Чудновской (113 человек), "Счастье в социологическом измерении" доцента Е.Н. Новоселовой (110 человек).

В-четвертых, было проведено учебно-методическое сопровождение аспирантуры как третьего уровня образования, что позволило успешно пройти аккредитацию аспирантуры факультета в 2015 г. Кроме того, были подготовлены и изданы методические рекомендации по формированию разделов основной образовательной программы аспирантуры по направлению подготовки 39.06.01 "Социологические науки". После перехода на третью ступень обучения, аспирантуру социологического факультета закончили 39 человек.

В-пятых, существенно повысилась востребованность преподавателей социологического факультета в МГУ. Так, в рамках межфакультетских соглашений преподаватели социологического факультета читают лекции в высшей школе современных социальных наук, в высшей школе телевидения, на историческом, философском, географическом факультетах и факультете психологии.

В-шестых, в рамках реализации программ дополнительного образования существенно модернизирована система подготовительных курсов по обществознанию, в результате на базовые (восьмимесячные) курсы набор вырос в три раза. Были также открыты ускоренные (трехмесячные) и интенсивные (десятидневные) курсы. В целом, если в 2015 г. на подготовительных курсах социологического факультета обучалось всего восемь человек, то в 2016–2018 гг. среднее число обучающихся было 90–110

человек. Кроме того, силами преподавателей факультета были проведены курсы повышения квалификации для сотрудников Центрального банка РФ (2015 г.), работников администрации Липецкой области (2016 г.) и экспертов АНО "Российская система качества" (2018 г.).

С целью полноценного учебно-методического обеспечения учебного процесса преподавателями социологического факультета за последние пять лет было издано 193 учебника и учебных пособия. При этом учебное пособие для вузов кафедры современной социологии "Общая социология. Основы современной социологической теории" под общей редакцией профессора Н.Г. Осиповой стало победителем в специальном конкурсе учебных пособий ФУМО ВО по УГСН "Социология и социальная работа". В 2019 г. увидел свет учебник профессора Н.Г. Осиповой "Современная социологическая теория" по учебной дисциплине "Общая социология".

С каждым годом социологический факультет становится все более привлекательным для иностранных учащихся из Китая, Южной Кореи, США, Эстонии и стран СНГ. Так, если в 2014 г. на факультете проходили обучение всего 43 иностранных студента, то в 2018 г. их число достигло 145. В целом иностранные учащиеся составляют 18% от общего числа студентов и магистров социологического факультета.

С 2015 г. на социологическом факультете стала проводиться ежегодная летняя практика для школьников 10 классов по обществознанию (руководитель — доцент Г.Б. Прончев). С этого года в практике приняло участие 175 человек из 6 московских спецшкол с социально-гуманитарным уклоном (2017, 2107, 1324, 1384, 1352, 1384). За пять лет по результатам практики для школьников было организовано пять конференций, а также около 60 заседаний Научного общества "Исторический и методологический анализ социальных процессов", который посетили более 3000 школьников (руководители — доцент С.О. Елишев и Г.Б. Прончев).

Известно, что для того, чтобы обучение было максимально эффективным необходима серьезная внутренняя мотивация самого обучающегося, реализация его творческого потенциала в рамках формирующегося или уже сформированного научного интереса. Здесь существенную роль играет связь преподавателя и студента, умение варьировать тематику курса и выбирать тот круг проблем, который бы в максимальной степени интересовал студентов (это не относится к темам, которые необходимо освоить в обязательном порядке). В данной связи на социологическом факультете реорганизована внеаудиторная работа со студентами на регулярной основе (руководитель — доцент В.А. Сушко). Так, на факультете проводятся литературные и гитарные вечера, фотоконкурсы, субботники и сборы макулатуры, спортивные праздники. Студенты социологического факультета принимали активное участие в факультетских и общеуниверситетских мероприятиях,

среди которых — Съезд Российского Союза ректоров, Международный форум "Университеты, общество и будущее человечества", "Сорокинские чтения", форум "Ломоносов", Фестиваль науки, студенческая конференция на английском языке и пр. в качестве волонтеров.

Сотрудниками социологического факультета налажена регулярная работа в студенческих общежитиях, оцененная ректоратом МГУ на "отлично". Каждый квартал общежитие посещают декан и руководство факультета, а проверки условий проживания студентов в общежитии проводятся ежемесячно.

В 2014–2019 гг. социологический факультет существенно активизировал свою научную жизнь, подняв ее на новый качественный уровень.

Во-первых, за последние пять лет сотрудниками факультета было опубликовано 1208 статей, из них — восемь статей в журналах из списка топ–25, 225 статей в журналах Scopus, Web of Science, RCI, Web of Science, 879 — в журналах из списка ВАК. Причем число статей, опубликованных в высокорейтинговых журналах, выросло с 15 в 2014 г. до 36 — в 2018 г.

Во-вторых, сотрудниками факультета было опубликовано 123 монографии, многие из которых стали бестселлерами. В их числе монография Н.Г. Осиповой "Западная социология в XX столетии: ключевые фигуры, направления и школы" (М., 2018), коллективная монография "Современная социология: ключевые направления и векторы развития" (под. общ. ред. Н.Г. Осиповой, М., 2018), монографии С.О. Елишева "Социальное манипулирование молодежью" (М., 2018), Н.Л. Поляковой в соавторстве с Ю.А. Кимелевым "Модерн и процесс индивидуализации: исторические судьбы индивида модерна" (М., 2017), а также монография А.И. Антоноваа, Е.Н. Новоселовой, А.Б. Синельникова, С.В. Ляликовой "Семейно-детный образ жизни: результаты социолого-демографического исследования" (М., 2018), А.К. Мамедова "Эпистемология социального познания" (М., 2018).

В-третьих, сотрудниками факультета в острой конкурентной борьбе выиграны гранты на прорывные научные исследования по изучению новых форм социального неравенства (руководитель — профессор Н.Г. Осипова), жизненных ценностей и семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар (руководитель — профессор А.И. Антонов), влияния качества жизни на формирование ценностей российских граждан (руководитель — профессор Ю.П. Аверин).

В-четвертых, на социологическом факультете стали регулярно (с периодичностью один раз в два года) проводиться масштабные социологические исследования, посвященные анализу актуальных проблем российской молодежи, в частности — студенчества. По результатам опроса студентов 35 высших учебных заведений г. Москвы были изданы коллективные монографии "Особенности процесса формирования ценностных ориентаций современной российской молодежи и осу-

ществления молодежной политики в Российской Федерации" (авторы Н.Г. Осипова, С.О. Елишев, Г.Б. Прончев, Д.Н. Монахов) и "Динамика представлений российской молодежи" (авторы Н.Г. Осипова, С.О. Елишев, Г.Б. Прончев).

За пять лет сотрудники факультета сделали в общей сложности 2247 докладов на конференциях общероссийского и международного уровней. Факультетом было организовано 39 конференций, в том числе выездных, совместно с Римским университетом, Падуанским университетом, Университетом Бордо, Гонгконгским университетом образования, Санкт-Петербургским государственным университетом, Дальневосточным государственным университетом, РГСУ.

Следует отметить, что статус международной конференции "Сорокинские чтения", ежегодно организуемой социологическим факультетом, постоянно повышался. Только за последние несколько лет в пленарных заседаниях "Сорокинских чтений" приняли участие директор Национального медицинского исследовательского центра сердечно-сосудистой хирургии им. А.Н. Бакулева Минздрава России, академик Лео Бокерия, верховный представитель ООН в России Владимир Кузнецов, директор ВЦИОМ Валерий Федоров, директор Центра Эмиля Дюркгейма, профессор Университета Бордо Эрик Масе, президент комитета по социальным классам и движениям Международной социологической ассоциации, профессор Римского университета Антимо Фарро, вице-президент Университета образования Гонконга Тай-Лок Луи, декан факультета социологии СПбГУ Николай Скворцов и многие другие ведущие российские и зарубежные ученые.

Социологический факультет постоянно расширял партнерские отношения с отечественными и зарубежными вузами, профессиональными организациями социологического и несоциологического профиля. Так, в последние годы были заключены договоры о сотрудничестве с университетами Рима, Падуи, Пизы, Лейпцига, Бордо, которые подразумевают как научное взаимодействие между профессорско-преподавательским составом, так и обмен студентами. Важный научно-образовательный проект ведется с Университетом Мангейма, в рамках которого осуществляется обмен преподавателями и студентами; магистранты и аспиранты социологического факультета получили возможность проходить обучение в Университете образования Гонконга.

Преподаватели социологического факультета также периодически выступали с лекциями в ведущих вузах Италии, Франции, Германии, Сербии, а также в филиалах МГУ в Баку и Душанбе. Студенты факультета также добились значительных успехов в научной и учебной деятельности при прохождении стажировок в зарубежных вузах — Университетах Осло, Стокгольма и Хельсинки, Оксфордском университете, Университете Тампере, Пекинском университете иностранных языков, Университете Неймегена.

На социологическом факультете большая работа проводится по оптимизации кадрового состава: постоянно укрепляется профессорско-преподавательский сосав, в том числе за счет интеграции научных сотрудников. Только за пять лет 10 преподавателей факультета получили ученые звания доцентов, два — ученые звания профессора. Молодые преподаватели факультета показывают хорошую положительную динамику восходящей социальной мобильности: два сотрудника стали заведующими кафедрами, два доцента — профессорами, три старших преподавателя — доцентами, ассистенты, младшие научные сотрудники и старшие лаборанты перешли в разряд преподавателей. Кроме того, за пять лет существенно выросла средняя заработная плата всех категорий кадрового состава социологического факультета.

На социологическом факультете проводится постоянное обновление инфраструктуры: отремонтированы аудитории, переоборудованы компьютерные классы, закупается оргтехника и мебель, обустраивается территория вокруг здания.

Выпускники факультета, среди которых много известных людей, успешно работают в исследовательских и аналитических центрах и институтах, аппаратах государственных учреждений и органах исполнительной власти, политических партиях и общественных объединениях, в российских и международных компаниях.

Заслуженная популярность выпускников социологического факультета у работодателей, прежде всего, связана с теми знаниями, навыками и умениями, которые они получили в стенах Московского государственного университета.

Во-первых, они владеют глубокими теоретическими знаниями в области не только социологии, но и целого ряда других дисциплин, а также способны обучать им других. Поэтому неудивительно, что ведущие преподаватели социологического факультета также являлись его студентами и аспирантами.

Во-вторых, студентов и выпускников социологического факультета МГУ, впрочем, как и всех студентов Московского университета, отличают склонность к поиску, критическому анализу, обобщению и систематизации информации, к грамотной постановке целей профессиональной деятельности, выбору оптимальных путей и методов их достижения.

В-третьих, они владеют навыками адаптации известных научных методов, разработки новых подходов и инновационных технологий для решения актуальных задач текущей профессиональной деятельности.

Студенты, выпускники социологического факультета МГУ, также наделены личными качествами, которые отличают профессию социолога.

Так, коллективом сотрудников факультета среди студентов социологического факультета было проведено исследование “Социальный портрет современного российского студента”. Его результаты показали,

что студенты-социологи — это люди с активной жизненной позицией, неравнодушные ко всему тому, что происходит вокруг, за пределами рамок их собственной жизни. А в связи с тем, что основным методом социологии является социологическое исследование, включающее не просто сбор данных, а глубокий анализ полученной информации, они обладают интуицией и аналитическим умом.

Новая генерация специалистов-социологов, которую активно готовит социологический факультет, ориентирована на управление процессами глобального инновационного развития, а также на реализацию исследований, опережающих темпы мировой науки и являющихся базой для создания новейших уникальных технологий, которые служат укреплению позиций России на мировой арене.

Большое внимание уделяется системному развитию человеческих ресурсов социологического факультета. Оно означает формирование условий для всестороннего интеллектуального взаимодействия и самореализации представителей студенческой и научно-педагогической корпорации.

Тем самым, социологический факультет МГУ остается лидером социологического образования в России, ориентируясь на самые высокие академические и научные стандарты, а его главной задачей является подготовка высококвалифицированных кадров нового поколения, новой российской элиты.

Мы смотрим только вперед!

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-22-36

КАФЕДРА ПОЛИТОЛОГИИ И СОЦИОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Н.С. Федоркин, докт. филос. наук, проф., зав. кафедрой политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Н.В. Карпова, канд. социол. наук, доц. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

Представленная статья посвящена историческому аспекту развития кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Рассмотрены произошедшие за тридцатилетнюю историю социологического факультета этапы организации и формирования кафедры, процессы становления учебно-методической деятельности, а также изложены приоритетные направления научно-исследовательской работы профессорско-преподавательского состава.

Ключевые слова: *кафедра политологии и социологии политических процессов, поведенческая революция, методологические проблемы исследования объектно-предметной области политической науки, методы политической науки, политическая социология, гражданское общество, политический процесс, организация учебного процесса, организация научно-исследовательской работы студентов, магистрантов, аспирантов, профессорско-преподавательского состава.*

DEPARTMENT OF POLITICAL SCIENCE AND SOCIOLOGY OF POLITICAL PROCESSES

Fedorkin Nikolay S., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Political Science and Sociology of Political Processes, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: seneca-j@yandex.ru

Karpova Natalia V., PhD, Associate Professor at the Department of Political Science and Sociology of Political Processes, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: karpova-nat@yandex.ru

* **Федоркин Николай Семенович**, e-mail: seneca-j@yandex.ru

** **Карпова Наталья Владимировна**, e-mail: karpova-nat@yandex.ru

This article is devoted to the history of the Department of Political Science and Sociology of Political Processes of the Faculty of Sociology at Lomonosov Moscow State University. The stages of the organization and formation of the Department, the processes of teaching formation and methodological activities, which have occurred over the thirty-year history of the Faculty of Sociology, are considered, and the priority areas of the professors research works are outlined.

Key words: *Department of Political Science and Sociology of Political Processes, behavioural revolution, methodological problems of subject and object research areas of political science, political science methods, political sociology, the civil society, the political process, the organization of the educational process, the organization of the research activity of students, undergraduates, graduate students and professors.*

К истории формирования и становления кафедры

Любой юбилей — это всегда взгляд в прошлое, к истокам, чтобы понять и оценить настоящее и наметить горизонты движения вперед. Как структурный элемент социологического факультета кафедра политологии и социологии политических процессов полностью вписывается в 30-летие истории факультета. Вместе с кафедрой социологии международных отношений она была создана в соответствии с решением Ученого совета МГУ по группе гуманитарных факультетов 19 февраля 1990 г. Приказом ректора МГУ в марте того же года было определено штатное расписание кафедры. Заведующим кафедрой был назначен профессор Н.С. Федоркин. В учебный процесс кафедра включилась с нового учебного 1990/91 года.

Первоначально в соответствии с учебным планом социологического факультета кафедра должна была обеспечивать учебный процесс по трем учебным дисциплинам — истории социально-политических учений, политологии, политической социологии, а также обеспечивать специализацию студентов по кафедре. По существу этим определялись основные направления учебно-научной и организационной работы кафедры на этапе ее формирования и становления. Просматривалась и специфика, которую коллектив кафедры должен был учитывать при подготовке этих курсов и их методическом обеспечении на социологическом факультете. Она состояла в том, что в соответствии с решением тогдашнего Госкомитета СССР по народному образованию курс политологии в высших учебных заведениях вводился в качестве общеобразовательной учебно-научной дисциплины. Но в учебном плане социологического факультета была введена также отраслевая дисциплина “Политическая социология”, являющаяся важнейшей составляющей предметной области современной политической науки. Это актуализировало одну из реальных тогда, и, как нам представляется, до настоящего времени не вполне решенную в политической науке методологическую проблему, общепризнанного определения ее объектно-предметной области.

Эта проблема стала объектом пристального изучения и обсуждения формирующегося коллектива новой кафедры и коллектива смежной по политологическому циклу на социологическом факультете кафедры социологии международных отношений. Проводились методологические семинары и круглые столы по проблемам предмета политической науки, места в ее структуре политической социологии, политической философии, социологии международных отношений, других дисциплин политологического цикла с приставкой "политическая". Шел процесс знакомства с организацией и работой департаментов политологии в зарубежных странах, активно обсуждались материалы международных конгрессов по политическим наукам. Осмысливались результаты так называемой "поведенческой революции" в политологии в середине прошлого века и всего пост-поведенческого периода в развитии политической науки.

Фактически процесс введения новых учебных дисциплин политологического цикла политологии, политической социологии, политической психологии, политической теории и других в систему тогда еще советского образования обязательно выводил заинтересованных лиц на решение методологических вопросов, определения предметной области каждой из этих дисциплин, их структуры, специфики научного взаимодействия со смежными социальными дисциплинами.

Надо сказать, это были не надуманные вопросы. Они имели длинную предысторию, связанную с процессом становления и утверждения политической науки в системе образования США и Европы. Здесь также пережили бум обсуждения этой "вечной" для политической науки проблемы и в период поведенческой революции в политологии (1945–1965 гг.), связанной, прежде всего, с такими именами, как Д. Истон, Г. Алмонд, Д.Б. Трумэн, Х. Эйлау, К. Дойч и др., и в эпоху кризиса этой доктрины (1965–1975 гг.). Отражение этого кризиса проявилось, например, в известных работах Д. Истона "Политическая наука в США: прошлое и настоящее" (1985 г.) и Д.М. Риччи "Трагедия политической науки" (1984 г.).

Однако и в пост-поведенческий период методологические проблемы исследования объектно-предметной области политической науки для специалистов различных областей знания с приставкой "политическое" оставались наиболее важными и, скажем так, неизбежными. Подходы к решению этого вопроса определяли структуру и концепции курсов, понятийный аппарат, методы научной дисциплины, ее познавательные возможности и соотношение с другими дисциплинами этого цикла.

В исходных положениях формирования структуры курсов по политологии и политической социологии на социологическом факультете кафедра ориентировалась на ряд выводов, к которым подводила дискуссия по результатам поведенческой революции. Два из них для

нас были принципиальными. Это, во-первых, признание того, что не существует некой политической науки или политологии, которая могла бы быть четко отделена, с одной стороны, от политической социологии, а с другой — от традиционной политической философии. Во-вторых, для нас были убедительными доводы Д. Истона, призывавшего научное сообщество отказаться от максималистских установок поведенческой концепции политологии, связанных с позитивистскими представлениями о науке, которые, как он подчеркивал, оказались необоснованными.

В начале 1990-х гг. кафедра политологии и социологии политических процессов установила контакты с департаментами политических наук канадских университетов Мак-Мастер, Гуэлф и др. На основе договоренностей с руководством департаментов политических наук этих университетов на социологическом факультете МГУ на базе кафедры политологии и социологии политических процессов была организована "летняя школа" (руководители — проф. Н.С. Федоркин, доц. А.А. Дегтярев) по обмену опытом организации учебного и научного процесса по дисциплинам политологического цикла. Одновременно это была своеобразная форма учебно-научного "туризма". Профессора и группы студентов (от 80 до 120 человек) нескольких университетов Канады в течение трех лет принимали участие в работе этой школы, знакомились с университетами Санкт-Петербурга и Киева, историей России, изучали основы русского языка.

Для изучения опыта организации и преподавания дисциплин политологического цикла в Канаду выезжали заведующий кафедрой проф. Н.С. Федоркин и доц. А.А. Дегтярев. В 1990-е гг. все преподаватели кафедры по разным каналам побывали в зарубежных университетах (США, Канады, Германии, Японии), изучая опыт работы департаментов политических наук. Особенно плодотворной явилось сотрудничество кафедры с классиком современной политической науки Дэвидом Истоном (1917–2014 гг.), контакты с которым поддерживались продолжительное время.

В качестве самостоятельной учебно-научной дисциплины политическая социология, как известно, утвердилась сравнительно недавно, в середине XX в., и, надо признать, до настоящего времени ее соотношение с политологией (политической наукой) остается дискуссионной проблемой. Для одних (М. Дюверже, Р. Шварценберг и др.) политическая социология и политология выступают фактически в качестве синонимов; для вторых (С. Верба, Г. Алмонд и др.) — наряду с другими дисциплинами с приставкой "политическая", политическая социология является составной частью политической науки. Третьи (Р. Мертон и др.) считают политическую социологию самостоятельной отраслевой социологической дисциплиной, которая в своих выводах опирается на данные других наук.

Есть еще одна точка зрения, которая, как нам представляется, отражает реалии политической жизни, если их рассматривать в системе координат функционирования политической системы. Ее придерживался С.М. Липсет. Он полагал, что и политология, и политическая социология изучают процессы взаимодействия (функционирования) государства и общества, а потому имеют общий объект исследования — сферу политической жизни социально-политической системы. Однако изучают они этот объект в разных контекстах: политология в большей мере исследует институциональную подсистему политической системы, способы прямого воздействия политических институтов "на социальные группы и граждан", тогда как политическая социология исследует эти взаимодействия со стороны общества, изучает механизмы влияния гражданского общества на политические институты. Поэтому политолог всегда выступает как социологически ориентированный исследователь, как и в свою очередь, политический социолог, как правило, обязательно политологически ориентирован.

Эти дисциплины лишь относительно самостоятельные, хотя и обладают своими собственными предметными *областями.* Причем и в объектно-предметных областях они имеют немало общего. Использование данными дисциплинами общих для них концептов, методов практик этих областей знания при изучении политического поведения граждан скорее демонстрирует, как полагал С. Липсет, основополагающее единство всех общественных наук, чем центробежные тенденции в развитии политической науки. Общим для них является объект исследования — политическая система (политическая жизнь) с ее базовыми категориями политики, власти, политического процесса, разворачивающегося в границах социально-политической системы. Особенным в политической социологии является то, что она изучает политические последствия социальных изменений, влияние политических институтов на социальные процессы и структуры. Политическая социология рассматривает политику через анализ социальной структуры и неформальных социальных институтов, общественного мнения и поведения. Поэтому ее объектами выступают события, процессы, субъекты социальной сферы личности и малые группы, общественные организации и движения, неформальные объединения, способы вовлечения граждан в политику, политическая культура и традиции.

Политическая социология, таким образом, предстает в качестве отраслевой социологической дисциплины, исследующей взаимодействие власти и влияния в официальных и неофициальных формах. Ее предметом является исследование социальных механизмов власти и влияния в обществе на различных этапах его развития и в разных фазах его функционирования. Этот взгляд на объектно-предметную область политической социологии и соотношение ее с другими субдис-

циплинами политической науки определил наше понимание ее места в структуре учебного плана социологического факультета.

Перед коллективом новой кафедры стояла сложная задача подготовить совершенно новые для социологического факультета учебные курсы, их методическое обеспечение, определить направления научных интересов членов кафедры с учетом специфики социологического факультета и предполагаемой специализации. Эта основная задача кафедры, одобренная Советом социологического факультета, в первые годы ее существования рассматривалась коллективом кафедры в качестве стратегического направления своей деятельности.

На этапе становления кафедры значительную работу в определении содержания новых курсов, формировании методических материалов, установлении рабочих контактов с институтами власти, с зарубежными образовательными центрами наряду с заведующим кафедрой проводили ведущие доценты вновь созданного структурного подразделения факультета А.А. Дегтярев и В.Н. Амелин. Они внесли значительный личный вклад в решение этих вопросов.

Организация учебно-методической работы кафедры

На начальном этапе на кафедре были разработаны авторские академические учебные курсы по истории социально-политических учений (профессор Н.С. Федоркин, профессор Т.Н. Самсонова), по политологии (профессор Н.С. Федоркин, доцент А.А. Дегтярев, профессор Т.Н. Самсонова), политической социологии (доцент В.Н. Амелин, профессор Н.С. Федоркин, доцент А.А. Дегтярев). В то же время по кафедре специализировалось до 20 студентов факультета. Для ее обеспечения преподавателями кафедры были разработаны специальные курсы и семинары:

– “Русский либерализм XIX–XX вв.: политическая философия, программы, практика” (профессор Н.С. Федоркин);

– “Социология выборов в органы власти” (профессор Н.С. Федоркин);

– “Социология властных и управленческих структур” (доцент В.Н. Амелин);

– “Ситуационный политический анализ” (доцент А.А. Дегтярев);

– “Основные парадигмы американской политической науки” (профессор Т.Н. Самсонова);

– “Политическая социализация” (профессор Т.Н. Самсонова);

– “Социология политического лидерства” (профессор Т.Н. Самсонова) и др.

Специализация по кафедре обеспечивалась наличием не менее 10 спецкурсов и спецсеминаров. В ее обеспечении участвовали и приглашенные преподаватели других вузов: Е.Б. Шестопал, Л.В. Байбакова, А.И. Ковлер, В.А. Леванский, В.В. Смирнов, Г.А. Сатаров и др. Это позволило специализирующимся по кафедре студентам знакомиться

с современными теориями демократии, математическими методами исследования парламентской деятельности, проблематикой сравнительных исследований в политической науке, системным анализом и моделированием политических процессов, политической психологией, другими направлениями современной политической науки.

Одной из задач организации учебного процесса является его методическое обеспечение. В 1992 г. на базе специального курса доцентом кафедры В.Н. Амелиным было подготовлено и издано первое в России учебное пособие по политической социологии. В 1998 г. было издано учебное пособие по основам политической теории (политологии), подготовленное доцентом кафедры А.А. Дегтяревым. По академическим курсам кафедры разработаны и изданы программы и планы семинарских занятий, которые постоянно корректировались и обновлялись. В частности, программы по академическим кафедральным курсам в обязательном порядке обновляются через каждые четыре-пять лет. По всем специальным курсам и семинарам также были подготовлены и изданы учебные программы.

Ежегодно на кафедре уточнялась тематика курсовых и дипломных проектов. В требованиях к тематике курсовых и дипломных работ отражена позиция кафедры относительно самой сути организации учебно-методического процесса: в тематике должно быть отражено современное состояние изучения политической социологии и в целом политической науки. Тематика курсовых и дипломных работ разрабатывалась в русле научного направления работы кафедры в целом, научной работы отдельных преподавателей, аспирантов и студентов. Она также была ориентирована на исследование актуальных проблем современного российского общества.

Первоначально штатный состав кафедры состоял исключительно из преподавателей, получивших в свое время философское образование. За неполное первое десятилетие существования кафедры ее штатный состав пополнился талантливыми выпускниками социологического факультета. Добрую память оставили о себе ст. преподаватели С.В. Конюшко, Н.В. Короткова, Л.Е. Филиппова. Успешно продолжают работать на кафедре выпускники факультета — ведущие доценты Н.В. Карпова, П.С. Каневский, старший преподаватель Т.А. Невская.

Организация научной работы на кафедре

На этапе формирования нового структурного подразделения социологического факультета в соответствии с его основными задачами на кафедре были определены две темы научных исследований: 1) история, теория и методология политической науки и 2) становление парламентаризма в Российской Федерации. В начале нового века тема научных исследований кафедры была уточнена, хотя в содержательном плане осталась прежней: “Политические отношения в российском обществе:

власть, демократия, личность". Эти темы, как нам представлялось тогда, отражали основные проблемы, которые нам предстояло решать в процессе организации учебной и научной работы как по политической социологии, так и в целом по дисциплинам политологического цикла. В рамках этих научно-теоретических направлений преподавателями кафедры уже в 1990-е гг. было подготовлено и издано более 50 различных работ, опубликованных в научных изданиях. Предметом этих первых публикаций стали методологические проблемы политической науки, проблемы становления парламентаризма в России, формирования многопартийности в России, социологии выборов, социологии политических элит, гражданского общества, социологии политической культуры, политического лидерства и др.

Многие из этих проблем преподаватели кафедры активно обсуждали на методологических семинарах, проводимых по актуальным проблемам политической социологии и политической науки в различных образовательных учреждениях Москвы и других городов страны.

В целях освоения классического наследия по проблематике кафедры проф. Т.Н. Самсонова перевела три монографии классиков американской политической науки — "Четыре американских партийных лидера" Ч.Э. Мерриама, "Психопатология и политика" Г.Д. Лассуэлла, "Власть, коррупция и честность" А.А. Рогоу и Г.Д. Лассуэлла, которые позже были изданы. Кроме того, были переведены и изданы с комментариями труды других американских и западноевропейских представителей политической науки — Д. Истона, Г. Моски, Ф. Гринстайна. Эти работы стали более доступными для преподавателей, студентов и аспирантов и широко используются в учебном процессе и в научной деятельности не только сотрудниками социологического факультета Московского университета.

В 1990-е гг. кафедра установила рабочие контакты с аппаратом Государственной думы, выступила экспертом по отдельным проблемам политического процесса в стране, по переподготовке государственных служащих. На базе кафедры была разработана и реализована программа переподготовки управленческого аппарата Московской области (руководители проекта — профессор Н.С. Федоркин, доцент В.Н. Амелин). По специальной 250-часовой учебной программе прошли переподготовку с получением сертификата более 100 государственных служащих аппарата Московской области. На базе кафедры было проведено более 40 социологических исследований различных аспектов политического процесса в разных регионах страны — от Москвы до Сибири. Руководителями этих проектов были профессор Н.С. Федоркин, доценты В.Н. Амелин и Н.В. Карпова. Активное участие в этих проектах принимали специализирующиеся по кафедре студенты и аспиранты. Преподаватели кафедры (профессор Н.С. Федоркин, доцент В.Н. Амелин, доцент А.А. Дегтярев, доцент Н.В. Карпова) принимали участие в организации и проведении

избирательных кампаний различных уровней, в организации и проведении социологических исследований по проблемам правовой и электоральной культуры российской молодежи.

Это удалось, прежде всего, благодаря установленным деловым контактам кафедры с политическими институтами Москвы и Московской области, с Центральной избирательной комиссией РФ. За успешную организацию и проведение избирательной кампании мэра г. Москвы летом 1996 г. профессор Н.С. Федоркин, доценты В.Н. Амелин и А.А. Дегтярев были награждены ценными подарками и почетными грамотами мэра г. Москвы. Собранный материал и апробированный опыт организации и проведения избирательных кампаний различных уровней позволил преподавателям кафедры подготовить несколько интересных исследований и ряд статей по избирательному процессу, которые получили высокую оценку со стороны институтов, занимающихся организацией избирательного процесса и профессионального сообщества политических социологов и политических консультантов. Среди этих работ можно назвать коллективные монографии, подготовленные профессором Н.С. Федоркиным и доцентом В.Н. Амелиным: "Хочешь стать депутатом? Стань им!" (Москва, 1998), "Избирательная стратегия" (Москва, 2001). Исследования реального политического процесса в стране оказывают большую помощь преподавателям в организации учебной и научно-исследовательской работы аспирантов и студентов кафедры.

С конца 1990-х гг. на кафедре установилась практика регулярного (раз в несколько лет) проведения крупных научных конференций разного формата по наиболее значимым проблемам российского политического процесса. Первая такая крупная конференция на базе кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета была проведена в мае 1998 г. и была посвящена такой актуальной теме, как "Избирательный процесс: теория и практика". В конференции приняли участие представители Российской ассоциации политических наук, мэрии города, Управления Администрации Президента РФ, профессора Российской академии государственной службы при Президенте РФ, Института государства и права РАН, преподаватели Финансовой академии при Президенте РФ, представители Московского отделения Фонда развития парламентаризма в России, других академических учреждений, институтов и маркетинговых фирм, а также журналисты, философы, историки.

В рамках этой конференции работало несколько секций, был проведен итоговый круглый стол на тему "Западный опыт в российских избирательных кампаниях". Была организована выставка политического плаката с последующим ее заинтересованным обсуждением в ходе подведения итогов. Часть материалов конференции была издана отдельным сборником.

Вторая крупная тематическая конференция с последующим изданием сборника материалов была проведена в декабре 2004 г. и посвящена теме "Гражданское общество: проблема или реальность для современной России?"[1]. Конференция была организована на базе кафедры в рамках исследовательского комитета "Политическая социология" Российской социологической ассоциации (РоСА) в формате научного семинара. В дискуссии также принимали участие преподаватели ведущих вузов Москвы, журналисты, экономисты, функционеры политических партий, политические консультанты, аспиранты и студенты. Ход дискуссии показал, что проблемы формирования в стране гражданского общества (в теоретическом и прикладном аспектах) были и остаются важнейшими темами исследований для политических социологов, политологов, психологов.

Третья конференция такого уровня прошла в ноябре 2007 г. Ее темой стала "Политическая культура современной России: состояние, проблемы, пути трансформации". Конференция также была организована на базе кафедры в рамках исследовательского комитета "Политическая социология" Российской социологической ассоциации. По сути, она стала продолжением предшествующей ей конференции "Гражданское общество в России". В конференции 2007 г. приняли участие преподаватели ведущих вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Ярославля, Самары, Волгограда, Саратова, представители исследовательских центров, московского парламентского клуба "Российский парламентарий", аспиранты и студенты социологического факультета Московского университета. Главным предметом дискуссионного обсуждения стали вопросы электоральной и правовой культуры России, гражданского образования, политической культуры и ее соотношения с коррупцией в условиях России. Были рассмотрены вопросы формирования российской многопартийности с точки зрения трансформации политической культуры, политико-культурные аспекты международных отношений, вопросы "суверенной демократии" как поиска новой политической идентичности и др. Конференция получилась интересной и содержательной, ее материалы были представлены в сборнике[2].

Четвертая научная конференция на базе кафедры была проведена в апреле 2018 г. в формате круглого стола на тему "Лоббизм как неформальный политический институт: проблемы, национальные модели, механизмы и технологии". Целью этой конференции было обсуждение актуальных проблем исследования лоббизма как неформального политического института в историческом, политическом, экономическом,

---

[1] Гражданское общество: проблема или реальность для современной России? Материалы научного семинара / Под ред. Н.С. Федоркина, В.Н. Амелина. М., 2005.

[2] Политическая культура современной России: состояние, проблемы, пути и трансформации: Материалы круглого стола / Под ред. Н.С. Федоркина, Н.В. Карповой. М., 2009.

социальном, культурном и в международном измерениях. В конференции, помимо преподавателей социологического факультета, приняли участие ведущие специалисты по рассматриваемой проблематике, преподаватели ВШЭ, МГИМО, Финансового университета при Правительстве РФ, РАНХИГС, Санкт-Петербургского университета, юристы Московской коллегии адвокатов, представители программного фонда клуба "ВАЛДАЙ", консалтинговых структур, аспиранты и студенты социологического факультета.

В центре внимания дискуссии оказались проблемы, связанные с рассмотрением теоретических и методологических аспектов группового подхода в политике, исторические аспекты формирования лоббизма как неформального политического института, формы лоббизма и механизмы их реализации. Также обсуждались общие и методологические проблемы международного лоббизма, особенности развития лоббизма в развивающихся странах, вопросы истории, теории, методологии исследования лоббизма в нашей стране. Часть материалов конференции была опубликована в журнале "Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология"[3].

Как показывает наш опыт, проведение и формат подобных конференций значительно повышают интерес студентов, аспирантов, молодых преподавателей к исследованию научных проблем, обсуждаемых на этих мероприятиях, служат основанием для выбора тем для дипломных и диссертационных проектов. Конференции, посвященные различным граням современного политического процесса в стране, высвечивают остроту конкретных проблем, помогают молодым ученым ориентироваться в пространстве исследования политических реалий.

В организационном плане научная работа преподавателей кафедры подчинена определенным принципам. Каждый из преподавателей в общей кафедральной теме имеет несколько собственных исследовательских направлений. Эти направления он разрабатывает сам и на их базе работает со студентами кафедры, которые под его руководством по этим направлениям готовят курсовые и выпускные квалификационные работы. В этом же секторе научных интересов он обеспечивает научное руководство подготовкой диссертационных исследований магистрантов и аспирантов. Все это позволяет кафедре включать всех ее членов в научно-исследовательскую работу, совершенствовать учебно-методический процесс, обеспечивать молодым преподавателям реальную перспективу профессионального и статусного роста.

Уже давно на кафедре сложилась внутренняя научная специализация профессорско-преподавательского состава. Область научных

---

[3] См.: О проведении круглого стола "Лоббизм как неформальный политический институт: проблемы, национальные модели, механизмы и технологии" // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 4. С. 99–101.

интересов заведующего кафедрой профессора ***Н.С. Федоркина*** охватывает проблемы политической истории, отечественной истории социально-политической мысли, политической теории, политологии и политической социологии, политического менеджмента и смежных с ними дисциплин политологического цикла. Среди них особо выделяются основные направления: методологические проблемы исследования политической социологии, формирование гражданского общества в современной России и широкий спектр проблем, связанных с изучением электорального поведения граждан. Им подготовлено более 20 кандидатов политических и социологических наук.

Заведующий кафедрой обеспечивает учебный процесс по всем академическим курсам и курсам дисциплин по выбору для бакалавров, магистрантов и аспирантов. Он является руководителем магистерской программы "Социология политического менеджмента", осуществляет научное руководство подготовкой выпускных квалификационных работ бакалавров, магистрантов, диссертационных исследований аспирантов. Долгое время, вплоть до середины второго десятилетия нового века, Н.С. Федоркин, как уже ранее упоминалось, принимал активное участие в организации и проведении избирательных кампаний различных уровней в Москве, в Московской области, во многих городах субъектов Российской Федерации. С середины 1990-х гг. им было проведено около 30 избирательных кампаний различного уровня, из них почти половина приходится на Москву и Московскую область.

Область научных интересов профессора ***Т.Н. Самсоновой*** сосредоточена в предметном поле исследования политического лидерства, политической социализации, политической культуры, истории социально-политической мысли, методологических проблем исследования этих областей знания. По проблемам политического лидерства она провела большую работу по переводу на русский язык около 20 научных работ, в том числе монографии классиков американской политической науки Ч.Э. Мерриама, Г.Д. Лассуэлла, А.А. Рогоу. Под ее научным руководством защитили кандидатские диссертации несколько выпускников социологического факультета. Является заместителем заведующего кафедрой по учебной работе.

На кафедре Т.Н. Самсонова обеспечивает учебный процесс по всем академическим курсам и курсам дисциплин по выбору для бакалавров, магистрантов и аспирантов. Осуществляет научное руководство подготовкой выпускных квалификационных работ бакалавров, магистрантов, диссертационных исследований аспирантов. Проводит большую методическую работу по организации практики магистрантов, обучающихся по магистерской программе "Социология политического менеджмента".

Сфера научных интересов доцента ***Н.В. Карповой*** — социология политической культуры современной России, избирательный процесс, социология политических партий, социология политического менед-

жмента. Работает над докторской диссертацией по теме "Социология политической культуры современной России". Автор монографии "Социология политической культуры современной России" (2012 г.). Является победителем III и IX Всероссийского конкурса им. Н.И. Кареева в номинациях "Лучшая научная работа среди молодых ученых в области социологии" (2006 г.) и "Лучшая научно-теоретическая работа" (2012 г.). Является заместителем заведующего кафедрой по научной работе, членом организационных комитетов научных конференций, проводимых на факультете: "Ломоносовские чтения", "Сорокинские чтения", а также Международных научных конференций студентов, аспирантов и молодых ученых "Ломоносов".

На социологическом факультете Н.В. Карпова читает лекционные курсы для бакалавров по "Политологии" и "Политической социологии"; в магистерской программе "Социология политического менеджмента" обеспечивает чтение лекционных курсов по выбору "Социология политических партий" и "Социология политической культуры". Параллельно обеспечивает чтение курса по "Социологии" на психологическом и географическом факультетах МГУ имени М.В. Ломоносова. Осуществляет научное руководство по подготовке курсовых работ, выпускных квалификационных работ бакалавров и магистрантов.

Область научных интересов доцента ***П.С. Каневского*** сосредоточена на изучении малоисследованных проблем социологии лоббизма и групп интересов в политике, демократических политических систем и процессов демократизации. П.С. Каневский активно работает над завершением докторской диссертации по теме "Социально-политический институт лоббизма". По проблемам различных аспектов лоббизма за последние годы им было издано более 20 научных статей. Подготовлена и рекомендована к изданию монография "Институт лоббизма в XX веке: сравнительный анализ". По проблемам своей докторской диссертации П.С. Каневский выступал на многих российских и международных конференциях, принимал участие в круглых столах и научных семинарах. В частности, по вопросам, посвященным проблемам лоббизма, политической науки он принимал участие в научных конференциях Санкт-Петербургского университета, МГИМО, Российской Академии Наук, в университетах Рима, Бордо, Падуи, в Институте политических исследований в Париже, в Фонде Фридриха Эберта и в других статусных мировых научных центрах. Является заместителем декана социологического факультета по научной работе.

На кафедре П.С. Каневский обеспечивает учебный процесс по всем академическим курсам и курсам по выбору для бакалавров, магистрантов и аспирантов. В учебный процесс магистерской программы "Социология политического менеджмента" им введены новые учебные курсы по социологии лоббизма, процессу принятия политических решений, теории и практике лоббизма в современном мире (бакалавриат), в том

числе и на английском языке. На конкурсе Программы развития МГУ в 2018 г. его учебный курс "Социология лоббизма" победил в категории "Уникальные лекционные курсы". Обеспечивает научное руководство подготовкой выпускных квалификационных работ бакалавров и магистрантов.

Сфера научных интересов кандидата политических наук, ст. преподавателя кафедры ***Т.А. Невской*** ориентирована на исследование методологии и технологий формирования имиджа политиков, социологии политического менеджмента международных межправительственных организаций. Область ее научных интересов связана с темой ее кандидатской диссертации. Ею была издана монография "Формирование имиджа кандидата в выборные органы власти" (2011 г.), опубликован ряд научных статей. Имеет опыт эксперта-аналитика в Общероссийской общественной организации "Всероссийский Совет местного самоуправления", работала помощником депутата ГД ФС РФ.

На кафедре Т.А. Невская читает курс "Политология", проводит семинарские занятия по политической социологии, участвует в подготовке методических материалов по учебным курсам кафедры, осуществляет научное руководство подготовкой выпускных квалификационных работ бакалавров.

Составной частью организации научной работы на кафедре является подготовка специалистов высшей квалификации. На кафедре политологии и социологии политических процессов обучаются аспиранты. Тематика диссертационных работ отражает наиболее актуальные проблемы исследования политической социологии и, в более широком плане, проблемы современной политической науки. Состав аспирантуры формируется в основном из выпускников кафедры, проявивших себя в процессе обучения на факультете и защитивших выпускные квалификационные работы с отличием. В аспирантуре обучаются российские граждане и представители зарубежных стран. За время ее существования на кафедре подготовлено более 30 кандидатов политических и социологических наук, несколько докторов политических наук.

Все преподаватели кафедры принимают участие в организации научной работы студентов. Студенты старших курсов на базе своих курсовых, а позднее и дипломных проектов, имеют возможность готовить первые научные статьи, которые публикуются в материалах ежегодной научной студенческой конференции "Ломоносов". Студенты старших курсов могут принимать участие в исследовательских и прикладных проектах, которые осуществляют их научные руководители. Наиболее интересные работы студентов и аспирантов кафедры могут быть рекомендованы для публикаций в научных журналах по социологии и политологии, издаваемых социологическим факультетом.

С 2019/2020 учебного года на социологическом факультете открывается подготовка бакалавров по направлению 41.03.06 — "Публич-

ная политика и социальные науки" (ФГОС), Профиль: "Экспертная деятельность в управлении социально-экономическими проектами". Реализация этого направления станет дополнительным импульсом для развития кафедры политологии и социологии политических процессов. Для коллектива кафедры предстоит значительная работа по освоению новых учебных курсов, разработке учебных программ и их методическому оснащению, внесению корректив в организацию научно-исследовательской работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна; науч. ред. рус. изд. Е.Б. Шестопал. М., 1999.

Доган М. Политическая наука и другие социальные науки // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна; науч. ред. рус. изд. Е.Б. Шестопал. М., 1999.

Доган М. Социология среди социальных наук // Социологические исследования. 2010. № 10.

Истон Д. Политическая наука в Соединенных Штатах: прошлое и настоящее // Современная сравнительная политология. Хрестоматия. М., 1997.

Липсет С.М. Политическая социология // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972.

Липсет С.М. Политический человек: Социальные основания политики. Расширенное издание. М., 2016.

REFERENCES

Almond G. Politicheskaya nauka: istoriya discipliny [Political science: history of discipline] // Politicheskaya nauka: novye napravleniya / Pod red. R. Gudina i H.-D. Klingemanna; nauch. red. rus. izd. E.B. Shestopal. M., 1999 (in Russian).

Dogan M. Politicheskaya nauka i drugie social'nye nauki [Political science and other social sciences] // Politicheskaya nauka: novye napravleniya / Pod red. R. Gudina i H.-D. Klingemanna; nauch. red. rus. izd. E.B. Shestopal. M., 1999 (in Russian).

Dogan M. Sociologiya sredi social'nyh nauk [Sociology among the social sciences] // Sociologicheskie issledovaniya. 2010. N 10 (in Russian).

Easton D. Politicheskaya nauka v Soedinennyh Shtatah: proshloe i nastoyashchee [Political Science in the United States: Past and Present] // Sovremennaya sravnitel'naya politologiya. Hrestomatiya. M., 1997 (in Russian).

Lipset S.M. Politicheskaya sociologiya [Political sociology] // Amerikanskaya sociologiya. Perspektivy, problemy, metody. M., 1972 (in Russian).

Lipset S.M. Politicheskij chelovek: Social'nye osnovaniya politiki. Rasshirennoe izdanie. [Political man: The Social Bases of Politics. Expanded edition]. M., 2016 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-37-43

В СТРОЮ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ФАМИЛИЗМА (о вкладе кафедры социологии семьи и демографии в достижения социологического факультета МГУ)

А.И. Антонов, доктор философских наук, заслуженный профессор, зав. кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье рассмотрены основные этапы зарождения русской школы фамилизма, перечислены ключевые достижения представителей пронаталистской парадигмы и освещен их вклад в развитие исследовательской практики в области всестороннего изучения семейно-детного образа жизни.

Ключевые слова: *кафедра социологии семьи и демографии МГУ, русская школа фамилизма, исследования семейно-детных ориентаций и установок, тенденции малодетности, детоцентризм, семьецентризм.*

IN THE STRUCTURE OF SCIENTIFIC SCHOOL OF FAMILYISM (about the contribution of the Department of Sociology of Family and Demography to the achievements of the Sociological Faculty of Moscow State University)

Antonov Anatoliy I., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Family and Demography, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: antonov_ai_@mail.ru

The article describes the main stages of the Russian school of familyism birth, lists the key achievements of the pro-natalist paradigm representatives and highlights their contribution to the development of research practice in the field of a comprehensive family-child life study.

Key words: *Department of Sociology of Family and Demography of Moscow State University, the Russian school of familyism, research on family-children orientation and attitudes, trends in small families, children-centrism, family-centrism.*

Кафедра социологии семьи и демографии (КССИД) была создана в августе 1991 г. на основе филиала по социологии семьи при кафедре социологии труда философского факультета МГУ (с 1984 до 1991). В состав кафедры на разных этапах входили А.И. Антонов, В.А. Борисов (1933–2005), Г.В. Соколова, Т.В. Селезнёва, В.М. Медков (1945–2008),

* **Антонов Анатолий Иванович,** e-mail: antonov_ai_@mail.ru

А.Б. Синельников, после защиты на кафедре кандидатских диссертаций — О.В. Дорохина, И.В. Проневская (1964–2011), О.Л. Лебедь, Е.Н. Новосёлова, В.М. Карпова, Т.Н. Грудина, а также С.В. Ляликова, А.А. Соколов, А.И. Арутюнов, по совместительству работали профессор Л.Б. Филонов, профессор Э.А. Орлова, доцент Т. Сиверцева, доцент Н.В. Малярова, доцент Н.Н. Галкина, кандидат социологических наук М.А. Титова и др. Выпускники кафедры стали в дальнейшем кандидатами и докторами наук — профессор А.В. Носкова (МГИМО) и профессор Е.В. Дмитриева.

В 1990-е гг. были изданы первые в РФ учебники по демографии В.А. Борисовым (один учебник), В.М. Медковым (три учебника) и по социологии семьи А.И. Антоновым (два учебника), в соавторстве с учеными других вузов (три учебника), в первой декаде XXI в. опубликованы учебники А.И. Антонова и В.А. Борисова (один учебник), А.Б. Синельникова (один учебник) — всего 11 учебников и десятки учебно-методических пособий. В последние годы обновлен и переиздан ряд признанных в научном сообществе учебников: "Микросоциология семьи", "Социология семьи", издано учебное пособие "Социальная демография мегаполиса", обновлены и изданы ряд учебно-методических комплексов ("Демография", "Государственная политика в области семьи и демографии", "Социально-демографическая политика в России"). Регулярно обновляются учебные программы для бакалавров, магистров и аспирантов по основным и вариативным дисциплинам. Подготовлена магистерская программа "Социология населения и социальное прогнозирование демографической динамики", включающая в себя более двенадцати новых курсов. Программа базируется на междисциплинарном подходе к актуальным проблемам динамики населения и знакомит магистрантов с перспективным направлением интеграции науки с практикой нормативного прогнозирования и социально-демографического проектирования.

На кафедре подготовили и защитили дипломные работы специалистов, бакалавров и магистров свыше 150 человек, выпускные работы аспирантов — три человека, кандидатские диссертации — более 40 человек, в том числе два человека — аспиранты из Китая, один — соискатель из США, один — из Сирии, несколько человек — из стран ближнего зарубежья. При консультации с профессором А.И. Антоновым готовились докторские диссертации А.В. Носковой, О.И. Волжиной, С.В. Дармодехина, А.Б. Синельникова, Л.М. Панковой, Г. Цуладзе (Грузия), Ю. Гаспаряна (Армения), А.И. Кузьмина, И.В. Журавлевой, А.В. Жаворонкова, Ш. Кадырова (Туркмения — Норвегия). Стали профессорами аспиранты А.И. Антонова — в США Весли Фишер (Колумбийский университет), и Томас Ч. Филлипс (Бриджпортский университет), во Франции — А.А. Авдеев (университет Сорбонны), в Грузии А. Сулаберидзе — директор Института экономики.

В 1989 г. совместно с Институтом социологии на вновь созданном факультете социологии был впервые проведен советско-американский семинар по исследованию семьи. Итогом семинара стало издание коллективных монографий "Families Before and After Perestrojka" в США (1994) и в России "Семья на пороге третьего тысячелетия" (1995), в которых В.А. Борисов и А.Б. Синельников — соавторы, а А.И. Антонов также и соредактор наряду с американскими учеными. В 1989 г. кафедрой были проведены совместно с сектором И.В. Бестужева-Лады Института социологии международные семинары в Суздале и в Лондоне по социологии семьи и родительства.

Сотрудники кафедры постоянно осуществляют контакты с зарубежными специалистами. В начале 1990-х гг. удалось организовать в Москве семинары и встречи с выдающимся австралийским демографом Дж. Колдуэллом (1925–2015), с Президентом демографической ассоциации Канады А. Романюком (1999), а также с Элвином Тоффлером — председателем жюри конкурса московских студентов по футурологии, на котором студенты нашего факультета стали призерами этого дискуссионного соревнования. Следует особо выделить сотрудничество кафедры и продолжающиеся до сих пор контакты с американскими фамилистами, возглавляемыми видным ученым, директором Центра исследований американской семьи (Рокфорд, США) и редактором журналов "Семья в Америке" и "Естественная семья" Алланом Карлсоном. В 1995 г. А. Карлсон был приглашен в МГУ для чтения лекций и контактов с учеными нашего факультета, а также Института социологии РАН и НИИ семьи Минтруда РФ. В ходе обсуждения задач сотрудничества А.И. Антоновым и В.М. Медковым вместе с А. Карлсоном была выдвинута идея Всемирного конгресса семей — ВКС. Ее реализация оказалась весьма успешной — в марте 2019 г. состоялся уже 12-й конгресс ВКС в Италии. В качестве членов оргкомитета А.И. Антонову и В.М. Медкову удалось подготовить участие российской делегации (включавшей в себя сотрудников, аспирантов и студентов кафедры) на форумах ВКС в Праге (1997), Женеве (1999), Мехико (2003), Варшаве (2006), Амстердаме (2009). В сентябре 2014 г. должен был состояться VIII конгресс ВКС в Кремле, но из-за бойкота, объявленного России, он был отменен в связи с запрещением на выезд из США А. Карлсону и другим членам оргкомитета. Однако российскому оргкомитету ВКС, подвергшемуся санкциям, удалось провести в Москве Международный Форум "Многодетная семья и будущее человечества". Кстати, А. Карлсон осенью 2018 г. принял участие по видео-коммуникации в работе Всероссийской конференции "Социальная динамика населения и устойчивое развитие", организованной на факультете нашей кафедрой.

Кафедра ССиД сотрудничала с научными центрами ряда стран, в том числе с Миннесотским университетом (США) — по проблемам теории и методам анализа поведения личности в жизненных циклах

семьи и брака, с Йоркским университетом (Великобритания) — по проблемам социальной политики и работы с семьями разных типов и по самосохранительному поведению личности, с Брайхэм Янг университетом (Прово, США) и Католическим университетом г. Лувенля-Нёв (Бельгия), — по критическому анализу альтернативных браку отношений и по проблемам взаимосвязи религиозности с результатами семейно-демографического поведения и с Бриджпортским университетом (США), контакты с которым по проблемам стабильности семьи и брака оказались успешными еще и в том отношении, что удалось организовать участие в ряде международных конференций примерно 30–35 сотрудникам, аспирантам и студентам, специализирующимся по тематике кафедры (США, Китай, Южная Корея).

В начале 1990-х гг. из-за сверхнизкой рождаемости в нашей стране стало уменьшаться население, в связи с чем по инициативе ряда политиков и ученых (в том числе, А.И. Антонова) в Правительстве РФ был создан Комитет по делам семьи, вошедший позднее в качестве департамента в состав Минтруда РФ. На рубеже XX–XXI в. сотрудники кафедры активно участвовали в правительственных и парламентских совещаниях по проблемам противодействия депопуляции: при их участии был подготовлен проект содействия молодым семьям, подписанный восьмью министрами и Председателем правительства, который в части жилищного обеспечения использован при разработке "материнского капитала" в целях реализации Концепции демографической политики РФ. В 2018 г. при разработке пенсионной реформы были учтены рекомендации кафедры ССиД по сокращению возраста выхода на пенсию матерям с несколькими детьми на 3, 4 и 5 лет.

В первой половине 1990-х гг. при отсутствии финансирования полевых исследований семейно-демографических процессов усилия сотрудников кафедры были сосредоточены на подготовке первых в постсоветской России учебников по социологии семьи и демографии, а также на контент-анализе массового сознания. Были осуществлены анализы фольклора (про- и антисемейного) — многих тысяч анекдотов и частушек, циркулировавших в советское время. В итоге удалось выявить изменение в недрах народного мнения, снижение ценности семьи, брака и детства, оценок содержания и воспитания детей в семье и вне ее. Также проводился контент-анализ феноменов поэзии и прозы (до и постсоветской), современных произведений изобразительного искусства и кинематографии, телесериалов, мультфильмов, клипов, рекламных роликов и визуальной рекламы разного рода, в том числе граффити.

С середины 1990-х гг. по настоящее время кафедрой проведено свыше 20 выборочных межрегиональных исследований по грантам РГНФ, РФФИ, Фонда ООН по народонаселению, при поддержке Минтруда РФ, НИИ социальной педагогики РАО, Фонда Андрея Первозванного, НИИ киноискусства, Общественного совета ЦФО, Общественного

Центра содействия реформе уголовного правосудия и др. Результаты исследований кафедры использовались ее сотрудниками постоянно в общественной работе и деятельности в разного рода научно-практических комиссиях и экспертных группах при Правительстве РФ, Государственной Думе и Совете Федерации. В настоящее время А.И. Антонов является членом Президиума Экспертного совета (по проблемам демографии) Совета Федерации.

Научные достижения кафедры обусловлены решением проблем в рамках парадигмы фамилизма–натализма и на базе материалов социолого-демографических исследований. Измерения установок и мотивов репродуктивного поведения как эмпирических референтов потребности семьи и личности в детях раскрывают межпоколенное ослабление потребности в детях, когда заблокированные установки детности старших поколений становятся основой пониженного уровня потребности в детях младших поколений. Динамика установок с 1976 по 2018 гг. показывает их падение ниже 2,1 рождений на одну женщину и тем самым их реализацию, ведущую к преобладанию фактической однодетности и двудетности среди семей с детьми. Крах потребности в трех и более детях очевиден и по индикаторам желаемого и ожидаемого числа детей, и также по установкам на возраст материнства и интервалы между рождениями. Увеличение пособий на детей улучшает условия реализации низкой потребности, но не повышает саму потребность в детях в краткий период репродуктивного родительства. Негативный опыт содержания и воспитания одного-двух детей в социально-экономических условиях, безальтернативно принуждающих к малодетности, заставляет матерей ценностно ориентировать своих вырастающих детей на еще более низкие размеры семьи, чем у них самих. Изучение снижающихся установок детности и реализации их свидетельствует о том, что все рожденные дети (даже в случае контрацептивных осечек) являются “желанными”. Добровольная бездетность, оставаясь негативной для большинства, тем не менее продолжает оцениваться все одобрительнее. При этом детность будучи традиционно положительным феноменом теряет эту валентность и в семантическом пространстве массового сознания эти полярные крайности начинают сближаться (индекс этого сближения сократился почти вдвое за последние 40 лет). Сенсация тут в том еще, что сами оценки семейного населения (измеряемые по шкалам семантического дифференциала) становятся все менее бинарными, черно-белыми и это элиминирование контрастности общественного мнения свидетельство толерантности россиян. Эта новая особенность российского мышления, увы, будет все сильнее проявляться при оценках сожительств, разводов, до- вне- и сверх-брачных связей, инцеста и других альтернативных видов поведения.

Данные исследований показывают, что сложившиеся стереотипы взаимоотношений полов все сильнее отдаляют нас от естественной

семьи, когда сферы материнства и отцовства совпадают полностью без каких-либо остатков матерей-одиночек с ребенком и таких же отцов-молодцов. Радикальный переворот в жизненных ценностях, упраздняющий семейность и семьецентризм, предвещает в недалеком будущем апофеоз индивидоцентризма, когда растущие когорты "эго-голиков", лишенные даже намека на самотрансценденцию (на естественный альтруизм, образующийся при семейном деторождении), обрушат все свое равнодушие к интересам общества (и не только относительно воспроизводства населения) на государство, вскормившее тех, кто перекладывает личную ответственность за свободу своих действий на социум.

Для обсуждения научных достижений и налаживания контактов с зарубежными и региональными коллегами кафедрой ССиД постоянно проводится научно-организационная работа. В последние годы была организована Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием "Социальная динамика населения и устойчивое развитие" (2018), а также проведен межрегиональный вебинар на тему "Семейно-детный образ жизни в социологическом измерении", по результатам которых опубликованы сборники тезисов, а в начале 2019 г. проведен Всероссийских конкурс социальной рекламы "Семья RUлит". Основные идеи и итоги исследований сообщались на международных форумах 2010–2015 гг. "Диалог цивилизаций" (Родос, Греция), на международном салоне по семейному образованию ММСО (2018, 2019), CHEC (2018, 2019), а также на Международных междисциплинарных семинарах "Математическое, моделирование и информатика социальных процессов" (2015–2019 гг.).

Результаты научно-исследовательской деятельности были опубликованы в ведущих научных изданиях, в том числе в журналах из списков Scopus, RSCI Web of Science и ВАК: "Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и Политология", "Социология", "Социологический журнал", "Народонаселение", "Экономические стратегии", "Экология и промышленность России", "Бюллетень НЦССХ им. А.Н. Бакулева РАМН. Сердечно-сосудистые заболевания"; представлены на крупных международных и всероссийских конференциях: IX-е Валентеевские чтения, "Сорокинские чтения" (2015–2019 гг.), "Ломоносовские чтения" (2015–2019 гг.), "Ломоносов" (2015–2019 гг.), "Ковалевские чтения" (2015–2017 гг.), VIII и IX Уральском демографическом форуме (2017, 2018 гг.), на Всероссийском форуме "Святость материнства" (2015–2018 гг.), а также в выступлениях в СМИ: в газетах "Российская газета", "Литературная Газета", "Вечерняя Москва", "Известия", "Комсомольская правда", "Аргументы и Факты", "50+. Все плюсы пенсионного возраста" и др; по радио "Вести FM", "Радио России", "Спутник", "Радио Москвы", "Коммерсантъ ФМ", "Business FM" и др.; на телевидении: "Первый канал", "Россия-1", "Россия Культура", НТВ, СТС, "Общественное телевидение России", "Мир", "Москва-24", REN-TV, РБК, ТВЦ, СПАС и др.

В 2014–2018 гг. сотрудниками кафедры проведен ряд социолого-демографических исследований, среди которых “Мониторинг образа жизни супружеских пар с разным числом детей — 2016”, “Семейно-домашнее обучение как модель образования будущего?”(2017–2018), ”Исследование жизненных ценностей и семейно-детных ориентаций супружеских пар — 2018” и др. На 2019 г. было запланировано проведение межрегионального исследования в рамках гранта РФФИ “Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976–2020 гг.)” №18-011-01037.

По итогам анализа эмпирических данных опубликован цикл коллективных монографий “Семья, дети жизненные ценности и установки: итоги социологического опроса населения в регионах России” (2015), “Семьецентризм: миф или реальность?” (2016), “Семейно-детный образ жизни: результаты социолого-демографического исследования” (2018), которые отражают ценностные трансформации, происходившие в общественном мнении за последние 40 лет. Последняя монография стала лауреатом II Всероссийского конкурса на лучшую научную и учебную публикацию “Академус” от издательства ИНФРА-М. Результаты исследования, представленные молодым ученым С.В. Ляликовой в рамках V Международной научно-практической конференции “Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе”, заняли призовое место в номинации “Лучшая работа молодого исследователя” (2018); в 2011 и 2016 гг. сотрудники кафедры стали победителями Всероссийского конкурса имени Н.И. Кареева на лучшую работу в области социологии; а в 2015 г. сотрудник кафедры был удостоен второй премии конкурса молодых научных сотрудников МГУ.

За последние пять лет кафедра ежегодно улучшала свои показатели активности, а к концу 2018 г. по многим показателям был достигнут практически двухкратный рост: более чем в два раза увеличилось число выступлений на международных и всероссийских конференциях (27 — в 2015 г., 63 — в 2018 г.), вдвое возросло число выступлений в СМИ (с 23 до 40), публикационная активность поддерживается на высоком уровне, ежегодно коллектив кафедры выпускает монографию по результатам собственных эмпирических исследований, выступает организатором студенческих практик, а также обновляет и создает новые учебники и учебно-методические комплексы, — за пять лет опубликовано более 50 статей в высокорейтинговых журналах, а также журналах из перечня ВАК.

В значительной степени успехи кафедры обусловлены наличием молодежи, которая со студенческой скамьи приобщается к науке посредством вовлечения студентов в практику выборочных исследований и научных проектов кафедры. Хотелось бы надеяться, что эта традиция сохранится в полной мере и в дальнейшем.

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-44-51

ЕДИНСТВЕННАЯ НАСТОЯЩАЯ РОСКОШЬ — ЭТО РОСКОШЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ…

А.К. Мамедов, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

И.Н. Чудновская, канд. филол. наук, доц. кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234**

Э.Д. Коркия, канд. социол. наук, доц. кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234***

О.А. Обрывалина, канд. социол. наук, ст. преподаватель кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234****

THE ONLY THIS LUXURY IS THE LUXURY OF HUMAN COMMUNICATION...

Mamedov Agamali K., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of Department of Sociology of Communication Systems, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: soccomsys@mail.ru

Chudnovskaya Irina N., PhD in Philology, Associate Professor, Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: inchud@gmail.com

Korkiya Eka D., PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ekakorkiya@mail.ru

Obryvalina Olga A., PhD in Sociology, Senior Lecturer, Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: soccomsys@mail.ru

* **Мамедов Агамали Куламович,** e-mail: soccomsys@mail.ru
** **Чудновская Ирина Николаевна,** e-mail: inchud@gmail.com
*** **Коркия Эка Демуриевна,** e-mail: ekakorkiya@mail.ru
**** **Обрывалина Ольга Андреевна,** e-mail: soccomsys@mail.ru

Вхождение общества в новый этап развития, метаморфозы современного социогенеза не могли не отразиться на отраслевой структуре социологии. Если еще век назад "информация" истолковывалась словарями просто как "учение", то уже в конце XX в. стало очевидным, что информационно-коммуникационные технологии будут базовым фактором изменений, происходящих в обществе. В постиндустриальном обществе значение информации, благодаря ее тотальности и доступности, возрастает до роли главного экономического ресурса,что определяет вектор основных научных рефлексий.

Коммуникация и общение являются важнейшей стороной жизни человека и, следовательно, частью культуры, реализуя коммуникативную, информационную функции культуры, касаясь человекотворческой функции (как социализации и инкультурации), через которые человек становится частью своего народа и культуры. Приобщаясь к историческому прошлому через традиции, обычаи, особенности поведения, через ценностную (аксиологическую) функциональную составляющую культуры, познавательную функцию культуры индивидуум обретает статус человека-личности, творца, деятеля, созидателя культуры.

Связующая функция коммуникации, функция организации социального взаимодействия, социальная функция воздействия на общественное и индивидуальное сознание были предметом исследования ученых, изучающих общество, на протяжении всего XX столетия. Значимость коммуникации для личности и общества осознавалась в диверсифицированных аспектах, и коммуникация стала интердисциплинарным (фронтирным) объектом научного исследования. Отметим, что в 20-е гг. XX в. Дж. Дьюи утверждал, что великое сообщество может создать только коммуникация. Представители Чикагской социологической школы, стоявшие у истоков социологического образования, ввели коммуникацию в поле пристального изучения социологии. Неудивительно, что скоро в ряде престижных европейских университетов открылись кафедры указанного профиля, а сама дисциплина (социология коммуникации) прочно вошла в число обязательных социологических дисциплин. Появились специализированные журналы, коммуникация стала объектом социологических конгрессов.

Закономерно, что, когда в России (в МГУ имени М.В. Ломоносова) был учрежден первый социологический факультет, в его структуре была организована кафедра социологии коммуникативных систем, необходимость создания которой обусловлена целым спектром как социальных, так и научных факторов. Это событие было не просто данью моде или ответом на потребу дня, кафедра создавалась на годы, с фреймированием поля научного исследования, с определенной миссией и функционалом. Первый состав кафедры возглавила профессор, доктор филологических наук Р.С. Цаголова, которой удалось собрать коллектив единомышленников, с энтузиазмом и большим профессионализмом

занявшихся новым научным направлением: разработкой теории, подготовкой учебно-методических планов и программ, написанием учебных пособий. Созданные в это время пособия и методические материалы заложили основу для подготовки специалистов-социологов во многих вузах страны. Творческий интеллектуальный дух кафедры поддерживался и в дальнейшем, когда заведующими кафедрой являлись кандидат философских наук, доцент М.К. Башаратьян, доктор социологических наук, профессор Е.Я. Дугин, доктор философских наук, профессор В.Г. Гречихин, кандидат филологических наук, доцент И.Н. Чудновская. С 2009 г. кафедрой руководит доктор социологических наук, профессор А.К. Мамедов.

Значительным вкладом кафедры в социологическую науку стало обоснование и институционализация новой отраслевой социологической дисциплины "Социология коммуникации", сопряженные с выходом учебника профессора В.П. Конецкой "Социология коммуникации" (1997), в котором отражен долгий труд по осмыслению нового научного направления. В учебнике, вышедшем в 1997 г., комплексно отражены объект, предмет, основной категориально-понятийный аппарат, проблематика, методы исследования социологии коммуникации, что позволяет признать его первым в России базовым учебником по новой научной дисциплине, заложившим основы определенной научной школы. Получили системное концептуальное осмысление новые для того времени понятия "социальная коммуникация", "коммуникативная личность", "уровни социальной коммуникации", "дискурс", "связи с общественностью" и др., в историческом ключе представлена теоретико-методологическая база исследований коммуникации различными научными направлениями, комплексно рассмотрена социальная коммуникация как система подсистем. Можно сказать, вся дальнейшая литература по теории и практике социальной коммуникации испытала на себе влияние данного научного труда. В настоящее время кафедра продолжает исследования социально-коммуникативных концептов и реалий в новом контексте — медиатизации общества и расширения социально-коммуникативных институтов.

Весомую роль в становлении кафедры сыграли такие специалисты, как В.П. Коломиец ("Медиа и общество", "Медиапланирование"), приглашенные лекторы — Д.Б. Дондурей, М.И. Жабский ("Социология кино"), Б.Л. Еремин ("Реклама и PR"), а также Г.В. Кузнецов, А.П. Ситников, Т.М. Дридзе, Т.З. Адамьянц, Л.Н. Федотова.

Важной вехой в развитии кафедры было открытие магистерских программ "Теория и индустрия моды", "Коммуникативная социология", "Коммуникативное пространство современного мегаполиса". Примечательно, что магистерская программа "Теория и индустрия моды" с участием известного телеведущего и историка моды А.А. Васильева была нацелена на изучение моды в разнообразии ее проявлений, по-

гружение в профессиональную среду через практикумы, семинары и мастер-классы.

В научно-организационном первичном вкладе кафедры в развитие социологии коммуникации следует отметить деятельность по кооперированию научных центров, исследующих социальную коммуникацию. В 1999 г. была проведена Международная научная конференция "Коммуникативные стратегии на пороге XXI века", участие в которой приняли коллеги из более чем двадцати университетов России, Украины, Казахстана, Канады, представители институтов РАН, специалисты-практики. Конференция определила место кафедры в современной отечественной коммуникативистике, а также помогла выкристаллизовать общую картину основных установившихся исследований в области коммуникации.

Первая конференция заложила основу традиции проведения подобных междисциплинарных научных мероприятий кафедры, проходящих в различных форматах: конференция по коммуникации совместно с психологами, круглый стол по проблематике СМИ в сотрудничестве с журналистами, методологические семинары с культурологами, международный научно-практический семинар с филологами "ПР как модель социального взаимодействия (международный опыт и современный российский контекст)", совместная работа в научных семинарах Института социологии РАН, РАНХиГС при Президенте РФ. Помимо этого, кафедрой активно поддерживаются международные научные контакты как с ближним, так и дальним зарубежьем. Кафедра регулярно позиционирует себя в иностранных научных журналах, в том числе, в высокорейтинговых. Преподаватели неоднократно выступали с докладами на научных конференциях за рубежом (Австрия, Великобритания, Германия, Испания, Италия, Польша, Сербия и т.д.).

Современный научный и образовательный процесс невозможен без поиска новых форматов и кодов коммуникации. Кафедра социологии коммуникативных систем использовала перспективную модель онлайн-конференций для проведения международных научных симпозиумов. Еще в 2008 г. кафедра приняла участие в организации и работе Русского Круглого Стола онлайн (Москва — Веллингтон) наряду с Российским исследовательским комитетом ("Язык и общество") Международной социологической ассоциации и Новозеландским Исследовательским комитетом МСА.

В 2018 г. кафедра организовала научную онлайн-конференцию с международным участием "Коммуникативное пространство современного мегаполиса: диалог программ" (вебинар). Конференция была нацелена на организацию и поддержание научных контактов ученых, исследующих современное городское коммуникативное пространство, на обмен опытом в разработке соответствующих магистерских программ. К дискуссии были подключены коллеги из Франции, КНР, Республики

Беларусь и ряда российских городов. Палитра обсуждаемых научных проблем и доступность их обсуждения способствовали продолжению активной дискуссии в интернет-пространстве.

Кафедра социологии коммуникативных систем постоянно ищет новые форматы для проведения научного диалога с молодыми коллегами.Так, силами кафедры была организована и проведена I Московская зимняя социологическая школа на тему "Коммуникация: новые смыслы в эпоху цифровой революции". По отзывам слушателей, тематическая насыщенность, разнообразие творческих форм общения позволили им по-новому взглянуть на собственные диссертационные исследования и более глубоко осознать методологию социологического анализа коммуникации, понять закономерности и трансформации современной социальной коммуникации. В результате такой научной коммуникации было организовано виртуальное сообщество аспирантов — участников школы, впоследствии долгое время находившихся в контакте с кафедрой.

Идет поиск новых форм и для образовательной коммуникации со студентами социологического факультета. Студентам хорошо запомнился проект, когда кафедра выступила инициатором проведения учебных курсов в новой форме — "Звезды современной социологии". В рамках проекта известные и востребованные социологи приглашались не для ведения собственного спецкурса, а для совместного чтения одной учебной дисциплины, что принесло несомненную пользу и студентам, и лекторам, и самому социологическому знанию. Учитывая этот факт, профессор А.К. Мамедов был объявлен победителем гранта Президента РФ в области культуры и искусства "Культура как коммуникация: российский опыт и проект" (2013), а также конкурса индивидуальных грантов "Профессор МГУ он-лайн" Благотворительного фонда В. Потанина.

Также в рамках учебных дисциплин активно используются такие образовательные технологии, как проведение семинаров-конференций, семинаров-дискуссий, подготовка исследовательских проектов, решение кейсов, организация научно-практических тренингов. Интересным опытом является создание совместно со студентами короткометражных учебных фильмов (в частности, по курсу "Социология науки и образования").

Преподаватели кафедры активно участвуют в организации и проведении учебной практики бакалавров, помогая студентам познакомиться со своей будущей профессией и освоить необходимые навыки деловой и профессиональной коммуникации, эффективного поиска и анализа научной информации, создания и редактирования научных текстов, подготовки деловых презентаций, публичных выступлений. Для решения этих задач преподавателями были разработаны специальные мастер-классы и практикумы.

В течение долгих лет кафедра вела научный студенческий кружок "Социологическое исследование коммуникации", участники которо-

го — российские и иностранные студенты — имели возможность для бурных дискуссий по острым проблемам коммуникативистики (социальные условия языка вражды, имидж России в современных отечественных и зарубежных медиа и т.п.). Кафедра, верная своей традиции, по каждой дисциплине издает монографии, учебные пособия и иные материалы (сборники программ). Так, опубликованы "Социология науки", "Эпистемология научного знания", "Перформанс в современном культурном пространстве: постмодернистский контекст", "Культура как модернизационный проект современного развития России", "Культура коммуникаций в условиях информационной глобализации", "Индивид в информационно-коммуникативном пространстве: многоуровневая модель функционирования", а также пособия по научному творчеству Т. Парсонса и К.Г. Юнга. Данные публикации носят актуальный характер и посему весьма востребованы.

Для дополнительной информационной поддержки студентов также были созданы сайты преподавателей кафедры, на которых размещаются различные учебно-методические материалы, к которым студенты при необходимости могут обратиться в удобное для них время. Помимо этого, данные сайты становятся интеллектуальными площадками для научных дискуссий.

Особенность социологического факультета, его интегрированность в международное образовательное поле, диктует необходимость специальной целенаправленной работы с иностранными студентами. На кафедре сложилась хорошая практика привлечения магистрантов, аспирантов и стажеров из Казахстана, Китая, Турции и других стран. Для них проводились занятия на внешних научных площадках Москвы, экскурсии по Москве, специальные методологические семинары и творческие презентации "Мой Университет". Преподаватели кафедры привлекаются к работе и на других образовательных площадках, в частности в Бакинском филиале МГУ, Брянском государственном университете, Республиканском институте высшей школы Белоруссии, Северо-Восточном федеральном университете.

Межфакультетские курсы, читаемые преподавателями кафедры, привлекают большое количество студентов различных факультетов университета. Так, курс "Социология языка" вошел в число наиболее востребованных МФК, предлагаемых социологическим факультетом.

В процессе разработки приоритетных научных тем сотрудниками кафедры проанализированы основные этапы развития культуры современных городов. Указаны цивилизационные перспективы и новые социальные поля развития города под воздействием культурных индустрий в рамках инновационного развития. В процессе работы проанализировано влияние культурно-творческих индустрий на развитие современных городов за рубежом и в России, раскрыт культурный контекст урбаногенеза.

В кафедральных работах отражаются основные тренды информационного общества: возрастание роли науки, образования и культуры в постиндустриальном (информационном), а также модернизирующихся обществах. Представлены обоснованные прогнозы дальнейшего развития образования и науки в модернизирующемся обществе. Результаты исследований актуализированы в научных публикациях, доложены и обсуждены в ряде научных конференций и методологических семинаров. Широта теоретических исследований, открытость и наличие различных полей сотрудничества со студентами позволяют вовлечь последних в научный диалог.

Кафедра социологии коммуникативных систем в рамках Программы развития факультета разработала инновационную магистерскую программу "Коммуникативное пространство современного мегаполиса", нацеленную на подготовку высококвалифицированных специалистов в области системных социогуманитарных исследований городской коммуникации. Структура и содержание образовательной программы позволяют подготовить специалиста, гармонично сочетающего глубокие теоретические знания в области социологии культуры, социологии коммуникации, социологии города, методологии и методики социологических исследований и устойчивые навыки их практического применения в научно-исследовательской и практической сферах для анализа и проектирования социальных практик индивида, социальных групп и общностей в условиях мегаполиса как особой социально-пространственной организации обществ. Особое внимание уделяется формированию междисциплинарного гибкого подхода к решению проблемных задач, адаптации к новым нестандартным ситуациям. Учебные дисциплины, изучаемые в ходе освоения магистерской программы, раскрывают широкий спектр проблем функционирования и развития коммуникативного пространства современного мегаполиса. В их числе: мегаполис как транснациональный актор, поликультурное образование и информационно-коммуникативный центр; развитие крупных городских образований и их роль в региональной коммуникации; многообразие форм и уровней городской коммуникации; коммуникативные доминанты городского образа жизни; семиотика городского пространства; социодинамика и символизация городской культуры и городских субкультур; развитие реальных и виртуальных сетей коммуникации в мегаполисе; прогрессирующая гетерогенность городского населения и трансформации коммуникативных практик. Функционирование мегаполисов в современной социокультурной среде рассматривается как единство объектных и субъектных структур жизнедеятельности человека, социальных групп и общностей. Особый интерес у магистрантов вызывают занятия с привлечением творческих личностей: композиторов, художников и актеров, — что способствует формированию практико-профессиональных компетенций.

Успешное овладение магистерской программой позволяет выпускникам осуществлять профессиональную деятельность в органах государственной власти, местного самоуправления, в частных и государственных аналитических центрах, консалтинговых компаниях, девелоперских компаниях, образовательных организациях, учреждениях культуры, средствах массовой коммуникации.

В результате обучения выпускник получает знания и навыки, позволяющие ему на основе теоретического анализа и комплексной диагностики социокультурных процессов и коммуникативных практик в современном мегаполисе выявлять тенденции развития коммуникативного пространства современного мегаполиса, социальные эффекты трансформации территории, инфраструктуры и технологического базиса коммуникативного пространства современного мегаполиса, осуществлять стратегическое планирование развития городского коммуникативного пространства.

Кафедра ведет подготовку аспирантов в рамках специальности "Социология культуры". Для обучающихся в аспирантуре по специальности 39.06.01 Социологические науки: направленность (профиль) — Социология культуры был разработан комплекс новых дисциплин, раскрывающих актуальное состояние культурогенеза в обществе, динамики коммуникативных процессов, науки и образования и формирующих представление о современных теоретико-методологических подходах и методах исследования коммуникации и культуры. За время работы кафедры подготовлено более 30 кандидатов социологических наук, которые успешно работают в различных структурах.

Исходя из специфики кафедры (названия и специфики преподаваемых дисциплин), кафедра активно занимается всеми видами воспитательной работы, как-то: посещение и консультации в общежитии, посещение культурно-массовых мероприятий (театры, музеи, экскурсии, творческие встречи с художниками и композиторами).

Кафедра социологии коммуникативных систем гордится своим прошлым, уважает свой нынешний статус и уверенно смотрит в будущее с коллективом единомышленников социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-52-76

ИСТОРИЯ КАФЕДРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ И МЕНЕДЖМЕНТА — РЕОРГАНИЗАЦИЯ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

С.А. Барков, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

А.А. Осеев, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234**

Подразделения, составившие базис для образования современной кафедры экономической социологии и менеджмента, претерпели множество реорганизаций. Они сопровождались сменой руководителей, изменением кадрового состава, научных и образовательных приоритетов, и во многих случаях названий. Кафедра социологии труда и трудовых коллективов, кафедра социологии организаций, кафедра экономической социологии и социологии труда, кафедра экономической социологии и маркетинга, кафедра социологии организаций и менеджмента — все эти подразделения были предшественниками кафедры экономической социологии и менеджмента, существующей в структуре социологического факультета с 2017 г.

Авторы статьи детально анализируют объективные и субъективные причины преобразований, а также те последствия, к которым они приводили. Особое внимание уделено смене слов, терминов и понятий, использовавшихся в названиях структурных подразделений и курсов, которые за ними закреплялись. Изменения в языке специфическим образом отражали трансформации, происходившие в экономике и обществе. Слова появлялись и исчезали, обретали позитивный и негативный смысл, возбуждали различные эмоции у всех тех, кто связан с образовательным процессом.

Сделан вывод о том, что множественные изменения, часто осложнявшие работу преподавателей, одновременно повышали их сплоченность, способствовали овладению множеством дисциплин, что позволяет сегодня реализовывать инновационные проекты в научной и образовательной сферах.

***Ключевые слова**: кафедра экономической социологии и менеджмента, менеджмент, социология, социологический факультет МГУ, маркетинг, социология труда, коллектив, реорганизация, структурное подразделение, структурное преобразование.*

* **Барков Сергей Александрович,** e-mail: barkserg@live.ru

** **Осеев Александр Александрович,** e-mail: oseev.a@mail.ru

HISTORY OF THE DEPARTMENT OF ECONOMIC SOCIOLOGY AND MANAGEMENT — A LIFE-LONG REORGANIZATION

Barkov Sergey A., Doctor of Sociology, Professor, Head of Economic Sociology and Management Department, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: barkserg@live.ru

Oseev Alexander A., Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of Economic Sociology and Management Department, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: oseev.a@mail.ru

The units that formed the basis for the creation of the nowadays Department of Economic Sociology and Management have undergone many reorganizations. They were accompanied by a change of leaders, changes in personnel, changes of scientific and educational priorities, and in many cases of names. The Department of Sociology of Labor and Labor Collectives, the Department of Sociology of Organizations, the Department of Economic Sociology and Sociology of Labor, the Department of Economic Sociology and Marketing, the Department of Sociology of Organizations and Management — all these divisions were predecessors of the Department of Economic Sociology and Management, existing in the structure of the sociological faculty since 2017 year.

The authors of the article analyze in detail the objective and subjective reasons for the transformations, as well as the consequences to which they led. Particular attention is paid to the change of words, terms and concepts used in the names of the structural units and courses that were assigned to them. Changes in language in a specific way reflected the transformations that took place in the economy and society. Words appeared and disappeared, acquired a positive and negative meaning, excited various emotions in all those involved in the educational process.

The authors concluded that multiple changes, often complicating the work of professors, simultaneously increased their cohesion and contributed to the mastery in many disciplines. These features allow them today to implement innovative projects in the scientific and educational spheres.

Key words: *Department of Economic Sociology and Management, management, sociology, sociological department of the Moscow State University, marketing, sociology of labor, team, reorganization, structural unit, structural transformation.*

Кафедра экономической социологии и менеджмента имеет богатую и во многом необычную историю. Ее, по большому счету, можно свети к череде реорганизаций, сопровождавшихся сменой названий структурных подразделений, изменениями их кадрового состава и научных приоритетов. Примечательным, а, может быть, и парадоксальным является тот факт, что структурное подразделение, ответственное за экономико-управленческую проблематику само стало, можно сказать, "полигоном" для структурных преобразований. Реорганизации в той или иной форме отразили важнейшие изменения в экономике и управлении, имевшие место с начала 1990-х гг. Многие из этих реорганизаций были вызваны субъективными факторами, в частности, конфликтами в руководстве социологического факультета. Но для проведения струк-

турных изменений всегда требовалась некая “реальная” или “объективная” причина. Декларирование такой причины и способствовало тому, что реорганизации отражали определенные вехи в развитии хозяйственных процессов и общества в целом.

С постмодернистской точки зрения, социальные изменения — это, прежде всего, изменения слов. И то, что происходило с названиями структурных подразделений, создавших фундамент современной кафедры экономической социологии и менеджмента, весьма показательно. Также показательно и то, как менялись в истории кафедры названия основных курсов и какие понятия появлялись для обозначения определенных явлений и процессов в экономике и управлении.

Можно задаться закономерным вопросом о том, а нужны ли были вообще эти многочисленные реорганизации. Ответы на него могут быть разными. С одной стороны, радикальные социально-экономические реформы в стране не могли не сказаться на научных и образовательных интересах, а их изменение могло вполне закономерно приводить к структурным трансформациям. С другой стороны, в Московском университете существует опыт трансформации проблематики подразделений без видимых формальных изменений. Лучшим примером тому может служить кафедра управления производством, ответственная за проблематику менеджмента на экономическом факультете. Она сохранила свою структуру и свое название, несмотря на все отмеченные выше перемены в реальной жизни.

Так или иначе, современная кафедра экономической социологии и менеджмента стала продуктом множества реорганизаций, последняя из которых имела место в 2017 г. и представляла собой объединение кафедры социологии организаций и менеджмента с кафедрой экономической социологии и маркетинга. До этого времени данные структурные подразделения существовали раздельно, и, чтобы представить всю сложность и противоречивость организационно-управленческих процессов, приведших к появлению объединенной кафедры, рассмотрим исторические этапы становления двух кафедр по отдельности.

Кафедра экономической социологии и маркетинга

История развития кафедры берет свое официальное начало с 1989 г. — с самого образования социологического факультета. В момент своего создания данное структурное подразделение носило название “Кафедра социологии труда и трудовых коллективов”. Под руководством первого заведующего кафедрой профессора Н.И. Дряхлова, одного из основателей социологического факультета, кафедра объединила ведущих представителей научного сообщества с философского и экономического факультетов Московского университета, занимавшихся проблематикой социально-трудовых отношений, что позволило ей внести значительный вклад в институционализацию данной области

знаний в России. Сразу следует сказать, что к появлению социологического факультета в МГУ были причастны многие люди. Но среди них заслуженно выделяется декан-организатор В.И. Добреньков — человек талантливый и наделанный сильными организаторскими способностями, но при этом авторитарный по складу характера и не терпящий никаких возражений против своих мнений и начинаний. Эти качества самым непосредственным образом отражались на структурной политике факультета в годы его руководства.

Предыстория появления кафедры социологии труда и трудовых коллективов берет свое начало с появления в 1970-е гг. на философском факультете МГУ межкафедральной лаборатории социологических исследований, возглавляемой А.И. Демидовой, а затем кафедры конкретных социологических исследований, возглавляемой Б.В. Князевым. Сотрудники лаборатории и кафедры проводили социологические исследования на заводах и фабриках Москвы и Московской области, в городах и районных центрах СССР.

Название "Кафедра социологии труда и трудовых коллективов" появилось неслучайно, оно в полной мере отражало реалии общественного развития того времени. Труд был обязанностью всех советских людей, которых никоим образом не возможно было разделить на работников и работодателей. Трудились все — от дворника до генерального секретаря партии. Если человек не трудился, его привлекали к уголовной ответственности за тунеядство. Последнее понятие практически не имеет аналогов в других языках: его прямой перевод — parasitism — только отчасти характеризует то явление, с которым боролись в Советском Союзе. Тем самым труд составлял системообразующий процесс не только в хозяйственной сфере, но и во всей жизни людей. В процессе труда работники предприятий образовывали устойчивые коллективы. Сегодня вроде бы можно было бы употреблять данный термин и по отношению к персоналу компаний. Но сделать это можно только с очень большой натяжкой. Сущность рабочего пространства и ценности, регламентирующие поведение работников, самым существенным образом изменились. Можно ли называть коллективом персонал организации, в котором постоянно идут сокращения и новые наборы кадров? И можно ли называть коллективом работников, которые не только и не столько кооперируются, сколько конкурируют друг с другом? Именно поэтому слово "коллектив" сегодня ушло в прошлое и прочно ассоциируется с советским временем.

Что касается научно-прикладной деятельности тогдашней кафедры, то наиболее распространенной формой были исследования по хоздоговору. Работа по хоздоговору не терпела поверхностных выводов и недобросовестности. Предприятия просто не заключали новых договоров с творческими коллективами, не способными решать практические задачи. В то время практически все известные социологи занимались

хоздоговорными работами — В.И. Бестужев-Лада, И.М. Слепенков, Г.М. Андреева, Ж.Т. Тощенко, А.И. Кравченко, В.Н. Шаленко, А.И. Шкаратан, В.А. Ядов и многие другие.

Тематика проведения работ была самая обширная. Но стоит обратить внимание на две темы, которые в наибольшей мере отражали особенности и проблемы экономических отношений времен "позднего" или "развитого" социализма. Первая тема — мотивация труда[1] — была в особенности актуальна в условиях уравнительной оплаты труда. Невозможность решить данную проблему во многом обозначила неперспективность всей плановой экономки, идеалом для которой был хозяйственный рост при сохранении имущественного равенства населения. Вторая тема — текучесть кадров — была непосредственно связана с отсутствием безработицы. На решение этой проблемы, выливавшейся в немалые расходы на замещение вакантных мест, тратились огромные деньги, но опять-таки институциональный контекст социалистического общества делал ее в большинстве случаев непреодолимой.

Заказчики обращались к исследователям с самыми разными запросами. Некоторые из них выглядели комично и странно, хотя отражали всю сложность проблем, вставших перед руководителями в 1980–1990-е гг. Вспоминается один показательный случай: директор промышленного предприятия четко и настойчиво ставил задачу: "У меня в гальваническом цехе жуткие условия труда. Женщины болеют и умирают. Вы, социологи, должны срочно снизить текучесть кадров!"

Изучение реальных социальных проблем и практика проведения многочисленных прикладных исследований позволили сотрудникам кафедры приобрести громадный опыт исследовательской работы. Необходимость разработки по результатам проведенных социологических исследований конкретных рекомендаций требовала научного обоснования принимаемых решений, а оно, в свою очередь, — переосмысления и уточнения теории, методологической базы проводимых исследований. Именно поэтому почти все, кто занимались такого рода деятельностью, придерживались "диссидентских" или "ревизионистских" взглядов. Официально заявлялось, что методологической основой всей социологии в стране является исторический материализм. Особенно ретивые защитники чистоты идей прибавляли к нему наиболее идеологизированную и далекую от науки концепцию, именуемую "научным коммунизмом". Но эта методология ничего не давала для решения конкретных проблем предприятий. Марксизм-ленинизм оказался настолько же бесполезен для изобретения действенных социальных технологий, насколько была бесполезна Библия для изобретения паровой машины. Сотрудники кафедры подспудно создавали свою методологию, и в 1990-е гг. оказалось, что их наработки во многом вписываются в то,

---

[1] См., например: *Осеев А.А.* Соотношение мотива и стимула в трудовом процессе // Мотивация труда работников в условиях современного производства. М., 1989.

чем занимались консультанты развитых капиталистических стран для решения аналогичных производственных проблем.

Начавшиеся рыночные реформы не могли не отразиться на языке, и перед изменением названия кафедры произошло весьма значимое изменение названия ее базового курса. Курс стал называться "Социология труда и предпринимательства". В сочетании этих слов стало просматриваться очевидное разделение членов общества на тех, кто работает, и тех, кто владеет производством. Как уже говорилось, такого по определению не могло быть в Советском Союзе.

Интересным является и выбор термина "предпринимательство", который в то время стал широко использоваться для описания экономической активности в условиях рыночной экономики, любой деятельности, имеющей целью получение прибыли. Но в этом широком смысле термин, что называется, не прижился. Очень скоро под предпринимательством стали подразумевать исключительно малое предпринимательство. И здесь безошибочно сработало языковое "чутье" нашего народа. Выяснилось, что существуют весьма разные способы получения прибыли. И главные из них для России очень трудно охарактеризовать как предпринимательство. Занимается ли предпринимательством "Газпром", или РЖД, или "Роснефть", или даже "Сбербанк"? Деятельность наиболее значимых для национальной экономики корпораций вряд ли возможно назвать предпринимательством. Поэтому данный термин постепенно стал исчезать как из учебных планов, так и названий структурных подразделений вузов. К этому прибавилось еще и то обстоятельство, что в России видные специалисты по экономике решили, что учить предпринимательству нельзя, ведь оно непосредственно связано с интуицией и удачей. С этим по большей части согласилось научное и образовательное сообщество. И сегодня такое отношение к предпринимательству в образовательных структурах служит одной из отличительных особенностей нашей страны. В Восточной Европе, где структура экономики другая и большая часть национального богатства создается компаниями, созданными после 1990-х гг., термин "предпринимательство" употребляется значительно чаще, а в Болгарии, Чехии и ряде других стран существуют множество программ обучения предпринимательству, причем, как в вузах, так и в школах.

Профессорско-преподавательским составом кафедры были разработаны и внедрены в учебный процесс основной курс по социологии труда, спецкурсы и спецсеминары, многие из которых востребованы до сих пор. Был выпущен в свет ставший впоследствии классическим в нашей стране учебник по социологии труда[2].

Первый этап развития кафедры закончился с уходом с факультета Н.И. Дряхлова, обусловленным серьезным конфликтом с деканом. Пер-

---

[2] Социология труда: Уч. / Под ред. Н.И. Дряхлова, А.И. Кравченко, В.В. Щербины. М., 1993.

вую реорганизацию проводил ее новый заведующий А.С. Панкратов. Но уже незадолго до нее стало очевидно, что старое название не удовлетворяет запросам нового времени. В социологии сформировались устойчивые научные направления, связанные со сферами жизни людей — социология политики, социология культуры, социология науки и др. Востребованным стало появление в этом ряду "социологии экономики" или экономической социологии. Но ряд членов кафедры социологии труда и трудовых коллективов не хотели переименования. В свое время они очень активно дискутировали по поводу предмета социологии труда и настаивали на том, что они занимаются именно этим и ни в коем случае не экономической социологией. При всей настойчивости и широких властных полномочиях декан никак не мог их переубедить. Тогда было решено параллельно открыть кафедру экономической социологии, которую возглавил М.А. Севрук. Но просуществовала она очень недолго. Виной тому опять же обострившиеся до предела отношения между ним и деканом. Соответственно реорганизация, осуществленная А.С. Панкратовым, заключалась в объединении существующих в структуре социологического факультета кафедр экономической социологии и кафедры социологии труда и трудовых коллективов с образованием единой кафедры экономической социологии и социологии труда. Это произошло в 1999 г.

В результате этой реорганизации экономическая социология получила "постоянную прописку" на факультете. Сегодня в силу более широкого подхода она интегрирует в себе основные направления исследований, которые ранее относились к социологии труда. В целом появление экономической социологии было вызвано необходимостью преодолеть ограниченность экономического и социологического подходов к анализу хозяйственной сферы общества. Если говорить об экономической теории, то эконом-социолог нужен для того, чтобы расширить горизонты экономического мышления, преодолеть узость подхода, когда экономисты, создавая теоретические модели, жертвуют сложностью и многообразием неэкономического мира. Для социологии данное научное направление продуктивно тем, что позволяет показать, что не только методология социологических исследований может быть применима к анализу экономики, но и наоборот — экономические подходы могут быть эффективно использованы в социологии.

Именно этот концептуальный подход, когда экономическая социология рассматривается как самостоятельная научная отрасль социологического знания, предметом исследования которой являются законы становления, функционирования и развития системы отношений между людьми, социальными общностями, социальными институтами во взаимосвязи с системой экономических отношений (отношений по поводу производства, распределения, обмена и потребления), разделяется и пропагандируется коллективом кафедры. И с таким определением согласятся многие ученые как в нашей стране, так и за рубежом.

Однако в реальности все не так просто. Термин "экономическая социология" скрывает за собой ряд совершенно непохожих друг на друга концепций. Экономическая социология была и остается междисциплинарной наукой. А если это так, то ее содержание у одних авторов неизбежно приближается к экономике, а у других — к социологии и философии хозяйства. В нашей стране различные по своим теоретическим постулатам "экономические социологии" были разработаны в Высшей школе экономики и МГУ. Главный теоретик экономической социологии в Высшей школе экономики, В.В. Радаев, создал концепцию, основанную на "социологизации" экономки. В такой концепции с неизбежностью присутствует изощренный математический аппарат, так любимый современными экономистами. В Московском университете глубокой разработкой теории экономической социологии занимался В.И. Верховин, создавший синтетическую теорию экономического поведения, основанную на многочисленных трудах зарубежных и отечественных авторов, осмыслявших развитие хозяйственных процессов либо вообще без применения математики, либо с минимальным ее использованием. Так в России появились две существенно различающиеся по методологии и исследовательским приоритетам экономические социологии, одну из которых условно можно назвать "математической", а вторую — "беллетристической". Следует отметить, что такая ситуация в целом характерна не только для нашей страны: в широкое проблемное поле экономической социологии в современном мире попадают самые разные по своему научному жанру и концептуальным предпочтениям исследования и написанные на их основе книги.

Учебник экономической социологии В.И. Верховина и В.И. Зубкова[3], многократно дорабатывавшийся и переиздававшийся[4], стал исключительно популярным. По нему и сегодня обучаются студенты не только в МГУ, но и во многих вузах России.

В целом, А.С. Панкратову удалось создать уникальный коллектив, один из наиболее представительных на социологическом факультете — на кафедре работало шесть штатных профессоров, докторов наук. При этом важно отметить тот факт, что это было сделано не за счет привлечения внешних специалистов, а за счет роста интеллектуального потенциала сотрудников кафедры. В этот период пять сотрудников кафедры защитили докторские диссертации по специальности 22.00.03 — экономическая социология и демография. Этот период развития данного структурного подразделения закончился с неожиданной смертью А.С. Панкратова.

Следующая реорганизация проводилась в 2005 г. под руководством Н.Р. Исправниковой, которая возглавляла кафедру в период с 2004 по 2016 г. Новым названием стало название "Кафедра экономической социологии и маркетинга". Как видно из него, важнейшей причиной реорганизации стало появление нового направления образовательной

---

[3] *Верховин В.И., Зубков В.И.* Экономическая социология. М., 2005.

[4] Последнее издание: *Верховин В.И.* Экономическая социология. М., 2018.

и научной деятельности — маркетинга. На факультете открылось отделение маркетинга, и стал осуществляться набор на эту специальность. Само соседство маркетинга и социологии кажется вполне оправданным, так как именно в маркетинговой сфере находят практическое применение все классические методы социологических исследований. Социологи всегда были востребованы в маркетинговой деятельности, без них она попросту невозможна. Поэтому и набор курсов, и преподавательский состав для данной специальности в определенной мере уже наличествовали на факультете.

Однако можно сказать, что слову "маркетинг" не повезло ни в русском языке, ни в системе отечественного образования. Появившись вместе со своим собратом, менеджментом, он не смог возбудить к себе устойчивых положительных эмоций. Имиджи у маркетинга и менеджмента оказались различными. Не существует однозначной причины того, почему маркетинг стал вызывать скептическое отношение к себе в обществе, и, что нас, прежде всего, интересует, у родителей абитуриентов. По этому поводу можно только высказать несколько предположений. Во-первых, маркетинг однозначно связывался со всем тем западным, что привнесли в нашу страну разрушительные реформы 1990-х гг. Во-вторых, для тех, кто хотя бы немного разбирался в предмете, маркетинг прочно ассоциировался с надоевшей всем и вызывающей отторжение рекламой. В-третьих, ратовавшие за образовательные программы по маркетингу не могли, как это было в случае с менеджментом, привести самый весомый аргумент в свою пользу, они не могли сказать: "Мы воспитываем будущих руководителей!" Так или иначе, но во всех вузах, где одновременно существовали программы по менеджменту и маркетингу, первые всегда пользовались большей популярностью в сравнении со вторыми. Исключением не стал и социологический факультет. Но в период низких цен на платное образование наборы на отделение маркетинга были достаточно большими, и данное направление образования стало активно развиваться.

В этот период кафедрой был проделан большой объем работы. Предложенный учебный план специальности "Маркетинг" был составлен с учетом требований рынка, на котором в последние годы возросла потребность в специалистах-маркетологах с опытом организации и проведения маркетинговых исследований на предприятиях различных отраслей экономики. К 2009 г. сотрудники кафедры обеспечивали преподавание 41 курса по основным дисциплинам, а также 12 спецкурсов и спецсеминаров. Для реализации образовательной программы по маркетингу привлекались высококвалифицированные маркетологи-практики, известные в научной среде теоретики маркетинга, члены гильдии маркетологов России и признанные консультанты в маркетинговой сфере.

Профессорско-преподавательский состав кафедры состоял из 26 кандидатов и докторов наук, из них 15 являлись штатными сотрудни-

ками Московского университета. Они обеспечивали обучение специализирующихся по кафедре двух сотен и более студентов. Целевая ориентация кафедры в области разработки программ учебных дисциплин, спецкурсов и спецсеминаров заключалась в том, что они должны были быть составлены с учетом возможности применения полученных теоретических знаний на практике, что способствовало лучшей ориентации и быстрой адаптации наших выпускников в различных видах деятельности после окончания обучения.

Но вскоре обозначились тенденции, существенно снизившие возможности развития научного и образовательного потенциала кафедры. Самым большим ударом стало резкое подорожание платного образования в МГУ. Количество студентов-маркетологов сократилось в разы. Это обусловило отказ от привлечения внештатных работников. Коллектив кафедры стал сокращаться. Несколько лет удавалось с трудом набрать одну группу студентов по данной специальности. В определенный момент времени (в 2011 г.) было принято решение о закрытии отделения.

Тогда многим казалось, что социология станет надолго единственной специальностью на факультете. Однако изменения в экономике и образовании шли очень быстро. Цены на образовательные услуги постоянно росли, но неравными темпами в разных учебных заведениях. Буквально через несколько лет цены в других вузах вплотную приблизились, а иногда даже превысили цены Московского университета. Появилась возможность возобновить прием на платные отделения. Но в этот раз руководством было принято решение не распылять силы, а синтезировать в одной программе проблематику маркетинга и менеджмента. Так появилась образовательная программа по специальности "Менеджмент" с профилем "Маркетинг". С преподавательской точки зрения, такой синтез составлял конкурентное преимущество перед программами по менеджменту, осуществлявшимися без профиля. Но уже рассмотренный выше отрицательный имидж маркетинга и здесь сыграл свою роль. Очень часто члены приемной комиссии были поставлены в затруднительное положение, когда родители абитуриентов с неудовольствием спрашивали: "А зачем тут у вас этот маркетинг?" И с большим трудом им удавалось объяснить, что маркетинг не "портит" менеджмент, а скорее добавляет выпускнику дополнительные возможности в трудоустройстве и карьере.

Образовательная программа по менеджменту с профилем "Маркетинг" осуществлялась совместно двумя дружественными кафедрами — кафедрой экономической социологии и маркетинга и кафедрой социологии организаций и менеджмента. Сотрудничество в рамках этой программы было достаточно тесным, преподаватели двух кафедр хорошо узнали друг друга, и когда продолжающиеся сокращения привели к идее создания объединенной кафедры, ее фундамент уже был заложен и оказался достаточно прочным.

Кафедра социологии организаций и менеджмента

Теперь стоит обратиться к истории кафедры социологии организаций и менеджмента. В ней не было такого множества переименований, как в случае с первым рассмотренным нами структурным подразделением, но были очень разные периоды развития и опять же постоянные реорганизации, вызванные как объективными, так и субъективными факторами.

Кафедра социологии организаций и менеджмента просуществовала в Московском университете как самостоятельное подразделение до объединения с кафедрой экономической социологии и маркетинга четверть века. Целью ее работы было исследование управленческой проблематики в рамках социологии, и, соответственно, преподавание управленческих курсов в рамках социологических образовательных программ и программ по менеджменту.

В момент своего создания, в 1991 г., это структурное подразделение было весьма необычным. Кафедра создавалась как российско-американская с четкой ориентацией на активное задействование иностранных специалистов в области исследования бизнеса и менеджмента. Со стороны университета инициатором ее создания выступил декан социологического факультета и одновременно проректор по гуманитарным факультетам В.И. Добреньков. Американскую сторону представлял С. Райнсмит, широко известный в мире консультант по управлению, занимавший во времена перестройки специальную должность в посольстве Соединенных Штатов по налаживанию гуманитарных связей между двумя странами.

Тем самым, первый период в истории кафедры можно условно назвать "периодом Райнсмита". Название кафедры было простым — "Кафедра социологии организаций", но также требующим своего объяснения. В советской социологической и экономической науке чаще всего использовалось слово "предприятие". Слово "организация" было удачным заимствованием из английских источников по менеджменту. Термин "предприятие" хорошо обозначает прежде всего индустриальную организацию. Но закономерности и принципы менеджмента едины, они не сильно связаны с какой бы то ни было отраслью. А вот назвать банк предприятием, конечно, можно, но в таком сочетании слов слышится некий диссонанс. То же самое можно сказать и о торговой сети, и об отеле, и тем более о муниципалитете. Слово "организация" в этом смысле оказалось универсальным и очень удобным по части использования в управленческих текстах. Но почему в названии не использовалось слово "менеджмент"? Дело в том, участвующие с американской стороны специалисты занимались консультированием как некой "высшей" управленческой деятельностью. Они привыкли к тому, что менеджмент их аудитория уже знает. Слово "менеджмент" тогда в России было очень новым и непривычным, а термин "организация" мало того,

что не резал слух, но еще и позволял завуалировать проблемное поле кафедры, включив с него самые разные направления как исследовательской, так и образовательной деятельности. Поэтому вместо понятных и более конкретных названий — "Кафедра социологии предприятия" или "Кафедра социологии менеджмента" — было выбрано нейтральное название — "Кафедра социологии организаций".

Это было время эйфории относительно российско-американских и в целом российско-западных отношений. В области работы кафедры такая эйфория была вполне оправдана: важно было изучить зарубежный опыт управления в условиях рыночной экономики. Только в этом случае можно было рассчитывать на успех реформ, в который тогда реально верили.

Осенью 1991 г. начал читаться основной курс кафедры "Социология организаций" для студентов IV курса социологического факультета. Основную часть курса читал видный специалист по теории организаций и консультант еще советского периода, работавший по многочисленным, упомянутым выше хоздоговорам, А.И. Пригожин. При этом каждый месяц из США прилетал профессор для чтения одной лекции, проведения семинаров и консультирования студентов. Среди них были реальные "звезды" американской науки, в частности Р. Несбит, прославившийся своей книгой "Мегатренды".

Такой опыт непосредственного сотрудничества преподавателей и ученых двух стран был исключительно интересен. К сожалению, этот эксперимент остался единичным. И причины, которые к этому привели, весьма показательны. Проведение в месяц трех лекций и соответствующих им семинаров русскими преподавателями, а одной лекции и семинара — американцами, требовало серьезной организационной работы по обмену информацией и установлению единых "правил игры". Однако организационные трудности при всей их важности не были главными в прекращении приезда иностранцев на кафедру социологии организаций. Наибольшие трудности, как это часто бывает, крылись в финансах. Как выяснилось, все преподаватели приезжали из личного уважения к С. Райнсмиту и по настоятельным его просьбам. У университета не было денег, чтобы достойно оплачивать труд иностранных специалистов. Поэтому все попытки кафедры активизировать международные контакты сталкивались в то время с главной проблемой — все нужно делать на энтузиазме.

Нехватка денег привела к тому, что впоследствии визиты иностранных гостей продолжились, но носили скорее эпизодический характер. Кафедру посетили специалисты из Великобритании и Швеции, осуществлявшие собственные проекты в России и параллельно организовавшие ряд дискуссий и круглых столов по близкой им проблематике.

Если говорить о взаимодействии с Западом применительно к развитию теории организации и менеджмента, то следует в целом

признать его результаты положительными. Сотрудники кафедры сумели многое взять из развитой теории организации и управления. Российские ученые, преподаватели и действующие управленцы за очень короткий период, который собственно и следует назвать пресловутым "переходным периодом", освоили практически все наработки западных ученых. Сегодня столичные менеджеры (имеется в виду Москва, Санкт-Петербург и другие города-миллионники) ничуть не уступают своим зарубежным коллегам по части знаний современных управленческих концепций, прохождения соответствующих тренингов и овладения соответствующими навыками, а за ними и "сленгом". Таким образом, союз с Западом, по крайней мере в области развития менеджмента, явно имел свои положительные результаты.

Конечно, были неизбежные прецеденты "утечки мозгов", когда Запад получал реальную выгоду от сотрудничества с нами. Наглядным примером является ситуация, когда в 1993–1994 гг. состоялись первые два выпуска студентов, специализировавшихся на кафедре. Некоторые из них нашли себе работу в компании "Кока-Кола", которая тогда с особым рвением стала проникать на российский рынок. В 1990-е гг. "Кока-кола" активно отбирала выпускников университета для своих открывающихся в стране офисов. И кафедра впервые увидела своих выпускников (точнее, выпускниц) на кубке Кремля по теннису, когда они подносили красные стаканы с колой Б.Н. Ельцину и Ш.А. Тарпищеву. Уже через несколько лет, сделав соответствующую карьеру и поработав в нескольких странах, некоторые из них переехали в США. Они сделали это не столько по своему желанию, сколько по корпоративной необходимости: должности следующего порядка находились уже в центральной штаб-квартире компании.

Стивен Райнсмит постепенно стал отходить от дел и его место занял С.Р. Филонович, сегодня один из наиболее известных преподавателей менеджмента в стране, декан Высшей школы менеджмента ГУ ВШЭ. В то время он активно осваивал управленческие знания, будучи физиком по базовому образованию. Следует сказать, что с момента образования кафедры С.Р. Филонович брал большую часть организационной работы на себя. Поэтому "период Филоновича" не ограничивается только тем временем, когда он формально занимал должность руководителя подразделения. В это время с кафедры социологии труда и трудовых коллективов сюда приходит работать классик отечественной социологии организаций В.В. Щербина, с ней активно сотрудничает один из родоначальников советской "игротехники" В.С. Дудченко. Таким образом, осуществилась связь современных, ориентированных на рыночную экономику подходов (имеющих западное происхождение), с наработками специалистов советского времени.

На термине "игротехника" следует остановиться отдельно. В Советском Союзе это был эвфемизм для консультационных проектов.

Дело в том, что, исходя из постулатов господствовавшей идеологии, у советских, "лучших" на планете предприятий, да еще и действовавших в "лучшей" плановой экономике, вообще не должно быть никаких проблем. Понятно, что в реальности они были и немалые. Чтобы не нарушать идеологические догматы, ученые придумали интересный ход: они признавали, что проблем нет, и только предлагали "поиграть", как будто проблемы есть. В стране появились целые школы игротехников, наиболее известными из которых были школы уже упомянутого В.С. Дудченко и Г.П. Щедровицкого. Создаются сотни типов игр: учебно-деловые, организационно-деятельностные, инновационные, ансамблевые. Когда зарубежные специалисты по экономике стали активно посещать нашу страну в конце 1980-х гг., от всей этой "кипучей работы" у них округлялись глаза. Они нигде в мире не видели ничего подобного. А, как говорится, "ларчик просто открывался": за всеми этими играми стояли реальные проекты по улучшению работы организаций. Понято, что впоследствии многие игротехники с успехом переквалифицировались в консультантов по управлению.

В годы руководства С.Р. Филоновича кафедра окончательно теряет определение "российско-американская", а ее популярность среди студентов постоянно растет. Это было время повального увлечения бизнесом. Оно затронуло практически всех молодых людей. Они увлекались именно бизнесом, частным бизнесом со всеми присущими ему рисками, а не государственным управлением, что стало характерно для 2000-х гг. У студентов возникла вера в то, что уж в Московском университете их научат, как заниматься предпринимательством с наибольшим успехом. В то время они реально надеялись на то, что с помощью знаний в области экономики и управления они смогут заработать капиталы, войти в историю и просто быть счастливы. Практически никто из выпускников университета не мечтал работать в Газпроме, муниципалитете или БТИ.

В 1990-е гг. по большей части наивная вера в чудодейственность знаний в области менеджмента, в то, что эти знания будут реально востребованы на Родине, привела к тому, что из выпускников кафедры только небольшое число мигрировало за границу, а очень многие добились в стране реального успеха. Выпускники кафедры верили, и у них получалось. Как уже говорилось ранее, это разительно отличало социологов от студентов естественных факультетов и, например, филологов, среди которых отъезд за границу становился одним из самых популярных сценариев будущей жизни. И сегодня выпускников кафедры можно найти на высоких постах во множестве преуспевающих российских корпораций.

"Период Филоновича" был очень недолгим. Буквально через год после его вступления в должность заведующего, отношения с деканом ухудшились. Будучи высококлассным специалистом с широкими связями в образовательном сообществе, он просто не захотел работать в

складывающейся на факультете обстановке. И хотя острого конфликта не было, обида на происходящее нашла свое отражение на страницах одного из ведущих социологических журналов[5].

В 1996 г. кафедру возглавил Г.Н. Бутырин. С его приходом начинался новый этап в развитии кафедры. Она, что называется, начинает расти "вглубь" и "вширь". Такое развитие было связано в первую очередь с открытием на социологическом факультете образовательной программы по подготовке менеджеров. Вначале в связи с направленностью факультета велась подготовка по специальности "Менеджмент в социальной сфере", затем в силу изменений общеобразовательных стандартов и списков специальностей данная программа была преобразована в "Менеджмент организации" и просуществовала более десяти лет. Кафедра стала головной структурой в рамках подготовки менеджеров. Через несколько лет в названии кафедры появился менеджмент, она стала именоваться "Кафедрой социологии организаций и менеджмента".

Мода на менеджмент, относительно невысокая (по сравнению с современной) оплата университетского образования и весьма либеральное отношение к неуспевающим студентам сделали отделение менеджмента очень популярным. Ежегодный набор на это отделение неуклонно возрастал до 2006 г. и едва не дотягивал до 200 человек в год, большая часть из которых специализировалась на кафедре.

За считанные годы преподавателями были подготовлены десятки новых курсов, каждый начал руководить написанием десятков курсовых и дипломных работ. На кафедрах специализировалось больше студентов, чем на некоторых факультетах университета. При этом количество ее сотрудников хотя и увеличивалось за счет совместителей, все-таки никогда не достигало "факультетских" размеров. В особенности это касалось вспомогательного персонала. Фактически, три лаборантки кафедры обслуживали более чем 500 студентов.

Разные люди были объединены общим делом, колоссальный объем работы никогда не давал разрастаться разногласиям и взаимным претензиям. Это положительно сказывалось и на научной жизни. Кафедра социологии организаций и менеджмента никогда не увязала в схоластических спорах, которые так часто преследуют определенные направления общественных наук в стране. В частности, на кафедре никогда не обсуждался предмет и метод социологии организаций. Всем было понятно, что если наука существует и востребована не только учеными, но и бизнес-сообществом, она имеет право на существование, и только ее поступательное развитие само по себе расставит все точки над "i" в вопросах размежевания границ предметного поля и специфики методов с другими направлениями социологического и экономического знания.

---

[5] См.: *Филонович С.Р., Щербина В.В.* Курс "Введение в социологию организаций" на социологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова // Социологические исследования. 1997. № 11.

Под руководством Г.Н. Бутырина кафедра активно включилась в проведение прикладных социологических исследований. Значительная их часть была осуществлена по заказу Правительства Москвы. Были составлены социальные паспорта районов, проанализированы самые разные проблемы города, начиная от игорного бизнеса и заканчивая деятельностью самих органов власти (всего было произведено более 30 опросов). Многочисленные исследования проводились по заказам отдельных организаций. В этом ряду выделяются исследования общеизвестности товарных знаков: многие яркие бренды обозначили свою "полную легитимность" в России и мире именно благодаря труду сотрудников кафедры.

Если же обратиться к основной деятельности кафедры на рубеже столетий и в начале 2000-х гг., то следует признать, что это была система "массового производства" менеджеров и социологов управления со всеми присущими ей как положительными, так и отрицательными сторонами.

Отметим позитивные стороны. Бум платного образования в области экономики и юриспруденции был обусловлен недостатком финансирования вузов. Именно эта проблема, в конечном итоге, стала важнейшей причиной кризиса образования в стране. Университеты, чтобы выжить, должны были набирать в огромных количествах платных студентов и, желательно, не отчислять их, чтобы финансирование было непрерывным. Социологический факультет был одним из первых в этом процессе, и в некоторый период процент "платников" доходил почти до 90. С экономической точки зрения, это было очень хорошо. Такая ситуация позволяла факультету развиваться и спокойно решать многочисленные хозяйственные вопросы.

Интересно, что вал студентов необязательно приводил к общему падению уровня образования. Среди 150 студентов-менеджеров одного курса почти всегда находилось около 40 исключительно талантливых и заинтересованных в учебе и научных изысканиях ребят. Все-таки они поступали в МГУ, имели соответствующую образовательную базу и мотивацию. Несмотря на это, все отчетливее проявляла себя тенденция, заключающаяся в том, что в университет стали поступать люди, которые еще десятилетием раньше с трудом заканчивали бы профессиональные училища. И их количество возрастало с ухудшением демографического положения, определившего общее сокращение количества студентов. Если рассчитывать финансовые потоки исходя из прошлых лет, нужно было бы брать всех без разбору. А это уже не могло не сказаться на качестве образования. В результате из университета зачастую выходили люди, никак не соответствующие традиционному званию его выпускника ни по знаниям, ни по жизненным приоритетам.

С ростом экономики в начале 2000-х гг. у государства появились определенные средства для поддержки системы образования. Старый

лозунг “Выживайте сами за счет платных студентов!” стал отходить в прошлое. И был найден очень удачный бюрократический прием, позволивший свернуть платные программы. Стоимость обучения на таких программах увязали с суммой средств, которую запрашивал университет на одного бюджетного студента. Понятно, что в Московском университете это была очень большая сумма, обусловленная наличием сложных технических средств на естественнонаучных факультетах. Рост стоимости обучения со 140 000 рублей в год до 260 000 имел самые радикальные последствия. Количество платных студентов сократилось на порядок. На отделение менеджмента еле-еле набирали одну группу количеством до 15 человек. Через несколько лет безуспешных попыток реанимировать отделение было принято решение прекратить набор на эту специальность. За сокращением количества студентов последовало и сокращение преподавательского состава. Сначала отказались от услуг всех совместителей, затем под угрозу были поставлены уже и штатные должности ввиду отсутствия академической нагрузки.

В целом годы заведования Г.Н. Бутырина распадаются на два этапа. В первый этап происходило поступательное развитие кафедры, развивались различные направления ее деятельности, и на ней работало очень много людей — как штатных, так и совместителей. Второй этап можно назвать выживанием, в это время в разы сократился численный состав, и постоянно возникали вопросы о расформировании кафедры. Можно сказать, что изменение по историческим меркам произошло в одночасье. В октябре 2006 г. состоялись очередные выборы декана факультета. На них Г.Н. Бутырин заявил себя как альтернативный кандидат. Понятно, что в ходе очень краткой избирательной кампании он активно критиковал В.И. Добренькова. Но эту критику ни по тем, ни по теперешним временам нельзя было назвать “грязной” или “огульной” — все же совсем недавно оба кандидата были друзьями. В.И. Добреньков сохранил свои руководящие позиции, и уже через месяц после выборов началась мощнейшая атака на кафедру и ее заведующего. Был включен бюрократический “пресс” с требованием предоставлять все возможные формы отчетности. Пытались найти какие-то существенные недоработки по части документов, обеспечивающих учебный процесс. По любому поводу для нормальной работы кафедры создавались искусственные препятствия.

Апогеем противостояния стал 2008 г., когда пришло время выборов заведующего кафедрой социологии организаций и менеджмента. Декан выдвинул альтернативного кандидата и оказывал сильнейший нажим на преподавателей с тем, чтобы они поддержали именно его. Но члены кафедры не подчинились, и тогда в ход был пущен весь возможный в таких случаях административный ресурс вплоть до фальсификации протокола голосования кафедры. Только вмешательство ректора В.А. Садовничего позволило Г.Н. Бутырину сохранить свою должность.

Как говориться, “беда не приходит одна”. Именно на годы противостояния пришлось уже не раз упомянутое сокращение числа платных студентов. В 2010 г. отделение менеджмента было закрыто, а само слово “менеджмент” на целых четыре года попало под негласный запрет на факультете. В эти же годы происходит переход на двухуровневую систему подготовки специалистов с высшим образованием. В предложенном руководством факультета учебном плане бакалавриата практически не было курсов кафедры.

Когда один из авторов этой статьи возглавил кафедру, она была совсем непохожа на ту, которая работала до 2006 г. Преподавателей стало в разы меньше, а “доброхоты” из деканата с наигранной грустью любили приговаривать: “Жалко — закроют кафедру!” Но выпавшие на долю преподавателей кафедры трудности в эти годы способствовали их сплочению. По всей видимости, в 2010 г. это был самый сплоченный коллектив (именно коллектив, а не персонал!!!) на факультете, а, может быть, и в университете.

Отношения с руководством факультета начинают постепенно налаживаться. Уже к 2012–2013 гг. прекращаются разговоры о расформировании кафедры. С изменением учебных планов растет количество отнесенных к ее “юрисдикции” курсов.

В этот период кафедра становится “пишущей”. Начинается активная творческая деятельность по написанию учебно-методических изданий, научных монографий и учебников[6]. В целом, с 2010 г. преподавателями кафедры совместно с коллегами по факультету с привлечением небольшого числа соавторов из других вузов были изданы учебники по важнейшим направлениям деятельности — социологии организаций, организационному поведению и управлению человеческими ресурсами[7].

Новый этап в развитии кафедры начинается в 2014 г. Совершенно неожиданно принимается решение об открытии обучения по специальности “Менеджмент” с профилем “Маркетинг”. Это происходит несмотря на то, что после 2010 г., как уже говорилось, на слово “менеджмент” было наложено табу, а преподавателей кафедры постоянно обвиняли в “склонности” к менеджменту. В этом же году происходит важнейшее изменение в руководстве факультета. Деканом становится Н.Г. Осипова. С этого момента в прошлое уходят подробно описанные выше “субъективные” причины реорганизаций. Кафедра становится, хотя и небольшим, но устойчивым подразделением со своим четко определенным направлением образовательной и научной деятельности.

---

[6] Социология. Организация. Менеджмент: Программы учебных курсов. М., 2011; Трансформация общества и проблемы управления (коллективная монография). М., 2012; Бизнес в литературе: социологический анализ / Под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова. М., 2014.

[7] *Барков С.А., Зубков В.И.* Социология организаций. М., 2015; Организационное поведение / Под ред. С.А. Баркова. М., 2015; Управление человеческими ресурсами / Под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова. М., 2016.

Кафедра экономической социологии и менеджмента

Последняя свершившаяся реорганизация была вызвана объективными причинами. Две описанные выше кафедры образовали одну — кафедру экономической социологии и менеджмента. Это было вызвано, прежде всего, сокращением численного состава обеих кафедр. Кроме того, дружественные кафедры оказались удачными партнерами по объединению в силу схожести направлений научной деятельности. Фактически и та, и другая кафедры занимались социальными аспектами экономических процессов. При этом практически в любом целостном исследовании присутствовал и управленческий аспект, ведь в его завершение принято давать некоторые рекомендации, а последние с неизбежностью выводят авторов на механизмы управления. Современные постиндустриальные реалии также сблизили научные области двух кафедр. Важнейшим отличием проблемных полей социологии организаций и экономической социологии традиционно можно было считать то, что для первой основным объектом изучения являются организации, тогда как для второй — как организации, так и рынки. Но в современном социально-экономическом пространстве организации и рынки активно гибридизируются. И именно их гибриды становятся основными двигателями хозяйственных процессов в современную эпоху[8]. Кроме того, организации и рынки становятся альтернативными инструментами достижения социально-экономических целей. Если на протяжении тысячелетий люди для решения своих задач создавали организации, с конца XX в. они стали использовать для этого и рынки — в ходе экономических реформ по трансформации плановой экономики в рыночную, в процессе реструктуризации естественных монополий и др. Сегодня для достижения своих целей в экономике, политике и культуре человек может создавать не только организации (фирму, партию, фонд и др.), но и рынки, а также гибридные структуры (например, блог в интернете).

В результате объединения возникла полноценная кафедра с серьезным научным и образовательным потенциалом. Она существует только два года, но и за это время обозначились возможности для ее поступательного развития, в рамках которого с неизбежностью появятся достижения, которые не могли бы осуществиться в полном масштабе у двух кафедр по отдельности.

Первым таким достижением служат масштабные инициативные научные исследования. Опыт по их проведению уже имелся на обеих объединившихся кафедрах. Так, на кафедре экономической социологии и маркетинга несколько лет исследовалась коррупция как социальное явление, причем это явление рассматривалось с самых широких позиций и не только в России, но и во многих развитых и развивающихся

---

[8] См.: *Барков С.А.* Организация и рынок: противоборство или согласие. М., 2008.

странах. На кафедре социологии организаций и менеджмента был осуществлен исследовательский проект по проблематике "Бизнес и искусство": была проведена всероссийская конференция под этим названием, и издана коллективная монография. Но небольшие размеры кафедр не позволяли расширить исследовательское поле и собрать максимум эмпирической информации по проблемам исследования.

В настоящее время на объединенной кафедре запущен исследовательский проект под общим названием "Наблюдая за виртуальными русскими". В его названии присутствует коннотация с всемирно известной книгой британского социолога К. Фокс "Наблюдая за англичанами". Но если она в рамках исследования национального характера прибегала к классическому наблюдению и интервью, мы сосредоточили внимание на поведении наших соотечественников в интернете. О необходимости анализа информации, содержащейся в интернет-пространстве, в качестве эмпирической базы современных социологических исследований говорится очень много. Но до сих пор для этого не выработано единой методологии, а методы, используемые различными учеными, сильно отличаются друг от друга. В рамках данного проекта анализируются множественные сообщества, интернет-издания и блоги — тысячи единиц информации. К исследованию на протяжении двух лет привлекаются магистры, проходящие обучение по программе "Социальные технологии современного управления". Такое масштабное исследование вряд ли возможно было провести силами одной кафедры, по крайней мере, в условиях объединения его финальные результаты появятся раньше и будут основаны на неизмеримо большем объеме информации.

Вторым несомненным достижением является возобновление активной международной деятельности. В таких масштабах она не велась со времен С. Райнсмита. Главным направлением в этой области стал научно-образовательный проект студенческого обмена между МГУ и Университетом прикладных исследований рынка труда (Вышей школы Агентства по труду и занятости Германии). Вот уже два года немецкие студенты со своими руководителями осенью приезжают в МГУ, где разрабатывают программу совместных исследований, а в мае российские студенты посещают Мангейм, где окончательно сводят воедино полученные в двух странах данные опросов и представляют полученные результаты. За это время были осуществлены исследования по множеству интересных для обеих сторон тем: безработице, трудовой мобильности, образовательным программам для безработных, дауншифтингу, семейным династиям, балансу работы и личной жизни и т.п. Понятно, что значительная часть исследований носит пилотажный характер и призвана развить у студентов как компетенции по части проведения самостоятельных опросов, так и компетенции в области международного сотрудничества. Но результаты некоторых проведенных сравнительных исследований, осуществленных в рамках этого проекта, можно

считать инновационными, они нашли свое отражение в публикациях в "Вестнике Московского университета"[9].

Как это всегда бывает, столкновение двух культур даже на обыденном уровне заставило по-новому задуматься о социально-экономических реалиях России и Германии, а также поколебать некоторые устойчивые стереотипы. Так, если в немецком университете существует конкурс студентов, в рамках которого отбирают тех, кто поедет в Москву, на нашем факультете приходится специально искать студентов для проекта, а иногда и активно их убеждать принять в нем участие. При этом в целом российские студенты показали себя более мотивированными, в большей мере нацеленными на получение реальных и интересных результатов, а иногда и попросту более трудолюбивыми в сравнении с немецкими коллегами.

Итак, наступил 2019 г.… Можно ли сказать, что реорганизациям и переименованиям пришел конец? Нет, как бы нам ни хотелось противоположного. В начале года Президент РФ посетил МГУ и задал вопрос о том, почему менеджмент преподается на многих факультетах университета. Он специально оговорился, что это только вопрос, но весь подтекст с очевидностью обозначил его негативное отношение к такой ситуации. В результате руководством университета было принято решение закрыть образовательные программы по менеджменту на большинстве факультетов. Закрытию подлежит и наша программа по специальности "Менеджмент" с профилем "Маркетинг". Можно сказать, что, если маркетинг как направление образовательной деятельности испытывал трудности из-за своей непопулярности, то менеджмент сгубила его чрезмерная популярность. Эта специальность оказалась исключительно удобной в условиях нашей страны, где сегодня от руководителя любого — даже самого низкого уровня — требуют наличия высшего образования. Такое образование дают сотни вузов, и это обстоятельство в значительной мере обесценило его.

В свете случившегося к преподавателям кафедры уже стали подходить их коллеги по факультету с вопросом: "А как теперь будет называться ваша кафедра?" Понятно, что название не всегда должно меняться, но в любом случае перемены будут, и то относительно устойчивое по-

---

[9] *Барков С.А., Коврова М.А., Селезнева А.С., Чугунова М.А.* Территориальная мобильность населения как экономическая и социокультурная проблема российского рынка труда // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 2; *Барков С.А., Шарпф М.* Институциональные контексты развития рынка труда в России и Германии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 2; *Колодезникова И.В., Галицкая Д.В.* Особенности функционирования систем социального страхования России и Германии: социологический анализ // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 2; *Маркеева А.В., Панферов Д.А., Жолобова О.А.* Модернизация программ переобучения безработных граждан в РФ в условиях перехода к цифровой экономике // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 2.

ложение кафедры в образовательной системе с наличием специальной программы по менеджменту уходит в прошлое.

Для описания реорганизаций длиною в жизнь в русском языке чаще всего используют два выражения: строку из стихотворения А. Блока — "Покой нам только снится!" и слова, приписываемые Конфуцию — "Не дай Бог жить в эпоху перемен!" Но, на самом деле, все не так плохо. Как уже отмечалось выше, перемены повышают сплоченность и взаимопонимание внутри коллектива. Бурная организационная жизнь подразделений, составивших современную кафедру экономической социологии и менеджмента, сделала многих преподавателей универсальными специалистами, способными преподавать самые разные дисциплины и проводить междисциплинарные исследования. Да и вообще современное общество — это общество постоянных изменений, спокойное состояние в нем является скорее исключением, чем правилом. Важно научиться жить в эпоху перемен, а, может быть, и получать от них удовольствие, реализуя новые возможности, появляющиеся с каждой новой реорганизацией. Как говорится, продолжение следует…

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барков С.А. Социология организаций. М., 2004.

Барков С.А. Организация и рынок: противоборство или согласие. М., 2008.

Барков С.А., Зубков В.И. Социология организаций. М., 2015.

Барков С.А., Коврова М.А., Селезнева А.С., Чугунова М.А. Территориальная мобильность населения как экономическая и социокультурная проблема российского рынка труда // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 2.

Барков С.А., Маркеева А.В. Социология и управление: походы к инновационному образовательному синтезу // XX Международная научнопрактическая конференция заведующих кафедрами маркетинга, рекламы, связей с общественностью, дизайна и смежных направлений. Сборник материалов / Под общ. ред. В.А. Евстафьева. М., 2016. С. 97–107.

Барков С.А., Шарпф М. Институциональные контексты развития рынка труда в России и Германии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 2.

Барков С.А., *Денильханов А.Х.* Формы организации бизнеса: Монография. М., 2018.

Бизнес в литературе: социологический анализ / Под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова. М., 2014.

Верховин В.И. Экономическая социология. М., 2018.

Верховин В.И., Зубков В.И. Экономическая социология. М., 2005.

Колодезникова И.В., Галицкая Д.В. Особенности функционирования систем социального страхования России и Германии: социологический анализ // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 2.

Ксенофонтова Е.Г. О кадровом обеспечении, страхах, табу, (реальных) ограничениях // Управление персоналом. 2010. № 3.

Маркеева А.В. Открытые образовательные ресурсы как инновационная образовательная практика в России // Креативная экономика. 2014. № 9 (93). С. 139–150.

Маркеева А.В. Умения и навыки работников: постиндустриальные императивы // Управление социальными изменениями в нестабильных условиях: Всероссийская научная конференция, 24 мая 2016 г., МГУ имени М.В. Ломоносова, социологический факультет: Мат-лы / Под общ. ред. В.П. Васильева. М., 2016. С. 410–414.

Маркеева А.В., Панферов Д.А., Жолобова О.А. Модернизация программ переобучения безработных граждан в РФ в условиях перехода к цифровой экономике // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 2.

Организационное поведение / Под ред. С.А. Баркова. М., 2015.

Осеев А.А. Соотношение мотива и стимула в трудовом процессе // Мотивация труда работников в условиях современного производства. М., 1989.

Осеев А.А. Средства социологической диагностики в системе управления персоналом: диагностика причин трудовых конфликтов и профессионально важных личностных качеств руководителей. М., 2018.

Свердликова Е.А. Традиции и ценности российской деловой культуры. М., 2011.

Социология. Организация. Менеджмент: Программы учебных курсов. М., 2011.

Социология, социальные технологии и управление. Сборник рабочих программ дисциплин по направлению подготовки 39.04.01 — Социология (уровень магистратуры) / Под общ. ред. С.А. Баркова, А.В. Маркеевой. М., 2016.

Социология труда: Уч. / Под ред. Н.И. Дряхлова, А.И. Кравченко, В.В. Щербины. М., 1993.

Трансформация общества и проблемы управления (коллективная монография). М., 2012.

Управление человеческими ресурсами / Под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова. М., 2016.

Филонович С.Р. Life-long learning: последствия для высшей школы // Вопросы образования. 2009. № 4.

Филонович С.Р., Щербина В.В. Курс "Введение в социологию организаций" на социологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова // Социологические исследования. 1997. № 11.

Юрасова М.В. Оценки систем качества подготовки выпускников в вузах России // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2013. № 1.

Юрасова М.В. Разработка критериев эффективности программ дополнительного профессионального образования в вузах России // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2015. № 2.

REFERENCES

Barkov S.A. Sotsiologiya organizatsii [Sociology of organizations]. M., 2004 (in Russian).

Barkov S.A. Organizatsiya i rynok: protivoborstvo ili soglasie [Organization and market: confrontation or consent]. M., 2008 (in Russian).

Barkov S.A., Denil'khanov A.Kh. Formy organizatsii biznesa: monografiya [Forms of business organization: Monograph]. M., 2018 (in Russian).

Barkov S.A., Kovrova M.A., Selezneva A.S., Chugunova M.A. Territorial'naya mobil'nost' naseleniya kak ekonomicheskaya i sotsiokul'turnaya problema rossiiskogo rynka truda [Territorial mobility of population as an economic and social-cultural problem of Russian labour market] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science] 2019. N 2 (in Russian).

Barkov S.A., Markeeva A.V. Sotsiologiya i upravlenie: pokhody k innovatsionnomu obrazovatel'nomu sintezu [Sociology and management: campaigns to innovative educational synthesis] // XX Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya zaveduyushchikh kafedrami marketinga, reklamy, svyazei s obshchestvennost'yu, dizaina i smezhnykh napravlenii. Sbornik materialov [XX International scientific-practical conference of heads of the departments of marketing, advertising, public relations, design and related areas. Collection of materials] / Pod obshch. red. V.A. Evstaf'eva [Ed. by V.A. Evstafiev]. M., 2016. S. 97–107 (in Russian).

Barkov S.A., Scharpf M. Institutsional'nye konteksty razvitiya rynka truda v Rossii i Germanii [Institutional contexts of labour markets' development in Russia and Germany] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science] 2019. N 2 (in Russian).

Barkov S.A., Zubkov V.I. Sotsiologiya organizatsii [Sociology of organizations]. M., 2015 (in Russian).

Biznes v literature: sotsiologicheskii analiz [Business in the literature: sociological analysis] / Pod red. S.A. Barkova, V.I. Zubkova [Ed. by S.A. Barkov, V.I. Zubkov]. M., 2014 (in Russian).

Dotlich D.L., Cairo P.S., Rhinesmith S.H. Head, heart, and guts: how the world's best companies develop complete leaders. San Francisco, 2006. ISBN13: 978-0787964795.

Dotlich D.L., Cairo P.S., Rhinesmith S.H. Leading in times of crisis: navigating through complexity, diversity and uncertainty to save your business. San Francisco, 2009. ISBN-13: 978-0470402306.

Filonovich S.R. Life-long learning: posledstviya dlya vysshei shkoly [Life-long learning: implications for higher education] // Voprosy obrazovaniya [Issues of education]. 2009. N 4 (in Russian).

Filonovich S.R., Shcherbina V.V. Kurs "Vvedenie v sotsiologiyu organizatsii" na sotsiologicheskom fakul'tete MGU im. M.V. Lomonosova [The course "Introduction to sociology of organizations" at the sociology faculty of the Moscow State University. M.V. Lomonosov] // Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research]. 1997. N 11 (in Russian).

Kolodeznikova I.V., Galitskaya D.V. Osobennosti funktsionirovaniya sistem sotsial'nogo strakhovaniya Rossii i Germanii: sotsiologicheskii analiz [Social insurance systems in Russia and Germany: sociological analysis] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science] 2019. N 2 (in Russian).

Ksenofontova E.G. O kadrovom obespechenii, strakhakh, tabu (real'nykh) ogranicheniyakh [On staffing, fears, taboos (real) restrictions] // Upravlenie personalom [Personnel management]. 2010. N 3 (in Russian).

Markeeva A.V., Panferov D.A., Zholobova O.A. Modernizatsiya programm pereobucheniya bezrabotnykh grazhdan v RF v usloviyakh perekhoda k tsifrovoi ekonomike [Digital economy and retraining programs of unemployed persons in Russia] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science] 2019. N 2 (in Russian).

Markeeva A.V. Otkrytye obrazovatel'nye resursy kak innovatsionnaya obrazovatel'naya praktika v Rossii [Open educational resources as an innovative educational practice in Russia] // Kreativnaya ekonomika [Creative Economy]. 2014. N 9 (93). P. 139–150 (in Russian).

Markeeva A.V. Umeniya i navyki rabotnikov: postindustrial'nye imperativy [Skills and skills of workers: post-industrial imperatives] // Upravlenie sotsial'nymi izmeneniyami v nestabil'nykh usloviyakh: Vserossiiskaya nauchnaya konferentsiya; 24 maya 2016 g., MGU

imeni M.V. Lomonosova, sotsiologicheskii fakul'tet: Materialy konferentsii [Management of social changes in unstable conditions: All-Russian scientific conference; May 24, 2016, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Faculty of Sociology: Materials] / Pod obshch. red. V.P. Vasil'eva [Ed. by V.P. Vasilyev]. M., 2016. P. 410–414 (in Russian).

Organizatsionnoe povedenie [Organizational Behavior] / Pod red. S.A. Barkova [Ed. by S.A. Barkov]. M., 2015 (in Russian).

Oseev A.A. Sootnoshenie motiva i stimula v trudovom protsesse [Motive and incentive in the labor process] // Motivatsiya truda rabotnikov v usloviyakh sovremennogo proizvodstva [Workers motivation in the conditions of modern production]. M., 1989 (in Russian).

Oseev A.A. Sredstva sotsiologicheskoi diagnostiki v sisteme upravleniya personalom: diagnostika prichin trudovykh konfliktov i professional'no vazhnykh lichnostnykh kachestv rukovoditelei [Tools of sociological diagnostics in the personnel management system: diagnostics of the causes of labor disputes and professionally important personal qualities of managers]. M., 2018 (in Russian).

Rhinesmith S.H. Manager's guide to globalization: six skills for success in a changing world. N.Y., 1996. ISBN-13: 978-0786305452.

Sotsiologiya truda [Sociology of labor. Textbook] / Pod red. N.I. Dryakhlova, A.I. Kravchenko, V.V. Shcherbiny [Ed. by N.I. Dryakhlov, A.I. Kravchenko, V.V. Shcherbina]. M., 1993 (in Russian).

Sotsiologiya, sotsial'nye tekhnologii i upravlenie. Sbornik rabochikh programm distsiplin po napravleniyu podgotovki 39.04.01 — Sotsiologiya (uroven' magistratury) [Sociology, social technologies and management. The collection of working programs of disciplines in the field of preparation 39.04.01 — Sociology (master's level)] / Pod obshch. red. S.A. Barkova, A.V. Markeevoi [Ed. by S.A. Barkov, A.V. Markeeva]. M., 2016 (in Russian).

Sotsiologiya. Organizatsiya. Menedzhment: programmy uchebnykh kursov [Sociology. Organization. Management: programs of training courses]. M., 2011 (in Russian).

Sverdlikova E.A. Traditsii i tsennosti rossiiskoi delovoi kul'tury [Traditions and values of Russian business culture]. M., 2011 (in Russian).

Transformatsiya obshchestva i problemy upravleniya (kollektivnaya monografiya) [Transformation of society and management problems (collective monograph)]. M., 2012 (in Russian).

Upravlenie chelovecheskimi resursami [Human resources management] / Pod red. S.A. Barkova, V.I. Zubkova [Ed. by S.A. Barkov, V.I. Zubkov]. M., 2016 (in Russian).

Verkhovin V.I. Ekonomicheskaya sotsiologiya [Economic sociology]. M., 2018 (in Russian).

Verkhovin V.I., Zubkov V.I. Ekonomicheskaya sotsiologiya [Economic sociology]. M., 2005 (in Russian).

Yurasova M.V. Otsenki sistem kachestva podgotovki vypusknikov v vuzakh Rossii [Estimates of the quality systems for the training of graduates in Russian universities] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie [Bulletin of Moscow University. Series 20. Pedagogical education]. 2013. N 1 (in Russian).

Yurasova M.V. Razrabotka kriteriev jeffektivnosti programm dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovanija v vuzah Rossii [Development of criteria for the effectiveness of additional professional education programs in Russian universities] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie [Bulletin of Moscow University. Series 20. Pedagogical education]. 2015. N 2 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-77-94

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ПОЛЕ И ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

О.В. Гавриленко, канд. социол. наук, доц., и.о. заведующего кафедрой социальных технологий социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье предпринята попытка представить социальные технологии и как выделенное направление социологических исследований, и как практическое поле. Социальные технологии (как технологии управления социальными процессами, социальными агентами, организациями, общностями и т.д.) — это комплексное социальное явление. Это явление приобретает в настоящее время — время радикальных технологических трансформаций (интернет вещей, Big Data, виртуальная и дополненная реальность, технологии блокчейна, роботизация, искусственный интеллект, машинное обучение, развитие экспертных систем, переход к разделяемой ("шеринговой") экономике и др.), переопределяющих принципы и способы функционирования самых разных областей социального мира и порождающих радикально новые социальные режимы и конфигурации — едва ли не универсальный характер. Исследовать и практиковать (разрабатывать, внедрять, изменять) социальные технологии означает работу с самыми разнообразными социальными феноменами и процессами, разворачивающимися в самых разных временных и пространственных масштабах и в различных социальных сферах. При этом до сих пор сохраняется необходимость, с одной стороны, концептуального и теоретического прояснения "социальных технологий", а с другой стороны, их институционализации и как исследовательского направления в рамках социологии, и как области социальной практики (со своими стандартами, организационными и кадровыми ресурсами и прочее). Открытие в 2013 г. кафедры социальных технологий на социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова стало своеобразным ответом на данную необходимость. В статье очерчивается ряд исследовательских направлений работы кафедры с момента ее учреждения по настоящее время.

Ключевые слова: *социальные технологии, управление, промышленно-технологическая революция, цифровое общество, информационные технологии, кафедра социальных технологий.*

*__Гавриленко Ольга Владимировна,__ e-mail: ol.gavrilenko2014@yandex.ru

SOCIAL TECHNOLOGIES AS RESEARCH FIELD AND INSTRUMENT OF SOCIAL TRANSFORMATIONS

Gavrilenko Olga Vl., PhD in Sociology, Associate Professor, Acting Head of Department of Social Technology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ol.gavrilenko2014@yandex.ru

This article attempts to represent social technologies as a research area of sociology and a practical field. Social technologies (as technology of government of social processes, agents, organizations, communities) are the complex social phenomenon. Nowadays — the days of radical technological changes (Internet of things, Big Data, virtual and augmented reality, blockchain technology, artificial intelligence, machine learning, robotization, transition to a shared economy), redefining a wide range of social fields and generating principally new social regimes ad configurations — the social technologies acquire almost universal character. The exploration and practices (design, implementation, modification) of social technologies mean the work with the widest possible range of social phenomena, deploying on very different spatial and time scales and in various social spheres. At the same time, there remains a need for conceptual and theoretical clarification of "social technologies" on the other hand, and for their institualization as research and practical fields (with its own standards, human and organizational resources and so on). The department of social technologies was opened in Moscow State University establishment on Faculty of Sociology in 2013 to address that need. The article outlines the whole number of research directions of this department since its establishment, through to the present day.

Key words: *social technologies, government, industrial and technological revolution, digital society, information technologies, department of social technologies.*

В настоящее время развитие технологического подхода в практике социального управления связано с расширением масштабов использования социальных технологий и провозглашаемой необходимостью повышения их эффективности. Социальные технологии сегодня — это не только динамично развивающаяся отрасль знаний, но и выделенная область социальной практики. Социальные технологии как инструмент социального управления претендуют на целенаправленное воздействие на социальные системы (институты, организации) и процессы их развития. Актуальным направлением становится разработка и практическое внедрение принципов регулирования социальных взаимодействий и процессов, технологизации (например, в области промышленного производства, массового потребления, образования и т.д.) широкого спектра социальных структур и отношений, а также учет их возможных социальных последствий, многопрофильный контроль над общественными преобразованиями. Социальные технологии выступают связующим звеном между социологической теорией и социальной практикой, обеспечивая более эффективное воздействие субъектов управления (государственных институтов, крупных корпоративных

игроков) на управляемый социальный "объект" (те или иные социальные структуры, процессы, организации, практики, социальные группы, и даже сознание людей). Современные социальные технологии не только качественно меняют окружающую человека среду, но трансформируют природу (биологическую, социальную, ментальную) самого человека, вырабатывают новые ориентиры и смыслы его существования. Сегодня уже говорят о развитии особого типа социальных технологий, высоких социогуманитарных (Hi Hume), как технологий управляемой эволюции, изменения социокультурного кода, "тонких" технологий манипулирования индивидуальным и общественным сознанием[1].

Технологизация социальных практик — это сложный исторический процесс, вехами которого были, например, рождение социальной медицины как формы социального управления, централизованная кодификация национальных языков, учреждение единых систем мер и весов, стандартизация времени, административное упорядочивание и унификация национальных территорий, обширные программы инфраструктурного и пространственного переустройства европейских городов в XIX в., введение социального страхования, различных форм социального попечения и всеобщего среднего образования, появление и развитие статистики как политического и экономического инструмента, фордистская революция в области промышленного производства, тейлоризм, изощренные современные маркетинговые и политические технологии, все в большей степени стремящиеся ко все более детализированному контролю и управлению в опоре на алгоритмические процедуры обработки Big Data (например, интернет вещей)[2].

Развитию социальных технологий во многом способствовали социально-инженерные проекты, сопровождавшие (начиная, по крайней мере, с XVII–XVIII вв.) сложные процессы модернизации и исходившие из возможности и необходимости конструирования социального мира. По К. Попперу, социальная инженерия — это деятельность по проектированию новых социальных институтов, а также по перестройке уже существующих социальных институтов и управлению ими путем частичных, постепенных реформ и изменений («частичная» социаль-

---

[1] См.: *Жукова Е.А.* Hi Tech: феномен, функции, формы. Томск, 2007; *Чешко В.Ф., Глазко В.И.* High Hume (биовласть и биополитика в обществе риска). Уч. пособ. М., 2009; *Тищенко П.Д.* Биовласть в эпоху биотехнологии. М., 2001.

[2] См., например: *Фуко М.* Рождение социальной медицины // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и статьи. Ч. 3. М., 2006. С. 79–108; *Он же.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М., 2000; *Он же.* Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб., 2011; *Скотт Д.* Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения человеческой жизни. М., 2010; *Дин М.* Правительность: власть и правление в современных обществах. М., 2016; *Гринфилд А.* Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. М., 2018.

ная инженерия)[3]. Однако до сих пор нет устоявшегося определения самого понятия "социальные технологии". Как следствие, сохраняется неоднозначность "социальных технологий" как выделенной исследовательской области. Выделяют четыре подхода к пониманию социальных технологий: эпистемологический (как система знаний о законах и закономерностях развития и управления социальными институтами и социальными процессами), деятельностный (как деятельность социолога-практика в сфере управления), инструментальный (как средство социальных преобразований), утилитаристский (как инновационный метод оценки и использования социальных объектов)[4]. В Российской социологической энциклопедии социальные технологии определяются как "специфическое и стандартное средство деятельности социолога-практика в сфере управления; способ организации и упорядочения целесообразной практической деятельности, совокупность приемов, направленных на изменение социального объекта, достижение заданного результата; трансформация знаний, полученных академической наукой, в средства практической деятельности". И.Т. Касавин понимает под социальными технологиями "коммуникационно-деятельностную форму проявления социального субъекта на уровне организационной, управленческой и социально-проектировочной деятельности, в аспекте социального конструирования знания и реальности, основанного на социальных и гуманитарных науках"[5]. В.В. Щербина считает, что социальные технологии — это "разновидность технологий, понимаемых в широком смысле как стандартизированные средства организации и рационализации практической целенаправленной управленческой деятельности, которые при решении типовых задач гарантируют достижение заданного результата, как и любая технология задает порядок и содержание операций"[6].

Помимо необходимости концептуального и теоретического прояснения "социальных технологий" как исследовательской области достаточно дискуссионным остается вопрос о понимании роли и границах поля деятельности социолога и социального технолога: одинаковы ли эти роли или различаются, работают они в одном поле или в разных? Социолог только ли собирает данные, анализирует их или должен еще как-то влиять на возможность применения результатов социологических исследований на практике? Или такие активные действия по преобразованию социальной реальности входят в зону ответственности

---

[3] *Поппер К.Р.* Нищета историцизма. М., 1993.

[4] *Плотников М.В., Смельцова С.В.* Социальные технологии как объект социологического исследования // В мире научных открытий. 2012. № 4.3. С. 169–187.

[5] *Касавин И.Т.* Социальные технологии. Теоретические концептуализации и примеры // Общественные науки и современность. 2012. № 6. С.100–111.

[6] *Щербина В.В.* Социальные технологии: история появления термина, трансформация содержания, современное состояние // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 113–124.

именно социального технолога и социального инженера? Должен ли социолог быть исключительно исследователем, объективным, независимым от заказчика или он должен результатами своих исследований влиять на принятие решений заказчиком? Во многом именно этой проблематике была посвящена последняя IX Грушинская социологическая конференция "Социальная инженерия: как социология меняет мир"[7]. В основном, участники различных дискуссий сошлись во мнении, что социальная инженерия сводится, прежде всего, к разработке инструментов и технологий социальных изменений, социального управления, а также сопровождению внедрения этих технологий в практику. В качестве примера необходимости привлечения социальных инженеров и социальных технологов к процессу осуществления (или сопровождения) реформ участниками конференции, и прежде всего, генеральным директором ВЦИОМ В. Федоровым, была приведена пенсионная реформа, осуществленная технократами без серьезных исследований, которая вызвала крайне негативную реакцию населения, резко обрушила рейтинги власти и была названа россиянами "главным событием 2018 г." Сегодня заказчики социологических исследований (особенно, органы государственной и муниципальной власти) все чаще, получив результаты социологических исследований, задаются вопросом — а что дальше? Что делать, исходя из полученных данных? Идет запрос не просто на исследования, но на решения, и здесь открывается поле для деятельности именно социальных инженеров и социальных технологов как разработчиков и "внедренцев" этих решений.

Одной из проблем развития данного направления в социологии является низкий уровень институционализации социальных технологий и как исследовательской области, и как практического поля: отсутствие стандартов разработки и внедрения социальных технологий, нехватка программ подготовки социальных инженеров и технологов, отсутствие средств правового, этического, экономического регулирования практики применения социальных технологий. Кроме того, кардинальные изменения, происходящие в связи с активным функционированием Индустрий 4.0[8], формированием нового технологического уклада, цифровизацией общества, ставят новые задачи по развитию социальных технологий, способствующих внедрению этих изменений с учетом

---

[7] https://wciom.ru/nauka_i_obrazovanie/nauchnaja_rabota/conferences/conference_2019/programma/

[8] Понятие "Индустрии 4.0" было введено немецким правительством для обозначения стратегического плана развития немецкой промышленности, основанного на объединении в едином информационном пространстве информационных систем и промышленного оборудования, позволяющего им взаимодействовать с внешним миром и между собой без участия человека. Сегодня, говоря об Индустриях 4.0, чаще всего подразумевают развитие интернета вещей, облачных технологий, умных систем, виртуальной и дополненной реальностей, роботизации, 3D-печати, Big Data и др.

социальных последствий такой технологизации. Проблема разработки и внедрения современных социальных технологий стоит сегодня очень остро. При этом сама проблематика социальных технологий только ищет свое место в устоявшейся системе социологических знаний. Научная институционализация социальных технологий обнажает ряд проблем: исследовательских, методологических, организационных и кадровых. На данный момент недостаточно активно осуществляются широкомасштабные (по необходимости, междисциплинарные) теоретические и эмпирические исследования социальных технологий и их эффективности, программы подготовки специалистов в области социальных технологий находятся в стадии разработки, отсутствуют средства правового, этического, экономического регулирования практики применения социальных технологий, недостаточно разработаны стандарты социальных технологий и механизмы их внедрения. В России пока совсем немного кафедр, которые бы поднимали проблематику социальных технологий. Открытие в 2013 г. кафедры социальных технологий на социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова стало шагом в направлении решения этих проблем.

На данный момент в состав кафедры социальных технологий входят: О.В. Гавриленко, и.о. заведующего кафедрой, доцент, кандидат социологических наук, А.Ш. Викторов, профессор, доктор социологических наук, В.В. Зырянов, доцент, кандидат экономических наук. Осознание необходимости развития этого направления на факультете складывалось постепенно. Так, в 2007 г. факультет ввел в учебный план новый спецкурс "Социальные технологии", начиная с 2010 г. делегации факультета регулярно принимали участие в международном симпозиуме "Формирование и развитие социально-технологической культуры специалиста" в Белгородском ГУ, в Санкт-Петербургских социологических чтениях "Социальные технологии в современном обществе" (2012 г.) и других научных форумах. Наконец, заинтересованность в работе по этому направлению была высказана выпускником факультета, а ныне Министром промышленности и торговли РФ Д.В. Мантуровым. Он актуализировал такие направления исследований, как социальные технологии адаптации общества к новым технологическим прорывам в экономике, интегральный социально-технологический инструментарий анализа положения дел в моногородах, социальные технологии повышения эффективности персонала и ряд других. Параллельно в учебных планах подготовки социологов (бакалавриат и магистратура) и менеджеров как отражение роста практикоориентированности новых образовательных стандартов вырос удельный вес дисциплин, направленных на изучение социальных технологий. В учебном процессе кафедре поручено проведение занятий в бакалавриате и магистратуре по дисциплинам "Социальные технологии", "Социальные технологии модернизации общества", "Социальные технологии в управлении обще-

ством", "Социокультурные основы управления организацией", "Общество потребления: современные технологии управления", "Социальная статистика", "Социология поколений", "Социальные структуры и процессы" и ряд других дисциплин.

В последние годы приоритетными исследовательскими направлениями кафедры социальных технологий выступали следующие: новые формы социального контроля в условиях цифровизации общества и новые формы мониторинга социального, экономического и политического поведения граждан, программы рейтингования населения (доцент О.В. Гавриленко); влияние промышленно-технологической революции 4.0. на трансформацию социальных институтов (доцент О.В. Гавриленко, профессор А.Ш. Викторов, доцент В.В. Зырянов); негативные и позитивные последствия развития новых технологий на базе NBICS-конвергенции[9] для социального управления на макро- и микроуровнях (доцент О.В. Гавриленко); процесс бюрократизации при разработке и внедрении новых технологий и формирование новой формы бюрократии — "инновационной бюрократии" (доцент О.В. Гавриленко); направления использования новых форсайт-технологий в деятельности современных организаций в условиях развития индустрий 4.0 (доцент О.В. Гавриленко); социальные технологии культурной, экономической, политической модернизации общества (доцент О.В. Гавриленко, профессор А.Ш. Викторов, доцент В.В. Зырянов); процесс модернизации России как проблема демографической безопасности и сохранения общественного здоровья нации (профессор А.Ш. Викторов); динамика социальных изменений в современном мире и трансформация системы ценностей (доцент О.В. Гавриленко, профессор А.Ш. Викторов, доцент В.В. Зырянов); процессы и технологии консолидации российского общества в условиях поиска национальной идеологии и формирования системы ценностей (профессор А.Ш. Викторов, доцент В.В. Зырянов); перспективы использования социальных технологий управления в условиях трансформации системы российского высшего образования (доцент В.В. Зырянов); инновационные социальные технологии формирования торговых пространств и выявление социальных факторов трансформации практик потребления, а также технологии манипулирования потребительским поведением (доцент О.В. Гавриленко)[10].

---

[9] NBICS — нано-, био-, информационные, когнитивные и социальные технологии.

[10] См, например: *Барков С.А., Гавриленко О.В., Маркеева А.В., Свердликова Е.А.* Бедность и богатство: восприятие российских интернет-пользователей // ЭКО. 2018. № 3. С. 82–101; *Викторов А.Ш.* Особенности модернизации современного российского общества в контексте демографической безопасности и здоровья нации // Здоровье и образование в XXI веке. 2017. Т. 19. № 10. С. 410–414; *Викторов А.Ш.* К проблеме новой социальной реальности современного индустриального общества // Сборник докладов Санкт-Петербургского международного экономиче-

Само многообразие данных исследовательских направлений указывает на чрезвычайную комплексность социальных технологий и как исследовательского объекта, и как практического поля (и одновременно на их универсальный в настоящее время характер как социального явления). Исследовать социальные технологии означает работу с самыми разнообразными социальными феноменами и процессами, разворачивающимися в самых разных временных и пространственных масштабах и в самых различных социальных сферах.

Так, при изучении глобальных изменений современной человеческой цивилизации, непосредственно связанных с крайне противоречивыми процессами модернизации и трансформации современного общества, особое внимание в рамках кафедры было направлено на системный анализ социальных технологий, воздействующих на характер функционирования социальных институтов в разных обществах. Профессором А.Ш. Викторовым была предпринята попытка рассмотреть структурный кризис современного капитализма как прежде всего институциональный кризис, обусловленный как несовершенством ключевых институтов, превратившихся в институты неравенства на разных уровнях социальной системы, так и целенаправленным применением новых технологий (жестких и мягких) в конструировании существующего миропорядка, определяемого разными "матрицами неравенства взаимодействий"[11].

Рассматривая проблематику развития социальных технологий сегодня, необходимо отталкиваться от специфики трансформации социальной реальности под воздействием новых информационных, телекоммуникационных технологий, цифровизации и медиатизации мира, развития трендов новой промышленно-технологической революции (интернет вещей, Big Data, виртуальная и дополненная реальность, технологии блокчейна, роботизация и развитие экспертных систем, переход к разделяемой ("шеринговой") экономике и др.). Эти процессы формируют новые вызовы для развития промышленности, сферы занятости, институтов образования, функционирования современных организаций, вынужденных отказываться от традиционных техно-

---

ского конгресса (СПЭК-2017) Форсайт "Россия": новое индустриальное общество. Перезагрузка. 2018 / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб., 2018. Т. 2. С. 493–499; *Маркеева А.В., Гавриленко О.В.* Трансформация потребительских практик: новые сценарии потребительского поведения и способы организации торговых пространств // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 2; *Скворцов Н.Г., Зырянов В.В.* Социологическое образование: между стандартами и реалиями // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 30–40; *Barkov S.A., Markeeva A.V., Gavrilenko O.V.* Features of innovation bureaucracy (a Russia-based study) // Postmodern Openings, LUMEN Publishing. 2018. N 2. P. 210–224.

[11] *Викторов А.Ш.* Институты неравенства в современном обществе // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 1. С. 12–31.

логий и моделей управления. Цифровые технологии переопределяют принципы и способы функционирования самых разных областей социального мира и порождают радикально новые социальные режимы и конфигурации. За кажущимися объективными в своей технической нейтральности представлениями и описаниями цифровых технологий и их возможностей, как правило, не замечают того факта, что они (уже на уровне своей алгоритмической организации) реализуют определенные политические и социальные императивы и модели, и в этом смысле являются социальными технологиями[12]. Все это определяет направления исследований кафедры социальных технологий.

Четвертая промышленно-технологическая революция подразумевает целый круг социальных, экономических, структурных, организационных изменений во всех сферах жизни общества, происходящих за счет повседневного внедрения радиоэлектроники, ИКТ (информационно-коммуникационных технологий) и основанных на ИКТ производственных и финансовых технологий[13]. Данная революция включает в себя развитие индустрий 4.0 (автоматизация и роботизация производства на базе цифровых технологий), цифровой экономики (широкое использование ИКТ в бизнесе, управлении, производстве, финансах на основе цифровых платформ и сетей), кардинальные изменения финансовой системы (перевод трансакций в электронную форму).

Сегодня стало очень модно говорить о цифровизации, сводя изменения и трансформации в современном мире к формированию цифровой культуры взаимодействия. На уровне государственной власти развиваются проекты цифровой экономики, основными цифровыми технологиями заявляются большие данные, нейротехнологии и искусственный интеллект, системы распределенного реестра (блокчейн), квантовые технологии, новые производственные технологии; промышленный интернет, компоненты робототехники и сенсорика, технологии беспроводной связи, технологии виртуальной и дополненной реальностей. Россия пока находится в пятой десятке стран по уровню готовности к цифровой экономике. Кроме того, серьезной проблемой для нашей страны является цифровое неравенство.

Все эти радикальные технологии преобразуют нашу жизнь, меняют функционирование организаций и предъявляют новые требования к управлению современной постиндустриальной организацией. Основными тенденциями развития организации в постиндустриальный период являются уменьшение численности персонала, демократизация

---

[12] Эта идея в настоящее время активно разрабатывается целым рядом авторов. См., например: *Гринфилд А.* Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. М., 2018; *Срничек Н.* Капитализм платформ. М., 2019.

[13] *Кошовец О.Б., Ганичев Н.А.* Глобальная цифровая трансформация и ее цели: декларации, реальность и новый механизм роста // Экономическая наука современной России. 2018. № 4. С. 126–144.

управления организацией, развитие малоуровневых структур управления и организационных сетей, возрастание роли информационно-коммуникационных технологий, влияние процессов глобализации и т.п.[14]

Современные организации под влиянием развития информационных технологий, процессов цифровизации, действия трендов новой промышленно-технологической революции подвергаются серьезной трансформации как организационной структуры (переход к холакратическим структурам, предполагающим отказ от иерархии, функциональных блоков, должностных обязанностей, развитие полифункциональности — яркий пример это "бирюзовые организации"), так и практик управления, требуют применения новых социальных технологий повышения эффективности деятельности персонала и организации в целом (например, технологий геймификации, повышения вовлеченности и развития корпоративного патриотизма, технологий управления организационной культурой и формирования командного духа, технологий Agile, Scrum, Kanban)[15].

Глобализация и интернационализация бизнеса радикально умножают количество объектов управленческих технологий, т.е. то, чем нужно управлять и с чем управление вынуждено соотноситься, на что нацелено управление и чем оно контекстуализируется. Связь управления и культуры двоякая: 1) культурные "объекты", характеристики, "свойства" являются точками приложения управленческих технологий, манипуляций; 2) культурные порядки являются неустранимым контекстом технологий управления[16].

Ведение бизнеса предполагает на управленческом уровне работу с неоднородными элементами, сводимыми (по крайней мере, в идеале) в единые системы, в которых сама неоднородность (социальная, историческая, культурная) является управленческой проблемой, требующей разработки и применения нетривиальных управленческих технологий. Это управление представлениями и верованиями (например, техники формирования лояльности, корпоративного патриотизма), управление карьерными траекториями, управление организацией пространства и времени (организация рабочего места, временных регламентов, регламентов перемещений, нормирования рабочего дня) и др. Национальная культура, формируя деловую культуру, во многом определяет поведение работников компании и оказывает серьезное влияние на организационную (корпоративную) культуру, а также на технологии управления. Выявление основных параметров межкультурных разли-

---

[14] Социология организаций: уч. для бакалавриата. М., 2013.

[15] Управление человеческими ресурсами. В 2 ч.: Уч. и практикум для академического бакалавриата / Под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова. М., 2016.

[16] *Гавриленко О.В.* Россия между Западом и Востоком: организация, культура, практики управления и отношения неравенства // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 3. С. 56–70.

чий, особенностей деловых культур, практик и моделей управления, в том числе, российской, является одним из важных направлений исследований кафедры социальных технологий и сферой научных интересов О.В. Гавриленко[17].

Сформированная в результате промышленно-технологической революции новая экономика предъявляет особые требования к навыкам, компетенциям и образованию персонала. Меняются требования к образованию — необходимо развитие социальных навыков, навыков командной работы, умения работать в мультикультурных средах, решать междисциплинарные задачи. Серьезные вызовы современная дигитализация и технологическая революция ставят не только перед теми, кто управляет социальными, политическими, экономическими процессами, руководит организациями, социальными группами, но и перед системой образования. Кто будет востребован экономикой будущего? Нужны ли вообще так называемые гуманитарии, может быть достаточно "технарей", программирующих роботов? Компьютеризация приведет к необходимости для многих переучиваться, получать новые знания и более высокую квалификацию. Университет, как и любой другой социальный институт в условиях динамичных социальных изменений, призван отвечать на вызовы модернизации и глобализации: повышение международной конкуренции как в образовании, так в и экономике, изменение структуры рынка труда (рост высокотехнологичных рабочих мест), цифровизация и развитие цифрового поведения, размытие границ между секторами индустрии и, как следствие, рост междисциплинарных исследований, старение населения, быстрая смена технологий и растущий спрос на непрерывное образование.

Именно поэтому отдельное внимание в рамках исследований кафедры социальных технологий было уделено анализу развития системы образования как фактора инновационного развития и в частности социологического образования. Так, В.В. Зырянов рассматривает процессы, определяющие развитие социологического образования в нашей стране за последние 8–10 лет[18]. Выявлены количественные тенденции изменения масштабов и "распределенности" социологического образования, проанализированы проблемы его позиционирования в системе взаимоотношений с рынком труда. Особое внимание уделено профес-

---

[17] См.: *Гавриленко О.В.* Российская деловая культура: тенденции развития // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. № 1. С. 98–111; *Она же.* Российская деловая культура: проблемы становления и развития // Социология. 2011. № 3. С. 76–91; *Она же.* Культура и практики управления организацией // Лизинг. Технологии бизнеса. 2013. № 9. С. 65–72; *Она же.* Россия между Западом и Востоком: организация, культура, практики управления и отношения неравенства // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 3. С. 56–70.

[18] *Скворцов Н.Г., Зырянов В.В.* Социологическое образование: между стандартами и реалиями // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 30–40.

сиональной идентичности выпускников-социологов. Была выдвинута гипотеза, что инструментами гармонизации отношений между социологическим образованием и рынком труда могут служить отраслевая рамка квалификации и профессиональные стандарты. Обоснование выявленных тенденций в изменениях масштабов и структуры социологического образования опирается на анализ данных официальной статистики контингента и контрольных цифрах приема на социологические факультеты и отделения. Анализ показал тенденцию к сокращению масштабов социологического образования и его концентрацию в столицах и центральных регионах РФ. Поиск возможностей сопряжения трудовых функций на рабочих местах и компетенций, формируемых во время обучения, проведен путем сопоставления возможностей проекта профессионального стандарта социолога и модели отраслевой рамки квалификаций. Значительное позитивное влияние может оказать на развитие социологического образования введение (актуализация) профессионального стандарта социолога.

При этом можно констатировать, что все больше углубляется разрыв между образовательными программами и спросом на определенные специальности на рынке труда, что во многом определяется динамичными изменениями профессиональной структуры (появлением новых профессиональных групп и быстрым исчезновением старых) вследствие технологизации. Опираясь на различные форсайт-исследования[19], можно говорить о возрастании значимости социальных (social skills) навыков и навыков комплексного решения проблем (complex solving problem skills), в отличие от предыдущих периодов, когда ключевые компетенции были напрямую увязаны с особенностями выполняемой работы. Социальные навыки, связанные с выстраиванием взаимодействий, развитие эмоционального интеллекта станут по значимости столь же важными, как и узкоспециализированное знание. Сегодня возникают новые отрасли экономики, происходят процессы отмирания и модернизации старых отраслей, в том числе за счет основных направлений технологизации: "цифровизации", появления новых материалов, развития умных систем управления. Все эти процессы неизбежно повлияют на занятость, снижая востребованность одних профессий и видов деятельности, повышая потребность в специалистах другого профиля, что может привести и к структурной безработице, одновременно стимулируя региональную мобильность и конкуренцию за персонал, прежде всего, так называемый, "креативный класс"[20].

Важно осознавать, что современные технологии автоматизации, роботизации, ИКТ несут угрозу не только "синим воротничкам", вы-

---

[19] Атлас новых профессий. М., 2014.

[20] *Гавриленко О.В.* Технологическое замещение: социальные последствия промышленно-технологической революции 4.0 // Труд и общество в реалиях XXI века. СПб., 2017. С. 279–284.

полняющим рутинную деятельность, но и "белым воротничкам". Сегодня любые, потенциально рутинизируемые, виды деятельности могут быть заменены машиной. Компьютеры достаточно быстро осваивают новые навыки, получая доступ ко все большему объему информации. В будущем с проблемами поиска работы с высокой вероятностью могут столкнуться "белые воротнички", причем, даже те из них, которые занимаются "креативной" деятельностью, творчеством. Многие компании, работающие в ИТ-сфере, увеличивают капитализацию, используя труд достаточно ограниченного числа работников. Актуальным становится вопрос о востребованности специалистов с высшим образованием, о перспективных и неперспективных профессиях, и вообще о трансформации экономики и рынка занятости.

Необратимое воздействие цифровых технологий на социальные структуры, институты и повседневные практики заставляет заново ставить классический социологический вопрос о социальном контроле, его формах и способах реализации. Развитие новых информационных и коммуникативных технологий позволяет собирать неограниченный массив данных обо всех сторонах жизни современного человека, в том числе, о его рутинных повседневных практиках. Цифровые платформы становятся важнейшим игроком на данном поле, агрегируя всю эту информацию. Государственная власть, взаимодействуя с IT-компаниями, владельцами цифровых платформ, вкладывая средства в развитие информационной инфраструктуры, рассчитывает на сотрудничество и лояльность в предоставлении данных для контроля над различными аспектами социальной и экономической деятельности населения, а также их частной сферы. Очень показательным примером такого взаимодействия государственной власти и бизнеса является построение "общества доверия" на основе системы социального кредита в Китае, а именно, внедрения системы рейтингования граждан со всеми вытекающими положительными и отрицательными санкциями. Фактически речь идет о попытке создания цифровой диктатуры, полной прозрачности для государства и бизнеса жизни каждого человека, лишения его личного пространства[21]. При этом возникает вопрос — почему мы верим в то, что эти умные платформы, агрегаторы собирают "истинную" информацию, что они действительно "понимают", каковы наши действия, наша повседневность и что мы реально собой представляем? Можно ли закодировать сложную жизнь в технических системах и, в конечном счете, свести ее к коду, насколько социальные миры вообще поддаются алгоритмизации? Являются ли все релевантные свойства измеримыми, т.е. представимыми в цифровых форматах? Социальный

[21] *Маркеева А.В., Гавриленко О.В.* Цифровизация общества: новые возможности развития или путь к цифровой диктатуре // Солидарность и конфликты в современном обществе. Материалы научной конференции XII Ковалевские чтения 15–17 ноября 2018 года / Отв. ред. Ю.В. Асочаков. СПб., 2018. С. 117–118.

мир слишком сложен, чтобы можно было утверждать о возможности получения полной информации о нем, сколь бы продвинутыми ни были информационные системы, агрегирующие эти данные.

Несмотря на быстрое распространение прорывных технологий, в том числе и в сфере управления, социальным инженерам часто приходится принимать во внимание ограниченность технологизации социального мира. Технологии, в том числе, социальные, предполагают алгоритмизацию, разделенность на этапы, последовательность, предсказуемость результата. Крах многих модернизационных проектов был обусловлен непринятием во внимание локальных социальных условий и культурной среды реализации различных социальных проектов, множеством побочных эффектов технологизации, стандартизацией, которая по определению не работает с различиями, стремясь их устранить. Так как объектом социальных технологий являются люди, мы не можем говорить о полной предсказуемости результата технологизации. Социальные технологии не могут быть в точности воспроизведены в любое время в любом месте в заданных условиях. При этом сам объект применения социальных технологий не является пассивным и результат технологизации будет зависеть от поведения социального объекта.

Современный мир стремительно меняется и то, что раньше казалось фантастикой или очень отдаленным будущим, вдруг становится реальностью. Дж. Урри указывает на то, что "общественные науки обращаются к миру будущего достаточно неохотно, внося ограниченный вклад в его теоретизацию и анализ"[22]. В то время, как "исследования будущего должны стать частью социальных наук… Значительная часть теоретических и исследовательских работ в рамках социальных наук направлена на предвосхищение будущего, но они редко бывают связаны с исследованиями будущего"[23]. Совершенствование искусственного интеллекта, появление био-роботов, технологий увеличения продолжительности жизни, развитие виртуальной и дополненной реальности, всеобщая "цифровизация", изменение способов сбора и обработки информации (интернет вещей, Big Data, облачные технологии и др.), появление новых материалов (например, в ходе NBICS — конвергенции: нано-, био-, информационных, когнитивных и социальных технологий), развитие умных систем управления ("умные дома", предприятия 4.0, компьютеризированные системы управления дорожным движением и др.) — все это радикально меняет смысловые и социальные режимы существования человека, трансформирует социально-экономические и политические структуры и социальные институты. Быстрота и порой разрушительный характер некоторых новых технологий способствуют популяризации и распространению "политики запрещения", усиливают консерватизм в отношении технологических инноваций. Развитие

---

[22] *Урри Дж.* Как выглядит будущее? М., 2018. С. 14.

[23] Там же. С. 18.

новой промышленной революции должно сопровождаться не только широким обсуждением новых технологических возможностей и связанных с ними экономических и социальных трансформаций (например, технологического замещения), но, прежде всего, глубокой философской и социологической экспертизой целей и задач, которых мы хотим достигнуть в результате нового технологического прорыва. Отсутствие четкого целеполагания применения новых технологий, комплексной социальной экспертизы, выработки общего, согласованного представления об общем глобальном будущем будет приводить к еще большему углублению существующих социальных проблем, а не их решению, а также появлению новых угроз, к которым общество, государство и каждый конкретный человек будут не готовы[24].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Атлас новых профессий. М., 2014.

Барков С.А., Гавриленко О.В., Маркеева А.В., Свердликова Е.А. Бедность и богатство: восприятие российских интернет-пользователей // ЭКО. 2018. № 3. С. 82–101.

Барков С.А., Зубков В.И. Социология организаций. М., 2015.

Викторов А.Ш. Особенности модернизации современного российского общества в контексте демографической безопасности и здоровья нации // Здоровье и образование в XXI веке. 2017. Т. 19. № 10. С. 410–414.

Викторов А.Ш. К проблеме новой социальной реальности современного индустриального общества // Форсайт "Россия": новое индустриальное общество. Перезагрузка: Сб. докладов Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК–2017) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. Т. 2. СПб., 2018. С. 493–499.

Викторов А.Ш. Институты неравенства в современном обществе // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 1. С. 7–28.

Гавриленко О.В. Российская деловая культура: тенденции развития // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. № 1. С. 98–111

Гавриленко О.В. Российская деловая культура: проблемы становления и развития // Социология. 2011. № 3. С. 76–91.

Гавриленко О.В. Культура и практики управления организацией // Лизинг. Технологии бизнеса. 2013. № 9. С. 65–72.

Гавриленко О.В. Россия между Западом и Востоком: организация, культура, практики управления и отношения неравенства // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 3. С. 56–70.

Гавриленко О.В. Технологическое замещение: социальные последствия промышленно-технологической революции 4.0 // Труд и общество в реалиях XXI века. СПб., 2017. С. 279–284.

Гавриленко О.В., Маркеева А.В. Технологическая революция 4.0: возможности развития или путь к тотальному контролю? // Революция и эволюция: модели раз-

---

[24] *Гавриленко О.В., Маркеева А.В.* Технологическая революция 4.0: возможности развития или путь к тотальному контролю? // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: Сб. науч. ст. / Под общ. ред. И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана. Н. Новгород, 2017. С. 294–297.

вития в науке, культуре, социуме: сборник научных статей / Под общ. ред. И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана. Н. Новгород, 2017. С. 294–297.

Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. М., 2018.

Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах. М., 2016.

Жукова Е.А. Hi Tech: феномен, функции, формы. Томск, 2007.

Касавин И.Т. Социальные технологии. Теоретические концептуализации и примеры // Общественные науки и современность. 2012. № 6. С. 100–111.

Кошовец О.Б., Ганичев Н.А. Глобальная цифровая трансформация и ее цели: декларации, реальность и новый механизм роста // Экономическая наука современной России. 2018. № 4. С. 126–143.

Маркеева А.В., Гавриленко О.В. Трансформация потребительских практик: новые сценарии потребительского поведения и способы организации торговых пространств // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 2. С. 92–115.

Маркеева А.В., Гавриленко О.В. Цифровизация общества: новые возможности развития или путь к цифровой диктатуре // Солидарность и конфликты в современном обществе: Мат-лы науч. конференции XII Ковалевские чтения 15–17 ноября 2018 года / Отв. ред. Ю.В. Асочаков. СПб., 2018. С. 117–118.

Плотников М.В., Смельцова С.В. Социальные технологии как объект социологического исследования // В мире научных открытий. Красноярск, 2012. № 4.3. С. 169–187.

Поппер К. Нищета историцизма. М., 1993.

Скворцов Н.Г., Зырянов В.В. Социологическое образование: между стандартами и реалиями // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 30–40.

Скотт Д. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения человеческой жизни. М., 2010.

Тищенко П.Д. Биовласть в эпоху биотехнологии. М., 2001.

Управление человеческими ресурсами. В 2 ч.: Уч. и практикум для академического бакалавриата / Под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова. М., 2016.

Урри Дж. Как выглядит будущее? М., 2018.

Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М., 2000.

Фуко М. Рождение социальной медицины // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М., 2006. С. 79–108.

Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб., 2011.

Чешко В.Ф., Глазко В.И. High Hume (биовласть и биополитика в обществе риска): Уч. пособ. М., 2009.

Щербина В.В. Социальные технологии: история появления термина, трансформация содержания, современное состояние // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 113–124.

REFERENCES

Atlas novyh professij [The Atlas of new professions]. M., 2014 (in Russian).

Barkov S.A., Gavrilenko O.V., Markeeva A.V., Sverdlikova E.A. Bednost' i bogatstvo: vospriyatie rossijskih internet-pol'zovatelej // EKO [ECO journal]. 2018. N 3. P. 82–101 (in Russian).

Barkov S.A., Markeeva A.V., Gavrilenko O.V. Features of innovation bureaucracy (a Russia-based study) // Postmodern Openings. 2018. N 2. P. 210–224.

Barkov S.A., Zubkov V.I. Sotsiologiya organizatsii [Sociology of organizations]. M., 2015 (in Russian).

Cheshko V.F., Glazko V.I. High Hume (biovlast' i biopolitika v obshchestve riska): Uch. posob. [High Hume (biopower and biopolitics in Risk Society)]. M., 2009 (in Russian).

Dean M. Pravitel'nost': vlast' i pravlenie v sovremennyh obshchestvah [Governmentality: Power and Rule in Modern Society]. M., 2016 (in Russian).

Foucault M. Nadzirat' i nakazyvat': rozhdenie tyur'my [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. M, 1999 (in Russian).

Foucault M. Bezopasnost', territoriya, naselenie. Kurs lektsii, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1977–1978 uchebnom godu [Safety, Territory, Population. Lectures at the College de France in 1977–1978]. St. Petersburg, 2011 (in Russian).

Foucault M. Rozhdenie social'noj mediciny [The birth of social medicine] // Fuko M. Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu. Ch. 3 [Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews. Part 3.] M., 2006. P. 79–108 (in Russian).

Gavrilenko O.V. Rossijskaya delovaya kul'tura: tendencii razvitiya [Russian business culture: the tendencies of development] // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18. Sociologiya i Politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. 2011. N 1. P. 98–111 (in Russian).

Gavrilenko O.V. Rossijskaya delovaya kul'tura: problemy stanovleniya i razvitiya [Russian business culture: the problem of establishment and development] // Sociologiya [Sociology]. 2011. N 3. P. 76–91 (in Russian).

Gavrilenko O.V. Kul'tura i praktiki upravleniya organizaciej [Culture and practices of management] // Lizing. Tekhnologii biznesa [Lizing. Business Technologies]. 2013. N 9. P. 65–72 (in Russian).

Gavrilenko O.V. Rossiya mezhdu zapadom i vostokom: organizaciya, kul'tura, praktiki upravleniya i otnosheniya neravenstva [Russia is between West and East: organization, culture, practices of management and relations of inequality] // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18. Sociologiya i Politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. 2014. N 3. P. 56–70 (in Russian).

Gavrilenko O.V. Tekhnologicheskoe zameshchenie: social'nye posledstviya promyshlenno-tekhnologicheskoj revolyucii 4.0 [Technological substitution: the social consequences of industrial and technological revolution 4.0.] // Trud i obshchestvo v realiyah XXI veka [Labour and society in XXI century]. SPb., 2017. P. 279–284 (in Russian).

Gavrilenko O.V., Markeeva A.V. Tekhnologicheskaya revolyuciya 4.0: vozmozhnosti razvitiya ili put' k total'nomu kontrolyu? [Technological revolution 4: possibilities of development or way to total control?] // Revolyuciya i evolyuciya: modeli razvitiya v nauke, kul'ture, sociume: sbornik nauchnyh statej [Revolution and evolution: the models of development in science, culture and society: a collection of scholarly articles] / Pod obshch. red. I.T. Kasavina, A.M. Fejgel'mana. N. Novgorod, 2017. P. 294–297 (in Russian).

Grinfild A. Radikal'nye tekhnologii: ustrojstvo povsednevnoj zhizni [Radical Technologies: The Design of Everyday Life.]. M., 2018 (in Russian).

Kasavin I.T. Social'nye tekhnologii. Teoreticheskie konceptualizacii i primery [Social Technologies. Theoretical conceptualizations and cases] // Obshchestvennye nauki i sovremennost [Social Sciences and Contemporary]. 2012. N 6. P. 100–111 (in Russian).

Koshovec O.B., Ganichev N.A. Global'naya cifrovaya transformaciya i ee celi: deklaracii, real'nost' i novyj mekhanizm rosta [Global Digital Transformation and I ts Goals: Declarations, Reality and the New Growth Mechanism. Economics of Contemporary Russia] // Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii [Economics of Contemporary Russia]. 2018. N 4. P. 126–143 (in Russian).

Markeeva A.V., Gavrilenko O.V. Cifrovizaciya obshchestva: novye vozmozhnosti razvitiya ili put' k cifrovoj diktature [Digital Society: new opportunities or the way to the digital dictatorship] // Solidarnost' i konflikty v sovremennom obshchestve: Mat-ly nauch. konferencii XII Kovalevskie chteniya 15–17 noyabrya 2018 goda. [Solidarity and conflict in contemporary society: Materials of Scientific Conference XII Kovalevskij's readings 15–17 November 2018] / Otv. red.: Yu.V. Asochakov. SPb., 2018. P. 117–118 (in Russian).

Markeeva A.V., Gavrilenko O.V. Transformaciya potrebitel'skih praktik: novye scenarii potrebitel'skogo povedeniya i sposoby organizacii torgovyh prostranstv [Transformation of consumer practice: new scripts of consumer behavior and method for organization trade spaces] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18, Sociologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. 2017. N 2. P. 92–115 (in Russian).

Plotnikov M.V., Smel'cova S.V. Social'nye tekhnologii kak ob"ekt sociologicheskogo issledovaniya [Social technologies as a social research's subjects] // V mire nauchnyh otkrytij [In the World of Scientific Discoveries]. Krasnoyarsk, 2012. N 4.3. P. 169–187 (in Russian).

Popper K. Nishcheta istoricizma [The Poverty of Historicism]. M.,1993 (in Russian).

Scott D. Blagimi namereniyami gosudarstva [Seeing like a state]. M., 2010 (in Russian).

Shcherbina V.V. Social'nye tekhnologii: istoriya poyavleniya termina, transformaciya soderzhaniya, sovremennoe sostoyanie [Social technologies: a history of term, content transformation, and contemporary state] // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2014. N 7. S. 113–124 (in Russian).

Skvorcov N.G., Zyryanov V.V. Sociologicheskoe obrazovanie: mezhdu standartami i realiyami [Sociological Education: Between Standards and Realities] // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2018. N 7. P. 30–40 (in Russian).

Tishchenko P.D. Biovlast' v epohu biotekhnologii [Biopower in the epoch of biotechnologies]. M., 2001 (in Russian).

Upravlenie chelovecheskimi resursami [Human resources management] / Pod red. S.A. Barkova, V.I. Zubkova [Ed. by S.A. Barkov, V.I. Zubkov]. M., 2016 (in Russian).

Urri Dzh. Kak vyglyadit budushchee? [What is the Future?]. M., 2018 (in Russian).

Viktorov A.S. Instituty neravenstva v sovremennom obshchestve [Institutes of inequality in modern society] //Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18. Sociologiya i Politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. 2019. N 25(1). P. 12–31 (in Russian).

Viktorov A.S. K probleme novoj social'noj real'nosti sovremennogo industrial'nogo obshchestva [To the problem of new social reality of contemporary industrial society] // Forsajt "Rossiya": novoe industrial'noe obshchestvo. Perezagruzka: sbornik dokladov Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo kongressa (SPEK–2017). [Forsayth "Russia": new industrial society. Reloading: A collection of the reports of S-Petersburg Economic Congress (SPEK–2017)] / Pod obshch. red. S.D. Bodrunova. SPb., 2018. Vol. 2. P. 493–499 (in Russian).

Viktorov A.S. Osobennosti modernizacii sovremennogo rossijskogo obshchestva v kontekste demograficheskoj bezopasnosti i zdorov'ya nacii [The peculiarities of modernization of contemporary Russian socity in the context of demographic security and national health] // Zdorov' i obrazovanie v XXI veke [Health and education in XXI century]. 2017. Vol. 19. N 10. P. 410–414 (in Russian).

Zhukova E.A. Hi Tech: fenomen, funkcii, formy [Hi Tech: phenomenon, functions, forms]. Tomsk, 2007 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-95-101

КАФЕДРА СОЦИОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В.В. Кочетков, докт. социол. наук, проф. кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье рассмотрен процесс становления и развития кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Охарактеризованы основные персоналии кафедры и сферы их научных интересов. Раскрыто содержание учебной и научной работы. Сформулированы основные проблемы и намечены перспективы развития кафедры.

Ключевые слова: *кафедра социологии международных отношений, школа МГУ, учебный процесс, научная деятельность.*

DEPARTMENT OF SOCIOLOGY OF INTERNATIONAL RELATIONS

Kochetkov Vladimir V., Doctor of Sociology, Professor, Department of Sociology of International Relations, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: vkochetkov58@mail.ru

The article describes the process of formation and development of the Department of Sociology of International Relations, Faculty of Sociology, Moscow State University named by M.V. Lomonosov. The main personnel of the department and their scientific interests are characterized. The content of educational and scientific work is disclosed. Formulated the main problems and outlined the prospects for the development of the department.

Key words: *Department of Sociology of International Relations, MSU School, educational process, scientific activity.*

Кафедра социологии международных отношений была создана на социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в 1990 г. под руководством доктора философских наук, профессора П.А. Цыганкова. За годы работы кафедра стала пользоваться заслуженным авторитетом в российском и международном научно-образовательном сообществе и популярностью у студентов. Научно-исследовательские труды и учебно-методические издания кафедры известны не только в ближнем, но и в дальнем зарубежье. На кафедре активно велись социологические

* **Кочетков Владимир Викторович,** e-mail: vkochetkov58@mail.ru

исследования по международным грантам. Работа кафедры получила признание в отечественном научно-образовательном сообществе как "Школа МГУ". Кафедра регулярно участвовала и организовывала конференции, семинары, круглые столы с участием видных ученых. На кафедре сложился небольшой, но сплоченный коллектив единомышленников и сформировался благоприятный социально-психологический климат. Стабильно работал диссертационный совет Д 501.001.05, в котором регулярно проводились защиты кандидатских и докторских диссертаций. С 2010 г., после смены руководства, кафедра переживала сложный период, но и сегодня она продолжает оставаться одной из немногих кафедр в мире, изучающих международные отношения с точки зрения социологии.

Персоналии кафедры

В настоящее время на кафедре работают заведующая кафедрой, доктор социологических наук, профессор Н.Г. Осипова, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (научная специализация — история зарубежной социологии, в том числе социология Франции и Великобритании, социология коммуникаций и пропаганды, политическая социология, социальная психология, актуальные социально-политические явления и процессы); доктор философских наук, профессор П.А. Цыганков (научная специализация — теория и социология международных отношений, теории внешней политики); доктор исторических наук, профессор Н.А. Васецкий (научная специализация — социология мировой политики, социология мировых цивилизаций, интеграционные процессы, проблемы глобального управления); доктор философских наук, профессор Л.Н. Доброхотов (научная специализация — история и политика США, история советско-американских и современное состояние российско-американских отношений, проблемы информационных войн); доктор социологических наук, профессор В.В. Кочетков (научная специализация — культуры и идентичность в международных отношениях); кандидат социологических наук, доцент А.В. Багаева (научная специализация — европейские региональные интеграционные процессы, международные конфликты и переговоры).

В разные годы на кафедре работали доктор политических наук, профессор Г.А. Дробот, доктор политических наук, доктор социологических наук А.Г. Дугин, доктор исторических наук, профессор Г.С. Хозин, доктор политических наук, профессор Д.М. Фельдман, доктор социологических наук, профессор Н.Р. Маликова, кандидат политических наук, доцент О.А. Хлопов, кандидат политических наук, старший преподаватель И.И. Портнягина, кандидат политических наук А.В. Левашова. В качестве совместителей приглашались такие известные ученые, как доктор исторических наук, профессор А.А. Мурадян, доктор

политических наук, профессор М.М. Лебедева, доктор исторических наук, профессор Л.О. Терновая, доктор философских наук, профессор В.Ц. Худавердян, кандидат политических наук, доцент К.П. Боришполец, кандидат исторических наук, доцент А.И. Слива. В качестве приглашенных профессоров преподавали Л. Дюамель (Канада), А. де Керкофф (Канада) и Пен Ки (Республика Корея).

За время работы на кафедре ряд преподавателей повысили свой научный статус, защитив диссертации. Д.М. Фельдман в 1993 г. и Г.А. Дробот в 2007 г. защитили докторские диссертации. О.А. Хлопов в 1998 г., А.В. Левашова в 2000 г. и И.И. Портнягина в 2007 г. защитили кандидатские диссертации. Сейчас работает над докторской диссертацией кандидат социологических наук, доцент А.В. Багаева.

Учебно-методическая работа

В настоящее время кафедра социологии международных отношений обеспечивает преподавание двух базовых дисциплин в соответствии с учебным планом по направлению подготовки "Социология" (бакалавриат): "Социология международных отношений" и "Этносоциология". Оба этих базовых курса претерпели радикальную переработку и начиная с текущего учебного года читаются по абсолютно новым программам, созданным на основе самых современных достижений социологической науки. Кроме того, профессор В.В. Кочетков читает курс "Социология" на географическом факультете.

С учетом специфики этих базовых дисциплин преподавателями кафедры разработаны и читаются следующие спецкурсы и курсы по выбору студентов: "Межкультурные аспекты международного сотрудничества" (на русском и английском языках), "Идентичность в современных международных отношениях" (на русском и английском языках), "Институты и процессы в глобальной политической системе" (на английском языке), "Процесс принятия внешнеполитических решений", "Социология внешней политики", "Глобальные проблемы современного мира", "Социология мировых цивилизаций", "Социология мировых интеграционных процессов", "Социология региональных интеграционных процессов", "Социология науки международных отношений: отечественные традиции", "Социология российско-американских отношений: история и современность".

Профессорами кафедры разработаны и регулярно читаются следующие межфакультетские курсы "Идентичность и культура в современных международных отношениях", "Глобальное управление современным миром: реальность и возможности", «Историческая социология международных отношений: уроки "холодной войны"».

За время работы на кафедре социологии международных отношений читались следующие спецкурсы и проводились спецсеминары: "Политические проблемы международных отношений и глобального

развития", "Социокультурные основы международных отношений", "Переговоры как путь к решению международных проблем", "Международный опыт молодежной политики", "Международные конфликты", "Международные организации в современном мире", "Культурно-психологические особенности международных отношений", "Внешняя политика России".

Для курсов, читаемых на кафедре, преподавателями разработаны учебно-методические пособия. Среди них следует отметить учебное пособие П.А. Цыганкова "Теория международных отношений" (гриф Министерства образования, М.: 2002–2017), "Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации" (Гриф УМО МГУ, М.: 2007–2017), В.В. Кочеткова "Идентичность и культура в современных международных отношениях" (гриф УМО МГУ, М.: 2015), Н.А. Васецкого "Социология мировой политики" (в соавторстве, гриф УМО МГУ, М.: 2012), "Современная история политических и правовых учений" (в соавторстве, гриф УМО МГУ, М.: 2013), "Социология мировых цивилизаций" (в соавторстве, гриф УМО МГУ, М.: 2014), "Социология мировой интеграции" (в соавторстве, гриф УМО МГУ, М.: 2017), А.В. Багаевой "Правовые основы европейской интеграции" (в соавторстве, гриф УМО МГУ, М.: 2016).

Под руководством профессора В.В. Кочеткова на кафедре успешно работал научный студенческий кружок, в рамках которого проводились встречи с представителями международных организаций (МККК, ООН, ЕС) и известными учеными-международниками, обсуждались курсовые и выпускные квалификационные работы, готовились выступления студентов на Ломоносовских чтениях.

Научная работа

Кафедра принимает активное участие в научных конференциях, проводимых социологическим факультетом: Сорокинских и Ломоносовских чтениях, Международной научной конференции "Ломоносов".

Кафедра выступила организатором научных семинаров и круглых столов "Социология современных войн" (2003), "Социология войны и мира" (2006), "Политическая культура современной России: состояние, проблемы, пути трансформации" (2007, совместно с кафедрой политологии и социологии политических процессов), "Внешняя политика государства в XXI веке: теория(и), методология, прикладной анализ" (2008), "Социология и психология международных отношений и геополитики" (2010), "Гибридные войны в хаотизирующемся мире XXI-го века" (2015), "Социология международных отношений в контексте мировых событий XXI века" (2016), "Социология международных отношений как научная и учебная дисциплина: структура предметного поля" (2018). По результатам дискуссий на этих научных форумах были изданы сборники трудов участников.

Преподаватели кафедры регулярно выступают с докладами на международных и всероссийских конференциях, круглых столах в Общественной палате Российской Федерации, Государственной Думе Российской Федерации, Центре научной политической мысли и идеологии (Центр Сулакшина), РГГУ, РУДН, Дипломатической академии МИД РФ, Дальневосточном Федеральным Университете, Поволжском институте управления имени П.А. Столыпина (Саратов), Комплексном научно-исследовательском институте им. Х.И. Ибрагимова РАН (Грозный), Сербии (Белград) и др.

На кафедре проводилась активная работа по грантам. Были выиграны следующие гранты: в 1998 г. "Международное сотрудничество: вопросы теории и практики" (РГНФ), в 2000 г. "Регионализм как мировая тенденция и ее проявления во внутренней и внешней политике России" (РГНФ), в 2005 г. "Восприятие расширения ЕС населением приграничных регионов России и Белоруссии (сравнительный анализ)" (РГНФ–БРФФИ), в 2006 г. "Международная политическая экономия: теоретико-методологические основания и конкретные аналитические подходы" (РГНФ).

Результаты научной работы преподавателей кафедры социологии международных отношений находят свое выражение в публикациях. Только за последние пять лет были опубликованы следующие монографии «"Гибридные войны" в хаотизирующемся мире XXI века» (под редакцией П.А. Цыганкова. М., 2015), Багаева А.В. "Акторы-актеры: деловые игры в изучении социологии международных отношений" (в соавторстве, М., 2017), Багаева А.В. "Геополитическая судьба Восточной Европы" (в соавтортве, М., 2016), Багаева А.В. "Закономерности и противоречия регионализации" (М., 2018), Багаева А.В. "Регионализация и региональная интеграция" (М., 2015), "Внешняя политика России в условиях глобальной неопределенности" (под редакцией П.А. Цыганкова, М., 2015), "Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений" (под редакцией П.А. Цыганкова, М., 2017), Доброхотов Л.Н. «Россия — Америка: новая "холодная война". Джордж Кеннан как ее пророк» (М., 2014), Кочетков В.В. "Культурные войны в международных отношениях" (М., 2015), Кочетков В.В. "Цветная революция: социальный процесс или сетевая технология?" (М., 2010), "Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии" (под редакцией П.А. Цыганкова, М., 2015), Цыганков П.А. "Политическая динамика современного мира" (М., 2014).

Результаты научно-исследовательской деятельности преподавателей кафедры публикуются в ведущих научных журналах из списков Scopus, RSCI, Web of Science и ВАК: "СОЦИС", "ПОЛИС", "AD ALTA", "Россия в глобальной политике", "Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Социология. Политология", "Вестник

Московского университета. Серия 18. Социология и политология", "Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика", "Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки", "Международные процессы", "Мировая экономика и международные отношения", "Политическая наука", "Обозреватель", "Мир и политика".

Профессора кафедры социологии международных отношений часто выступают в средствах массовой информации с пропагандой достижений социологического факультета: профессор Л.Н. Доброхотов участвует в качестве эксперта в программе "Время покажет" Первого канала и выступает на "Народном радио", профессор Н.А. Васецкий ведет телепрограммы "Наше мнение" и "Времена. События. Люди"; профессора В.В. Кочеткова регулярно приглашают в качестве эксперта в Международное информационное агентство "Россия сегодня" и в "Российскую газету".

Научная и учебная деятельность кафедры социологии международных отношений невозможна без обширных международных связей. Сотрудники кафедры приняли участие в ежегодных конгрессах Ассоциации международных исследований (Чикаго, 2007 и Сан-Франциско, 2007), Международном социологическом конгрессе (Дурбан, 2006), Международном симпозиуме по информационной безопасности (Дюссельдорф, 2007), Международной конференции "Восточноевропейское пространство: диалог России и Украины" (Одесса, 2012), Международном симпозиуме "Мир накануне глобального беспорядка" (Родос, 2015), Международной конференции "Постимпериализм: проблемы самоидентификации, единства и эффективности коллективного Не-Запада" (Пекин, 2016), конференции "Европейская и региональная безопасность: вклад России и Румынии в консолидацию климата доверия в Причерноморском регионе" (Бухарест, 2017), Международной конференции "10 лет признания: итоги и перспективы" (Абхазия, 2018), Международном круглом столе об актуальных проблемах международных отношений (Ереван, 2018), Международной конференции "Агрессия НАТО 20 лет спустя — Глобальный мир и процветание или конфликты и нищета" (Белград, 2019) и др.

Перспективы развития

Кафедра социологии международных отношений с уверенностью смотрит в будущее. Проблематика кафедры пользуется неизменной популярностью у студентов. В текущем году, как и ранее, конкурс среди студентов, желающих специализироваться на кафедре социологии международных отношений, составил пять человек на одно место. Особенно высокий интерес проявляют к кафедре иностранные студенты, магистранты, аспиранты и стажеры. Часто они становятся выпускниками кафедры. На всем протяжении своего существования

кафедра постоянно чувствует поддержку руководства социологического факультета и Московского университета.

В настоящее время принципиально обновляются два базовых курса "Социология международных отношений" и "Этносоциология". Вокруг них будут создаваться новые спецкурсы и курсы по выбору студентов. Совместно с факультетом мировой политики будут разработаны программы дополнительного образования для специалистов в области международных отношений, депутатов Государственной Думы. Будет продолжено чтение лекций в филиалах МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ереване (Армения) и расширен перечень читаемых курсов. Будут разрабатываться межфакультетские программы совместно с факультетами мировой политики, глобальных процессов и политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Будет проведена работа по привлечению грантов на социологический факультет. Будут проводиться межфакультетские научные проекты совместно с факультетами мировой политики, глобальных процессов и политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Будет проводиться работа по установлению международных связей для всего факультета. Преподаватели кафедры продолжат выступление в ведущих отечественных СМИ с целью пропаганды достижений социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-102-123

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННЫХ АБИТУРИЕНТОВ

И.В. Васенина, канд. социол. наук, доц. кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234[*]

М.Е. Липатова, учебный мастер кафедры социологии организаций и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234[**]

В.А. Сушко, канд. социол. наук, доц., доц. кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234[***]

В статье рассматриваются подходы к пониманию профессии и профессионального выбора в отечественной и зарубежной научной мысли. Представлены в исторической ретроспективе ключевые вопросы исследования профессиональной ориентации и профессионального выбора. Рассмотрена взаимосвязь выбора своего дальнейшего жизненного пути, своего профессионального будущего и того учебного заведения, которое в дальнейшем позволит не только получить профессию, но и послужит стартовой площадкой для будущей карьеры. Сегодня выбор учебного заведения абитуриентами остается значимой проблемой для них и в связи с этим перед исследователями встает задача дать характеристику образовательного поведения современных старшеклассников, будущих абитуриентов.

Для ответа на эти вопросы сотрудниками социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова было проведено исследование среди старшеклассников московских школ. В статье представлены результаты исследований разных лет удовлетворенности уровнем получаемого образования, мотивов выбора будущего образования школьниками старших классов, ценностных ориентаций молодежи. Были выделены основные факторы, влияющие на выбор уровня желаемого образования и учебного заведения, а также базовые модели-цели получения образования, используемые молодыми людьми при выборе жизненного пути. На основе полученных данных подтверждена значимость высшего образования для будущих абитуриентов и устойчивый рост тенденции распространения потребительского поведения молодежи, ориентации в своих жизненных стратегиях на достижение успеха и высокого материального достатка, определенного социального статуса.

[*] **Васенина Ирина Владимировна,** e-mail: irvasenina@mail.ru

[**] **Липатова Мария Евгеньевна,** e-mail: lme-tatarintseva@mail.ru

[***] **Сушко Валентина Афанасьевна,** e-mail: valentina.sushko@gmail.com

***Ключевые слова**: абитуриенты, старшеклассники, образование, образовательные стратегии, профессиональные стратегии, высшее образование.*

PROFESSIONAL AND EDUCATIONAL STRATEGIES OF MODERN APPLICANTS

Vasenina Irina V., PhD Sci., Associate Head of the Department of Methodology of Sociological Researches, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: irvasenina@mail.ru

Lipatova Mariya E., Learning Master, Department of Sociology of Organizations and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: lme-tatarintseva@mail.ru

Sushko Valentina A., PhD Sci., Associate Professor, Associate Head of the Department of Methodology of Sociological Researches, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: valentina.sushko@gmail.com

The article deals with approaches to the understanding of the profession and professional choice in domestic and foreign scientific thought. The key issues of the study of vocational guidance and professional choice are presented in the historical perspective. The interrelation of choosing future life path, professional future and that educational institution, which in the future will allow youth not only to get a profession, but also serves as a launching pad for future career, is considered particularly acute by the end of school before each graduate. Today, the choice of the educational institution by the applicants remains a significant problem for them and in this regard the researchers face the task of characterizing the educational behavior of modern high school students, future applicants.

To answer these questions, the staff of Faculty of sociology of the Lomonosov Moscow State University was conducted among senior pupil of Moscow schools. The article presents the results of studies of different years of satisfaction with the level of received education, the motives for choosing the future education of senior pupils, and value orientations of youth. The main factors influencing the choice of the desired level of education and educational institution, as well as the basic model-goals of education used by youth in choosing their life path, were highlighted. The significance of higher education for future applicants and a steady increase in the trend of the spread of consumer behavior of youth, orientation in their life strategies towards success and high material wealth, a certain social status, are confirmed on the basis of the obtained data.

***Key words**: applicants, senior pupils, education, educational strategies, professional strategies, higher education.*

Современное общество представляет собой единое мировое пространство, скрепленное многообразными связями, пронизывающими все сферы человеческой жизнедеятельности: политику, экономику, культуру, образование, право и др. Россия является частью этой глобальной системы, активно участвует в общемировых глобальных процессах, стараясь перенимать передовой опыт зарубежных стран, а также вносит свой вклад в мировую культуру. Одной из основных движущих

сил процессов глобализации является экономика, которая в своем развитии все чаще характеризуется как экономика знаний, предполагающая опору на хорошо образованную, высококвалифицированную и гибкую рабочую силу. Данный вектор развития был отмечен еще в середине XX в. Д. Беллом и А. Тоффлером[1]. Бурный рост научно-технической составляющей производства, информатизация всех сторон жизни, серьезные демографические изменения в мире актуализировали вопросы образования, подготовки специалистов, отвечающих современным требованиям.

Все изменения в системе образования призваны обеспечить реализацию карьерных перспектив и "способности к трудоустройству" выпускников образовательных организаций высшего образования на рынке труда, в том числе на зарубежных рынках труда. Ускорение технологического развития ведет к быстрому устареванию и изменению содержания профессиональной деятельности, что требует постоянного обучения и профессионального развития со стороны действующих работников для поддержания своей конкурентоспособности. Формирование общества, основанного на знаниях, невозможно без реализации принципа обучения индивида в течение всей жизни, когда основным ключевым умением становится способность человека осуществлять поиск новых знаний и развивать собственные компетенции[2]. Так, одним из факторов привлекательности при выборе учебного заведения для обучения абитуриенты указывают возможность участия в программах по обмену студентов. Речь идет об академической мобильности, позволяющей приобрести дополнительные профессиональные компетенции, опыт самостоятельной жизни за рубежом, возможность языковой практики и пр.

Образование среди основных ценностных приоритетов (семья, здоровье, работа, безопасность, материальное благополучие и др.) традиционно сохраняет высокую рейтинговую позицию, а в современных условиях приобретает особую значимость в системе ценностных установок. Уровень и качество получаемого профессионального образования выступают одними из важнейших характеристик трудового потенциала индивида. В условиях демографического кризиса, снижения численности трудоспособного населения молодежь является не просто стратегическим ресурсом и самой активной социально-демографической группой населения, а ведущим источником инновационного развития социума. Сегодня представители молодого поколения четко осознают, что качество образования определяет конкурентоспособность выпускника, а успешность его жизненной траектории выступает важным

---

[1] *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004; *Тоффлер Э.* Шок будущего. М., 2002.

[2] Россия в Европейском пространстве высшего образования / Под ред. Ю.Д. Артамоновой, А.Л. Демчука, Е.В. Караваевой, А.А. Муравьевой. М., 2015. С. 37.

показателем интеграции его в жизнь общества. Но вместе с тем перед российским образованием встают новые проблемы, связанные с такой тенденцией в молодежной среде, как рост потребительских ценностей. С одной стороны, значительная часть молодых людей рассматривает образование как ценность. С другой стороны, получение образования они связывают с возможностью в будущем иметь материальный достаток, выгодные знакомства и связи — выбор профессии зачастую не связан с востребованностью на современном рынке труда. Эти тенденции и послужили основой нашего исследования, результаты которого представлены в настоящей статье.

Проведение эмпирического исследования профессиональных и образовательных стратегий современных абитуриентов предполагает определение теоретических подходов и системы понятий, позволяющих описать и объяснить, какие факторы влияют на выбор той или иной профессии, как формируются образовательные стратегии современных абитуриентов.

Активное изучение проблемы профессии и профессионального выбора в нашей стране началось в 60-е гг. XX в. Социально-экономические трансформации в России обострили потребность теоретического анализа процесса профессионального самоопределения.

Долгое время исследование профессиональной сферы общества развивалось в рамках экономической науки. В рамках данной науки исследователи выделяют обычно такую сущностную характеристику профессии, как выполнение человеком определенной деятельности, являющейся источником его существования, с опорой на полученные в ходе специальной подготовки теоретические и практические знания. В "Экономическом словаре" профессия уже определяется как "род трудовой деятельности, требующий специальных теоретических знаний и практических навыков, приобретаемых в результате специальной подготовки и трудового опыта"[3]. Как видим, авторы не стали включать в определение цель выбора профессии как средства для материального обеспечения индивида.

Тем не менее, социологические определения профессии позволяют раскрыть этот термин в большей степени. Например, известный социолог В.А. Ядов определяет профессию как "род деятельности, требующий специальных знаний и подготовки в достаточно широкой области материального и духовного производства и накладывающий на представителей этого рода деятельности ответственность за эффективное выполнение обязанностей в системе общественного разделения труда"[4]. Как отмечает А.А. Ангеловский, в рамках социологического

---

[3] Экономический словарь / Под ред. А.И. Архипова. М., 2001.

[4] Социально-психологический портрет инженера: по материалам обследования инженеров ленинградских проектно-конструкторских организаций / Под ред. В.А. Ядова. М., 1977.

анализа профессии акцент делается на ее социальном смысле и общественном назначении[5].

Проблема профессионального выбора через исследование образования как социального института, способствующего социализации и интеграции молодежи в общество, была изучена в работах Ю.С. Борцова[6], Г.И. Герасимова и Г.С. Денисовой[7]. Анализом конкретных проблемных моментов процесса профессионального становления молодежи в условиях современного российского общества занимались Ю.Н. Клочко[8], Е.В Лобова[9] и Н.В. Лясников[10].

Наиболее развитая система профессиональной ориентации в первой половине XX в. была создана в США[11]. Так, придавая большое значение данному направлению работы с молодежью, государство создает при Министерстве труда 1 200 центров профессиональной консультации и профотбора. Ежегодный охват подростков составил около 1 млн человек. На уровне школ с помощью консультантов решались вопросы, направленные на ориентирование в группах профессий, определялись мотивация и личностные характеристики абитуриентов, увлечения, давалась оценка интеллектуальной зрелости[12]. Наряду с этим в зарубежных странах в системе образования и трудоустройства молодежи получило распространение тестирование способностей, в частности при определении профессиональной пригодности, оценке готовности к трудовой деятельности[13].

В Советском Союзе создание государственной профориентационной службы начинается в 1984 г. В помощь школьникам и их родителям в школах организуется работа учебно-методических кабинетов. Веду-

---

[5] *Ангеловский А.А.* Анализ понятий профессия, профессиональное сознание, профессиональная деятельность, профессионализм // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 5(2). С. 306–314.

[6] *Борцов Ю.С.* Образование в век информации: человек и новые информационные технологии обучения. М., 1997.

[7] *Герасимов Г.И.* Школа: реформы и социальные трансформации 90-х годов. Ростов н/Д., 2002.

[8] *Клочко Ю.Н.* Профессиональное самоопределение и интеграция молодых специалистов в социальную структуру в современных условиях: комплексное исследование. Автореф. дисс. ... докт. социол. наук: 22.00.04. Ставрополь, 2000.

[9] *Лобова Е.В.* Процесс первичного профессионального самоопределения учащихся: социологический анализ. Автореф. дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Екатеринбург, 2006.

[10] *Лясников Н.В.* Процесс выбора профессии молодежью в условиях реформирования российского общества: социологический аспект. Автореф. дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.04. М., 2000.

[11] *Duker M.* Konzentrations-Leistungs-Test (KLT). Dotingen, 1965.

[12] Advice for students considering teaching as a career. URL: http://www.kent.ac.uk/careers/teaching.htm (accessed: 09.03.2019).

[13] Westbrook Bert W. URL: http://arch.neicon.ru/xmlui/handle/123456789/3180042?show=full (accessed: 09.03.2019).

щие вузы страны (МГУ, Санкт-Петербургский университет) и центры осуществляют разработку теоретико-методологических вопросов в рамках психологии труда, в основе которых лежат идеи Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Б.Г. Ананьева, Б.Ф. Ломова. Среди наиболее значимых представителей, работавших в области психологии труда и инженерной психологии, можно назвать В.П. Зинченко, Е.И. Иванову, Е.А. Климову, А.Б. Леонову, О.Г. Носкову, Ю.К. Стрелкова, в рамках системного и информационного подхода — А.А. Крылова, Г.В. Суходольского, А.И. Нафтульева, В.Л. Марищук и др.

Следует отметить такие направления в исследовании труда и профессиональной деятельности, как разработанная В.Д. Шадриковым концепция системогенеза профессиональной деятельности, труды ярославских психологов по проблеме психологии труда (обобщающая психологическая концепция профессиональной деятельности А.В. Карпова; проблема профессиональных способностей Н.П. Анисимова, Л.Ю. Субботина и Л.В. Черемошкина; проблема профессионализации субъекта Ю.П. Поваренкова и В.Е. Орел и др.).

В конце XX в. в условиях увеличивающегося демографического кризиса, нестабильности мировой экономики развитым странам пришлось решать одну из важнейших задач — эффективного использования человеческого ресурса. Поэтому все большее и пристальное внимание уделяется профессиональной ориентации молодежи, которая заняла прочное и постоянное место в системе государственной политики разных стран. С этой целью создаются специальные организации, призванные помочь в решении данного вопроса (например, Всемирная ассоциация учебной и профессиональной ориентации). В России в 1990-е гг. происходят обратные процессы. Разрушаются системы школьной и предвузовской профориентации. Недостаточность финансирования школы способствовала выведению функции профориентирования школьников в систему службы занятости. К этому добавилась неясность ее подчинения. Минобразование РФ от профориентации отказалось, а в Минтруде РФ и в подчиненных ему службах занятости населения работа с молодежью обозначалась как "дополнительная услуга"[14].

Отсутствие систематического информирования молодых людей о востребованных на современном рынке труда профессиях и требованиях работодателей к будущим специалистам ведет к тому, что подростки чаще всего ориентируются в своем выборе на престижность учебного заведения, определенную профессиональную среду или образ жизни. При этом значимость профессии и вуза определяются тем, позволят ли они достичь материальных благ и других прагматических целей, или нет. Такая ситуация характерна не только для России, но и для многих других стран.

---

[14] *Горшков М.К.* Молодежь России: социологический портрет. М., 2010.

Как отмечает Е.В. Недосека, существует тесная взаимосвязь между выбором будущей профессии и траекторией образования. А обращение к анализу образовательных стратегий молодежи позволяет оценить эффективность социально-экономического и политического положения в стране в целом[15]. Н.Д. Сорокина, Л.Я. Рубина, Б.А. Ручкина, Ф.Г. Зиятдинова определяют образовательные стратегии молодежи как социально аутсайдерские, связывая это с тем, что российское образование в целом не отвечает инновационным запросам молодежи. По их мнению, молодежь имеет неравный доступ к образованию по социально-имущественному и территориальному факторам. Сама образовательная среда этими исследователями признается диспропорциональной и не отвечающей требованиям рыночной экономики[16]. Среди значимых факторов, влияющих на образовательные стратегии молодежи, можно выделить ситуацию неопределенности и возросшую рискологическую компоненту, которые отражаются как на выборе инструментов достижения поставленной цели, так и на возможных реакциях на ситуацию неопределенности. Молодые люди стремятся достичь определенной социальной уверенности, уйти от социального неравенства и стать полноценными членами общества.

Профессиональное образование, несмотря на все происходящие с ним изменения, выполняет две базовые функции: передача знаний и передача профессиональных навыков[17]. Здесь же происходит социализация человека, в ходе которой усваиваются общекультурные и социальные ценности и формируются профессиональные навыки[18]. Если первая фундаментальная задача образования очевидна и более "осязаема" для человека, то вторая не столь явно просматривается. Однако она выполняет важную роль в сохранении и передаче от поколения к поколению социокультурных различий в позициях отдельных индивидов и групп, а также связана с обретением индивидом определенного образовательного статуса. "Причем сами эти различия система образования легитимирует присущими ей приемами официальной номинации — выдачей дипломов, присвоением званий, степеней и т.д."[19].

Сегодня, как полагает Г.А. Чередниченко, связка "учеба-работа" не столь очевидна и возможны другие модели поведения учащихся, которые предполагают чередование периодов учебы-работы или их

---

[15] *Недосека Е.В.* Образовательные стратегии молодежи Мурманской области (по данным эмпирического исследования) // Проблемы развития территории. 2015. № 6 (80). С. 143–156.

[16] *Горшков М.К.* Молодежь России: социологический портрет. М., 2010. С. 145.

[17] *Чередниченко Г.А.* Образовательные траектории и профессиональные карьеры (на материалах социологических исследований молодежи). М., 2012. С. 14.

[18] Когда наступает время выбора (Устремления молодежи и первые шаги после окончания учебных заведений) / Отв. ред. Г.А. Чередниченко. СПб., 2001. С. 13–16.

[19] *Чередниченко Г.А.* Образовательные траектории и профессиональные карьеры (на материалах социологических исследований молодежи). М., 2012. С. 14.

совмещение. При этом образовательный период может быть увеличен. Такой подход к образованию позволяет не только приобретать профессиональные знания и компетенции, но и получать соответствующие документы, подтверждающие их наличие (дипломы об образовании, свидетельства и сертификаты, записи в трудовой книжке и пр.)[20].

"Образовательные стратегии, — отмечал П. Бурдье, — представляют собой очень долгосрочные инвестиции, не обязательно воспринимающиеся как таковые и не сводящиеся к экономическому или денежному измерению. В действительности они прежде всего направлены на производство социальных агентов, достойных и способных наследовать свойства группы"[21].

Все чаще, в связи с этим, получение первого профессионального образования соотносится со статусной функцией. Сегодня вуз рассматривается как источник формирования общепрофессиональных компетенций и легального способа получения диплома об образовании, тогда как специальные, узкопрофессиональные знания и навыки доступны посредством системы дополнительного образования, в корпоративных университетах или непосредственно на рабочем месте. Среди "популярных" причин поступления в вуз в последние десятилетия молодые люди называли такие, как "не ходить в армию", "родители очень хотели", "за компанию с другом" или "пока рано начинать работать".

Поэтому можно говорить, что наряду с ориентацией на получение профессии молодежь реализует и статусно-ориентированную образовательную стратегию, проявляя при этом как активную жизненную позицию, так и пассивную с опорой исключительно на чужие мнения в выборе профессии, вуза, получении знаний вообще.

Престиж высшего образования в российском обществе достаточно стабилен. Конкурс на поступление в вузы со второй половины 1990-х гг. растет практически повсеместно, однако мотивы поступления и оценка значимости высшего образования существенно меняются. Диплом о российском высшем образовании сохраняет свою привлекательность для молодежи и ценится на рынке труда благодаря, прежде всего, авторитету учебных заведений, который зачастую обеспечивается фундаментальностью образования, опытом подготовки специалистов, органично сочетающим традиции и новации, достижения отечественной и мировой культуры и науки, учитывающим тенденции глобализации. Высокое качество подготовки специалистов позволяет, например, Московскому университету выпускать кадры, востребованные обществом, конкурентоспособные на рынке труда[22].

---

[20] *Чередниченко Г.А.* Образовательные траектории и профессиональные карьеры (на материалах социологических исследований молодежи). М., 2012. С. 14.

[21] *Бурдье П.* Социология социального пространства / Отв. ред. Н.А. Шматко. М.; СПб., 2007. С. 103.

[22] *Васенина И.В.* Студенты МГУ о своей жизни и учебе: итоги пятнадцатилетнего мониторинга. М., 2005. С. 25.

Качество вузовской подготовки зависит от множества факторов: знаний, получаемых студентами, преподавательского состава, технической оснащенности учебного процесса и его организации и др. На протяжении пятнадцати лет, начиная с 1990 г., Центром социологических исследований МГУ имени М.В. Ломоносова проводился мониторинг студентов университета по ряду проблем: удовлетворенность уровнем получаемого образования, мотивы выбора будущего образования, ценностные ориентации[23]. В 2016 и 2018 гг. уже на базе юридического факультета было решено продолжить исследования среди студентов-первокурсников, обучающихся на гуманитарных и естественных факультетах, с целью выявления мотивов поступления на тот или иной факультет[24]. Студенты, обучающиеся в МГУ, неизменно высоко оценивали образование, получаемое в университете. Большинство из них считали, что оно соответствует современным требованиям к специалистам. С 2000 г. стала повышаться оценка студентами конкурентоспособности получаемого образования. В значительной степени формирование такого отношения обусловлено предоставляемой и всемерно поощряемой университетом академической свободой, его независимостью в определении стратегии и тактики учебного процесса[25].

Мотивы получения университетского образования, указанные студентами, можно объединить в несколько групп. К первой из них относятся мотивы, связанные со значимостью, самоценностью высшего образования. Так, многие опрошенные студенты объяснили свой выбор МГУ предоставляемой возможностью стать высококвалифицированным специалистом в избранной профессии (60%), высокообразованным и культурным человеком (39%), конкурентоспособностью диплома университета на российском рынке труда (51%), высоким уровнем подготовки (28%). К этой же группе условно можно отнести и такой мотив, как стремление обрести интересный круг общения. Привлекает молодежь и сама университетская атмосфера развития личности.

Вторую группу мотивов определяет материальный фактор: 45% опрошенных студентов хотят, получив университетское образование, обеспечить себе стабильный материальный достаток[26].

Третью группу составляют инструментальные мотивы, тенденцию роста которых отмечают социологи. Каждый третий студент, выбравший для продолжения своего образования МГУ имени М.В. Ломоно-

---

[23] *Васенина И.В.* Студенты МГУ о своей жизни и учебе: итоги пятнадцатилетнего мониторинга. М., 2005. С. 25.

[24] Выборка случайная, многоступенчатая. Опрошено было 600 человек, признаки, которые учитывались при составлении выборки: факультет (гуманитарный и естественный), первокурсники, пол. Руководитель проекта — И.В. Васенина.

[25] *Васенина И.В.* Студенты МГУ о своей жизни и учебе: итоги пятнадцатилетнего мониторинга. М., 2005. С. 25.

[26] Там же. С. 55.

сова, руководствовался возможностью повысить свой социальный статус[27].

Динамика мотивов поступления в МГУ и выбора факультета свидетельствует о стабильности желания стать востребованным специалистом на современном рынке труда, возрастании статусных устремлений, нацеленности на обеспечение прочного материального достатка в будущем, а также значимости семейной традиции.

Актуальные мотивы поступления в МГУ по-разному значимы для различных групп студентов. Девушкам более важно повысить свой социальный статус, обеспечить себя материально, иметь интересный круг общения. Студентов гуманитарных факультетов больше, чем естественников, привлекает возможность стать культурным и высокообразованным человеком. Студенты-естественники больше, чем студенты гуманитарных факультетов, верят в конкурентоспособность диплома МГУ на мировом рынке труда.

Результаты исследований показали, что преобладающая часть молодежи, приходящая в МГУ, имела серьезные намерения, ее выбор не случаен; большинство делала свой выбор самостоятельно, некоторые — с учетом семейной традиции. Мотивы поступления в университет практически совпадают с результатами других исследований, проведенных в различных российских вузах.

Современная жизнь постоянно вносит изменения в систему мировоззренческих ориентаций современной молодежи, в том числе и в установки на получение высшего образования, что влечет за собой изменения в образовательных стратегиях молодых людей. Сегодня молодой человек, по сравнению с молодежью 80–90-х гг. XX в., ориентирован не просто на получение качественного уровня профессиональной подготовки, но в значительно степени на более ранний выход на рынок труда, поиск подработок. Такая ориентированность на ранний выход на рынок труда обусловлена стремлением занять свою нишу в трансформирующейся структуре занятости, а также быть конкурентоспособным, что связано с накоплением трудового опыта. Важным остается и приобретение экономической независимости от родителей[28].

Для выпускников школ одним из важнейших этапов самоопределения остается выбор вуза и будущей профессии. В свою очередь, вузы ежегодно стараются не просто набрать студентов (количественный параметр), а отобрать из числа поступающих наиболее заинтересованных и талантливых (качественный параметр). Очевидно, что эта проблема как никогда остается актуальной для абитуриентов в постоянно изменяющихся условиях современного мира и, в связи с этим, встает

---

[27] *Васенина И.В.* Студенты МГУ о своей жизни и учебе… С. 55.

[28] *Богословская О.* Мотивация получения высшего образования в контексте выбора профессии // Высшее образование в России. 2006. № 5. С. 44–48.

вопрос о характеристике образовательного поведения современных старшеклассников, будущих абитуриентов.

К образовательному поведению различные исследователи относят два основных вектора мотивации и выбора молодого человека. Это понимание важности получения профессионального образования, новых знаний. И связанный с этим другой аспект, активный, — выбор конкретного учебного заведения для последующего получения требуемых знаний и освоения выбранной профессии. При этом не меньшее внимание уделяется форме обучения и рассмотрению соответствующих альтернатив. На выбор образования и профессии влияют различные факторы — это и регион проживания и последующего обучения, рыночная конъюнктура, благосостояние семей, техническое перевооружение экономики и др. Однако есть сохраняющиеся до сегодняшнего момента тенденции, среди которых следует особо выделить влияние родителей и учителей на решение школьников 10–11 классов о получении высшего образования. По результатам различных опросов, проведенных в течение последних лет, до 80–90% учащихся 11-х классов планируют поступать в вуз, и их намерения не зависят от уровня их успеваемости[29]. Наиболее популярными причинами выбора того или иного уровня профессионального образования для одиннадцатиклассников являются следующие: "*образование поможет сделать карьеру*", "*с профессиональным образованием смогу найти подходящее место работы*", "*буду иметь возможность хорошо зарабатывать*", "*получить профессию, которая нравится*"[30].

Таким образом, при выборе своей будущей ориентации уровень образования остается приоритетным для большинства школьников. Они хотят получить не конкретную, определенную профессию, а любую профессию на базе высшего образования. На втором месте — выбор образовательного учреждения учащимися 11-х классов, но с наличием определенного специфического аспекта — ребята осуществляют данный выбор, не определившись с направлением обучения[31]. Отсюда и будущее разочарование в выбранном направлении обучения, низкая успеваемость, неудовлетворенность собой.

Несмотря на заявляемую приоритетность выбора будущей профессии старшеклассниками, зачастую в действительности на первом месте стоит выбор уровня профессионального образования, что связано

---

[29] *Васенина И.В.* Мотивационные установки абитуриентов юридического факультета МГУ // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2016. № 4. С. 84–98.

[30] *Батырева М.В.* Профессионально-образовательные ориентации современных выпускников школ // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2010. № 4. С. 86.

[31] *Васенина И.В.* Мотивационные установки абитуриентов юридического факультета МГУ. С. 84–98.

как с длительностью процесса обучения и с затратами на него, так и с ориентацией на требования рынка труда. Только после определения желаемого уровня начинается сам процесс выбора будущей профессии. Как показывают исследования, 16–20% выпускников решение о своем профессиональном будущем принимают непосредственно при поступлении[32].

Неопределенность с выбором будущей профессии и желание поступить в вуз — вот частые явления среди старшеклассников на сегодняшний момент. Особенно четко это проявляется, когда в середине своего обучения в вузе они полностью разочаровываются в выбранном направлении. Правда при современной многоуровневой системе образования есть возможность подправить свою траекторию — выбрать по возможности программу магистратуры, отвечающую их интересам.

Как уже было отмечено, определяющими факторами образовательного поведения являются ориентация на получение высшего образования, его статусная привлекательность, предполагаемые социальные преимущества и гарантии трудоустройства. Зачастую ориентация на статусность выбираемой профессии и ее экономическая привлекательность ведут к выбору невостребованных специальностей или "морально" устаревших в новых социально-экономических условиях. Встает вопрос, а какими мотивами они руководствуются при выборе самого учебного заведения?

Рассмотрим более детально образовательные стратегии школьников. Развитие сферы образования и рынка труда приводит к расширению диапазона вариантов исполнения задуманных молодежью планов. Формирование образовательных стратегий начинается с мотивации. В дальнейшем происходит постановка профессиональных целей, на основе которых и осуществляется реальный выбор[33]. В образовательной стратегии мы находим воспроизведение двух главных составляющих: "что я хочу получить" и "как я хочу этого достичь". С одной стороны, мы изучаем "новые смыслы" и их сущностную наполненность: привлекательность и престиж профессий, цели и ценности, мотивация и основания выбора дальнейшего пути. С другой стороны, рассматривая особенности прохождения образовательной траектории, мы акцентируем внимание на влиянии барьеров к получению образования: социокультурного, территориального, экономического, институционального и других[34].

---

[32] *Батырева М.В.* Профессионально-образовательные ориентации современных выпускников школ. С. 86.

[33] *Богословская О.* Мотивация получения высшего образования в контексте выбора профессии. С. 44–47.

[34] *Попова Е.С.* Исследование социальных аспектов формирования мотивации к образованию у молодежи: от теоретических подходов к операционализации // Вопросы образования. 2012. № 4. С. 70.

Мотивация к образованию неоднозначна. Это проявляется в том, что в своем социальном поведении и выборе образовательной траектории учащиеся руководствуются не только (и не столько) личными взглядами, представлениями и интересами, сколько оказываются под воздействием тех ценностей и моделей образовательного и профессионального поведения, которые превалируют в окружающей их социальной среде, которая во многом и предопределяет их профессиональные предпочтения.

Процесс выбора профессии — это возможность для молодого человека заявить о своих желаниях и видении будущего, проявить определенную самостоятельность в начале взрослого периода жизни. В это время задаются векторы и даются ответы на вопросы, связанные с самоидентификацией индивида (к какой социальной группе принадлежать), кем стать в будущем и какой стиль жизни выбрать, каких целей достигать. Для этого осуществляется ревизия наличных навыков, знаний, способностей, учитываются интересы и готовность пойти на определенные шаги, сообразуясь с наличными возможностями. При этом каждый должен помнить, что в формируемые образовательные и, шире, жизненные планы может потребоваться внесение корректировок, исходя из требований, предъявляемых к специалистам той или иной профессией в современных условиях и рынком труда. Естественно, что каждый представитель молодого поколения в перспективе хочет, чтобы работа была престижной, перспективной и хорошо оплачиваемой. Поэтому оценка престижности будущей профессии оказывает основное влияние на принятие решения о получении образования.

Исследователи, занимающиеся изучением молодежи, постоянно мониторят ситуацию, чтобы выявить изменения, происходящие в молодежной среде. Так, проведенный в конце XX в. — начале XXI в. всероссийский мониторинг "Социальное развитие молодежи" под руководством профессора В.И. Чупрова (на базе Центра социологии молодежи ИСПИ РАН) позволил на основе анализа полученных данных выделить три типовые модели социального старта. Первая модель представлена молодыми людьми, чьи цели ориентированы на ценности высшего образования (25–30%). При этом необходимо отметить, что не все из них мотивированы на приобретение знаний. Треть из них руководствуется вполне инструментальными мотивами, например, получение диплома или отсрочка от армии[35].

Значительная часть молодежи (60–70%) отнесена ко второму типу, также ориентированному на получение образования, но не имеющего при этом представлений о его будущей форме. На поведение и, соответственно, дальнейшую образовательную траекторию будут влиять качество и уровень полученных в школе знаний, наличие в данном месте

---

[35] *Константиновский Д.Л.* Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы — начало 2000-х). М., 2008. С. 15.

проживания соответствующего желаниям молодых людей учебного заведения и материальная обеспеченность родителей, если обучение будет проходить на коммерческой основе. В силу этих и других обстоятельств для большинства наиболее приемлемым и доступным вариантом становится поступление в средние специальные учебные заведения. Однако некоторые пытаются поступить в высшие учебные заведения и в случае неудачи не испытывают сильного огорчения[36].

Только 10% не стремятся продолжать учебу и основные усилия сосредоточивают на поиске хорошо оплачиваемой работы. На содержание и условия труда они обращают внимание не в первую очередь. Поведение части молодых людей из этой группы характеризуется как ориентированное на досуговую деятельность (модель поведения "отложенного старта"), являющуюся для них привлекательнее трудовой. Здесь источником существования является помощь родителей или случайные заработки[37].

Результаты исследования показали, что стартовые позиции молодежи и выбор стратегий поведения во многом зависят от образовательного статуса родителей, уровня материального благосостояния семьи, региональных условий ее жизни, гендерных факторов, а также факторов социализации.

В 2005 г. Российским университетом дружбы народов в рамках проекта Министерства образования и науки Российской Федерации было проведено социологическое исследование, направленное на изучение социального развития молодежи в России[38]. Особое внимание было уделено изучению мотивации получения высшего образования и пониманию престижа будущей профессии российскими студентами.

В опросе на основе простой случайной выборки участвовали студенты вузов трех российских городов: Москвы, Орла и Твери (учащиеся разных курсов технических, естественно-научных и гуманитарных факультетов).

Анализ мотивационной структуры получения высшего образования студентов выявил следующую картину. При ответе на вопрос анкеты: "*Что дает высшее образование*?" — большинство молодых людей независимо от места проживания отвечали, что "*пошли в вуз ради получения диплома*". Второе место по популярности в указанных трех городах принадлежит суждению, что "*высшее образование дает хорошую профессию в будущем*", а третье — что "*высшее образование само по себе принесет успех в жизни в дальнейшем*"[39].

---

[36] *Константиновский Д.Л.* Неравенство и образование… С. 15.

[37] Там же.

[38] *Васенина И.В.* Мотивационные установки абитуриентов юридического факультета МГУ // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2016. № 4. С. 84–98.

[39] Положение молодежи и реализация государственной молодёжной политики в Российской Федерации: 2002 год / Отв. ред. Ю.А. Зубок и др. М., 2003. С. 15, 105.

Оценки российской молодежи позволили выстроить следующий рейтинг популярности предложенных девяти профессий: 1) программист — 18,3%, 2) юрист — 18,2%, 3) бизнесмен — 16,6%, 4) экономист-финансист — 14,2%, 5) менеджер — 13,7%, 6) профессии, связанные с криминалом — 6,5%, 7) психолог — 4,4%, 8) бухгалтер — 4,3%, 9) журналист, филолог — 3,3%[40].

Анализ ответов студентов московских вузов на вопрос "*Что дает высшее образование*?" позволил выстроить несколько иной рейтинг: на первом месте — экономист (финансист), на втором — программист, на третьем — юрист, на четвертом — менеджер, на пятом — бизнесмен. Итак, три наиболее популярные профессии среди молодежи — программист (профессия, востребованная на мировом рынке труда), юрист (хорошо оплачиваемая профессия на внутреннем рынке труда), бизнесмен (предприниматель).

По данным исследований, проведенных Д.Л Константиновским совместно с коллегами Института социологии РАН, в рейтинге привлекательности профессий у молодежи в блоке "интеллигентных профессий" высококвалифицированного труда наиболее высокую оценку получает юрист. По уровню привлекательности юрист выпадает из группы родственных ему профессионалов и смыкается с блоком суперпривлекательных видов деятельности, которые были представлены в 1994 г. триадой "юрист–бизнесмен–банковский работник"; в 1998 г. — группой "юрист–программист–бизнесмен–банковский работник"; в 2004 и 2013 гг. блоком "бизнесмен–банковский работник–юрист"[41].

Судя по близости позиций "юриста" и "бизнесмена", можно предположить, что в представлении молодых образ юриста, скорее всего, ассоциируется с финансовой состоятельностью. То, что отличает эти два вида деятельности друг от друга, видимо, и есть то, что делает их постоянно конкурирующими друг с другом по шкале привлекательности. Разграничение между этими позициями проходит на уровне их профессионализма, строго детерминированного в случае "юриста" (им можно стать только при наличии диплома о соответствующем образовании) и гораздо более размытого — у бизнесмена. Очевидна также высокая востребованность профессии на рынке труда в связи с общим ростом и усложнением правовых аспектов современной жизни в целом, связанных с развитием частного сектора и предпринимательства. Кроме того, и это особенно важно подчеркнуть, устойчивая привлекательность этой профессии свидетельствует о предощущении молодым поколением поступательного развития общества, правовая сторона жизни которого

---

[40] *Богословская О.* Мотивация получения высшего образования в контексте выбора профессии. С. 45.

[41] *Зубок Ю.А.* Проблемы социального развития молодёжи в условиях риска // Социологические исследования. 2003. № 4(228). С. 42–51.

должна и будет только шириться, и спрос на юристов в таком случае будет только расти.

В 2018 г. сотрудниками социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова[42] было проведено аналогичное исследование по выявлению образовательных стратегий московских старшеклассников. В опросе приняли участие школьники, обучающиеся в общеобразовательных школах и гимназиях г. Москвы. В выборку вошли 400 школьников 10–11 классов г. Москвы. *Социально-демографические характеристики респондентов*: учащиеся 10–11 классов. Профессиональная деятельность родителей в основном представлена сферой здравоохранения, юридической, финансово-экономической и педагогической. У подавляющего большинства (примерно 90%) родители имеют высшее образование.

В рамках исследования был составлен социальный портрет будущих абитуриентов. Важно было ответить на такие вопросы, которые позволили бы определить, кто хочет получить высшее образование, каковы их жизненные ценности и личностные качества, каковы их мотивы при выборе места учебы и почему они выбирают то или иное место учебы.

В исследовании вопросов, посвященных мотивированности школьников на получение высшего образования, использовались показатели, аналогичные разработанным и применяемым в опросах социологическим сообществом (ФОМ, ВЦИОМ, М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги, В.Т. Лисовский, В.И. Чупров и др.): *"получить диплом о высшем образовании", "нравится учиться", "планирую заниматься научной деятельностью", "по желанию родителей", "стать профессионалом", "интересное общение со сверстниками в студенческой среде", "продолжить семейную традицию", "приобрести высокий статус в обществе", "гарантии трудоустройства", "приобрести полезные связи", "иметь высокий доход", "приобрести профессию, соответствующую интересам и склонностям", "получить отсрочку от службы в армии", "иметь возможность работать за границей", "найти спутника жизни"*[43]. Все эти показатели и легли в основу выяснения мотивов школьников о получении в дальнейшем высшего образования.

Результаты исследования показали, что основные мотивы, которыми руководствуются школьники при принятии решения о продолжении учебы в вузе — это получение именно диплома о высшем образовании, а не желание стать квалифицированным специалистом, гарантии трудоустройства, высокий доход, приобретение профессии, отвечающей

---

[42] Исследование проведено авторами: И.В. Васениной, В.А. Сушко, М.Е. Липатовой.

[43] Российская молодежь хочет поумнеть. URL: www.rbcdaily.ru (дата обращения: 10.11.2018).

их интересам и склонностям и, на последней позиции, стоит желание стать профессионалом.

Используя типовые модели социального старта В.И. Чупрова, мы выделили несколько моделей-целей получения образования, которыми руководствуются молодые люди при выборе своего жизненного пути. Первая модель относится к целям-ценностям, к которым стремится большинство опрошенных старшеклассников, — это получение диплома о высшем образовании (87%), приобретение профессии, соответствующей интересам и склонностям самого абитуриента, без учета потребностей рынка (79%), гарантии трудоустройства (76%) и "стать профессионалом" (15%). Здесь мы говорим о молодых людях, которые рассматривают образование как ценность. Вторая модель (статусная) представлена такими целями, которые позволят в дальнейшем получить материальное благополучие и статус, — это иметь высокий доход в обществе (89%), приобрести полезные связи в обществе (75%), высокий статус в обществе (73%) и иметь возможность работать за границей (68%).

В третьей модели доминируют мотивы, характерные для молодых людей, которые рассматривают высшее образование как продолжение семейной традиции (11%). Большинству молодых людей этой модели (83%) нравится сам процесс учебы, они отмечают что им *"интересно учиться", "интересно узнавать что-то новое"* и 18% молодых людей (в подавляющем большинстве (95%) это девушки) хотят в дальнейшем заниматься научной или педагогической деятельностью. Все эти показатели коррелируют с уровнем образования родителей и их деятельностью. И здесь необходимо отметить, что определяющую роль в мотивации старшеклассников при поступлении в вуз играет культурно-образовательный уровень родителей. Еще П. Бурдье говорил о прямой зависимости между семейным статусом, культурным капиталом и успеваемостью ребенка и о том, что "воспроизводство культурного капитала", складывающегося из духовных запросов, притязаний, норм, ценностно-ориентационных установок, осуществляется путем трансмиссии знания от высших страт к низшим[44]. Еще раз напомним, что по результатам опроса было установлено, что среди школьников, принявших решение поступать в высшее учебное заведение, преобладают те, у кого родители имеют высшее образование.

В четвертую модель вошли мотивы молодых людей, которые рассматривают образование не как ценность, а как средство или возможность найти спутника жизни (15%), получить отсрочку от службы в армии (14%), общаться со сверстниками (60%) или учиться по настоянию родителей (22%). Это именно та группа молодых людей, которую В.И. Чупров называет молодежью "с отложенным стартом" — не определившиеся и не понимающие, что им нужно в будущем.

---

[44] *Константиновский Д.Л.* Неравенство и образование… С. 105.

Практически каждый второй школьник планирует для себя обучение в магистратуре, а около трети хотели бы получить два и более высших образования.

Таким образом, факторами, влияющими на принятие решения о получении высшего образования, являются стремление стать обеспеченным в будущем и получить соответствующий социальный статус в жизни. По сути, высшее образование, выполняя как социальный институт одну из своих основных функций, для наших студентов является социальным "лифтом", позволяющим повысить свой социальный статус, успешно трудоустроиться после окончания вуза, обеспечив себе и своей семье достойное материальное положение.

Сегодня абитуриенты могут подавать документы сразу в несколько вузов, поэтому у школьников спрашивали, в какие вузы они будут подавать документы и, если поступят сразу в несколько, какому отдадут предпочтение. При поступлении в несколько вузов окончательный выбор определит в первую очередь вуз, где зачислят на бюджетное обучение (60%). Затем выбор падает на вуз, который считается самым престижным независимо от стоимости обучения (32%), и на третьем месте стоят вузы, где есть "интересные программы обучения", в которых "хорошо преподают иностранные языки" и где "много практики".

Несомненно, для любого высшего учебного заведения важно, какие придут абитуриенты, какими качествами они будут обладать, каково их стремление к получению новых знаний, каковы их жизненные ориентиры.

Нацеленность на учебу выяснялась с помощью двух вопросов: как они учатся и что им мешает полноценно учиться. Значительная часть школьников, принявших участие в опросе, учится на отлично и хорошо (85%), из них 20% только на "отлично". Среди причин, которые мешают учиться, лидируют "перегрузка учебными занятиями" (70%), "собственная лень" (63%) и "неумение организовать внеучебное время" (29%). На четвертом месте стоят такие причины, как "отсутствие интереса к учебе", "сложность основных предметов" и "интернет-зависимость" (по 18–19% соответственно).

Остановимся на последней причине, интернет-зависимости. Погруженность молодежи в интернет-пространство вызывает тревогу у многих специалистов (психологов, социологов, педагогов, медиков и др.). Да и сами школьники уже говорят об этом. Так среди школьников 15–17 лет 98,4% постоянно пользуются интернетом, а 94% опрошенных используют интернет каждый день. Это подчеркивает значимость интернета в целом и социальных сетей в частности для жизни современной молодежи.

Жизненные планы школьников представлены следующими показателями: *"сделать успешную карьеру"* (87%), *"найти высокооплачиваемую работу"* (87%), *"получить хорошее образование"* (85%), *"достойно прожить свою жизнь"* (74%), и иметь *"интересную работу"* (69%). Практиче-

ски для каждого второго старшеклассника важно *"создать счастливую семью" и "стать богатым человеком и наслаждаться жизнью"*.

Последние десятилетия социологи отмечают устойчивую тенденцию к потребительскому поведению молодежи, и наше исследование подтверждает эту тенденцию, поскольку довольно значительная часть опрошенных хотели бы *"войти в круг богатых и влиятельных людей", "стать богатыми и наслаждаться жизнью"* (по 48% и 50% соответственно).

Большинство школьников (79%), отмечая для себя значимость высшего образования, говорили о том, что получение высшего образования они связывают именно с гарантией трудоустройства но, к сожалению, на современном этапе развития российского рынка труда получение образования не может гарантировать прием на работу по полученной специальности в силу высокой конкуренции между профессионалами, а оценка именно этого качества (профессионализма) занимает лишь четвертое место у опрошенных старшеклассников (15%). И здесь хотелось бы отметить, что школа должна заниматься профориентационной деятельностью школьников, акцентируя внимание на трудностях, с которыми могут столкнуться выпускники на российском рынке труда, востребованности тех или иных профессий и др.

Обращает на себя внимание еще один аспект, который хотелось бы отметить — две трети выпускников школ хотели бы иметь высшее образование как возможный старт для работы за границей, а уезжают как раз лучшие, наиболее сильные специалисты.

Тем не менее, полученные данные различных исследований причин и мотивов получения высшего образования последних десяти лет не противоречат, а дополняют друг друга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ангеловский А.А. Анализ понятий профессия, профессиональное сознание, профессиональная деятельность, профессионализм // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 5(2). С. 306–314.

Батырева М.В. Профессионально-образовательные ориентации современных выпускников школ // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2010. № 4. С. 83–88.

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004.

Богословская О. Мотивация получения высшего образования в контексте выбора профессии // Высшее образование в России. 2006. № 5. С. 44–47.

Борцов Ю.С. Образование в век информации: человек и новые информационные технологии обучения. М., 1997.

Бурдье П. Социология социального пространства / Отв. ред. Н.А. Шматко. М.; СПб., 2007.

Васенина И.В. Студенты МГУ о своей жизни и учебе: итоги пятнадцатилетнего мониторинга. М., 2005.

Герасимов Г.И. Школа: реформы и социальные трансформации 90-х годов. Ростов н/Д., 2002.

Горшков М.К. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010.

Зубок Ю.А. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // Социологические исследования. 2003. № 4(228). С. 42–51.

Клочко Ю.Н. Профессиональное самоопределение и интеграция молодых специалистов в социальную структуру в современных условиях: комплексное исследование. Автореф. дисс. ... докт. социол. наук: 22.00.04. Ставрополь, 2000.

Когда наступает время выбора (Устремления молодежи и первые шаги после окончания учебных заведений) / Отв. ред. Г.А. Чередниченко. СПб., 2001.

Константиновский Д.Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы — начало 2000-х). М., 2008.

Лобова Е.В. Процесс первичного профессионального самоопределения учащихся: социологический анализ. Автореф. дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Екатеринбург, 2006.

Лясников Н.В. Процесс выбора профессии молодежью в условиях реформирования российского общества: Социологический аспект. Автореф. дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.04. М., 2000.

Недосека Е.В. Образовательные стратегии молодежи Мурманской области (по данным эмпирического исследования) // Проблемы развития территории. 2015. № 6 (80). С. 143–156.

Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации: 2002 год / Отв. ред. Ю.А. Зубок и др. М., 2003.

Попова Е.С. Исследование социальных аспектов формирования мотивации к образованию у молодежи: от теоретических подходов к операционализации // Вопросы образования. 2012. № 4. С. 69–82.

Российская молодежь хочет поумнеть. URL: www.rbcdaily.ru (дата обращения: 10.11.2018).

Россия в Европейском пространстве высшего образования / Под ред. Ю.Д. Артамоновой, А.Л. Демчука, Е.В. Караваевой, А.А. Муравьевой. М., 2015.

Социально-психологический портрет инженера: по материалам обследования инженеров ленинградских проектно-конструкторских организаций / Под ред. В.А. Ядова. М., 1977.

Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2002.

Чередниченко Г.А. Образовательные траектории и профессиональные карьеры (на материалах социологических исследований молодежи). М., 2012.

Экономический словарь / Под ред. А.И. Архипова. М., 2001.

REFERENCES

Advice for students considering teaching as a career. URL: http://www.kent.ac.uk/careers/teaching.htm (accessed: 09.03.2019).

Angelovskii A.A. Analiz ponyatii professiya, professional'noe soznanie, professional'naya deyatel'nost', professionalism [Analysis of the concepts of profession, professional consciousness, professional activity, professionalism] // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. 2010. T. 12. N 5(2). S. 306–314 (in Russian).

Batyreva M.V. Professional'no-obrazovatel'nye orientatsii sovremennykh vypusknikov shkol [Vocational and educational orientations of modern school graduates] // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya. 2010. N 4. S. 83–88 (in Russian).

Bell D. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya [The Coming Post-Industrial Society. Experience of social forecasting]. M., 2004 (in Russian).

Bogoslovskaya O. Motivatsiya polucheniya vysshego obrazovaniya v kontekste vybora professii [Motivation for higher education in the context of career choice] // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2006. N 5. S. 44–47 (in Russian).

Bortsov Yu.S. Obrazovanie v vek informatsii: chelovek i novye informatsionnye tekhnologii obucheniya [Education in the Information Age: Man and the New Information Technology of Education]. M., 1997 (in Russian).

Burd'e P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva [Sociology of social space] / Otv. red. perevoda N.A. Shmatko. M.; SPb., 2007 (in Russian).

Cherednichenko G.A. Obrazovatel'nye traektorii i professional'nye kar'ery (na materialakh sotsiologicheskikh issledovanii molodezhi) [Educational trajectories and professional careers (based on sociological studies of youth)]. M., 2012 (in Russian).

Ekonomicheskii slovar' [Economic Dictionary] / Pod red. A.I. Arkhipova. M., 2001 (in Russian).

Gerasimov G.I. Shkola: reformy i sotsial'nye transformatsii 90-kh godov [School: reforms and social transformations of the 90s]. Rostov n/D., 2002 (in Russian).

Gorshkov M.K. Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret [Youth of Russia: a sociological portrait]. M., 2010 (in Russian).

Klochko Yu.N. Professional'noe samoopredelenie i integratsiya molodykh spetsialistov v sotsial'nuyu strukturu v sovremennykh usloviyakh: kompleksnoe issledovanie [Professional self-determination and the integration of young professionals in the social structure in modern conditions: a comprehensive study]. Avtoref. dis. ... dokt. sotsiol. nauk: 22.00.04. Stavropol', 2000 (in Russian).

Kogda nastupaet vremya vybora (Ustremleniya molodezhi i pervye shagi posle okonchaniya uchebnykh zavedenii) [When the time comes for choice (Youth aspirations and the first steps after graduation)] / Otv. red. G.A. Cherednichenko. SPb., 2001 (in Russian).

Konstantinovskii D.L. Neravenstvo i obrazovanie. Opyt sotsiologicheskikh issledovanii zhiznennogo starta rossiiskoi molodezhi (1960-e gody — nachalo 2000-kh) [Inequality and education. The experience of sociological studies of the life start of Russian youth (1960s — early 2000s)]. M., 2008 (in Russian).

Lobova E.V. Protsess pervichnogo professional'nogo samoopredeleniya uchashchikhsya: sotsiologicheskii analiz [The process of primary professional self-determination of students: a sociological analysis]. Avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk: 22.00.04. Ekaterinburg, 2006 (in Russian).

Lyasnikov N.V. Protsess vybora professii molodezh'yu v usloviyakh reformirovaniya rossiiskogo obshchestva: Sotsiologicheskii aspect [The process of choosing a profession by young people in the context of reforming Russian society: The sociological aspect]. Avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk: 22.00.04. M., 2000 (in Russian).

Nedoseka E.V. Obrazovatel'nye strategii molodezhi Murmanskoi oblasti (po dannym empiricheskogo issledovaniya) [Educational strategies of youth of the Murmansk region (according to empirical research)] // Problemy razvitiya territorii. 2015. N 6 (80). S. 143–156 (in Russian).

Polozhenie molodezhi i realizatsiya gosudarstvennoi molodezhnoi politiki v Rossiiskoi Federatsii: 2002 god [The situation of youth and the implementation of state youth policy in the Russian Federation: 2002] / Otv. red. Yu.A. Zubok i dr. M., 2003 (in Russian).

Popova E.S. Issledovanie sotsial'nykh aspektov formirovaniya motivatsii k obrazovaniyu u molodezhi: ot teoreticheskikh podkhodov k operatsionalizatsii [The

study of social aspects of the formation of motivation for education among young people: from theoretical approaches to operationalization] // Voprosy obrazovaniya. 2012. N 4. S. 69–82 (in Russian).

Rossiiskaya molodezh' khochet poumnet' [Russian youth wants to grow wiser]. URL: www.rbcdaily.ru (data obrashcheniya: 10.11.2018) (in Russian).

Rossiya v Evropeiskom prostranstve vysshego obrazovaniya [Russia in the European Higher Education Area] / Pod red. Yu.D. Artamonovoi, A.L. Demchuka, E.V. Karavaevoi, A.A. Murav'evoi. M., 2015 (in Russian).

Sotsial'no-psikhologicheskii portret inzhenera: po materialam obsledovaniya inzhenerov leningr. proektno-konstr. Organizatsii [Socio-psychological portrait of an engineer: based on a survey of engineers from Leningrad. Design and engineering organizations] / Pod red. V.A. Yadova. M., 1977 (in Russian).

Toffler E. Shok budushchego [Shock of the future]. M., 2002 (in Russian).

Vasenina I.V. Studenty MGU o svoei zhizni i uchebe: itogi pyatnadtsatiletnego monitoring [MSU students about their life and study: the results of fifteen-year monitoring]. M., 2005 (in Russian).

Westbrook Bert W. URL: http://arch.neicon.ru/xmlui/handle/123456789/3180042?show=full (data obrashcheniya: 09.03.2019).

Zubok Yu.A. Problemy sotsial'nogo razvitiya molodezhi v usloviyakh riska [Problems of social development of young people at risk] // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2003. N 4(228). S. 42–51 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ В СИСТЕМЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-124-153

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ*

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук, проф. кафедры современной социологии, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234**

В настоящей статье представлены результаты исследования новых форм социального неравенства, а также особенностей их проявления в современной России, проведенного сотрудниками кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Социальное неравенство в целом определяется как специфическая форма социальной стратификации, при которой отдельные индивиды, социальные группы, слои или классы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии и обладают неравными возможностями удовлетворения своих материальных, социальных или духовных потребностей. Большое внимание уделяется анализу идеологических основ глобального социального неравенства, которое включает в вертикальную иерархию индивидов, социальных групп, классов и слоев также национальные государства, которые соответствующим образом ранжируются в рамках мирового сообщества. Доказан тот факт, что в основе глобального социального неравенства лежит "рыночный фундаментализм" — особый тип политического мышления, возводящий принципы "невидимой руки рынка" и "невмешательства государства в экономическую деятельность хозяйствующих субъектов" на уровень догмы тоталитарного типа. Практическое воплощение данной догмы влечет за собой воспроизводство социального неравенства и крайне несправедливых социальных отношений в глобальном масштабе.

Среди форм глобального социального неравенства ведущую роль играет неравенство ресурсное, однако наряду с ресурсным достаточно ярко проявляют себя такие относительно новые формы социального неравенства, которые вы-

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 18-011-01106 "Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России".

** **Осипова Надежда Геннадьевна**, e-mail: ngo@socio.msu.ru

делил шведский социолог Г. Терборн — неравенство витальное и неравенство экзистенциальное [1].

Витальное или биологическое неравенство фиксирует базовую характеристику человеческого существования, поскольку обращается к таким категориям, как, например, окружающая среда и здоровье. Экзистенциальное неравенство очерчивает систему иерархий, основанных на категориях включения/исключения (социальной инклюзии/эксклюзии). В статье детально рассматриваются особенности проявления всех этих форм социального неравенства как в рамках мирового сообщества, так и в России. Кроме того, обоснован новый методологический подход к анализу неравенства с позиций социального конструктивизма, когда вопрос о том, что составляет основание социального неравенства, был дополнен вопросом о том, как сами люди производят и воспроизводят социальное неравенство в обычных практиках повседневной социальной жизни.

Ключевые слова: *социальное неравенство, глобальное социальное неравенство, витальное и экзистенциальное неравенство, инвайронментальное неравенство, пространственное неравенство, "социальное неравенство в отношении здоровья", социальная эксклюзия, цифровой разрыв, символическая категоризация, воспроизводство социального неравенства в повседневной практике.*

SOCIAL INEQUALITY IN THE MODERN WORLD

Osipova Nadezda G., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ngo@socio.msu.ru

This article presents the results of a study of new forms of social inequality, as well as the features of their manifestation in modern Russia, carried out by employees of the Department of Modern Sociology of the Sociology Faculty of Moscow State University named after M.V. Lomonosov. Social inequality as a whole is defined as a specific form of social stratification in which individual individuals, social groups, layers or classes are at different levels of the vertical social hierarchy and have unequal opportunities to satisfy their material, social or spiritual needs. Much attention is paid to the analysis of the ideological foundations of global social inequality, which also includes national states in the vertical hierarchy of individuals, social groups, classes, and layers, which are accordingly ranked within the framework of the world community. It is proved that global social inequality is based on "market fundamentalism" — a special type of political thinking that elevates the principles of the "invisible hand of the market" and "non-interference of the state in the economic activities of economic entities" to the level of a totalitarian type of dogma. The practical embodiment of this dogma entails the reproduction of social inequality and extremely unfair social relations on a global scale.

Among the forms of global social inequality, the leading role is played by resource inequality, however, along with the resource inequality, relatively new forms of social inequality are quite clearly manifested, which the Swedish sociologist G. Terborn singled out — vital inequality and existential inequality.

---

[1] *Therborn G.* Inequalities of the world: new theoretical frameworks, multiple empirical approaches. L., 2006.

Vital or biological inequality captures the basic characteristic of human existence, since it refers to categories such as, for example, environment and health. Existential inequality outlines a system of hierarchies based on inclusion / exclusion categories (social inclusion / exclusion). The article discusses in detail the features of the manifestation of all these forms of social inequality both within the world community and in Russia. In addition, a new methodological approach to the analysis of inequality from the standpoint of social constructivism was substantiated, when the question of what constitutes the basis of social inequality was supplemented by the question of how people themselves produce and reproduce social inequality in the usual practices of everyday social life.

Key words: *social inequality, global social inequality, vital and existential inequality, environmental inequality, spatial inequality, "social inequality in relation to health", social exclusion, digital divide, symbolic categorization, reproduction of social inequality in everyday practice.*

Одной из наиболее актуальных, даже злободневных социальных проблем, которыми вплотную занимается социология, была и остается проблема социального неравенства. При этом как сама категория социального неравенства, отражающая неравномерное распределение ценимых благ и привилегий в обществе, так и формы его проявления в современном мире остаются предметом острой полемики среди ученых-обществоведов.

В настоящее время никто из серьезных исследователей не отрицает тот факт, что мировое сообщество разделяет глобальное социальное неравенство, обусловленное таким объективным естественно-историческим процессом, как глобализация[2].

Категория "глобальное неравенство" была введена в научный оборот во второй половине XX в. и, наряду с социологией, широко используется в экономике и других науках. Достаточно часто глобальное неравенство определяется как "уровень неравенства между всеми обитателями мира, который совмещает богатых и бедных людей в Латинской Америке так же, как и в Европе или США"[3], как "совокупность неравенств между национальными государствами и внутри них"[4]. Однако подобные определения глобального социального неравенства представляются размытыми и узкими. Они практически не отражают социальную природу данного явления, тем самым, не имеют особой ценности для его социологического анализа.

В современной социологической теории категория "социальное неравенство" применяется, прежде всего, для отражения сложной социальной структуры общества и обозначает "специфическую форму социальной стратификации, при которой отдельные индивиды,

---

[2] *Мартыненко Т.С.* Глобальное неравенство в современных социальных теориях XX — начала XXI в. // Современная социология: ключевые направления и векторы развития. М., 2018. С. 184.

[3] Цит. по: Там же. С. 192.

[4] Там же.

социальные группы, слои или классы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии и обладают неравными возможностями удовлетворения своих материальных, социальных или духовных потребностей"[5].

Социальное неравенство — это глобальная социальная проблема, отягощающая жизнь не только членам отдельных обществ в региональном масштабе, но и угрожающая всему мировому сообществу[6]. Глобальное социальное неравенство включает в вертикальную иерархию индивидов, социальных групп, классов и слоев также национальные государства, которые соответствующим образом ранжируются в рамках мирового сообщества.

Глобальное социальное неравенство служит предметом многочисленных социологических дискуссий относительно того, "как изменяются формы, ресурсы, основания неравенства, каковы его источники и последствия в глобальном масштабе"[7].

Причины глобального социального неравенства многие ученые объясняют абстрактно, связывают их либо с "изъянами глобализации в целом", либо с текущим управлением экономикой и обществом, которое часто просто признается "ошибочным". При этом они почти не уделяют внимание тому особому стилю политического мышления, который лежит в основе такого управления и который получил название "рыночный фундаментализм"[8].

Большинство специалистов связывает термин "рыночный фундаментализм" с известным финансистом Джорджем Соросом и его книгой "Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности", изданной в 1998 г.

Во введении к данной книге Дж. Сорос писал о том, что текущее положение дел в мировой экономике является "нездоровым и непрочным"[9], а финансовые рынки "по своей сути нестабильны"[10]; предоставление

---

[5] Данное определение является собирательным и было введено автором в следующих работах: *Осипова Н.Г.* Неравенства в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 119–141; *Она же.* Источники и виды социального неравенства // Общая социология: основы современной социологической теории. М., 2017. С. 249.

[6] *Osipova N.G.* The global inequality: genesis, evolution, institutions and forms // Socioloska Luca. Journal of Sociology, Social Anthropology, Social Demography and Social Psychology. 2013. Vol. 2. N VII. P. 53.

[7] *Мартыненко Т.С.* Глобальное неравенство в современных социальных теориях XX — начала XXI в. С. 196.

[8] *Челищев В.И.* Либерализм — неолиберализм — рыночный фундаментализм: от концепции свободы к тоталитарной догме *(Начало)* // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 27.

[9] *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999. С. XVII.

[10] Там же.

полной свободы рыночным силам не позволяет удовлетворять насущные общественные потребности и интересы. Все это — результат действия доктрины "невмешательства государства в экономику" или "свободного предпринимательства", происходящей от французских слов *laissez faire*[11]. Однако по мнению Дж. Сороса, "большинство людей, верящих в чудеса рынка и достоинства неограниченной конкуренции, не говорят по-французски"[12]. Поэтому он нашел "более подходящее название"[13] для этой старой по своей сути идеи — "рыночный фундаментализм"[14].

Достаточно часто под рыночным фундаментализмом понимается неистовая вера в политику, базирующуюся на принципе, известном как "лэссэ-фэр" (*laissez-faire,* фр. — "не мешать", прим. *Н.О.*), означающим "невмешательство государства в экономическую деятельность хозяйствующих субъектов" или "экономику свободного рынка, которая способна решить не только экономические, но и все социальные проблемы"[15].

Исследователями доказано, что "рыночный фундаментализм — это результат целенаправленного процесса трансформации концепции свободы (в том числе и экономической), воплощенной в идеологии классического либерализма, через неолиберальные ее модификации, в догму тоталитарного типа"[16], которая опирается на два тезиса (принципа), выдаваемых за единственно истинные. Эти тезисы, первый из которых — "о невидимой руке рынка", а второй "о минимальной роли государства" в управлении обществом восходят не столько к учениям классиков политической экономии — А. Смита, Д. Рикардо и Ж.-Б. Сэя, сколько к монетарным теориям неолибералов — Ф. Хайека и М. Фридмена.

В свете данных теорий, "невидимая рука рынка" — это некий реально существующий саморегулирующийся механизм, который эффективно и "гибко руководит рынком изнутри"[17] так, что все субъекты от этого только выигрывают. Экономическая свобода и конкуренция, основанные на "свободном предпринимательстве" и всем известном принципе "laissez-faire", ведут к накоплению общественного богатства, а, следовательно, к росту благосостояния множества частных лиц и "равенству возможностей".

Так, согласно М. Фридмену, "система свободной конкуренции высвобождает энергию и способности людей, давая им возможность

---

[11] *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999. С. XVII.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] *Челищев В.И.* Либерализм — неолиберализм — рыночный фундаментализм: от концепции свободы к тоталитарной догме *(Начало)*. С. 28.

[16] Там же. С. 31.

[17] *Sim S.* Fundamentalist world. The new dark age of dogma. Cambridge, 2005. P. 133.

преследовать свои собственные цели, и при этом защищает их от помех и произвола со стороны их сограждан или властей. Свобода — это отсутствие не только унификации, но и раз навсегда установленной иерархии. У тех, кто сегодня находится в самом низу социальной лестницы, всегда существует перспектива завтра подняться на самый ее верх — и в этом процессе почти перед каждым человеком открывается благодаря свободе возможность прожить более полную и насыщенную жизнь"[18]. В данной связи, бытующие с XIX столетия представления о том, что "свободно-рыночный капитализм лишь углубляет неравенство, что капитализм — это система, при которой богатые эксплуатируют бедных"[19], на самом деле, миф.

Суть тезиса о "минимальной роли государства" состоит в том, что государство не играет существенной роли в экономической жизни общества, а экономическая свобода индивидов не должна ограничиваться: хозяйствующие субъекты могут действовать так, как им заблагорассудится[20]. "Никакие произвольно создаваемые препятствия не должны мешать людям достичь того положения в обществе, которое соответствует их способностям и к которому они стремятся, побуждаемые своими жизненными принципами"[21], — писал М. Фридмен.

Безусловно, реализация этих принципов в рамках государственной политики не означает исчезновения социального неравенства: "неравенство, кажущееся несправедливым тем, кто от него страдает, разочарования, представляющиеся незаслуженными, и неудачи, ничем не вызванные, будут существовать всегда"[22]. Но "неравенство, обусловленное безличными силами, переносится легче и затрагивает человеческое достоинство в гораздо меньшей степени, чем неравенство намеренное. <…> безработица или потеря дохода, выпадающие на чью-то долю в любом обществе, безусловно, менее унизительны, если являются результатом неудачи, а не навязаны властями. Каким бы горьким ни был этот опыт, в планируемом обществе он окажется еще горше"[23], — отмечал Ф. Хайек,

На самом деле, неолиберальные построения хорошо вписывались в "политический проект, связанный с восстановлением условий для накопления капитала и власти экономической элиты"[24]. Сегодня этот

---

[18] *Фридмен М.* Свобода, равенство и эгалитаризм // Фридмен М., Хайек Ф. О свободе. Серия "Философия свободы". Вып. II. М.; Челябинск, 2003. С. 142–144.

[19] Там же.

[20] *Heywood A.* Political ideologies. An introduction. L., 1998. P. 53.

[21] Ibid.

[22] *Хайек Ф.* О свободе // Фридмен М., Хайек Ф. О свободе. Серия "Философия свободы". Вып. II. М.; Челябинск, 2003. С. 113.

[23] Там же.

[24] *Харви Д.* Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М., 2007. С. 31.

проект отвечает, прежде всего, интересам определенных социальных групп, так называемых "агентов глобализма", которые усиленно способствуют продвижению публичного дискурса в сторону ассоциации глобализации с западной системой неолиберальных ценностей, поддерживающих экономику свободного рынка и потребления. В частности, они утверждают, что "глобализация неизбежна и неотвратима и означает дальнейшую либерализацию экономики и глобальную рыночную интеграцию. Глобализация приносит пользу всему мировому сообществу и способствует распространению демократии по всему миру"[25].

На самом деле, здесь речь идет не о глобализации как о естественном процессе интеграции человечества, а о глобализации как "модной идеологии постидеологической эпохи, которая несет в себе все черты идеологии: она оказалась исторически своевременной, была обращена к ключевым властным элитам, обладающим общими интересами, содержала критику того, что следовало отрицать, и обещала лучшее будущее"[26]. Подобная глобализация, которая поддерживает "первенство самых богатых стран в мировых делах"[27], повлекла за собой воспроизводство социального неравенства и крайне несправедливых социальных отношений в глобальном масштабе. В результате жесткой монетарной политики, универсальными рецептами которой до сих пор остаются расширение частного сектора за счет приватизации социальной сферы, сокращение государственных расходов и т.п., многие государства столкнулись с масштабной безработицей, разрушением государственных предприятий, существенным увеличением числа безработных и тех, кто живет за чертой бедности. В целом список стран, которые пострадали от идеологии "глобализма", огромен. Результатом внедрения этой идеологии стало увеличение неравенства, основанное на несправедливом распределении ресурсов (не только материальных, но и властных) между странами[28].

Большинство исследователей в качестве преимущественной формы проявления глобального социального неравенства рассматривает именно неравенство ресурсное, которое нередко отождествляет с экономическим неравенством. Подобное неравенство достаточно наглядно проявляет себя в соотношении численности богатого и бедного населения. Так, например, в России, "согласно официальной статистике, в 2017 г. численность бедного населения достигла 19,7 млн человек, еще

---

[25] См.: *Steger M.* Globalization. N.Y., 2003. P. 97.

[26] *Бжезинский З.* Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2006. С. 188.

[27] *Мартинелли А.* Рынки, правительства, сообщества и глобальное управление // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 25–26.

[28] См. подробнее: *Осипова Н.Г.* Рыночный фундаментализм как источник глобального социального неравенства // Представительная власть. 2018. № 5–6 (164–165). С. 1–12.

10% находились на границе бедности. И тенденции пока не обнадеживают: согласно Росстату, реальные располагаемые денежные доходы россиян в январе — сентябре 2017 г. снизились на 1,2% по сравнению с аналогичным периодом 2016 г."[29]

Однако наряду с ресурсным достаточно ярко проявляют себя еще две, относительно новые формы социального неравенства в глобальном масштабе, которые выделил шведский социолог Г. Терборн — неравенство витальное и неравенство экзистенциальное[30].

Витальное или биологическое неравенство фиксирует базовую характеристику человеческого существования, поскольку обращается к таким категориям, как, например, окружающая среда и здоровье. Экзистенциальное неравенство очерчивает систему иерархий, основанных на категориях включения/исключения (социальной инклюзии/эксклюзии). Целесообразно более подробно рассмотреть эти формы неравенства, которые активно проявляют себя в рамках мирового сообщества.

Как отмечают исследователи, во второй половине прошлого столетия человечество вступило в "век природы" — новую эпоху, когда дефицит и непрочность природного пространства стали самой драматической проблемой для будущего человека и его выживания. Произошел исторический поворот в отношениях противоборства между двумя живыми системами — миром человека и миром природы[31]. В настоящее время ускоренный индустриальный прогресс, обеспечивающий материальные блага и комфорт человеческому обществу, сопровождается нарастающим загрязнением окружающей среды, обычно пропорциональным динамике промышленного производства, разрушением природных комплексов биосферы, истощением природных ресурсов.

К сожалению, особенность человека состоит в том, что он начинает формировать свое отношение к проблемам среды обитания только тогда, когда ощущается острая нехватка того или иного из природных ресурсов, хотя уже до этого момента могут произойти непоправимые изменения. Так, учеными было показано, что любой более или менее серьезный экологический кризис в истории человечества неизбежно заканчивался катастрофой, поскольку приводил к дестабилизации, а впоследствии и к видоизменению структуры самого общества[32].

Воздействие людей на окружающую среду, ее загрязнение, использование ресурсов в каждом случае происходят на конкретном национальном уровне, но эти процессы интегрируются и, в конечном

---

[29] *Александрова О.А., Ярошева А.В.* Усиление селективности социальной политики и перспективы снижения бедности // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 1. С. 5.

[30] *Therborn G.* Inequalities of the world: new theoretical frameworks, multiple empirical approaches.

[31] *Сен-Марк Ф.* Социализация природы. М., 1977. С. 53.

[32] *Воронцов Н.Н.* Экологические кризисы в истории человечества // Человек и его среда обитания. М., 2003. С. 25.

итоге, оказывают влияние на региональное и глобальное экологическое равновесие[33].

Обычно выделяют три категории экологических проблем, относящихся к глобальным, и которые требуют решений на международном уровне.

Во-первых, региональные проблемы, которые возникают, когда соседние страны совместно владеют общим ресурсом (например, акваторией моря) и действия одной страны затрагивают интересы других.

Во-вторых, проблемы "глобальных природных ресурсов", таких как атмосфера и океаны, принадлежащих всему миру. Любые действия одной страны, которые влияют на такие "глобальные ресурсы", оказывают воздействие, пусть сравнительно небольшое, на все страны.

В-третьих, проблемы ресурсов (тропических лесов, редких биологических видов), принадлежащих одной стране, но имеющих ценность для мирового сообщества[34].

Известно, что темпы развития негативных явлений, связанных с промышленным загрязнением окружающей среды, опережают темпы экономического роста. В то же время уровень загрязнения или разрушения окружающей среды различен как в разных странах мира, так и в отдельных их регионах, что обусловливает экологическое неравенство на различных уровнях социальной организации. Оно, в свою очередь, оборачивается для мирового сообщества в целом большим снижением производительности труда и замедлением экономического развития в целом, ухудшением здоровья населения, ведет к серьезным изменениям человеческой личности и всего социального поведения. Так, социологи установили следующую закономерность: регресс жизненной среды, сокращая достояние человечества в целом, неравномерно затрагивает его различные слои[35].

Например, самые неотложные экологические проблемы, стоящие перед бедными странами (небезопасная вода, неадекватное санитарное состояние, истощение почвы, дым в помещениях от очагов для приготовления пищи и дым снаружи от сжигания угля), отличаются от проблем, затрагивающих состоятельное население богатых стран (выбросы углекислоты, истощение стратосферного озонного слоя, фотохимические смоги, кислотный дождь и опасные отходы), и представляют более непосредственную угрозу для жизни. При этом некоторые потенциальные проблемы, стоящие перед бедными странами, в част-

---

[33] *Бехар Н.* Региональный подход к экологической безопасности на европейском континенте // Мир науки. 1989. № 9. С. 18–21.

[34] См.: *Ефимов К.М.* Катастрофическое состояние окружающей среды как негативная социальная реалия XXI века. Дисс. … уч. степ. докт. социол. наук. М., 2005.

[35] *Сен-Марк Ф.* Социализация природы. М., 1977. С. 207.

ности глобальное потепление и истощение озонового слоя, обусловлены высоким уровнем потребления в богатых странах[36].

Также известно, что объемы твердых отходов, включая отходы, опасные для жизни, растут с индустриализацией, ростом доходов и изменением образа жизни. Их неправильное удаление может иметь негативное экологическое последствие. Организация сбора и захоронения отходов требует координации. Обычно за сбор мусора отвечают городские власти, но во многих городах сбор мусора городскими службами в лучшем случае охватывает половину его объема[37]. Организованное удаление отходов игнорируется, или же без всякого общественного обсуждения мусор сваливается в тех местах, где беднейшее население имеет меньшее политическое влияние[38].

Новые отношения человечества с природой, обернувшиеся тотальным разрушением экологии планеты, возрастание рисков техногенного и природного характера и увеличение числа заболеваний, вызванных загрязнением окружающей среды, вызвали повышенный интерес ученых к такой форме социального неравенства, как инвайроментальное неравенство.

Термин "инвайронментальное неравенство", также как и термин "экологическое неравенство", используется для изучения неравенства в области распределения экологических благ. Однако он фиксирует не только влияние природы на общество и человека, но еще и влияние на них особенностей городской среды, в которой сегодня проживает большая часть населения планеты.

Действительно, исследователями доказано, что степень деградации жизненной среды определяется характером развития урбанизационного процесса[39].

Жизнь города неизбежно оказывает негативное влияние на окружающую среду, вызывает ее деградацию, порождая широкомасштабные долгосрочные последствия, которые будут сказываться на протяжении жизни нескольких поколений[40]. Путем перенасыщения некоторых точек природного пространства города оставляют на земле тот негативный экологический отпечаток, который называется "экологическая

---

[36] *Collier P., Lal D.* Poverty and growth in Kenia // World Bank Staff Working Paper 389. Washington, 1990. P. 101–102.

[37] *Kamel L.* Urban governance: the informal sector and municipal solid waste in Cairo // ARCHIS. 2002. N 12.

[38] *Bartone C.* Institutional arrangements for solid waste management in metropolitan areas. Washington, 2002. S. 158.

[39] См.: *Ефимов К.М.* Катастрофическое состояние окружающей среды как негативная социальная реалия XXI века. Дисс. … докт. социол. наук. М., 2005.

[40] *McGranahan G., Satterhwaite D.* Environmental health of ecological sustainability reconciling the brown and greed agendas in urban development // Sustainable Cities in Developing Countries / Ed. by C. Pugh. L., 2000. S. 267.

проекция городов"[41]. В результате расширения городов и плохого использования территории, строительство локализуется в очень больших агломерациях, где оно увеличивает концентрацию населения, на их периферии, где оно постоянно все дальше оттесняет сельскую местность, в зеленых пространствах, которые оно необратимо разрушает, на землях общественного пользования, которые оно отнимает у нации.

Существенное скопление людей в тесных кварталах больших городов не только создает опасность углубления традиционных социальных проблем, оно влечет за собой тяжелые экологические последствия, вызывает угрозу здоровью и безопасности горожан. Особенно страдают те из них, кто живет в условиях отсутствия канализации и удаления сточных вод, в зонах, подверженных стихийным бедствиям[42].

Ученые также установили, что масштабы экологических проблем существенно зависят от уровня городского развития.

В крупных городах с низким уровнем доходов к водопроводу и канализации подключено менее половины домашних хозяйств, а потребление воды вдвое меньше, чем в городах с нижним средним уровнем доходов. В беднейших городах только треть твердых отходов правильно перерабатывается, и только самые богатые города могут себе позволить очистку сточных вод. Частично отражает плохое состояние окружающей среды и тот факт, что средние коэффициенты смертности детей в возрасте до пяти лет в самых бедных городах в два раза выше, чем в городах следующей категории по доходам, и в 20 раз выше, чем в самых богатых городах.

Для крупных городов с низким уровнем развития характерно и то, что многие горожане подвергаются экологическим рискам из-за плохих жилищных условий. Эти домашние хозяйства практически не способны создавать смягчающие удары защитные механизмы или же потребовать улучшения соответствующих услуг. Больше всего от этого страдают дети, женщины, пожилые и больные люди, домохозяйки.

В более бедных городах плохо управляемый рост приводит к деградации природных ресурсов, в особенности водоразделов, почв, прибрежных зон, из-за неконтролируемого сброса сточных вод, плохой переработки твердых отходов и отсутствия системы стока дождевых вод. Напротив, многие проблемы загрязнения окружающей среды в более богатых городах, например, выбросы парниковых газов в результате сжигания углеводородного топлива, возникают из-за образа жизни, связанного с высоким уровнем потребления и соответственно высоким уровнем расхода природных ресурсов[43].

---

[41] *Rees W.* Is sustainable city an oxymoron? // Local Environment. 1997. N 2. S. 303.

[42] См.: *Ефимов К.М.* Катастрофическое состояние окружающей среды как негативная социальная реалия XXI века. Дисс. … докт. социол. наук. М., 2005.

[43] Доклад о мировом развитии 2003 года. Устойчивое развитие в меняющемся мире. Преобразование институтов, рост и качество жизни. М., 2003. С. 111.

Несмотря на различия в проявлении инвайроментального неравенства и его связи с уровнями доходов и потребления, в странах со средним уровнем доходов жители городов страдают как от традиционных, так и от современных видов ущерба, таких как воздействие вредных отбросов и химических загрязнителей[44].

Следует отметить, что все более актуальной проблемой для городов современного мира становится пространственное неравенство. Наиболее ярким его проявлением считают пространственную сегрегацию, однако, последние десятилетия свидетельствуют о том, что все более распространенным процессом и причиной массовых протестов в разных городах мира становится джентрификация.

Термин "джентрификация" был введен в научный оборот в 1960-х гг. британским социологом Р. Гласс, которая обратила внимание на изменение социального облика ряда районов Лондона вследствие того, что бывшие "кварталы рабочего класса" "захватывают" представители средних слоев[45]. Однако сегодня его значение гораздо шире. Зачастую строительными площадками становятся бывшие промышленные зоны, которые занимают значительную территорию во многих городах, например, на территории старой Москвы их площадь по разным оценкам составляет 13–17%[46]. Анализ вторичных данных указывает, что реконструкция так называемых "ржавых поясов" может рассматриваться как разновидность пространственного неравенства в форме джентрификации.

Однако застройка бывших промышленных зон, как правило, не ведет к серьезным социальным последствиям. Более того, реновация промышленных зон предполагает скорее положительные последствия для города, поскольку депрессивные районы обретают точки притяжения и новые возможности для развития. Главная угроза, которая существует в данном случае, обычно заключается в опасности утраты памятников архитектуры, существующих на бывших промышленных предприятиях[47].

Гораздо более серьезные социальные последствия возникают в том случае, если джентрификация представляет собой реновацию жилых кварталов, на которую в свое время обратила внимание Р. Гласс. Джен-

---

[44] Bangladesh: climate change and sustainable development // World Bank Report 21104-BD. Washington, 2000.

[45] *Glass R.* London: aspects of change. L., 1964. P. XVIII.

[46] Подробнее см.: *Вершинина И.А., Курбанов А.Р., Лядова А.В.* Промышленные зоны в современных городах: источник социально-экологического неравенства или возможности для процветания? // Экология и промышленность России. 2018. Т. 22. № 8. С. 65–71.

[47] *Luhn A.* Moscow's industrial heritage 'at risk' in rush to redevelop old Soviet sites. URL: https://www.theguardian.com/cities/2016/aug/17/moscow-soviet-heritage-risk-redevelop-industrial-zil-car-factory (accessed: 10.05.2019).

трификация жилых районов, как правило, ведет к масштабному переселению прежних жителей. В 1980–1990-х гг. джентрификация привела к появлению большого числа бездомных, что вызвало социальные протесты. Однако тактика "нулевой толерантности", предусматривающая жесткие наказания даже за незначительные правонарушения преимущественно во время акций протеста, была заимствована у американской полиции и быстро получила распространение в разных городах мира[48]. Исследователи фиксируют новый авторитаризм, который отстраняет оппозицию и делает улицы безопасными для джентрификации[49], но нарушает принцип социальной справедливости.

Сотрудниками кафедры современной социологии И.А. Вершининой и Т.С. Мартыненко установлен факт, что для российских городов пространственное неравенство характерно в меньшей мере, чем для большинства городов мира вследствие советского прошлого, когда отсутствовала существенная разница между доходами социальных групп, все строящиеся районы обеспечивались необходимой инфраструктурой вне зависимости от того, для кого они предназначались. Дифференциация различных районов города и их деление на престижные и непрестижные были результатом заселения домов или районов представителями определенных профессий или сотрудниками тех или иных предприятий. Однако в условиях капиталистической экономики на постсоветском пространстве, в том числе, и в российских городах актуализируются проблемы пространственного неравенства, последствия которых все чаще ощущают на себе жители российских городов.

На основе вторичного анализа данных установлено, что в России проблема пространственного неравенства имеет свою специфику. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики за 2017 г., экологические риски неравномерно распределяются по территории страны. Кроме того, как показал корреляционный анализ данных, специфика подобного неравенства в России имеет региональные особенности, что обусловлено большими возможностями центра по сравнению с периферией.

Так, экономический центр страны, Москва, аккумулирует множество производств и ресурсов, в том числе трудовых, предлагая один из самых высоких уровней дохода по стране. Вместе с тем столица страны активно выводит свои экологические риски за пределы региона, от чего больше всего страдает Московская область, что приводит к дисбалансу в развитии региона. Например, статистика подтверждает, что средне ожидаемая продолжительность жизни для столицы составляет более 77 лет, а для области — 72,5. Также выбросы в атмосферу загрязняющих веществ от стационарных источников составляют 63,0 тыс. т в Москве и

---

[48] *Smith N.* New globalism, new urbanism: gentrification as global urban strategy // Antipode. 2002. Vol. 34. N 3. P. 442.

[49] Ibid.

253,3 тыс. т в Московской области, сброс загрязненных сточных вод — 825 млн м^3 и 1067 млн м^3 соответственно.

Однако наиболее актуальная проблема, вызвавшая сейчас большой общественный резонанс — мусорные полигоны, которые находятся за пределами Москвы и подчас представляют угрозу для здоровья жителей области. Несмотря на высокий уровень экологического неравенства, в России фактически остается невостребованным понятие экологической справедливости. Можно выделить несколько причин подобного положения дел. Во-первых, недостаточная осведомленность людей о загрязнении окружающей среды и негативных процессов с этим связанных. Во-вторых, серьезная обеспокоенность граждан иными социальными проблемами общества, на фоне которых экологические проблемы (носящие часто латентный характер) кажутся менее значимыми[50].

Витальное неравенство также тесно связано со здоровьем населения нашей планеты. Согласно "Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года", принятой государствами-членами ООН в 2015 г., в качестве одной из приоритетных целей, стоящих перед мировым сообществом, является обеспечение здоровья всех и каждого, независимо от уровня дохода, места проживания[51].

Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, по-прежнему сохраняются различия в уровне рождаемости и смертности, и распространенности заболеваний, и продолжительности жизни как между различными социальными группами внутри отдельной страны, так и среди населения разных государств, что очевидно имеет негативные последствия для реализации поставленных целей устойчивого существования мирового сообщества.

Сохранение социального неравенства в уровне здоровья обусловлено не только глобальным характером и длительностью существования данного феномена, но и отсутствием четкого определения факторов, детерминирующих его формирование. В данной связи интерес представляет исследование, проведенное в отношении социального неравенства в сфере здоровья сотрудником кафедры современной социологии А.В. Лядовой.

Само понятие "социальное неравенство в отношении здоровья" было впервые сформулировано М. Уайтхед, экспертом Всемирной Организации Здравоохранения в 1992 г., которая определила его как "различия в состоянии здоровья, которые не являются непреодолимыми, а поэтому могут рассматриваться как несправедливые"[52]. Исходя

---

[50] См. также: *Вершинина И.А., Мартыненко Т.С.* Проблемы утилизации отходов и социально-экологическое неравенство // Экология и промышленность России. 2019. № 5. С. 52–55.

[51] United Nations. Sustainable development goals. 17 Goals to transform our world. URL: http://www.un.org/sustainabledevelopment/health/ (accessed: 12.05.2019).

[52] *Whitehead M.* The concepts and principles of equity and health // International Journal of Health Services: Planning, Administration, Evaluation. 1992. Vol. 22 (8). P. 429–445.

из данных, полученных в ходе масштабного исследования состояния здоровья населения в разных странах мира, были выделены такие ключевые особенности этих различий, как систематичность и несправедливый характер[53].

Однако рассматривая проблему "социального неравенства в отношении здоровья" в исторической перспективе, становится очевидно, что различия между состоянием здоровья отдельных групп и стран всегда существовали, причем, в определенной степени это обусловлено биологической природой самого человека, влиянием эндогенных факторов на его здоровье. Поэтому одним из направлений в исследовании социального неравенства в отношении здоровья стало выявление тех индикаторов, которые указывают на социальную обусловленность преждевременной смертности, низкой рождаемости, невысокой продолжительности жизни.

Так, по итогам работы Комиссии, созданной в 2005 г. под эгидой Всемирной Организации Здравоохранения для выявления социальных факторов, оказывающих влияние на здоровье и обусловливающих различия в его уровне между отдельными социальными группами, было установлено, что к ним относятся условия проживания, трудовой деятельности, доступность медицинских ресурсов, социальная политика государства в сфере здравоохранения, уровень состояния окружающей среды, а также характер распределения материальных ресурсов между всеми социальными группами, что определяется политической конъюнктурой[54].

Выявленные социальные факторы неравенства в отношении здоровья были обозначены как социальные детерминанты здоровья[55]. Их определение позволило внести уточнения в само понятие социального неравенства в отношении здоровья. Так, американской исследовательницей П. Брейвман была предложена следующая его интерпретация: "социальное неравенство в отношении здоровья — это систематические различия в здоровье (или в изменяемых рисках для здоровья) в зависимости от социального преимущества, означающего относительное положение в социальной иерархии, определяемое богатством, властью

---

[53] *Whitehead M., Dahlgren G.* Concepts and principles for tackling social inequities in health: Levelling up Part 1. WHO Collaborating Centre for Policy Research on Social Determinants of Health. Liverpool, 2007. P. 45.

[54] World Health Organization. Commission on social determinants of health. Closing the gap in a generation: health equity through action on the social determinants of health // Final Report of the Commission on Social Determinants of Health. Geneva, 2008. URL: http://www.who.int/social_determinants/thecommission/finalreport/en/ (accessed: 02.04.2019).

[55] См.: *Уайтхед М., Дальгрен Г.* Концепции и принципы преодоления социального неравенства в отношении здоровья: восходящее выравнивание. Ч. 1 // Исследования социальных и экономических детерминантов здоровья населения. 2008. № 2. С. 1–135.

и/или престижем”[56]. Причем особый акцент П. Брейвман в своей работе делает на влиянии политической власти на состояние здоровья населения: “…разумно утверждать, что соответствующие различия — это те различия, на которые может повлиять политика при наличии политической воли, при условии, что такая политическая воля, по крайней мере, теоретически возможна в будущем”[57].

Таким образом, социальное неравенство в сфере здоровья, прежде всего, является следствием несправедливого неравномерного доступа индивидов к основным ресурсам по поддержанию и сохранению своего здоровья.

Для России социальное неравенство в сфере здоровья может быть отнесено к новым, отличным от традиционных “экономических”, форм социального неравенства, оформившихся за последние годы, что объясняется особенностями ее проявления.

Как известно, до начала 1990-х гг. в рамках функционирования советской системы здравоохранения проблема социального неравенства в сфере здоровья среди россиян не рассматривалась как актуальная в силу существовавших для всех приблизительно равных возможностей медицинского обеспечения, уровня и качества жизни. С началом 1990-х гг. наша страна перешла на путь формирования общества нового типа, за основу социально-экономического развития которого были взяты рыночные отношения, индивидуализация общества, что привело к значительному дисбалансу в уровне и качестве жизни различных социальных групп.

Ключевым направлением предпринятых преобразований стала активная коммерциализация всех сфер жизни, в том числе, и системы здравоохранения, которая претерпела множественное реформирование и до настоящего момента находится в достаточно динамичном состоянии. Главным нововведением в сфере охраны здоровья стало создание системы добровольного медицинского страхования и коммерческих медицинских центров, оказывающих населению широкий спектр услуг в отношении здоровья на платной основе[58].

Следствием указанных изменений в условиях усилившегося социально-экономического расслоения нашего общества стал заметный дисбаланс в состоянии здоровья населения центра и периферии. Это особенно наглядно отразилось на таких показателях, как структура заболеваемости (наиболее распространенные болезни), смертность, продолжительность жизни, рождаемость и младенческая смертность,

---

[56] *Braveman P.* Health disparities and health equity: concepts and measurement // Annual Review of Public Health. 2006. N 27. P. 167–194.

[57] Ibid. P.169.

[58] Федеральный закон РФ от 21.11.2011 № 323-ФЗ “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”. URL: http://www.roszdravnadzor.ru/documents/100 (дата обращения: 12.05.2019).

что привело к формированию так называемого дефицита здоровья среди населения регионов[59]. Данное понятие, введенное профессором эпидемиологии и общественного здравоохранения М. Мармотом, означает число жизней, которые можно было бы сохранить, если у всех групп общества был бы такой же уровень здоровья, как и у наиболее благополучной[60].

Пространственная дифференциация проявляется и в процессе реализации новой модели системы здравоохранения в России. С 2017 г. в России принята Программа по развитию цифровой экономики, в рамках которой предусмотрено создание цифрового здравоохранения, что подразумевает электронное управление данными, их хранение, формирование виртуальных приемных, мониторинга за состоянием больных, онлайн-консультации и т.п. Однако цифровизация системы охраны здоровья, несмотря на существующие преимущества, пока не способна до конца преодолеть проблему пространственного неравенства в сфере охраны здоровья по причине ограниченной доступности информационно-коммуникативных технологий в регионах.

Таким образом, по сравнению с другими странами, в которых данная проблематика, прежде всего, обусловлена именно неравным доступом к медицинским ресурсам отдельных социальных групп, в нашем государстве данный вопрос связан с неравномерным распределением ресурсов по поддержанию и сохранению здоровья между центром и периферией[61].

Как уже было отмечено выше, основной формой проявления так называемого экзистенциального неравенства является социальная эксклюзия.

Анализ существующих в современной социологической теории основных методологических подходов к понятию "социальная эксклюзия" (Х. Сильвер, Р. Мунка, Д. Гордона и Р. Левитас, Т. Аткинсона) показал, что наиболее часто понятие "социальная эксклюзия" определяется как отсутствие доступа к: 1) доходам и другим материальным ресурсам, 2) рынку труда, 3) услугам, 4) социальным отношениям.

Особенностью этого понятия является то, что оно имеет как чисто материальное выражение (в виде доступа к определенным материальным благам), так и социальное измерение. Так, социальная эксклюзия мешает участию в нормативно предписанных видах деятельности

---

[59] Российский статистический ежегодник. 2017: Стат. сб. М., 2017. С. 686.

[60] *Marmot M.* The status syndrome: how social standing affects our health and longevity. L., 2004.

[61] См.: *Лядова А.В., Лядова М.В.* Социальная инновация как способ преодоления социального неравенства в отношении здоровья // Общество, социология, психология, педагогика. 2018. № 5. С. 15–19; *Лядова А.В., Лядова М.В.* Социально-правовые аспекты развития цифрового здравоохранения // Бюллетень НЦССХ им. А.Н. Бакулева. 2018. Т. 19. № 6. С. 268.

данного общества, ограничивает доступ к информации, ресурсам, сокращает возможности по достижению личных целей.

Наглядным примером социальной эксклюзии является ограничение доступа к ресурсам, связанным с информационно-цифровыми технологиями (так называемое цифровое неравенство или "цифровой разрыв").

Известно, что создание новых коммуникационных технологий на базе интернета (в том числе, электронной почты, форумов, досок объявлений, поиска информации в сети и т.п.) открыло доступ к определенным возможностям не только для профессиональных программистов и технически подготовленных специалистов, но для обычных людей (пользователей). Активное и повсеместное распространение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) стало источником нового социального разрыва — между теми, кто имеет доступ к этим технологиям и вытекающим из них преимуществам, а также теми, у кого такой доступ отсутствует или ограничен.

Как отмечают сотрудники кафедры современной социологии Д.Е. Добринская и Т.С. Мартыненко, в современной социологической литературе представлено множество различных подходов к изучению цифрового разрыва[62], однако единого понимания данной проблемы до сих пор нет. В качестве методологической основы для анализа цифрового разрыва используется его трехуровневое членение.

Первый уровень разрыва фиксирует разницу в доступе к информационно-коммуникационным технологиям. Такой доступ предполагает наличие или отсутствие соответствующей материальной базы. Речь идет не только о владении специальными техническими средствами, обеспечивающими доступ в интернет, но и о наличии самого доступа, а также о качестве доступа к сети.

Второй уровень цифрового разрыва позволяет определить дифференциацию в наличии необходимых для эффективного использования ИКТ цифровых навыков. В частности, исследуется уровень владения навыками поиска информации в сети, качественного отбора контента интернет-ресурсов и его последующего использования; изучаются показатели уровня цифровой грамотности; анализируются мотивы использования интернет-ресурсов; выявляется число тех пользователей, которые способны создавать новый контент, новое программные продукты.

Наконец, третий уровень цифрового разрыва выявляет жизненные шансы и возможности, обусловленные наличием доступа к ИКТ и об-

---

[62] См.: *Deursen A.J. van, Dijk J.A. van.* The digital divide shifts to differences in usage // New Media & Society. 2014. Vol. 16. N 3. P. 507–526; *Dijk J.A. van.* A theory of the digital divide // Informationsgerechtigkeit / Ed. by A. Schullerr-Zwierlein, N. Zillien. Berlin, 2012. P. 29–45; *Hargittai E.* Second-level digital divide: differences in people's online skills // First Monday. 2002. Vol. 7. N 4; The digital divide: the Internet and social inequality in international perspective / Ed. by G.W. Muschert, M. Ragnedda. L., 2015.

ладанием определенным набором цифровых навыков для эффективного использования этих технологий. Именно здесь простая дифференциация в доступе и навыках превращается в новую форму социального неравенства, поскольку факторы первого и второго разрывов оказывают влияние на социальное положение индивида, его профессиональные возможности, социальный статус, карьерные перспективы и, в целом, на возможности быть полноценным членом цифрового общества.

Следует отметить, что сотрудниками кафедры современной социологии социологического факультета МГУ Д.Е. Добринской и Т.С. Мартыненко предложена агрегированная модель цифрового неравенства, позволяющая зафиксировать многоаспектность рассматриваемой проблемы. Основными компонентами этой модели являются материальный доступ, цифровые навыки использования, уровень цифровизации жизни и жизненные шансы[63]. Анализ, проведенный с применением данной модели, позволил констатировать наличие ряда весьма существенных факторов, поддерживающих наличие цифрового неравенства в российском обществе.

Во-первых, в РФ первая "Стратегия развития информационного общества" была разработана лишь во второй половине 2000-х гг. Этот факт объясняет довольно скромные позиции страны (как правило, между 30-м и 40-м местом) в различных международных рейтингах (к примеру, по уровню развития ИКТ[64], индекс сетевого мира[65], индекс цифровизации экономики[66] и т.п.).

Во-вторых, существует высокий уровень дифференциации доходов как между отдельными домохозяйствами, так и между регионами внутри страны. Результаты исследования, проведенного в 2018 г., показали, что чем выше достаток россиян, тем чаще они выходят в интернет[67]. Так, среди наименее обеспеченного и бедного населения высок процент тех, кто вовсе не пользуется интернетом (40 и 40% для обеих групп), а обеспеченные группы, напротив, обычно пользуются интернетом ежедневно (69% для среднего класса и 86% — для людей с высоким уровнем доходов).

В-третьих, причиной цифрового неравенства в России является неравномерное развитие телекоммуникационной инфраструктуры, большая разница в стоимости и качестве услуг между регионами. По-

---

[63] *Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С.* Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 1. С. 108–120.

[64] ICT Development Index (Informationa Telecommunication Union).

[65] Network Readiness Index (World Economic Forum).

[66] E-Intensity Index (Boston Consulting Group).

[67] НАФИ. Чем больше заработок, тем чаще россияне выходят в интернет. URL: https://nafi.ru/analytics/chem-bolshe-zarabotok-tem-chashche-rossiyane-vykhodyat-v-internet/ (дата обращения: 06.12.2018).

вышенных затрат требует обеспечение интернетом сельской местности в России. В то же время необходимо отметить, что в Российской Федерации по последним данным более 76% населения страны пользуются интернетом[68], что существенно превышает среднемировое значение. Проведенный анализ позволяет зафиксировать значительное неравенство в доступе к ИКТ жителей разных российских регионов, что объясняется не только экономическими причинами, но и наличием определенной культурной специфики, ментальности, а также наличием языковых барьеров.

Наконец, цифровое неравенство можно объяснить и целями использования интернета (бизнес, учеба, развлечения и другие). При этом уровень владения цифровыми навыками у российских пользователей свидетельствует о необходимости интенсификации работы по его повышению.

Специфической особенностью проявления "цифрового неравенства" в России является то, что только каждый четвертый россиянин имеет высокий уровень цифровой грамотности (26% россиян продемонстрировали высокий уровень базовых компетенций в цифровой среде), а доля ИТ-специалистов в общей численности занятых не превышает 2%, в то время как в Финляндии, Швеции, Великобритании — достигает 5–6%. Индекс цифровой грамотности составил 52 п.п. из 100 возможных. При этом россиянам свойственна легкомысленность в сфере защиты информации: только 38% респондентов делают резервные копии собственных данных, а 44% пользователей не знают, как правильно поступать в случае получения от знакомого человека письма с вирусом[69].

Несмотря на определенные отличия, в России наблюдается общемировая тенденция сохранения цифрового разрыва в использовании новейших технологий между поколениями. У старших возрастных групп существенно снижается активность в сети, приоритет отдается просмотру контента, а не его созданию. Тем не менее, следует отметить, что среди людей старшего возраста (55 лет и старше) доля пользователей интернета растет, в том числе за счет увеличения числа пользователей мобильного интернета[70].

Следует отметить, что в последнее время наблюдается еще одна интересная тенденция, которая задает новую перспективу анализа цифрового разрыва. Эта тенденция свидетельствует о том, что люди, имеющие высокий социальный статус и доход, могут позволить себе

---

[68] World Internet Users Statistics and 2019 World Population Stats. URL: https://www.internetworldstats.com/stats.htm (accessed: 11.05.2019).

[69] НАФИ. Цифровая грамотность для экономики будущего. URL: https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost/ (дата обращения: 14.02.2019).

[70] GFK. Проникновение интернета в России: итоги 2017 года. URL: https://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Reports/2018/GfK_Rus_Internet_Penetration_in_Russia_2017-2018.pdf (дата обращения: 14.02.2019).

намеренно отказаться от новейших гаджетов и обеспечить сетевую недоступность. Телефон с ограниченным набором функций становится своего рода новым "статусным аксессуаром", а так называемая "сетевая недоступность" — новый модный тренд[71].

Никто не оспаривает тот факт, что неравенство составляет нерв социальной структуры и социального порядка любого общества, а развитие предстает как трансформация и последовательная смена систем социального неравенства. Именно эти обстоятельства делают актуальным компонентом социального дискурса теории социального неравенства, ключевые векторы развития которых детально проанализированы профессором кафедры современной социологии Н.Л. Поляковой.

Современные теории социального неравенства разрабатываются на основе различных методологических подходов, используют различный категориальный аппарат и являются в различной степени успешными.

Как утверждает Н.Л. Полякова, коренным недостатком большинства этих теорий и методологических подходов является социологическая установка, не разделяющая структуру и агентность в теориях социального неравенства, которая просуществовала в социологии до 80-х гг. XX в. с опорой на "экономический детерминизм", включающий индивидов в систему неравенства на основе марксистской и функционалистской парадигм, а также теорий конфликта, имеющих политэкономическое происхождение.

Только в конце XX — начале XXI в. в социологии данный упрощенный подход, укорененный в объяснительных схемах "единого фактора"[72], был потеснен новым социально-конструктивистским методологическим трендом. В рамках теорий социального неравенства он нашел выражение в отходе от субстанционалистского видения структур социальной дифференциации. Так, вопрос о том, что составляет основание социального неравенства, был дополнен вопросом о том, как сами люди производят и воспроизводят социальное неравенство в обычных практиках повседневной социальной жизни.

Согласно методологии социального конструктивизма, структура социального неравенства является продуктом и результатом осознания социальными агентами существующих социальных отношений, выступающих не более чем "структурирующим" основанием для индивидуального определения принадлежности агента к той или иной социальной группе. Именно этот процесс индивидуального осознания и определения приводит к образованию реальных групп и классов, к формированию неравенства.

---

[71] См. подробнее: *Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С.* Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 1. С. 108–120.

[72] О теориях "единого фактора" см.: *Сорокин П.А.* О причинах войны, об империализме, о теории факторов народничества и многом другом // Сорокин П.А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб., 2000. С. 28.

Именно поэтому, например, Э. Гидденс прибегает к замене термина "классовое сознание" термином "классовое осознание" и по существу совершенно по-новому пытается осмыслить то, что принято называть "субъективными моментами социальных отношений". Суть этой попытки заключается в указании на то, что знание, рефлексивное осознание сложившихся социальных отношений конституирует социальные группы и отношения, а не просто воспроизводит их объективную данность.

Но это не просто "рефлексивное сознание". Речь идет о значительно более сложном процессе, процессе "категоризации" и механизмах "работы представления". Это работа по выработке категорий для экспликации и классификации, которая, как считает П. Бурдье, ведется «в каждый момент обыденного существования, вследствие той борьбы, которая сталкивает агентов, имеющих различные ощущения социального мира и позиции в этом мире, различную социальную идентичность, при помощи всевозможного рода формул: хороших или плохих заявлений, благословений или проклятий, злословий или похвал, поздравлений, славословий, комплиментов или оскорблений, упреков, критики, обвинений, клеветы и т.п. Неслучайно kategoresthai, от которого происходят категории и категоремы, означает "обвинить публично"».[73] Называть и вызывать к существованию при помощи номинации — это и есть власть (символическая по своему источнику), образовывать группы, формируя здравый смысл, консенсус как основание для любой группы. Восприятие социального мира структурировано схемами восприятия и оценивания, и все, что представлено, в частности, в языке, есть, как подчеркивает П. Бурдье, продукт символической борьбы и выражает распределение символических сил. Символическая категоризация — это и есть совокупность практик, решающих проблему единства структуры и агентности.

Символическая работа по классификации социального пространства осуществляется в форме борьбы за классификацию. Поэтому социология не может заниматься "наукой классификации", не занимаясь "наукой борьбы за классификацию", и не учитывать в этой борьбе за власть борьбу за монополию рациональными средствами легитимного символического насилия, а также "позицию каждого агента или группы агентов, вовлеченных в эту борьбу"[74].

Именно в ориентации на исследование этих практик символической категоризации, опирающихся на культуру, знание, идеологию, и состоит разворот социологических теорий неравенства, призванных ответить на вопрос, как *производится* социальное неравенство с помощью практик повседневности. Такими, наиболее часто встречающимися практиками, являются практики стигматизации, лингвистической категоризации, обрядовые практики, правовые практики.

---

[73] *Бурдье П.* Социология социального пространства. М.; СПб., 2007. С. 24.

[74] Там же. С. 31.

Эти практики, являющиеся практиками повседневности, в рамках теорий социального неравенства до сих пор не получили адекватного анализа. Причинами этого являются не только доминирующие в теориях социального неравенства "экономический детерминизм" или "ресурсная перспектива", но и очевидная недооценка роли исторического знания как источниковедческой базы в процессе построения социологических теорий.

Так, стигматизация и символическая категоризация являются одними из наиболее древних механизмов установления социального неравенства. Стигма, *stigma* — термин греческого происхождения, означающий "пятно". Стигматизация изначально использовалась как практика нанесения различного рода телесных знаков, должных продемонстрировать моральный или социальный статус индивида, его ранг.

Первоначально стигматизации подвергались рабы, преступники. Практики стигматизации, однако, шире, чем простое использование телесных знаков в качестве механизма установления социального неравенства. Опираясь на исследование этого явления, осуществленное Г. Спенсером, можно утверждать вслед за ним, что практики стигматизации в форме различного рода изуродований — отрезание различных частей тела у пленника, указывающее на его порабощение, его рабскую принадлежность, например, пальцев рук, носов, ушей, выбивание зубов и все это различного рода практики социального контроля, которые являются одним из механизмов формирования социального неравенства и лежат в основе формирования классов. Изуродование как практика стигматизации символически закрепляет социальное неравенство и является компонентом фундаментального и исторически первого института социального контроля — института обряда. Г. Спенсер при этом был убежден, что контроль посредством обрядовых правил, будучи самым древним и предшествующим политическому и религиозному контролю, "всегда принимал, и теперь принимает, наибольшее участие в регулировании жизни людей"[75]. Г. Спенсер имел в виду не только древние, но и общества середины XIX в., однако это же можно сказать и о современных обществах конца XX — начала XXI в. И речь идет не только о практиках изуродования, которые можно наблюдать в современных молодежных контркультурах и профессиональных субкультурах, а также в низших классах, примером чего могут служить столь широко распространенные татуировки, неприемлемые в среде высших классов. Эти легкие изуродования продолжают нести на себе символическую память практик стигматизации, унаследованных от "военных обществ" и даже от обществ классического модерна — татуирование матросов, наложение клейма на дезертиров, преступников, обривание головы у преступников.

---

[75] Философия Герберта Спенсера в сокращенном изложении Говарда Коллинса с предисловием Герберта Спенсера. СПб., 1982. С. 341.

Вместе с тем, обрядовые практики стигматизации далеко не исчерпывают весь арсенал обрядовых практик, оформившихся в домодерновых обществах и ориентированных на установление контроля, власти, неравенства, ранга.

Практики стигматизации, имеющие очень долгую и богатую историю, самым широким образом использовались не только в качестве системы контроля и выстраивания иерархиезированного порядка, но и стали одним из механизмов образования социальных групп и даже классов. Речь идет о практиках повседневности, которые формируют посредством механизмов стигматизации базовые индивидуальные социальные неравенства. В работах М. Фуко, например, мы находим множество подобных примеров. Эти практики стигматизации произрастают из первоначальных практик изоляции больных лепрой и венерическими заболеваниями, внушавших ужас, провоцирующих использование магических обрядов очищения в отношении изгоняемых из общества и заключаемых в закрытые учреждения. Однако, как указывает Фуко, «исчезнет лепра, фигура прокаженного изгладится или почти изгладится из памяти людей, — однако все эти структуры останутся неизменными. Обычаи исключения из сообщества встретятся нам и через два-три столетия, зачастую в тех же самых местах. Роль, когда-то принадлежавшую прокаженному, возьмут на себя бедняки, бродяги, уголовные преступники и "повредившиеся в уме"»[76].

Бедность, бездомность, делинквентность, болезнь станут стигмами, на основе которых будут спонтанным образом формироваться в рамках повседневности практики установления неравенства.

Мы и сейчас, как свидетельствует, например, И. Гофман, при встрече с незнакомцем "можем заметить свидетельства того, что он обладает неким качеством, отличающим его от других людей его категории и являющимся нежелательным для него: если взять крайний случай, то этот человек может быть основательно испорченным, опасным или слабым. Таким образом, в нашем сознании он превращается из цельного обычного человека в неполноценного, обладающего каким-то дефектом (подпорченного). Подобное качество — это и есть стигма, особенно если речь идет об очень сильном негативном воздействии; порою его называют также недостатком, увечьем, дефектом"[77]. При этом "стигма" используется И. Гофманом для обозначения "качества, выдающего какое-то постыдное качество индивида; причем характер этого качества определяется не самим качеством, а отношениями по поводу него"[78].

---

[76] *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. М., 2010. С. 15.

[77] *Гофман И.* Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью. С. 2–3. www.HSE.ru/Data2011/11/15.

[78] Там же. С. 3.

Гофман выделял три типа стигмы, существенно различающихся между собой. Первый тип — это телесное уродство, различного рода физические отклонения. Второй тип связан с недостатками индивидуального характера: "…слабая воля, неконтролируемые или неестественные страсти, подлые или костные убеждения, бесчестность; о них становится известно, например, из факта умственного расстройства, заключения в тюрьму, отсутствия постоянной занятости, попыток самоубийства, радикальных политических пристрастий, склонности к наркотикам, алкоголю, гомосексуализму"[79]. Третий тип — это "родовая стигма расы, национальности и религии, которая может передаваться по наследству и охватывать всех членов семьи"[80].

Стигма, согласно Гофману, является основанием для дискриминации и соответственно способствует уменьшению жизненных шансов индивида. Стигматизирование осуществляется на основе конструирования "теории стигмы, то есть символической категоризации" или идеологии, призванной обосновать "неполноценность и объяснить опасность", которую несет носитель стигмы, т.е. стигматизируемый, а также оправдать "враждебность" по отношению к нему, которая возникает на основании других его отличий, например, его принадлежности к определенному социальному классу.

Исследования повседневных практик стигматизации свидетельствуют о их неискоренимости. Это древние практики, которые возможно в смягченном варианте и без политических следствий, но продолжают существовать в современности. Эти древние практики стигматизации служили опознавательными стигмами "свой — чужой" и появились как первичные формы различения и дифференциации, с одной стороны, и внутренней консолидации — с другой. В современности востребованы практически все они, особенно те, которые связаны с такими основаниями включения/исключения, как религия, раса, этнос, половая принадлежность.

В данной связи следует согласиться с выводом, к которому приходит Н.Л. Полякова о том, что "социология должна осуществить поворот в исследованиях социального неравенства от политико-идеологического горизонта равенства и справедливости к исследованию неравенства как системы фундаментальных специализированных практик, ориентированных на формирование социального порядка в виде социальных иерархий и различий"[81].

---

[79] *Гофман И.* Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью. С. 4. www.HSE.ru/Data2011/11/15

[80] Там же.

[81] *Полякова Н.Л.* Оформление социального неравенства в практиках повседневности: историческая перспектива // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 4. С. 7–25.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

GFK. Проникновение интернета в России: итоги 2017 года. URL: https://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Reports/2018/GfK_Rus_Internet_Penetration_in_Russia_2017-2018.pdf (дата обращения: 14.02.2019).

Александрова О.А. Усиление селективности социальной политики и перспективы снижения бедности // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 1. С. 4–21.

Бехар Н. Региональный подход к экологической безопасности на европейском континенте // Мир науки. 1989. № 9. С. 18–21.

Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2004.

Бурдье П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2007.

Вершинина И.А. Проблемы утилизации отходов и социально-экологическое неравенство // Экология и промышленность России. 2019. № 5. С. 52–55.

Вершинина И.А., Курбанов А.Р., Лядова А.В. Промышленные зоны в современных городах: источник социально-экологического неравенства или возможности для процветания? // Экология и промышленность России. 2018. Т. 22. № 8. С. 65–71.

Воронцов Н.Н. Экологические кризисы в истории человечества // Человек и среда его обитания. Хрестоматия / Под ред. Г.В. Лисичкина, Н.Н. Чернова. М., 2003.

Гофман И. Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью. Ч. 1. Стигма и социальная идентичность. Ч. 2. Контроль над информацией и социальная идентичность (главы 3–6). URL: www.HSE.ru/Data2011/11/15 (дата обращения: 11.05.2019).

Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 1. С. 108–120.

Доклад о мировом развитии 2003 года. Устойчивое развитие в меняющемся мире. Преобразование институтов, рост и качество жизни. М., 2003.

Ефимов К.М. Катастрофическое состояние окружающей среды как негативная социальная реалия XXI века: дисс. … докт. социол. наук: 22.00.04. М., 2005.

Лядова А.В., Лядова М.В. Социальная инновация как способ преодоления социального неравенства в отношении здоровья // Общество, социология, психология, педагогика. 2018. № 5. С. 15–19.

Лядова А.В., Лядова М.В. Социально-правовые аспекты развития цифрового здравоохранения // Бюллетень НЦССХ им. А.Н. Бакулева. 2018. Т. 19. № 6.

Мартинелли А. Рынки, правительства, сообщества и глобальное управление // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 16–28.

Мартыненко Т.С. Глобальное неравенство в современных социальных теориях XX — начала XXI в. // Современная социология: ключевые направления и векторы развития / Под общ. ред. Н.Г. Осиповой. М., 2018.

Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ. URL: http://www.roszdravnadzor.ru/documents/100 (дата обращения: 12.05.2019).

Осипова Н.Г. Источники и виды социального неравенства // Общая социология: основы современной социологической теории. М., 2017.

Осипова Н.Г. Неравенства в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 119–141.

Осипова Н.Г. Рыночный фундаментализм как источник глобального социального неравенства // Представительная власть. 2018. № 5–6 (164–165). С. 1–12.

Полякова Н.Л. Оформление социального неравенства в практиках повседневности: историческая перспектива // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 4. С. 7–25.

Российский статистический ежегодник. 2017: Стат. сб. М., 2017.

Сен-Марк Ф. Социализация природы. М., 1977.

Сорокин П.А. О причинах войны, об империализме, о теории факторов народничества и многом другом // Сорокин П.А. Заметки социолога. Социологическая публицистика / Отв. ред. А.О. Бороноев. СПб., 2000.

Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999.

Уайтхед М., Дальгрен Г. Концепции и принципы преодоления социального неравенства в отношении здоровья: восходящее выравнивание. Ч. 1 // Европейское региональное бюро ВОЗ. Копенгаген, 2008.

Философия Герберта Спенсера в сокращенном изложении Говарда Коллинса с предисловием Герберта Спенсера. СПб., 1982.

Фридмен М. Свобода, равенство и эгалитаризм // Фридмен М., Хайек Ф. О свободе. Серия "Философия свободы". М., 2003. Вып. II.

Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М., 2010.

Хайек Ф. О свободе // Фридмен М., Хайек Ф. О свободе. Серия "Философия свободы". М., 2003. Вып. II.

Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М., 2007.

Цифровая грамотность для экономики будущего // НАФИ: Аналитический центр. URL: https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost/ (дата обращения: 14.02.2019).

Челищев В.И. Либерализм — неолиберализм — рыночный фундаментализм: от концепции свободы к тоталитарной догме *(Начало)* // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 27–49.

Чем больше заработок, тем чаще россияне выходят в интернет // НАФИ: Аналитический центр. URL: https://nafi.ru/analytics/chem-bolshe-zarabotok-tem-chashche-rossiyane-vykhodyat-v-internet/ (дата обращения: 06.12.2018).

REFERENCES

GFK. Proniknovenie interneta v Rossii: itogi 2017 goda [Internet penetration in Russia: 2017 results]. URL: https://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Reports/2018/GfK_Rus_Internet_Penetration_in_Russia_2017-2018.pdf (data obrashcheniya: 14.02.2019) (in Russian).

Aleksandrova O.A. Usilenie selektivnosti social'noj politiki i perspektivy snizheniya bednosti [Strengthening the selectivity of social policy and the prospects for poverty reduction] // Narodonaselenie. 2018. T. 21. N 1. S. 4–21 (in Russian).

Bangladesh: climate change and sustainable development // World Bank Report 21104-BD. Washington, 2000.

Bartone C. Institutional arrangements for solid waste management in metropolitan areas // Presentation in Metropolitan Governance Seminar Series, World Bank Institute, March 6. Washington, 2002.

Bekhar N. Regional'nyj podhod k ekologicheskoj bezopasnosti na evropej-skom kontinente [Regional approach to environmental safety on the European continent] // Mir nauki. 1989. N 9. S. 18–21 (in Russian).

Bzhezinskij Z. Vybor. Mirovoe gospodstvo ili global'noe liderstvo [Choice. World domination or global leadership]. M., 2004 (in Russian).

Braveman P. Health disparities and health equity: concepts and measurement // Annual Review of Public Health. 2006. N 27. P. 167–194.

Burd'e P. Sociologiya social'nogo prostranstva [Sociology of social space]. M.; SPb., 2007 (in Russian).

Chelishchev V.I. Liberalizm — neoliberalizm — rynochnyj fundamentalizm: ot koncepcii svobody k totalitarnoj dogme *(Nachalo)* [Liberalism — neoliberalism — market fundamentalism: from the concept of freedom to totalitarian dogma] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2015. N 4. S. 27–49 (in Russian).

Chem bol'she zarabotok, tem chashche rossiyane vyhodyat v internet [The higher the earnings, the more often Russians go online] // NAFI: Analiticheskij centr. URL: https://nafi.ru/analytics/chem-bolshe-zarabotok-tem-chashche-rossiyane-vykhodyat-v-internet/ (data obrashcheniya: 06.12.2018) (in Russian).

Cifrovaya gramotnost' dlya ekonomiki budushchego [Digital literacy for the economy of the future] // NAFI: Analiticheskij centr. URL: https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost/ (data obrashcheniya: 14.02.2019) (in Russian).

Closing the gap in a generation: health equity through action on the social determinants of health // World Health Organization. Commission on Social Determinants of Health — final report. Geneva, 2008. URL: http://www.who.int/social_determinants/thecommission/finalreport/en/ (accessed: 02.04.2019).

Collier P. Poverty and growth in Kenya // World Bank Staff Working Paper N 389. Washington, 1980.

Deursen A.J. van, Dijk J.A. van. The digital divide shifts to differences in usage // New Media & Society. 2014. Vol. 16. N 3. P. 507–526.

Dijk J.A. van. A theory of the digital divide // Informationsgerechtigkeit / Ed. by A. Schullerr-Zwierlein, N. Zillien. Berlin, 2012.

Dobrinskaya D.E., Martynenko T.S. Perspektivy rossijskogo informacionnogo obshchestva: urovni cifrovogo razryva [Prospects of the Russian information society: levels of the digital divide] // Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya. 2019. T. 19. N 1. S. 108–120 (in Russian).

Doklad o mirovom razvitii 2003 goda. Ustojchivoe razvitie v menyayushchemsya mire. Preobrazovanie institutov, rost i kachestvo zhizni [2003 World Development Report. Sustainable development in a changing world. Transformation of institutions, growth and quality of life]. M., 2003 (in Russian).

Efimov K.M. Katastroficheskoe sostoyanie okruzhayushchej sredy kak negativ-naya social'naya realiya XXI veka: diss. … dokt. sociol. nauk: 22.00.04 [The catastrophic state of the environment as a negative social reality of the 21st century: Diss. ... doctor. sociol. Sciences: 22.00.04]. M., 2005 (in Russian).

Filosofiya Gerberta Spensera v sokrashchennom izlozhenii Govarda Kollinsa s predisloviem Gerberta Spensera [The Philosophy of Herbert Spencer in an abridged outline of Howard Collins with a preface by Herbert Spencer]. SPb., 1982 (in Russian).

Fridmen M. Svoboda, ravenstvo i egalitarizm [Freedom, equality and egalitarianism] // Fridmen M., Hajek F. O svobode. Seriya "Filosofiya svobody". M., 2003. Vyp. II (in Russian).

Fuko M. Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epohu [The history of madness in the classical era]. M., 2010 (in Russian).

Glass R. London: aspects of change. L., 1964.

Gofman I. Stigma: zametki ob upravlenii isporchennoj identichnost'yu. CH. 1. Stigma i social'naya identichnost'. Ch. 2. Kontrol' nad informaciej i social'naya identichnost' (glavy 3–6) [Stigma: Notes on Managing Spoiled Identity. Part 1. Stigma and social identity. Part 2. Control over information and social identity (chapters 3–6)]. URL: www.HSE.ru/Data2011/11/15 (data obrashcheniya: 11.05.2019) (in Russian).

Hajek F. O svobode [On freedom] // Fridmen M., Hajek F. O svobode. Seriya "Filosofiya svobody". M., 2003. Vyp. II (in Russian).

Hargittai E. Second-level digital divide: differences in people's online skills // First Monday. 2002. Vol. 7. N 4.

Harvi D. Kratkaya istoriya neoliberalizma. Aktual'noe prochtenie [A Brief History of Neoliberalism. Current reading]. M., 2007 (in Russian).

Heywood A. Political ideologies. An introduction. L., 1998.

Kamel L. Urban governance: the informal sector and municipal solid waste in Cairo // ARCHIS. 2002. N 12.

Luhn A. Moscow's industrial heritage 'at risk' in rush to redevelop old Soviet sites // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/cities/2016/aug/17/moscow-soviet-heritage-risk-redevelop-industrial-zil-car-factory (accessed: 10.05.2019).

Lyadova A.V., Lyadova M.V. Social'naya innovaciya kak sposob preodoleniya social'nogo neravenstva v otnoshenii zdorov'ya [Social innovation as a way to overcome social inequality in relation to health] // Obshchestvo, sociologiya, psihologiya, pedagogika. 2018. N 5. S. 15–19 (in Russian).

Lyadova A.V., Lyadova M.V. Social'no-pravovye aspekty razvitiya cifrovogo zdravoohraneniya [Socio-legal aspects of the development of digital health] // Byulleten' NCSSKH im. A.N. Bakuleva. 2018. T. 19. N 6 (in Russian).

Marmot M. The status syndrome: how social standing affects our health and longevity. L., 2004.

Martinelli A. Rynki, pravitel'stva, soobshchestva i global'noe upravlenie [Markets, Governments, Communities, and Global Governance] // Sociologicheskie issledovaniya. 2003. N 1. S. 16–28 (in Russian).

Martynenko T.S. Global'noe neravenstvo v sovremennyh social'nyh teo-riyah XX — nachala XXI v. [Global inequality in modern social theories of the twentieth — early XXI century] // Sovremennaya sociologiya: klyuchevye napravleniya i vektory razvitiya / Pod obshch. red. N.G. Osipovoj. M., 2018 (in Russian).

McGranahan G. Environmental health of ecological sustainability reconciling the brown and greed agendas in urban development // Sustainable Cities in Developing Countries / Ed. by C. Pugh. L., 2000. P. 73–90.

Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 21.11.2011 N 323-FZ [On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation: federal. Law of November 21, 2011 N 323-FZ]. URL: http://www.roszdravnadzor.ru/documents/100 (data obrashcheniya: 12.05.2019) (in Russian).

Osipova N.G. The global inequality: genesis, evolution, institutions and forms // Socioloska Luca. Journal of Sociology, Social Anthropology, Social Demography and Social Psychology. 2013. Vol. 2. N VII. P. 48–68.

Osipova N.G. Neravenstva v epohu globalizacii: sushchnost', instituty, regional'naya specifika i dinamika [Inequalities in the era of globalization: essence, institutions, regional specifics and dynamics] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2014. N 2. S. 119–141 (in Russian).

Osipova N.G. Istochniki i vidy social'nogo neravenstva [Sources and types of social inequality] // Obshchaya sociologiya: osnovy sovremennoj sociologicheskoj teorii. M., 2017 (in Russian).

Osipova N.G. Rynochnyj fundamentalizm kak istochnik global'nogo social'nogo neravenstva [Market fundamentalism as a source of global social inequality] // Predstavitel'naya vlast'. 2018. N 5–6 (164–165). S. 1–12 (in Russian).

Polyakova N.L. Oformlenie social'nogo neravenstva v praktikah povsednevnosti: istoricheskaya perspektiva [Making social inequality in everyday practices: a historical perspective] // Vestnik Moskovskogo univer-siteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2018. T. 24. N 4. S. 7–25 (in Russian).

Rees W. Is "Sustainable City" an Oxymoron? // Local Environment. 1997. Vol. 2. N 3. P. 303–310.

Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2017 [Russian statistical yearbook. 2017]: Stat. sb. M., 2017 (in Russian).

Sen-Mark F. Socializaciya prirody [Socialization of nature]. M., 1977 (in Russian).

Sim S. Fundamentalist world // The New Dark Age of Dogma. Cambridge, 2005.

Smith N. New globalism, new urbanism: gentrification as global urban strategy // Antipode. 2002. Vol. 34. N 3. P. 427–450.

Sorokin P.A. O prichinah vojny, ob imperializme, o teorii faktorov narodnichestva i mnogom drugom [About the causes of the war, about imperialism, about the theory of factors of "narodnichestvo" and much more] // Sorokin P.A. Zametki sociologa. Sociologicheskaya publicistika / Otv. red. A.O. Boronoev. SPb., 2000 (in Russian).

Soros Dzh. Krizis mirovogo kapitalizma. Otkrytoe obshchestvo v opasnosti [The crisis of world capitalism. An open society is in danger]. M., 1999 (in Russian).

Steger M. Globalization: a very short introduction. Oxford; N.Y., 2003.

Sustainable Development Goals. 17 Goals to transform our world. URL: http://www.un.org/sustainabledevelopment/health/ (accessed: 12.05.2019).

The digital divide. The Internet and social inequality in international perspective / Ed. by G.W. Muschert, M. Ragnedda. L.; N.Y., 2013.

Therborn G. Inequalities of the world: new theoretical frameworks, multiple empirical approaches. L., 2006.

Uajthed M., Dal'gren G. Koncepcii i principy preodoleniya social'nogo neravenstva v otnoshenii zdorov'ya: voskhodyashchee vyravnivanie. Ch. 1 [Concepts and principles for overcoming social inequalities in health: an upward alignment. Part 1] // Evropejskoe regional'noe byuro VOZ. Kopengagen, 2008 (in Russian).

Vershinina I.A. Problemy utilizacii othodov i social'no-ekologicheskoe neravenstvo [Problems of waste management and socio-environmental inequality] // Ekologiya i promyshlennost' Rossii. 2019. N 5. S. 52–55 (in Russian).

Vershinina I.A., Kurbanov A.R., Lyadova A.V. Promyshlennye zony v sovremennyh gorodah: istochnik social'no-ekologicheskogo neravenstva ili vozmozhnosti dlya procvetaniya? [Industrial zones in modern cities: a source of socio-environmental inequality or opportunities for prosperity?] // Ekologiya i promyshlennost' Rossii. 2018. T. 22. N 8. S. 65–71 (in Russian).

Voroncov N.N. Ekologicheskie krizisy v istorii chelovechestva [Environmental crises in the history of mankind] // Chelovek i sreda ego obitaniya. Hrestomatiya / Pod red. G.V. Lisichkina, N.N. Chernova. M., 2003 (in Russian).

Whitehead M. The concepts and principles of equity and health // International Journal of Health Services: Planning, Administration, Evaluation. 1992. Vol. 22. N 8. P. 429–445.

Whitehead M. WHO Collaborating Centre for policy research on social determinants of health // Levelling up. P. 1. A Discussion Paper on Concepts and Principles for Tackling Social Inequities in Health. Liverpool, 2006.

World Internet Users Statistics and 2019 World Population Stats // Internet World Stats: Usage and Population Statistics. URL: https://www.internetworldstats.com/stats.htm (accessed: 11.05.2019).

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-154-174

ГЛОБАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ. ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ.
Часть I. Универсалистский подход

Н.Л. Полякова, докт. социол. наук, проф. кафедры социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Современная глобальная социология сформировалась в конце XX — начале XXI в. Она является сложным образованием, состоящим из большого количества социологических теорий, созданных и создаваемых в рамках различных теоретических традиций и опирающихся на различные методологические подходы. Их объединяет общее предметное поле и общее видение проблем, требующих своего социологического осмысления.

Задача данной статьи состоит в том, чтобы теоретически структурировать предметное поле современной глобальной социологии и предложить соответствующую типологию теоретических подходов и базовых проблем, которая позволяет представить современную глобальную социологию как специальную исследовательскую сферу, обладающую предметным единством и системностью.

Предметное поле современной глобальной социологии составляют, во-первых, современные процессы, приведшие к становлению современного глобального мира, и, во-вторых — порядок и структура этого глобального мира.

Теоретико-методологический анализ теорий, составляющих содержание современной глобальной социологии, позволяет разделить эти теории на две большие группы.

Первую группу теорий составляют теории, созданные в рамках универсалистского подхода и универсалистского видения современного глобального порядка. Универсалистская перспектива построения теорий укоренена в социальной философии Просвещения, теориях Прогресса, в теориях развития, созданных в классической социологии, в изначальных импульсах теорий модернизации и вестернизации. Все эти теории объединяет также общее видение современного мира как единого универсального пространства, в той или иной степени трансцендирующего и конкретные общества, и национальные государства.

Кроме того, эту группу теорий следует разделить на еще две подгруппы. Первая подгруппа универсалистских теорий глобальной социологии рассматривает современный глобальный мир и его порядок как результат движения обществ, заложенный изначальными импульсами развития модерна и закономерно реализующимися в качестве универсального глобального порядка. В качестве примеров таких теорий в статье анализируются построения И. Валлерстайна и Э. Гидденса.

* **Полякова Наталья Львовна,** e-mail: polyakova@socio.msu.ru

Вторую подгруппу теорий составляют теории глобализации, основа анализа которых — процессы цифровизации и сетевизации современного социального пространства, новые базовые "мобильности", созидающие новую глобальную морфологию пространства "потоков". В качестве примеров таких теорий анализируются идеи М. Кастельса, Дж. Урри, У. Бека.

В статье анализируется также такой универсалистский дискурс глобальной социологии, как концептуализация глобального порядка посредством теории империи.

Этим универсалистским теориям глобальной социологии посвящена I часть статьи.

Вторая часть статьи посвящена второй большой группе теорий современной глобальной социологии — теориям, созданным на основе цивилизационного подхода и рассматривающих современный мир как совокупность цивилизаций.

Ключевые слова: *глобализация, универсализация, вестернизация, информатизация, сетевое общество, империя, цивилизация.*

GLOBAL SOCIOLOGY. BASIC RESEARCH STRATEGIES. Part I. Universalist approach

Polyakova Natalya L., Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: polyakova@socio.msu.ru

The global sociology was formed at end of the XXth century — at the beginning of the XXIth century. It consists of a great number of sociological theories belonging to different sociological traditions with different methodological approaches. These theories have a common object field and a common vision of sociological problems which need to be analyzed. The aim of the article is to clarify and to give a theoretical structure to the object field of the global sociology as a specifie research sphere. This specifie sphere of sociological research has its own systemic character due to the unity of the object field. The object field of the global sociology is formed, first, by the processes which have shaped the contemporary global world and second, by the structure and order of this global world. The theoretical and methodological analysis of the theories which make up the global sociology shows that these theories can be divided into two large groups. The first group is formed by theories based on a universalist approach and a universalist vision of the actual global order. The universalist sociological perspective is rooted in the Enligtenmeht social philosophy, in the theories of development of classical sociology, in the original impulses of theories of modernization and Westernization. The uniting principle of all the mentioned theories is the common vision of the contemporary world as the one universal social space which to one extent or other transcends both concrete societies and nation-states. This large group of theories can be subdivided in two subgroups. The first subgroup of universalist theories views the contemporary global world with its order as a result of some original impulses of development of modernity. These impulses are being realized as the universal global order. The article analyzes the sociological theories of I. Wallerstein and A. Giddens as examples of such universalist theories. The second subgroup is formed by theories of globalization which are based on the analysis of the processes of digitalization, networking and also of new basic "mobilities" which are shaping a new global morphology of the space of "flows". The theories

of M. Castels, J. Urry and U. Beck are the examples of such universalis theories. The article also analyzes a global sociological universalist discourse which conceptualizes the global order through "theories of empire".

The Part I of the article is dedicated to universalis theories of global sociology. The Part II is dedicated to the second large group of theories of the contemporary global sociology. These theories are based on the civilization approach which views the contemporary world as a set of civilizations.

Key words: *globalization, universalization, Westernization, informatization, network society, Empire, civilization.*

Одним из самых значимых теоретических дискурсов, сформировавшихся в последние тридцать лет в социологии, является дискурс, посвященный обсуждению процессов и проблем глобализации. Это очень широкий дискурс, в рамках которого сформировались различные теории глобализации — как *структурные*, описывающие и создающие теорию глобального общества, так и *процессуальные* теории и концепции развития глобальных процессов, создающие глобальную теорию исторического развития.

Анализ этих теорий позволяет сделать вывод о том, что они создаются в рамках двух фундаментально различных подходов, которые можно положить в основание классификационной схемы, позволяющей ответить на вопросы о том, что такое современная глобальная социология и в чем ее специфика.

Глобализация осуществляется как процесс *универсализации*, *гомогенизации* и *унификации* социальных, политических и экономических институтов и процессов. Создаются формально схожие системы государственного управления, политических партий, системы права,системы финансового контроля и управления, системы социального и пенсионного обеспечения, аналогичные системы здравоохранения, образования, поддержки науки и культуры, спорта и т.д. Возникают общие формы социального протеста, социальных чувств и представлений. Типизируются социальные позиции, рабочие места и функции, системы социальной стратификации и потребления, оформляются транснациональные элиты.

Процесс глобализации осуществляется через создание глобальной сети культурных кодов и сообщений. Мода, кинематограф, политические события, природные катастрофы, террористические акты, курсы валют, прорывные научные технологии — все эти события, знаки и сообщения существуют одновременно, сразу для всех и всем одинаково понятны. Благодаря глобальным средствам массовой информации, глобальному сетевому обществу все живут в одной системе событий и единой системе смыслов.

Усиление связанности, взаимозависимости, уплотнение взаимодействия осуществляется на всех социальных уровнях и в различных сферах — экономике, политике, культуре, науке, образовании.

Глобализация сопряжена с оформлением наднационально-государственных, в полном смысле слова *глобальных*, социальных институтов, обладающих авторитетом и даже определенной властью, таких как, например, ООН, ВТО, МОТ, ВОЗ, Еврокомиссия и Совет Европы, спортивные организации и союзы, различного рода региональные экономические, политические, культурные союзы и организации. Речь идет не просто о соглашениях, основу которых составляют интересы или взаимное признание принципов, норм и систем международного права. Речь идет об институтах и организациях, обладающих своим регламентом, штатом международных чиновников и полномочиями, включающими возможность принуждения и наказания участников в случае нарушения ими соглашений и обязательств. Речь идет об *институциональной структуре глобального мира*.

Оформление наднациональных организаций бросает вызов национальным государствам, ставит вопрос о полноте их полномочий и прерогативах. Но не только наднациональные организации и транснациональные практики оказывают давление и сужают сферу полномочий национального государства. Не менее значимой оказывается вторая сторона общего процесса глобализации. Речь идет о процессе регионализации, который "размывает" сложившуюся систему национальных государств как бы "снизу", создавая различного рода локальные и региональные движения протеста, предлагая им при этом единую форму, общие лозунги и апеллируя к транснациональным формам связей.

Вызов, бросаемый глобализацией национальным обществам-государствам, является центральной темой, обсуждаемой в рамках глобальной социологии. Именно эта тема является фокусом, в котором сходятся вопросы структуры и природы глобального порядка, его универсальности или гетерогенности, форм и типов этого порядка, таких как империи, системы национальных государств или системы цивилизаций.

По тому, как решаются эти вопросы в рамках современной глобальной социологии, можно выделить два фундаментальных исследовательских направления и соответственно два блока социологических теорий глобализации, составляющих содержание современной глобальной социологии.

Первый исследовательский подход — это подход, укорененный в рамках классической социологической традиции, эволюционизма, прогрессизма и универсализма. Это *универсалистский* подход, и он предполагает интерпретацию мировой истории как единого процесса эволюционного прогрессивного развития обществ по единым законам и схемам к единой универсальной социальной форме. Такой формой может быть индустриально развитая политическая демократия с секуляризированной культурой и вестернизированными социальными институтами.

Этот подход существует в социологии со времен Ж.-А. Кондорсе, О. Конта и Г. Спенсера и несмотря на все изменения, внесенные социологией XX в. в соответствующее видение социального изменения, его теоретическое ядро продолжает воспроизводиться. Универсализм является главной моделью социального изменения и главной моделью социального устройства современных обществ, укорененной в социальных моделях западных обществ.

Результатом универсалистского подхода является создание картины глобального мира, представляющего собой совокупность национально-территориальных образований, объединенного совокупностью транснациональных универсалистских социальных, культурных и экономических практик, а также соответствующей системой институтов и организаций транснационального или наднационального уровня.

Фактически речь идет об универсалистской модели социологии, ставшей одним из оснований современной глобальной социологии. В рамках универсалистской ветви глобальной социологии процессы универсализации, вестернизации и модернизации чаще всего рассматриваются как совпадающие.

Второй подход и второй блок теорий, разработанных в рамках современной глобальной социологии, — это *цивилизационный* подход. В рамках современной глобальной социологии мы наблюдаем не просто возрождение теоретического интереса к истории цивилизаций, а практическое применение цивилизационного подхода в качестве аналитического средства прочтения современного глобального мира.

Современные теоретики цивилизационного подхода в рамках глобальной социологии отказываются от универсалистского видения современного глобального пространства, структурируют его как систему цивилизаций, отказываются от отождествления процессов модернизации и вестернизации и вносят в теорию модернизации существенные коррективы.

Универсалистская ветвь глобальной социологии

В рамках универсалистской социологии сформировалось множество современных теорий глобализации. Это такие классические теории современной социологии, как мир-системный анализ И. Валлерстейна, укорененный в равной мере и в марксистской, и в классической структурно-функционалистской схеме социального развития "центр-периферия" Э. Шилза; теория глобализации Э. Гидденса, произрастающая из его теории модерна; теория глобализации Р. Робертсона, рассматривающего глобализацию как результат взаимопроникновения процессов "универсализации, партикуляризма и партикуляризации универсализма"[1]; теории глобализации, в которых глобализация есть

[1] *Robertson R.* Globalization. Social theory and global culture. L., 1992. P. 27.

результат оформления транснациональных практик, транснационального государства Лесли Склэра, Ульриха Бека, Джона Урри; множество теорий сетевого общества, прежде всего теории М. Кастельса, в рамках которых глобализация — результат развития сетевых технологий и одновременно новая форма современного универсализированного социального пространства.

Все эти теории глобализации универсалистской социологии при всем своем различии создали общее проблемное поле, в рамках которого обсуждаются главные проблемы глобальной современности, а также ее общую картину. Вместе с тем, анализ этих теорий позволяет разделить их на две подгруппы в рамках единого универсалистского прочтения процессов глобализации.

Первую подгруппу теорий составляют теории универсалистской социологии, созданные как теории социального развития, закономерным итогом которого является оформление универсального глобального порядка. Основу их теоретического построения образует анализ общего исторического развития, заложенного изначальными импульсами модерна и закономерно реализующимися в качестве современного глобального мира.

Вторую подгруппу теорий составляют теории, основу анализа которых формирует процесс глобализации, связанный с развитием информационных технологий и процессов сетевизации современных обществ.

Глобализация как результат общего исторического движения обществ модерна

Эту подгруппу теорий глобализации универсалистской социологии составляют теоретические разработки, целью которых является построение общей теории социального развития обществ модерна в направлении оформления единого универсального социального пространства. К числу классических теорий этой подгруппы следует отнести теории И. Валлерстайна, Э. Гидденса. Эти теории были созданы до теорий второй подгруппы, но уровень теоретической проработки глобализационного процесса и его результата — оформления единого универсального пространства — в социологическом плане значительно превышает уровень проработки проблем в теориях второй подгруппы. По крайней мере, именно в теориях И. Валлерстайна, Э. Гидденса предложена теория структуры и формы, которую имеет современное глобальное общество, обоснована его универсалистская природа и выявлены место и роль национально-государственного порядка модерна как в процессе глобализации в целом, так и в структуре современного глобального порядка.

Глобальное пространство репрезентируется в теории И. Валлерстайна концепцией мироэкономики. При этом капитализм, являющийся

воплощением универсализма, по его глубокому убеждению, изначально был явлением мироэкономики, а не национальных государств, воплощавшими всегда партикуляризм. Создание "национальных" барьеров исторически было "защитным механизмом капиталистов в странах, находящихся уровнем ниже, чем высшие пункты силы в системе"[2]. Это породило парадокс исторического процесса глобализации, по мнению Валлерстайна, который состоит в том, что вместе с возникновением наций-государств со своими границами, "изобретенными традициями", мир двигался ко "всемирному сознанию", "человечеству", "всеобщей личности"[3]. Речь идет о двойном историческом пути: историческом движении наций, с одной стороны, и историческом создании вселенского человечества — с другой. В настоящее время нации-государства все больше походят друг на друга — по культурным формам, по политическим формам, по "националистическим формам" и т.д. И это не только результат культурной диффузии.

Валлерстайн является очевидным сторонником универсалистского подхода к анализу современного мира и обосновывает это через обсуждение дилеммы "партикулярное — универсальное". Партикулярное существует в двух базисных формах — в форме культуры и в форме нации. «Культура *по определению* есть нечто партикулярное… Это система ценностей или практических форм поведения, присущих некоей части, меньшей, чем целое… При любом употреблении слова, "культура" — то, что некоторые люди чувствуют или делают, в отличие от других, которые чувствуют или делают иначе»[4]. Национализм же является "квинтэссенцией… партикуляризма, его формой с наиболее широкой аудиторией, с наиболее устойчивой поддержкой, с наибольшей политической ударной силой, с наиболее основательным вооружением в свою защиту"[5].

Парадокс состоит также в том, что, как подчеркивает И. Валлерстайн, история мира — это не история культурной гомогенизации, это история культурной дифференциации, усложнения и разнообразия. Но этот процесс дифференциации всегда сдерживался некими "гравитационными" силами, удерживающими центробежные тенденции. "В нашей современной миросистеме, — пишет И. Валлерстайн, — наиболее мощной из таких гравитационных сил была нация-государство"[6]. Это было связано прежде всего с тем, что при "развертывании" капиталистического мира-экономики нации-государства самоопределялись

---

[2] *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 38.

[3] *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. С. 133.

[4] Там же. С. 131.

[5] Там же. С. 132.

[6] Там же. С. 137.

по отношению к другим государствам и вместе составляли единую межгосударственную систему, что находило выражение в международных договорах. И это не просто политическая география, речь идет о "постоянном давлении в сторону формирования именно такой морфологии"[7], предполагающей и суверенные государства, и их национальные культуры.

Вместе с тем, экономическая реальность с ее разделением труда и потоками товаров, капиталов, рабочей силы предполагает, что государственные "границы должны быть проницаемы, и они действительно являются таковыми". Эти потоки разбивали национальные отличия, порождая диффузию и интернационализацию культуры.

Государства, таким образом, одновременно и создавали культурное разнообразие, и использовали свою мощь для создания культурного единообразия. "Это сделало государства самой мощной культурной силой современного мира и одновременно самой шизофреничной"[8]. Парадокс, таким образом, состоит в том, что универсалистское пространство современного мира связано системой национальных государств, образований, партикуляристских по своей природе. И это несмотря на то, что каждое государство опирается не только на свою национальную культуру, но и на свои социальные практики: официальные языки, системы образования с определенным набором изучаемых предметов, армии, законы о въезде и выезде, законодательство о семье, о собственности и т.д.

Обсуждение проблем культурного многообразия существует, по мнению Валлерстайна, в качестве не более чем сопротивления универсализирующим тенденциям современного мира. Но такая приверженность национальной, этнической, любой другой партикуляристской культуре — не более чем "костыль" на пути к универсализирующей свободе. Суть современного универсализма состоит в общем историческом движении к свободе и равенству. Но движение по этому пути будет связано не с созданием и воссозданием партикуляристских культурных общностей, а с "социальными партикуляризмами, имеющими целью… восстановление универсальной реальности свободы и равенства"[9].

Универсализация, таким образом, является, по И. Валлерстайну, продуктом системы национальных государств, которые этот процесс поддерживают. При этом стабильность мира как системы национальных государств (и как мир-империи с перераспределительной экономикой, и как мир-экономики с капиталистической рыночной экономикой)

---

[7] *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. С. 137.

[8] Там же. С. 141.

[9] *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. С. 149.

гарантируется трехуровневой структурой. Валлерстайн выделяет три механизма, позволяющие удерживать единую мировую систему стабильной. Во-первых, это концентрация в руках господствующего центра военной силы, которая всегда остается главным доводом. Во-вторых, это "всепроникающая игла идеологической приверженности системе в целом"[10]. При этом эта приверженность существует в виде приверженности идеям вестернизации. И, в-третьих, это само структурирование мирового порядка в виде трехчленной структуры: центра, периферии и полупериферии. "Иметь трехуровневую структуру — нормальное условие любой разновидности миросистемы. Если и когда такое условие исчезает, миросистема исчезает"[11].

Понять механизмы и модели взаимодействия современных национальных обществ и процессов глобализации возможно, опираясь и на теорию системной интеграции и общества как "барельефного" образования на фоне многочисленных процессов, практик и коммуникативных взаимодействий между различными субъектами действия, разработанную Э. Гидденсом.

Согласно его теории, общества образуются не социальной интеграцией-взаимодействием между отдельными субъектами действия, предполагающей пространственное и временное соприсутствие агентов взаимодействия, а системной интеграцией. Системная интеграция — это взаимодействие групп и коллективов, составляющее основу системности общества как целого, общества как "барельефного" образования на фоне многочисленных социальных взаимодействий. Системная интеграция осуществляется не в произвольной форме личного общения, а в жесткой институционализированной форме. Гидденс подчеркивает, что общества как системные тотальности существуют только в контексте "интерсоциальных систем". Все общества в одно и то же время являются и социальными системами, и конституируются пересечением множества социальных систем, которые могут составлять, например, современные процессы глобализации. Общества поэтому являются "социальными системами, которые барельефно выступают на фоне прочих системных отношений"[12].

Идея общества как "барельефного" образования, существующего на фоне множества интерсоциальных систем, оказала громадное влияние на понимание Гидденсом характера и качества современного общества. Анализируя современность, Гидденс говорит уже не об обществе, а об эпохе, о глобальной системе и глобальном обществе, о миросистеме. Более того, Гидденс считает, что в настоящее время своего существенного

---

[10] *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. С. 42.

[11] Там же. С. 43.

[12] *Giddens A.* The constitution of society: outline of the theory of structuration. Berkeby, 1984. P. 164.

переосмысления требует главный объект социологического анализа, каковым социологи традиционно считали "общество".

Рассмотрение "общества" в качестве главного предмета социологии имело, по мнению Гидденса, несколько следствий. Во-первых, это представление стимулировало преимущественный интерес к эндогенным моделям социального изменения, предполагающим, что исходные побудительные импульсы социальной трансформации проистекают "изнутри" общества. Ограниченность такой позиции очевидна, по мнению Гидденса. Все типы социальных систем, начиная от малых дописьменных культур и аграрных государств и кончая современными социальными образованиями, существуют в контексте интерсоциальных систем, что самым серьезным образом влияет на их природу и траектории развития. Во-вторых, утверждение о том, что главный объект социологии — это определенные четко выделяемые "общества", плохо согласуется с характером дописьменных культур и аграрных государств прежних эпох, т.е. тех "обществ", с которыми была связана большая часть исторической жизни человечества.

Когда социологи рассуждают об "обществе", они обычно ссылаются на современные национальные государства. Национальные государства действительно имеют четкие пределы, которым соответствует административная сфера государственного аппарата. Они действительно представляют собой более или менее целостные, интегрированные системы и нередко обладают достаточно гомогенной культурной идентичностью, отличающей их от окружающих государств. Однако несмотря на то, что обычно именно в таком толковании "общество" рассматривается как фокус социологического анализа, национальные государства до сих пор, по мнению Э. Гидденса, не получили удовлетворительного теоретического осмысления в социологии. Как явствует из самого термина, национальные государства конституируются политически, кроме того, они являются территориальными образованиями, идентичность которых обусловлена не только собственными внутренними процессами, но и их причастностью к системе национальных государств.

Наконец, современные национальные государства, отличаясь в некоторых отношениях гораздо большим внутренним единством по сравнению с предшествующими формами социального порядка, все же значительно более регионализированы, чем это принято считать. Этнические различия с давних пор интересовали социологию, но до последнего времени она обходила своим вниманием внутреннюю региональную дифференциацию национальных государств, связанную, например, с размещением производства, классовой структурой и прочими принципами социальной организации.

По мнению Гидденса, все эти соображения меняют представления о том, как социология должна изучать "общество". Гидденс указывает на включенность отдельных обществ и культур в различные межсоци-

альные системы. По его мнению, этот факт всегда имел гораздо большее значение, чем склонны были признавать социологи. При этом он подчеркивает, что специфика современности состоит в усиливающейся взаимозависимости компонентов современного мира, которая не тождественна связям, существовавшим внутри традиционных цивилизаций, так как сфера влияния последних ограничивалась только отдельными ареалами мира. Сегодня же отношения, связывающие отдельные государства, имеют глобальный характер. По мнению Гидденса, имеет смысл говорить о существовании мировой системы, причем такой, которая имеет достаточно глубокие исторические корни. Поэтому Гидденс считает, что совершенно необходимо сосредоточить самое пристальное внимание на ключевых аспектах того процесса, посредством которого включение отдельных обществ или членов обществ в мировую систему определяет направление их развития к глобальному обществу.

В общем и целом, как утверждает Гидденс, набирают силу изменения, которые "создают нечто беспрецедентное — глобальное космополитичное общество"[13]. Это утверждение Гидденса, как и его понятие "глобальное космополитическое общество" является квинтэссенцией позиции и диагноза, выносимого современному глобальному состоянию мира универсалистской социологией.

К сказанному следует добавить еще ряд аспектов процесса глобализации и его влияния на общество. Речь идет о позиции, разработанной Гидденсом в работе "Ускользающий мир", в которой он фиксирует, что современная "глобализация становится все более децентрализованным процессом — она неподконтрольна ни одной группе государств, а уж тем более крупным корпорациям. В западных странах ее последствия ощущаются не меньше, чем где-либо еще"[14]. Она меняет свое направление. «Все более распространенным явлением становится так называемая "колонизация наоборот". "Колонизация наоборот" означает влияние стран, не относящихся к Западу, на развитие событий в западных странах»[15]. Кроме того, следует указать еще на два фундаментальных явления: высочайший рост рисков и опасностей, угрожающих обществам, а также процесс деградации институтов, превращение их в "институты-пустышки", фактически означающий утрату обществами своего институционального основания. Если учесть тот факт, что для Гидденса именно институты выступают тем основанием, теми структурообразующими принципами, которые конституируют общества, то судьба обществ становится проблематичной, по крайней мере в институциональной методологической перспективе.

---

[13] *Giddens A.* The constitution of society: outline of the theory of structuration. P. 35.

[14] *Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 35.

[15] Там же.

Глобализация как результат процессов информатизации и сетевизации

Теории глобализации, в основании анализа которых оказались процессы цифровизации и сетевизации, оформились на рубеже XX–XXI в. Эти процессы не были связаны с изначальными импульсами модерна и являлись фундаментально новыми явлениями. Именно эти процессы и стали основанием для формулирования базисных положений различных теорий глобализации и породили методологические дискуссии, в рамках которых делались попытки пересмотра фундаментальных положений классической социологии, или "социологической ортодоксии", центральным понятием которой было понятие "общество". Глобализация в рамках этих теорий стала рассматриваться как процесс, который вывел социологию "за пределы обществ", поставил вопрос реинтерпретации понятия общества как главного социологического понятия, которое устарело в результате оформления глобального пространства, глобального общества.

Национальное общество, оформленное как национальное государство, обладающее своими территориальными границами, политическим суверенитетом, национальной культурой и прочими характеристиками национального государства, стало рассматриваться как партикулярное образование, адекватной метафорой для которого является "контейнер". Процессы цифровизации и сетевизации, оформляя глобальное пространство, разрушили границы этого "контейнера". В результате одним из главных вопросов глобальной социологии опять стал вопрос о соотношении, с одной стороны, универсального глобального пространства, основу которого составляет цифровая сетевая морфология, и партикулярного общества, существующего как национальное государство — с другой.

Среди этой второй подгруппы теорий в рамках универсалистского подхода следует выделить теории М. Кастельса, Дж. Урри и У. Бека.

Если опираться на теорию М. Кастельса, то очевидно, что универсализация глобального пространства осуществляется на основе новых технологий и порождает новую универсальную морфологию — морфологию сети. Сети — это то, что действительно является новым в современную эпоху, это новые сети информационных технологий. Они представляют собой более серьезные изменения, чем технологии, связанные с индустриальной революцией или информационной революцией. "Более того… по мере того как интернет становится универсальным инструментом интерактивной коммуникации, мы сдвигаемся от компьютерноцентрированной технологии к диффузным сетевым технологиям"[16]. Именно они определяют социальную

[16] *Castells M.* Materials for an exploratory theory of network society // Britain Journal of Sociology. 2000. N 51. P. 10.

структуру и социальную морфологию. Сети являются очень старой формой социальной организации, но в информационную эпоху они становятся информационными сетями, усиленными информационными технологиями. Сети имеют преимущество перед традиционными иерархически организованными морфологическими связями. Кроме того, они являются наиболее подвижными и адаптивными формами организации. Сети как социальные формы являются свободными от ценностей, нейтральными, универсальными.

Вместе с тем, М. Кастельс в рамках разработанной им теории не отказывается от понятия общества, он предлагает его радикальное переосмысление. Речь идет о новом типе общества — сетевом обществе и новом типе государства — сетевом государстве. Сетевое общество, как указывает М. Кастельс, — это специфическая форма социальной структуры, опытно устанавливаемая эмпирическими исследованиями в качестве характеристики информационной эпохи. Появление новой социальной структуры невозможно без изменения в дефиниции пространства и времени. "Две эмерджентные социальные формы времени и пространства характеризуют сетевое общество: безвременное время и пространство потоков. Безвременное время определяется использованием новых информационно-коммуникационных технологий в неослабевающих попытках аннигилировать время. С одной стороны, время спрессовывается, а с другой — время разваливается: прошлое, настоящее и будущее не связаны последовательностью"[17].

"Пространство потоков" относится к технологической возможности организации множественности социальных практик безотносительно к географической привязанности. Смысл и функция "пространства потоков" зависят от потоков, протекающих внутри сетей в отличие от "пространства мест", в котором смысл, функция и место жестко взаимосвязаны.

В результате центральный институт власти в человеческой истории — государство — испытывает процесс драматической трансформации. Его ставят под сомнение глобальные потоки и сети. Ослабление власти и доверия к ней заставляет людей строить свою собственную систему защиты и идентичностей, что делегитимирует государство. Тем не менее, государство не исчезает, оно адаптируется и трансформируется. Оно строит партнерские отношения с другими государствами через мультинациональные и транснациональные институты, утверждая через них свой суверенитет, с одной стороны. С другой — децентрализирует власть, делегируя ее регионам, негосударственным организациям и т.п. Современное государство — это сетевое государство, создающее сложную сеть распределения власти и распределяющее принятие решений между международными, мультинациональными, национальными,

---

[17] *Castells M.* Materials for an exploratory theory of network society. P. 5.

региональными, локальными, негосударственными политическими институтами.

Аналогичным образом развивается и теоретическое построение Дж. Урри — одного из ведущих исследователей проблем глобализации. Так же как и М. Кастельс, Дж. Урри подчеркивает, что общество как социальная реальность не исчезает, оно лишь трансформируется под влиянием процессов глобализации, а это требует изменения принципов и методов социологического теоретизирования. Конкретно, речь идет о новой "повестке дня" для социологии как дисциплины. Социология должна стать "дисциплиной, организованной вокруг сетей, мобильностей и горизонтальных потоков". "Социология мобильностей" должна заместить "социологию социального как общества".

Традиционная социология исходила из следующего теоретического представления. «Всякое общество — это суверенная социальная сущность со своим национальным государством, которое определяет и обеспечивает права и обязанности каждого члена, или гражданина. Большинство основных видов социальных отношений реализуется в территориальных пределах данного общества. Государство обладает монополией юрисдикции или управления по отношению к членам общества, проживающим в пределах территории, которое занимает общество. Экономика, политика, культура, классы и т.п. структурируются социетально. В сочетании они образуют то, что обычно концептуализируется как "социальная структура"». Такая структура организует и регулирует жизненные шансы каждого члена общества.

"Глобальные процессы" в своей совокупности меняют контуры современного социального опыта. Отправным пунктом анализа современной социальной ситуации могут служить следующие моменты: нет единого глобального общества; существуют "исключительные уровни" взаимозависимости; непредсказуемые ударные волны из какой-то одной части системы расходятся по всей системе; на планете есть не только "общества", но и могущественные "империи", охватывающие ее; наблюдается массовая мобильность людей, предметов, а также опасных отходов.

Огромную роль в конституировании того или иного общества играли его отношения с другими обществами. "Общества конституировали друг друга в течение двух последних столетий"[18]. И данное обстоятельство требует от социологии "мобильного теоретизирования".

Новое видение "социального" реализуется посредством ряда "новых правил метода", важнейшее из которых состоит в использовании метафор. Предлагаемое в его концепции теоретическое рассмотрение социальной жизни опирается на метафоры "сеть", "поток" и "путешествие" и их различные версии. Эти и некоторые другие метафоры

---

[18] *Castells M.* Materials for an exploratory theory of network society. P. 18.

призваны прежде всего способствовать разработке продуктивных метафор "глобализации" и "глобального". "Метафоры глобального", или "метафоры глобализации" приобретают особое значение в современной социологии. Основными являются метафоры "сеть" и "поток". В первую очередь эти метафоры призваны создать новую "социальную топологию", способную заменить топологию и метафорику "региона", вокруг которой организовано понятие "общество".

Современные западные общества осуществляют переход от социальных отношений, базирующихся на территории и государстве, к социальным отношениям, базирующимся на информационных данных и на детерриториализации. Соответственно, современные государства вынуждены регулировать мобильности различного рода, прежде всего, мобильных граждан. Государства могут опереться на новейшие компьютерные технологии сбора, хранения и распространения информации. Государства во все большей степени обладают исключительными информационными потоками, особенно базами данных, которые дают возможность определять нормативы социального действия и контролировать их внедрение на значительных географических пространствах как внутри своих территориальных пределов, так и за ними. Государства в состоянии обладать базами данных, относящихся практически ко всякому экономическому и социальному институту. Весьма значимую роль при этом играют многочисленные опросы населения.

В настоящее время оформляется что-то похожее на "глобализирующее гражданское общество". Заметный рост транснациональных гражданских ассоциаций, повсеместное устремление к демократизации и ненасилию, огромные трудности, которые испытывают национальные государства в плане сохранения своей легитимности, а также целый ряд усиливающихся глобальных тенденций — все это способствует оформлению "глобального гражданского общества". Именно такой набор социальных трансформаций должен образовать базу для "глобального гражданского общества" и для развития "социологии мобильностей".

Еще один вариант понимания глобализации, судьбы национального государства и национального общества демонстрирует У. Бек. Его позиция формулируется в рамках теории оформления "транснационального государства". Согласно Беку, "глобализация имеет в виду процессы, в которых национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных акторов и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности"[19]. Глобализация создает транснациональные социальные связи и пространства, обесценивает локальные культуры и способствует возникновению третьих культур. "Особенность процесса глобализации заключается…

---

[19] *Бек У.* Что такое глобализация? М., 2001. С. 26.

в устанавливаемых эмпирическим путем расширении, *плотности и стабильности взаимодействующих регионально-глобальных сетей связи и их масмедиальной самоидентификации, а также социальных пространств и их телевизионных потоков на культурном, политическом, хозяйственном, военном и экономическом уровнях*. Мировое сообщество — не меганациональное сообщество, вбирающее в себя и ликвидирующее все национальные общества, а отмеченный многообразием и не поддающийся интеграции мировой горизонт, который открывается тогда, когда он создается и сохраняется в коммуникации и действии"[20]. Глобализация — это наличие мирового общества без всемирного государства и без всемирного правительства.

У. Бек утверждает, что "национальное государство вовсе не устарело, без него даже нельзя обойтись; оно необходимо не только для того, чтобы обеспечивать внутреннюю политику и геополитику, политические права и т.п., но и для того, чтобы политически оформлять процесс глобализации, транснационально его регулировать. Транснациональные государства, следовательно, являются *сильными* государствами, чья политическая формосозидающая власть вырастает из ответов на глобализацию"[21]. Определяя, что же по сути есть транснациональное государство, Бек указывает следующие его черты. "Транснациональные государства являются, во-первых, не-национальными государствами, а значит и не-территориальными государствами… Они должны пониматься как единственное опровержение, как контрмодель контейнерной теории государства и общества"[22].

Во-вторых, понятие "транснациональное государство" позволяет освободиться от территориальной западни теории национального государства и открывает путь к такому понятию государства, которое признает глобальность в ее многомерности как необратимое положение дел и делает определение и организацию транснационального ключом для нового определения и возрождения политического.

В-третьих, транснациональные государства являются *глобальными* государствами, которые, согласно принципу инклюзивного различения, рассматривают себя как провинцию мирового общества и в соответствии с этим обретают свое место в мировом рынке и политике[23].

В рамках общего обсуждения методологического сдвига от "контейнерной" теории общества классической социологии к сетевому социологическому анализу и социологии мобильностей У. Бек предлагает радикальную версию современной глобальной социологии. По его мнению, становление современности — это становление космополити-

---

[20] *Бек У.* Что такое глобализация? С. 29.

[21] Там же. С. 189.

[22] Там же. С. 91.

[23] См.: Там же. С. 191–192.

ческого мира, требующего создания "космополитической социальной науки", или отказа от методологического национализма и движения к новым началам социального и политического. Речь идет о теории космополитизации У. Бека. Космополитизм отличен от глобализации и в некотором смысле даже противостоит ей в том, что касается процессов унификации, стандартизации и даже универсализации.

«Расцвет социологии совпал по времени с подъемом национального государства, национализма и системы международной политики. Такая историческая связь и породила аксиоматику методологического национализма, согласно которой нация, государство и общество — это "естественные" социально-политические формы современного мира»[24]. У. Бек считает, что "современное общество" и "современная политика" не могут быть организованы исключительно в национально-государственной форме.

"Территориальная социальная онтология национального взгляда", по его мнению, не очень хорошо сочетается с сегодняшним миром политических партий, средств массовой информации и международной политики, а также с правом и общественными науками. Именно исследования процессов транснационализации, проведенные в последнее десятилетие, заставляют усомниться в эмпирических и методологических допущениях господствующего методологического национализма, главным принципом которого является утверждение, что государство формирует национальное общество, а не на оборот. Из этого следует, что существует множество обществ — столько, сколько существует национальных государств и национальных социологий. Тем самым навязывается территориальная трактовка общества, в основе которой — установленные и контролируемые государством границы. «Эта модель "контейнера", подразумевающая ограничивающие друг друга национальные общества, подкрепляется принципом взаимной детерминации государства и общества»[25].

"Эмпирико-аналитический космополитизм" направлен против методологического национализма, но не вступает "в перепалку" с политическим космополитизмом. Он занят исследованием и осознанием социально-политических условий, сложившихся в XXI в. Космополитизация предполагает множественность идентичностей и лояльность множеству национальных государств. Она проявляется в институте двойного гражданства и знании иностранных языков, путешествиях, в экспорте и импорте культурных продуктов, распространенности интернета, трансграничных коммуникациях, мобильности граждан и участии этнических меньшинств в органах власти, транснациональных формах жизни, транснациональной преступности, транснациональных

---

[24] *Бек У.* Космополитическое мировоззрение. М., 2008. С. 35.

[25] Там же. С. 39.

сообщениях СМИ. «Иначе говоря, нация покидает свой "контейнер"»[26]. Распространение космополитизма, констатирует Бек, означает, что закрытое общество исчезает навсегда, космополитизация означает резкое усиление открытости общества по отношению к внешнему миру.

Столь радикальная универсалистская версия глобального мирового порядка, основывающаяся на сетевой морфологии, транснациональных практиках и транснационом государстве, предполагает, однако постановку и ответ на вопрос о том, какова же структура этого порядка.

Этот вопрос, также как и определенные ответы на него всегда присутствовали в социологической теории. В качестве вариантов ответов была предложена, например, теория миросистемы И. Валлерстайна, политически организованная посредством "неподлинных" империй сначала Карла V, затем Pax Britanica и современной Pax Americana.

Теории империи стали постоянной темой дискурса о глобализации на рубеже XX–XXI в. Они часто совмещались и пересекались с политическим обсуждением проблем однополярной и многополярной организации современного глобального мира. Теории империи М. Хардта и А. Негри, Эммануэля Тодда, различного рода дискуссии о "конце Pax Americana" составили значимый блок теорий современной глобальной социологии.

Одну из версий современной структуры глобального порядка как "некогерентной империи" предложил М. Манн[27]. Исходный момент рассуждений известного социолога Майкла Манна об американском империализме, о новой мировой империи, продуцируемой США, образует несогласие с "общим мнением левых, либералов и консерваторов" относительно того, что нынешняя эпоха — это "эпоха американской империи".

Теоретическое обоснование такой позиции опирается на разработанную им общую социологическую концепцию. Подход М. Манна можно, по его собственным словам, резюмировать в двух утверждениях. Первое утверждение гласит: "Общества конституируются множеством накладывающихся друг на друга и пересекающихся социопространственных сетей власти"[28]. Смысл данного утверждения раскрывается прежде всего через указание на то, чем общества не являются. Общества не являются чем-то унитарным. Общества не представляют собой социальные системы (закрытые или открытые). Невозможно найти какое-либо общество, полностью ограниченное в географическом или социальном пространстве. Поскольку нет системы, нет тотальности, то не может быть "подсистем", "измерений" или "уровней" у такой тотальности. Так как нет целого, то социальные отношения нельзя

---

[26] *Бек У.* Космополитическое мировоззрение. С. 164.

[27] *Mann M.* Incoherent Empire. N.Y.; L., 2003.

[28] *Mann M.* Incoherent Empire.

свести "в конечном счете" к какому-то системному свойству этого целого — будь то "способ материального производства", "культурная" или "нормативная система". В силу того, что нет ограниченной тотальности, нет смысла делить изменения или конфликты на "эндогенные" и "экзогенные" разновидности. Не существует социальной системы и потому нет внутренне присущего ей "эволюционного" процесса. Человечество не подразделяется на ограниченные тотальные образования, вследствие чего не существует "диффузии" форм социальной организации между подобными образованиями. Несуществующая тотальность не может быть социальной структурой, ограниченной "как целое".

Второе утверждение вытекает из первого. Самым лучшим общим объяснением обществ, их структуры и истории будет объяснение в терминах взаимоотношений "четырех источников социальной власти — идеологических, экономических, военных и политических отношений". Эти отношения представляют собой: 1) накладывающиеся друг на друга сети социальной интеракции, а не измерения, уровни или факторы какой-то единой социальной тотальности; 2) организации, институциональные средства достижения определенных человеческих целей.

Указание на "четыре основных типа власти — военной, политической, экономической и идеологической" служит в "концепции империи" средством оценки тех ресурсов, которыми располагают США в настоящее время. Такая теоретическая оценка образует основную часть концепции. Главный вывод М. Манна заключается в том, что "новые империалисты" преувеличивают американскую мощь. Отметим, что он не одинок в утверждении такого мнения.

США слабеют во всех четырех источниках власти. Властные ресурсы США и их неравномерное распределение характеризуются М. Манном с помощью метафорических средств. Военная мощь предстает как "военный гигант"; в экономике США по отношению к миру предстает как "непрошенный советник", в политике — как "политический шизофреник", а в идеологической сфере — как "идеологический фантом".

В то же время растет мощь их потенциальных соперников — Европы, России и Китая. При этом, как считает М. Манн, слабость США обусловлена не подъемом соперников и не общим "имперским перенапряжением". Источник нарастающего ослабления кроется в высшей степени неравномерном распределении властных ресурсов. Это ведет не к общему коллапсу, а к "имперской некогерентности" и к провалам во внешней политике. В связи с этим М. Манн выражает надежду, что американцы откажутся от "имперского проекта", и это позволит им сохранить значительную часть своего доминирующего положения в мире.

В современной социологической литературе появилась новая версия анализа механизма, обеспечивающего единство глобального порядка. Такой версией является концептуализация современного процесса урбанизации, в центре которой находится понятие глобального города.

Речь идет о том, что современные процессы глобализации привели к оформлению глобальных городов, которые стали новыми "точками силы" на глобальной карте мира. "Они изменили глобальную карту современного мира, уменьшив роль и значение национальных государств в результате создания еще одной новой картографии, основу которой составляют современные крупные урбанистические образования"[29]. Глобальные города как центры силы являются новой основой глобального порядка. В этой связи следует выделить теории Дж. Фридмана, Р. Коэна и П. Кеннеди, С. Сассен.

Все эти теории глобального порядка создавались и продолжают создаваться в русле универсалистской ветви современной глобальной социологии. Одновременно с этой ветвью проблемы структуры и порядка современного глобального мира решаются в рамках еще одной исследовательской стратегии — цивилизационного подхода. Рассмотрению теорий, созданных в рамках этого подхода посвящена вторая часть данной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бек У. Что такое глобализация? М., 2001.

Бек У. Космополитическое мировоззрение. М., 2008.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.

Вершинина И.А., Полякова Н.Л. Теоретические и методологические проблемы современной урбанизации // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. М., 2013. № 4.

Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.

Закат империи США: кризисы и конфликты. М., 2013.

Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Модерн и процесс индивидуализации: исторические судьбы индивида модерна. М., 2017.

Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Социологические теории модерна, радикализированного модерна и постмодерна. М., 1996.

Осипова Н.Г. Неравенства в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 119–141.

Полякова Н.Л. Новые теоретические перспективы в социологии начала XXI века // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 22–47.

Тодд Э. После империи. Pax Americana — начало конца. М., 2004.

Хардт М., Негри М. Империя. М., 2004.

Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М., 2012.

Урри Дж. Мобильности. М., 2012.

Урри Дж. Как выглядит будущее? М., 2018.

---

[29] *Вершинина И.А., Полякова Н.Л.* Теоретические и методологические проблемы современной социологической урбанистики // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 4. С. 61.

REFERENCES

Beck U. Der kosmopolitisch Weltanschaung. Frankfurt am/M., 2008.

Beck U. Was ist globalisierung? Irrtümer des globalismus — Antworten auf globalisierung. Frankfurt am/M., 1997.

Castells M. Materials for an exploratory theory of network society // Britain Journal of Sociology. 2001. N 51. P. 5–24.

Castells M. The rise of network society: the information age, society and culture. Vol 1. Singapore, 2010.

Cohen R., Kennedy P. Global sociology. N.Y., 2007.

Giddens A. Runaway world. How globalization is reshaping our lives. L., 1999.

Giddens A. The consequences of modernity. Stanford, 1990.

Giddens A. The constitution of society: outline of the theory of structuration. Berkeley; Los Angeles, 1984.

Hardt M., Negri A. Empire. Cambridge, 2000.

Kimelev Y., Polyakova N. Modern i process individualizacii: istoricheskie sud'by individa moderna [Modernity and the process of individualization: The historical destinies of the modern individual]. M., 2017 (in Russian).

Kimelev Y., Polyakova N. Sociologicheskie teorii moderna, radikalizirovannogo moderna i postmoderna [Sociological theories of modernity, radical modernity and post-modernity]. M., 1996 (in Russian).

Mann M. Incoherent Empire. L., 2003.

Mann M. The sources of social power. Vol. 3. Global empires and revolution, 1890–1945. Cambridge, 2012.

Osipova N. Neravenstva v epohu globalizacii: sushchnost', instituty, regional'naya specifika i dinamika [Inequalities in the global world: the essence, institutes, regional specifics and dynamics] // Vestnik of Moscow University. Ser. 18. Sociology and Politology. 2014. N 2 (in Russian).

Polyakova N. Novye teoreticheskie perspektivy v sociologii nachala XXI veka [New theoretical perspectives in sociology at the beginning of the XXI century] // Vestnik of Moscow University. Seriya 18. Sociology and Politology. M., 2015. N 2 (in Russian).

Sassen S. Losing control? Sovereignity in the Age of Globalization. N.Y., 1996.

Sassen S. Sociology of Globalization. N.Y., 2007.

Todd E. Après l'empire — Essai sur la décomposition du système Américain. P., 2002.

Urry J. Mobilities. Cambridge, 2007.

Urry J. Sociology beyond societies. Mobilities for the twenty-first century. L., N.Y., 2000.

Urry J. What is the Future? Cambridge, 2016.

Vershinina I., Polyakova N. Teoreticheskie i metodologicheskie problemy sovremennoj urbanizacii [Theoretical and methodological problems of contemporary urban sociology] // Vestnik of Moscow University. Seriya 18. Sociology and Politology. M., 2013. N 4 (in Russian).

Wallerstein I. The Essential Wallerstein. N.Y., 2000.

Wallerstein I. The Modern World System: In 4 Vol. N.Y.; 1974–2011.

Wallerstein I. Analiz mirovyh sistem i situaciya v sovremennom mire [World-System Analysis and modern World Situation]. SPb., 2001 (in Russian).

Wallerstein I. World-systems analysis: an introduction. Durham, 2004.

Zakat imperii SSHA: krizisy i konflikty [The decline of the USA: Crisis and conflicts]. M., 2013 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-175-192

ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Д.Е. Добринская, канд. социол. наук, доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

На основе анализа различных теоретических позиций в рамках современной социологической теории в статье предпринимается попытка выделить и описать наиболее важные черты современного общества, которые становятся результатом беспрецедентных по масштабам и скорости распространения научно-технических новаций первых двух десятилетий XXI в. В первой части статьи рассматриваются факторы, определяющие специфику наблюдаемых социальных тенденций и изменений. Далее в рамках концепции Тройной революции данные факторы получают социологическую интерпретацию. Делается вывод о том, что современность может быть прочитана через такие ее базовые характеристики, как усложнение социальной системы, мобильность, сетевизация, усиление связанности и цифровизация. Эти качества современности демонстрируют наступление эпохи цифрового общества.

Ключевые слова: *сложность, мобильность, сеть, связанность, цифровизация, цифровое общество.*

DIGITAL SOCIETY: SOCIOLOGICAL PERSPETIVE

Dobrinskaya Darya E., Candidate of Sociology, Associate Professor at the Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: darya.dobrinskaya@gmail.com

Based on the analysis of various theoretical positions in the framework of modern sociological theory, the article attempts to identify and describe the most important features of modern society. These features result from scientific and technical innovations of the first two decades of the 21st century, which are unprecedented in their scale and speed. The first part of the article discusses the factors that determine peculiarities of the observed social trends and changes. Further, within the Triple Revolution concept, these factors receive a sociological interpretation. It is concluded that modernity can be read through its basic characteristics such as: growing complexity of the social system, mobility, network expansion, increased connectedness and digitalization. These characteristics of modernity demonstrate the onset of the era of digital society.

Key words: *complexity, mobility, network, connectedness, digitalization, digital society.*

* **Добринская Дарья Егоровна**, e-mail: darya.dobrinskaya@gmail.com

Предпосылки наступления эпохи цифрового общества

Эксперты Всемирного экономического форума указывают на три особенности разворачивающейся в настоящее время Четвертой промышленной революции. Такими особенностями являются беспрецедентно высокие темпы развития технологий, широта и глубина технологических изменений и системный характер оказываемых этими изменениями воздействий. Как полагают авторы концепции Четвертой промышленной революции, размах, масштаб и скорость изменений этих технологий в будущем могут изменить ход истории[1]. Такой вывод сделан на основе анализа последствий развития и распространения новейших технологий в рамках так называемых "мегатрендов", охватывающих развитие цифровой инфраструктуры, преобразование физического мира и расширение возможностей человеческого тела. Суть концепции состоит в том, чтобы продемонстрировать возможности и риски, связанные с развитием новых вычислительных технологий, технологии блокчейн и распределенного реестра, интернета вещей, искусственного интеллекта и роботизации, использования новых материалов, развития аддитивного производства и многомерной печати, биотехнологий, нейротехнологий, средств виртуальной и дополненной реальности, новых энергетических возможностей, технологий геоинженерии и космических технологий[2].

Интерес представляет японская концепция супер-интеллектуального общества, "Общество 5.0", которая стала ответом на предложенную европейскими экспертами концепцию Четвертой промышленной революции. Общество 5.0 — это ступень, следующая за информационным обществом, развитие которого обусловлено технологиями *big data* ("большие данные"). Новые технологии создают условия для интеграции физического пространства и киберпространства, что позволяет оптимизировать использование ресурсов не только на уровне каждого отдельного индивида, а на уровне всего общества[3]. Суперинтеллектуальное общество становится таковым, поскольку интернет вещей, искусственный интеллект, робототехника и большие данные используются не только в сфере бизнеса и производства, а пронизывают все области жизнедеятельности современного общества, заключают авторы концепции.

В экспертно-аналитическом докладе "Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России"[4] предлагается использовать

---

[1] *Schwab K., Davis N.* Shaping the Fourth Industrial Revolution. N.Y., 2018.

[2] См.: *Schwab K., Davis N.* Shaping the Fourth Industrial Revolution. N.Y., 2018; *Brynjolfsson E., McAfee A.*The Second Machine Age: work, progress, and prosperity in a time of brilliant technologies. N.Y., 2016.

[3] *Норицугу У.* Общество 5.0: взгляд Mitsubishi Electric // Экономические стратегии. 2017. № 4. С. 3.

[4] *Княгинин В.Н. и др.* Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России. Экспертно-аналитический доклад. М., 2017.

термин "новая технологическая революция" для описания ключевых характеристик современных технологических трансформаций. Такими характеристиками являются:

– передовые производственные технологии (компьютерное проектирование, создание новых материалов и способов их обработки);

– цифровизация как революционные изменения в потребительских свойствах продуктов;

– платформизация, которая кардинальным образом изменит архитектуру рынков, функционал компаний и существующую систему разделения труда[5].

Уже сегодня последствия начавшихся трансформационных процессов в различных сферах общественной жизни начинают широко проявляться. Речь идет об экономике, политике, культуре, геополитической обстановке в мире и проблемах международной безопасности, а также о возникновении новых форм социального неравенства и конфликта, специфике оформления современных сообществ и особенностях конструирования идентичности современного человека.

"Тройная революция": в 2000-х — социальные сети, интернет и мобильные коммуникации, в 2010-х — машины, платформы, толпа

Современная социальная реальность обладает рядом специфических характеристик, качественно отличных от того, что представляло собой общество еще несколько десятилетий назад. Как справедливо отмечает Г.В. Осипов, социальная реальность является результатом человеческой деятельности. Научно-технические достижения не только создают новые технологии, но и преобразуют современный социальный мир, вступивший в эру "электронно-цифровой цивилизации"[6]. Эти преобразования проявляются в появлении новых черт современности: *комплексность, мобильность, сетевизация, глобальная супер-связанность* и *цифровизация*. Цифровая экономика, цифровая политика, цифровые коммуникации, виртуальные сообщества, киберпространство и виртуальная реальность, сетевая идентичность — вот далеко не полный перечень терминов, которые прочно вошли в научный обиход современных социальных наук, а некоторые уже теряют свою актуальность[7].

---

[5] *Идрисов Г.И., Идрисов Г.И., Княгинин В.Н., Кудрин А.Л., Рожкова Е.С.* Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России // Вопросы экономики. 2018. № 4. С. 9–10.

[6] *Осипов Г.В.* Социологическая наука в условиях становления цифровой цивилизации. СПб., 2016. С. 8.

[7] Так, еще недавно повсеместно используемое понятие "киберпространство" подвергается критике, ввиду того неоспоримого уже сегодня факта, что онлайн-среда и оффлайн-среда неотделимы друг от друга (См. об этом: *Chayko M.* Superconnected: the Internet, digital media, and techno-social life. Newbury Park, 2017; *Lupton D.* Digital sociology. N.Y., 2015).

В социологии появилось большое число дискуссий, в рамках которых стал обсуждаться вопрос об адекватности применения существующего методологического инструментария для описания современного общества[8]. Появляются такие его определения, как постиндустриальное, информационное, общество знания, сетевое общество и, наконец, цифровое. Все большую актуальность приобретают междисциплинарные научные исследования, а системная теория уже не способна реализовать свой объяснительный потенциал. Оформляется междисциплинарная парадигма комплексности, которая характеризуется ключевой ролью изучения сложности, неопределенности, непредсказуемости и рисков[9].

Канадский социолог Барри Уэллман и американский исследователь Ли Райни в работе "Связанные сетью: новая социальная операционная система"[10] описывают оформление нового социального порядка как результат воздействия движущих сил Тройной революции (Triple revolution)[11]. Такими революционными силами, по мнению ученых, стали *социальные сети, интернет и технологии мобильной коммуникации*.

Распространение *социальных сетей* в большей степени связано с изменением социальных отношений между индивидами, нежели с технологическими изменениями. Социальные сети между людьми существовали на протяжении всей человеческой истории, однако в последние десятилетия число социальных сетей и интенсивности взаимодействий внутри этих сетей значительно возросло. Основываясь на принципах анализа социальных сетей, Б. Уэллман и Л. Райни показывают, что современное общество представляет собой новую социальную систему, для которой характерен сетевой индивидуализм[12]. Социальные отношения сетевых индивидов выходят за границы сплоченных, тесно связанных групп. Основой современного социального порядка становятся многочисленные социальные сети, отличающиеся по целям и характеру функционирования, составу участников, интенсивности социальных связей и отношений. Каждый индивид является участником большого

---

[8] См.: *Полякова Н.Л.* Новые теоретические перспективы в социологии начала XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 29–46.

[9] См. об этом: *Urry J.* Global Complexity. Cambridge; Oxford, 2003.

[10] *Rainie L., Wellman B.* Networked: the new social operating system. Cambridge, 2012.

[11] Интересно, что впервые термин "тройная революция" был предложен в 1964 г. в открытом меморандуме, адресованном американскому президенту Л. Джонсону, в котором крупнейшие ученые и общественные деятели США описывали три революционных тренда XX в., фундаментальным образом изменяющих современную цивилизацию. Речь шла о революции в области компьютеризации, о революции в сфере вооружения и о революции в предоставлении гражданских, политических и социальных прав и свобод (См.: Triple Revolution: cybernation. Weaponry. Human Rights // Liberation. 1964. С. 9–15. URL: http://www.educationanddemocracy.org/FSCfiles/C_CC2a_TripleRevolution.htm (accessed: 05.05.2019)).

[12] *Rainie L., Wellman B.* Networked: the new social operating system.

числа разнообразных сетей, набор которых определяет он сам. В этом и проявляется суть явления сетевого индивидуализма. Таким образом, технологические изменения, проявляющиеся в расширении возможностей для коммуникации посредством информационно-коммуникационных технологий (сайты социальных сетей, мессенджеры, электронная почта и т.п.) вкупе с усилением индивидуализации и личной автономии, создали условия для распространения социальных сетей.

Изобретение *интернета* авторы называют новой социально прорывной технологией. Именно интернет-технологии позволили человеку стать более автономным и независимым, с одной стороны, и более связанным в рамках различных социальных сетей — с другой. Интернет сделал возможным поиск необходимой информации и создание контента, позволил формировать сильные и слабые связи внутри различных сообществ и т.п. Авторы показывают, что именно распространение интернета стало решающим фактором в понимании того, что для современного человека означает быть частью социальной сети, поскольку и в социальном плане, и в технологическом социальные сети стали важной частью повседневного опыта.

Взрывной рост числа различных *мобильных устройств* (телефонов, смартфонов, беспроводных ноутбуков, планшетов, умных часов) отражает их место и роль в повседневной жизни. С распространением приложений для смартфонов эти мобильные устройства приобрели совершенно новые качества, превратившись из простого средства связи в незаменимого помощника в повседневных практиках. Мобильный интернет усилил связанность и способствовал расширению социальных сетей, что, в свою очередь, укрепило позиции сетевого индивидуализма. Постепенное расширение функциональных возможностей смартфонов (создание видео- и фото-контента, использование сайтов социальных сетей и ведение блогов, онлайн-игры, покупки в интернете и т.п.) сделало мобильные устройства важным элементом социальной жизни, а облачные технологии и синхронизация коммуникационных устройств обеспечили возможности быть постоянно "на связи" и иметь доступ к необходимым ресурсам из любого места и в любое время.

В недавней работе американских исследователей Э. Макафи и Э. Бриньолфсона "Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее"[13] также показаны три масштабные тенденции, которые влияют на становление цифрового мира. Наступление эпохи, которую исследователи назвали "второй эрой машин"[14] происходило в два этапа. На первом этапе (середина 90-х гг. прошлого века) благодаря развитию цифровых технологий было автоматизировано выполнение большего

---

[13] *Brynjolfsson E., McAfee A.* Machine, platform, crowd: harnessing our digital future. N.Y., 2017.

[14] *Brynjolfsson E., McAfee A.* The Second Machine Age: work, progress, and prosperity in a time of brilliant technologies. N.Y., 2016.

числа рутинных операций (в промышленности, в обработке данных, в вычислениях и т.п.), что значительным образом увеличило производительность труда. Второй этап становления цифровой эры (начался в 2010-е гг. и продолжается в настоящее время) связан с тем, что современные технологии стали делать то, что, как казалось раньше, невозможно программировать (победа в игре го, точная диагностика заболеваний, естественное взаимодействие с людьми, участие в творческой работе (создание музыкальных произведений, проектирование предметов)). Таким образом, современные машины не просто четко выполняют запрограммированные инструкции; они учатся самостоятельно решать задачи[15], заключают авторы. Кроме того, распространение мощных компьютерных устройств происходит невероятными темпами, что в том числе позволяет большинству людей стать связанными и иметь доступ к огромным массивам знаний и информации, а также вносить свой вклад в создание контента.

Можно найти параллели в концепциях "тройной революции" Уэллмана-Райни и Макафи-Бриньолфсона. Фундаментальные изменения, которые рассматривают Э. Макафи и Э. Бриньолфсон также связаны с социальным взаимодействием, развитием коммуникационных технологий и процессами компьютеризации. Тремя ключевыми тенденциями "тройной революции" 2010-х гг., становятся по мнению американских ученых *машины, платформы* и *толпа*. Первая тенденция связана с быстрорастущими и расширяющимися возможностями *машин* благодаря развитию искусственного интеллекта и способности современных машин к самообучению. Вторая тенденция — это возникновение крупных и влиятельных компаний, *платформ,* которые не владеют собственными долгосрочными активами (материальные активы, лицензии и договоры, инфраструктурные объекты). К примеру, служба такси Uber не имеет собственных автомобилей, а Facebook не создает контент, торговая компания Alibaba не имеет собственных товарных запасов и т.п. Наконец, третья тенденция описывается учеными как *"проявление толпы"*, под которой авторы понимают весь объем знаний, опыта и энтузиазма, который распределен по всему миру и доступен в Сети[16].

Таким образом, распространение социальных сетей, развитие интернета и мобильных технологий как движущие силы Тройной революции 2000-х гг., концепцию которой представили Б. Уэллман и Л. Райни, а также машины, платформы и толпа, как ключевые факторы Тройной революции, начавшейся в 2010-х гг., концепция которой разработана Э. Макафи и Э. Бриньолфсоном, определяют облик современности, характеризуемой высокой степенью сложности, мобильности, сетевизации, супер-связанности и цифровизации.

---

[15] *Brynjolfsson E., McAfee A.* Machine, platform, crowd: harnessing our digital future. N.Y., 2017.

[16] *Brynjolfsson E., McAfee A.* Machine, platform, crowd: harnessing our digital future.

Новые качества нового общества: вызовы для социологов

Комплексный характер социальной системы

Тройные революции, о которых речь шла выше, устранили пространственно-временные ограничения для коммуникации, фактически превратив "человечество в единый социальный организм, все элементы которого взаимосвязаны, взаимозависимы в рамках единой коммуникационной среды"[17]. Сложность современной жизни проявляется в высокой степени неопределенности, рисков, а также скорости происходящих изменений, в связи с чем социологи все чаще стали говорить о так называемом "повороте к сложности"[18], поскольку "[социум] первой половины XXI века по своей сложности, неустойчивости и вместе с тем открытости намного превзойдет все, виденное нами в веке XX-м"[19].

Как пишет И. Валлерстайн, "в социальных системах, самых сложных, а потому наиболее трудно поддающихся анализу системах во Вселенной, постоянно идет борьба за построение лучшего общества"[20]. Сложность социальной действительности социолог объясняет существованием "стрелы времени": "…все оказывает влияние на все, и со временем это все неумолимо расширяется… Вселенная развивается — живет своей жизнью — в ее упорядоченном беспорядке или в беспорядочном порядке"[21].

Дж. Урри в перспективе теории сложных систем показывает, что все социальные системы по своей природе характеризуются "динамичностью, процессуальностью и непредсказуемостью, потому что они представляют собой открытые структуры, через которые циркулируют потоки энергии и материи"[22]. Речь идет о том, что граница между "естественными", "гуманитарными" и "социальными" науками должны быть стерты[23], поскольку все они так или иначе связаны с понятием "комплексность". Это означает, что в различных областях научных исследований динамика неравновесности систем (будь то физических, органических, механических, социальных и т.п.), множественность будущих их состояний, время, бифуркации и имманентная природа

---

[17] *Осипов Г.В.* Социологическая наука в условиях становления цифровой цивилизации. СПб., 2016. С.10.

[18] *Urry J.* Global complexity. Cambridge; Oxford; Boston, 2003; *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2004; *Кравченко С.А.* Социологическая "стрела времени" в XXI веке: инновации в материалах Всемирных социологических конгрессов // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9. № 4. С. 84–104.

[19] *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2004. С. 5.

[20] Там же. С. 13.

[21] *Пригожин И.Г.* Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. Ижевск, 2000. С. 284.

[22] *Урри Дж.* Как выглядит будущее? М., 2018. С. 92.

[23] См.: *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2004; *Wallerstein I.* Open the social sciences: report of the Gulbenkian commission on the restructuring of the social sciences. Stanford, 1996.

неопределенности систем становятся базовыми элементами всех наук, не только естественных[24].

В настоящее время наблюдается ряд процессов, которые переносят "комплексные" понятия на новую "комплексную" интеллектуальную карту[25]. Доказательством этого тезиса, по убеждению Дж. Урри, выступают:

1) быстрые и непредсказуемые перемещения денег, людей, капитала и информации по всему миру;

2) развитие коммуникационных технологий, функционирование которых создает условия для развития сетевых структур, способных к аутопойезису и повсеместному распространению;

3) возникновение "глобальных микроструктур" (антиглобалистские движения, финансовые рынки или террористические сети), в основе функционирования которых лежат формы связанности, сочетающие в себе глобальный охват и микроструктурные механизмы;

4) усложнение продуктов и технологий, наиболее ценные из которых содержат очень большое количество компонентов, а в основе их функционирования лежат принципы кибернетической архитектуры и гибридизация социотехнических систем;

5) распространение гибридных систем социальных отношений и физических объектов (здравоохранение, терроризм, глобальное потепление), что предполагает пересечение физических, биологических и социальных структур;

6) непредсказуемость событий и их последствий в пространстве-времени, в том числе "эффект бумеранга" и "эффект бабочки" (последствия финансовых кризисов, политические события в отдельных странах и их влияние на другие и т.п.);

7) нелинейные изменения в отношениях между людьми, в семьях и обществах, где практически невозможно обнаружить прямые причинно-следственные связи;

8) наличие точек бифуркации, которые понимаются как переломные периоды в развитии сложной системы, когда колебания внешних и внутренних факторов развития системы, а также непредвиденные последствия действий индивидов достигают такого критического уровня. В результате возникают неустойчивость, возможности различных вариантов дальнейшего развития системы. При этом аутопойетический характер системы позволяет ей самоструктурироваться и выйти на более высокий уровень упорядоченности[26];

9) восприятия всех живых организмов и материальной среды Земли как чего-то единого, как самоорганизующейся системы;

10) самоорганизация науки в глобальном масштабе.

---

[24] *Урри Дж.* Мобильности. М., 2012. С. 104.

[25] *Урри Дж.* Мобильности. С. 104–106.

[26] *Кравченко С.А.* Играизация российского общества (К обоснованию новой социологической парадигмы) // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 148.

Поворот к сложности стал результатом открытий, сделанных А. Эйнштейном, который опроверг базовые положения ньютоновской науки, указав на отсутствие абсолютного времени. Автор теории относительности обнаружил, что время является внутренней характеристикой системы, к которой оно относится. Дж. Урри полагает, что время нужно рассматривать исторически, поскольку тогда прошлое и будущее тесно связаны с настоящим. Для анализа сложных систем важны понятия "зависимость от пройденного пути", "пороги", "закольцованная положительная обратная связь", "переломные" и "фазовые переходы" и т.п. Использование этих понятий, по мнению Дж. Урри, подтверждает одинаковое понимание времени в социальных и естественных науках и дает возможности для использования инструментария социологии в целях прогнозирования будущего[27].

Подобно тому, как в физическом мире существует множество форм организации сложных самонастраивающихся систем, так и в социальном мире социальные системы обладают эмерджентными свойствами. Это означает, что существуют такие свойства сложной системы, которые качественным образом отличаются от свойств ее частей. Новые свойства системы могут возникать в результате конфликтов и социальных потрясений. Поэтому с течением времени системы адаптируются к трансформациям и в процессе своей самоорганизации системы эволюционируют.

Как пишут Э. Макафи и Э. Бриньолфсон, экономические кризисы и структурные изменения в экономике, когда практически мгновенного успеха добиваются стартапы и уходят в прошлое "тяжеловесы из списка Fortune", не являются хаотичными и ничем не обусловленными. Авторы заключают, что хаос ведет к порядку, а сложность оборачивается простотой[28]. Именно поэтому социологический поворот к сложности, который был предпринят в рамках современной социологии, становится все более востребованным.

Мобильность как основа современной социальной жизни

Современность характеризуется постоянной мобильностью всего: это не только телесные перемещения людей, но и воображаемые, виртуальные путешествия, которые дают новые возможности или, наоборот, принуждают индивидов жить более мобильной жизнью[29]. В отличие от традиционной социологии, новое описание мобильности (которое было предложено Дж. Урри[30]) охватывает пространство мобильности людей, предметов, циркуляцию информации, изображений и капитала; изучение инфраструктур, различных средств передвижения,

---

[27] *Урри Дж.* Как выглядит будущее? М., 2018. С. 112.

[28] *Brynjolfsson E., McAfee A.* Machine, platform, crowd: harnessing our digital future.

[29] *Elliott A., Urry J.* Mobile Lives // Mobile Lives. L.; N.Y., 2010.

[30] *Урри Дж.* Мобильности. М., 2012.

программного обеспечения. Поэтому современность можно понять лишь через "мобилизацию" социальных феноменов[31]. Как указывает американский социолог М. Шеллер, наблюдается «соединение чисто "социальных" проблем социологии (неравенства, власть, иерархии), пространственных проблем географии (территория, границы, размер) с проблемами антропологии, исследованиями коммуникации (дискурсы, репрезентации, схемы), сопрягая каждую из них с реляционной онтологией со-учреждения объектов, пространств, смыслов»[32].

Поэтому социологии и нужен "мобильный поворот", полагает Дж. Урри. В XX в. появилось огромное разнообразие систем мобильности (автомобили, авиация, современный урбанизм, мобильные телефоны, сетевые компьютеры и т.п.), а в XXI в. в этих системах возникли новые черты: комплексность, взаимозависимость, зависимость от компьютеров и программного обеспечения и уязвимость. Современные системы мобильности являются чрезвычайно сложными, компьютеризированными и рискованными. В результате пространственно-временной дистанциации и десинхронизации данные системы должны обеспечивать социальную и трудовую жизнь по расписанию. Необходимо организовывать "соприсутствие" ключевых "других" (сотрудников, семьи и т.п.), а также возникла потребность в персонализированных сетях, в основе которых лежит бесперебойная работа различных систем.

Основную идею парадигмы мобильности Дж. Урри представляет через описание ее отличительных черт. Так, социолог убежден в необходимости рассматривать все социальные отношения как включающие соединения различного характера, которые находятся на разном расстоянии, различаются по скорости протекания и уровню интенсивности, и включают физическое перемещение. Суть социальной жизни гетерогенна и включает различные материальные объекты, в том числе природу и технологии.

Социальные отношения никогда нельзя прочно зафиксировать и привязать к месту, поскольку они представляют собой то, что Б. Латур назвал "циркулирующими сущностями", полагает Дж. Урри. Данное обстоятельство, делает вывод социолог, противоречит традиционным представлениям о социальных взаимодействиях лицом к лицу, по причине того, что современные средства цифровых коммуникаций позволили взаимодействовать с помощью форм "воображаемого присутствия" благодаря мобильности объектов, людей, информации и изображений. Речь идет о том, что социальная жизнь трансформируется из "бытия-рядом-с-другими" к "бытию-на-расстоянии". Присутствие становится прерывистым и фрагментарным, оно зависит от технологического соединения и различных способов коммуникаций.

---

[31] *Урри Дж.* Мобильности. М., 2012. С. 73.

[32] *Шеллер М.* Новая парадигма мобильностей в современной социологии // Социологические исследования. 2016. Т. 3–11. № 7. С. 4.

Дж. Урри показывает, что все социальные процессы основаны на пяти взаимозависимых "мобильностях", которые организуют социальную жизнь на расстоянии и формируют (ре-формируют) ее контуры. Это:

– телесные перемещения людей (работа, досуг, семейная жизнь, развлечения, миграция и т.п.) — от ежедневных перемещений до единственного в жизни изгнания с родины;

– физические перемещения объектов между производителями, потребителями и продавцами;

– воображаемые перемещения при помощи образов мест и людей, через печатные и визуальные носители информации;

– виртуальные путешествия, часто в реальном времени, преодолевающие географические границы;

– коммуникационные перемещения с помощью средств информационно-коммуникационных технологий (электронная почта, мессенджеры, мобильные телефоны и т.п.)

Согласно новой парадигме мобильности, существуют комплексные сборки (ассамбляжи) всех этих пяти видов мобильностей, которые позволяют поддерживать социальные связи на различных расстояниях. Посредством слабых связей, формируемых в процессе периодических телесных перемещений и коммуникаций в социальных сетях, сети взаимодействий распространяются по всему миру и зависят от разного рода мобильностей. В то же время Дж. Урри подчеркивает необходимость поддержания социальных связей с помощью личного присутствия при выполнении определенных обязанностей: правовые, экономические и семейные обязанности; обязанности личного соприсутствия при подписании контрактов, а также при работе с письменными и визуальными текстами; обязанности быть на месте и напрямую что-нибудь испытать через движение и соприкосновение; обязанности вживую ощутить какое-то событие, которое происходит в определенном месте в установленное время. Важность периодических встреч — ключевой фактор поддержания устойчивых форм социальной жизни, когда большая ее часть происходит на расстоянии.

Дж. Урри констатирует, что в современных обществах наблюдается "переход от социальных отношений, базирующихся на территории и государстве, к базирующимся на информации и детерриториализации"[33], поэтому государственная власть вынуждена регулировать и контролировать мобильности различного рода, прежде всего, мобильных граждан.

В перспективе мобильного поворота Дж. Урри обращается и к анализу проблемы социального неравенства, указывая на наличие неравного доступа к различным системам мобильности и каналам сетевого капитала[34].

---

[33] *Кимелев Ю.А.* Социология Джона Урри // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 1. С. 34.

[34] *Мартыненко Т.С.* Теория глобального социального неравенства в социологии мобильностей Джона Урри // Социология. 2015. № 1. С. 85–91.

Еще одной особенностью современных систем мобильности является их экспертизация. Ввиду их чрезвычайного усложнения пользователь становится все более отчужден от таких систем, но в то же время и все более от них зависим. Поломка системы требует участия экспертов, которые способны восстановить их работу или перепрограммировать. При этом в обществах с высоким уровнем мобильности социальные и экономические практики все больше зависят именно от сработанности и слаженности подобных систем. Людям нужно, чтобы системы были всегда "готовы-к-употреблению".

Таким образом, мобильный поворот, предпринятый Дж. Урри, открывает новые грани социологического анализа, в основе которого лежит тезис о том, что все социальные образования от отдельного домашнего хозяйства до огромных транснациональных корпораций находятся в постоянном фактическом или потенциальном движении, а природа социальных структур не может быть прочитана вне мобильного контекста и вне связи с несоциальными, материальными объектами, которые тоже находятся в постоянном движении.

Сетевизация

В различных областях математики, кибернетики, физики, биологии и нейронауки базовой категорией анализа выступает сеть, что является вполне закономерным, поскольку сеть представляет собой модель организации, которая характерна для всего живого. Повсеместное распространение сетей в политической и экономической жизни современного общества становится результатом процессов сетевизации.

В широком смысле *сеть* — это совокупность взаимосвязанных узлов, образованная посредством пересечения вертикальных и горизонтальных линий. Структуру сети оформляют ее элементы — узлы, связи и ячейки. Тип сети зависит от того, что является ее узлами (физические объекты, люди, коммуникационные устройства и т.п.). Так, различают физические, органические, нейронные, социальные, технические и медиа сети[35]. Как известно, ключевыми характеристиками сети являются гибкость, динамизм и открытость границ. Именно эти ее характеристики делают сетевой подход удобным инструментом для описания реалий современности.

В современном научном дискурсе "сеть" используется в разных форматах[36]: в качестве метафоры для описания нового социального порядка; "сеть" представляет собой форму социального взаимодействия и, наконец, "сеть" применяется в качестве методологического инструмента анализа.

---

[35] *Van Dijk J.A.* The network society: social aspects of new media. Newbury Park, 2006. P. 24.

[36] *Шенцева Е.А.* Понятие "сеть" как объект философского осмысления // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия "Философия". 2011. Т. 2. № 2. С. 147–156.

Причины распространения сетевой метафоры связаны, с одной стороны, с особенными характеристиками и свойствами сети, которые способны в метафорическом смысле продемонстрировать своеобразие[37] социальной реальности. Сетевая метафора, специфика сетевой топологии, а также характеристики сети (например, плотность и интенсивность связей) способны отразить пространственную неравномерность и динамику ткани социальной жизни. Структура сети не является статичной: количество узлов может изменяться в зависимости от потребностей сети в каждый конкретный момент времени. Процессы индивидуализации, множество связей и, в целом, разреженный характер социальной сети, фактически повторяют "пористую" структуру сети с наличием ячеек различных по размеру, по содержанию и интенсивности связей между узлами. С другой стороны, сетевая метафора стала адекватным ответом на попытки продемонстрировать новый социально-исторический фон, который складывался после произошедшей информационно-коммуникационной революции. В бизнесе и в политической сфере все чаще жесткие иерархичные модели организационного управления стали заменять сетевыми формами организации, отдавая предпочтение возможностям гибкости и скорости реакции на изменения, происходящие во внешней среде. Глобализационные процессы послужили толчком к интенсификации бизнес-контактов независимо от месторасположения контрагентов. Начал оформляться новый коннектографический порядок, именуемый глобальной сетевой цивилизацией[38]. Новая технологическая парадигма, возникшая в результате масштабного технологического прорыва сделала возможным и эффективным анализ общественного развития по аналогии с функционированием компьютерных сетей.

Супер-связанность современного мира

Никогда в человеческой истории связанность между людьми не была такого качества ни по масштабу распространения социальных связей, ни по количеству различных способов связей. Поэтому еще одной отличительной характеристикой современности становится ее супер-связанный (superconnected) характер. Следствием супер-связанности являются новые социальные последствия, полагает американская исследовательница М. Чайко. Сегодня уже очевидно, что цифровой мир становится интегрирован в повседневный жизненный опыт. Речь идет о том, что современный человек живет техно-социальной жизнью[39].

---

[37] *Василькова В.В.* Сети в социальном познании: от метафоры к метатеории // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 5. С. 17–18.

[38] *Вершинина И.А., Добринская Д.Е.* Pax urbanica: города в условиях глобальной сетевой цивилизации // Информационное общество. 2018. № 1. С. 25–33; *Khanna P.* Connectography: mapping the future of global civilization. N.Y., 2016.

[39] *Chayko M.* Superconnected: the Internet, digital media, and techno-social life. Newbury Park, 2017.

Социолог предлагает несколько базовых характеристик супер-связанной цифровой среды. Одной из таких характеристик становится ее портативность, или миниатюризация. Когда портативные технические устройства (смартфоны, планшеты, ноутбуки, умные часы и т.п.) сделали возможными коммуникации в любое время и на любом расстоянии, цифровая среда стала присутствовать повсеместно, а разделение между киберпространством и физическим пространством перестало существовать. Налицо пересечение пространственных логик онлайн и оффлайн миров, что позволяет говорить о наличии так называемых социоментальных пространств, поскольку связанность имеет социальную природу и в ее основе лежит ментальная активность (даже близкие люди, находящиеся на расстоянии друг от друга поддерживают отношения между собой благодаря новым способам коммуникации с помощью технологий). А переживаемый онлайн-опыт может быть столь же эмоционально насыщенным и глубоко интимным, как и тот, который возникает при общении лицом-к-лицу[40]. Социолог показывает, что дуализм онлайн-оффлайн является ложным, поскольку большинство людей используют онлайн-коммуникации, чтобы создавать, поддерживать и придавать новое измерение общению лицом к лицу. Поэтому, как правило, сильные социальные связи в Сети являются продолжением оффлайн-взаимодействий, что опровергает утверждение о разрушительном потенциале Сети с точки зрения "ухода от реальности". В новом супер-связанном мире функционируют и техно-социальные институты (семья, медицина, образование, культура, религия, политика, экономика и т.д.).

Еще одной характеристикой супер-связанной цифровой среды, по мнению М. Чайко, являются "портативные сообщества", которые распространяются благодаря интернету. Участие в большом числе различных сообществ (на платформах сайтов социальных сетей, блогов и т.п.) делает индивидуальный опыт уникальным, поскольку предоставляет каждому, кто имеет доступ в Сеть, бесконечное разнообразие и свободу выбора онлайн-групп и виртуальных сообществ. Это явление получило название сетевого индивидуализма, о котором пишут Б. Уэллман и Л. Райни[41]. Так возникает чувство "электронной близости", поскольку интернет и новые медиа (например, сайты социальных сетей) способствуют восприятию и ощущению близости и присутствия новыми способами, которые выходят за пределы физического[42].

Цифровой характер социальности

Термин "цифровизация" является относительно новым для социологической науки. Возникновение термина "цифровизация" обычно

---

[40] *Chayko M.* Superconnected: the Internet, digital media, and techno-social life. Newbury Park, 2017. P. 57.

[41] *Rainie L., Wellman B.* Networked: the new social operating system. Cambridge, 2012.

[42] *Chayko M.* Superconnected: the Internet, digital media, and techno-social life. Newbury Park, 2017. P. 55.

связывают с работой американского ученого из Массачусетского университета Николаса Негропонте, который в 1995 г. в работе "Жизнь в цифровом мире" сделал попытку описать то, что представляет собой новый цифровой мир[43]. Н. Негропонте не говорит конкретно о "цифровизации", но в его описании различных сфер общественной жизни лейтмотивом проходит идея о повсеместной цифровизации современного общества, в том числе о взаимодействии людей и машин, которые будут понимать, реагировать и запоминать индивидуальные особенности человека лучше, чем другие люди.

В настоящее время термин "цифровизация" используется в узком и широком смысле. В узком смысле под цифровизацией понимается преобразование информации в цифровую форму. В широком смысле цифровизацию рассматривают как "современный общемировой тренд развития экономики и общества, который основан на преобразовании информации в цифровую форму и приводит к повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни"[44]. Являясь результатом информатизации и компьютеризации, цифровизация становится следующим этапом развития технологий. Информатизация и компьютеризация обеспечили человечество решением отдельных задач с помощью вычислительной техники, компьютеров и информационных технологий. Цифровизация позволяет создавать целостные технологические среды "обитания" (экосистемы, платформы), в рамках которых сегодня возникает дружественное для пользователей окружение (технологическое, инструментальное, методическое, документальное, партнерское и т.п.)[45].

Оцифрованные данные, относящиеся к обычным взаимодействиям с сетевыми технологиями, включая запросы поисковых систем, телефонные звонки, покупки, взаимодействие с государственными учреждениями и банковские операции, собираются автоматически и архивируются, создавая огромные массивы данных, *big data*. "Большие данные" также включают в себя "пользовательский контент", или информацию, которая была преднамеренно загружена пользователями на платформы социальных сетей в рамках их участия в этих сайтах: их твиты, обновления статуса, сообщения и комментарии в блогах, фотографии и видео и т.д. пользователей, поисковые термины, используемые для поиска контента, как контент распределяется между платформами.

Вероятно, в ближайшем будущем всем, имеющим выход в Сеть, будет доступна информация обо всем и обо всех. Неудивительно, что появляются концепции метрического общества, квантификации соци-

---

[43] *Negroponte N.* Being digital. Kent, 1995.

[44] *Халин В.Г., Чернова Г.В.* Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 47.

[45] Там же.

ального и т.п., в рамках которых делаются попытки проанализировать социальные последствия оформления цифрового контекста современности.

Совершенно очевидно, что усложнение социальной системы, мобильность, супер-связанность, процессы сетевизации и цифровизации являются качественно новыми характеристиками современности, что свидетельствует о наступлении эпохи цифрового общества. Цифровое общество — это общество, инфраструктура которого функционирует посредством цифровых информационно-коммуникационных технологий, а базовой формой организации и социального взаимодействия являются сети. При этом "цифровое" отнюдь не является лишь технической характеристикой. "Цифровое" означает то, что жизнь современного человека, его социальные взаимодействия, культурные смыслы и значения, которыми они наполнены, определяются возможностями, предоставляемыми новейшими цифровыми технологиями. Так, Всемирная паутина, социальные медиа (сайты социальных сетей, блоги), мобильные приложения и онлайн-платформы являются не просто новыми средствами коммуникации. Они становятся средой для социальных взаимодействий. Таким образом, социальные последствия влияния технологий масштабны, обладают системным воздействием и невероятной скоростью распространения. Для изучения цифрового общества необходимо сосредоточить внимание на тех аспектах, которые долгое время находились в центре внимания социологов: вопросы самости и идентичности, проблемы власти и доминирования, проблемы социального неравенства, анализ социальных сетей, социальных структур, социальных институтов и социологической теории, в целом[46].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология XXI века. М., 2004.

Василькова В.В. Сети в социальном познании: от метафоры к метатеории // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 5. С. 11–24.

Вершинина И.А., Добринская Д.Е. Pax urbanica: города в условиях глобальной сетевой цивилизации // Информационное общество. 2018. № 1. С. 25–33.

Идрисов Г.И. и др. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России // Вопросы экономики. 2018. № 4. С. 5–25.

Кимелев Ю.А. Социология Джона Урри // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 1. С. 25–35.

Княгинин В.Н. и др. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России. Экспертно-аналитический доклад. М., 2017.

Кравченко С.А. Играизация российского общества (К обоснованию новой социологической парадигмы) // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 143–155.

Кравченко С.А. Социологическая "стрела времени" в XXI веке: инновации в материалах Всемирных социологических конгрессов // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9. № 4. С. 84–104.

---

[46] *Lupton D.* Digital sociology. N.Y., 2015.

Мартыненко Т.С. Теория глобального социального неравенства в социологии мобильностей Джона Урри // Социология. 2015. № 1. С. 85–91.

Норицугу У. Общество 5.0: взгляд Mitsubishi Electric // Экономические стратегии. 2017. № 4. С. 2–11.

Осипов Г.В. Социологическая наука в условиях становления цифровой цивилизации. СПб., 2016.

Полякова Н.Л. Новые теоретические перспективы в социологии начала XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 29–46.

Пригожин И.Г. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. Ижевск, 2000.

Урри Д. Как выглядит будущее? М., 2018.

Урри Д. Мобильности. М., 2012.

Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 46–63.

Шеллер М. Новая парадигма мобильностей в современной социологии // Социологические исследования. 2016. Т. 3–11. № 7.

Шенцева Е.А. Понятие "сеть" как объект философского осмысления // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия "Философия". 2011. Т. 2. № 2. С. 147–156.

REFERENCES

Chayko M. Superconnected: the Internet, digital media, and techno-social life. Newbury Park, 2017.

Dijk van J.A. The network society: social aspects of new media. Newbury Park, 2006.

Elliott A., Urry J. Mobile Lives // Mobile Lives. L.; N.Y., 2010.

Idrisov G.I. i dr. Novaya tekhnologicheskaya revolyutsiya: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii [New technological revolution: Challenges and opportunities for Russia] // Voprosy ekonomiki. 2018. N 4. S. 5–25 (in Russian).

Khalin V.G., Chernova G.V. Tsifrovizatsiya i ee vliyanie na rossiiskuyu ekonomiku i obshchestvo: preimushchestva, vyzovy, ugrozy i riski [Digitalization and its impact on the Russian economy and society: advantages, challenges, threats and risks] // Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Administrative Consulting]. 2018. N 10. P. 46–63 (in Russian).

Khanna P. Connectography: mapping the future of global civilization. N.Y., 2016.

Kimelev Yu.A. Sotsiologiya Dzhona Urri [John Urry's Sociology] // Sotsiologicheskoe obozrenie [Russian Sociological Review]. 2001. Vol. 1. N 1. P. 25–35 (in Russian).

Knyaginin V.N. i dr. Novaya tekhnologicheskaya revolyutsiya: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii [New technological revolution: Challenges and opportunities for Russia]. Ekspertno-analiticheskii doklad. M., 2017 (in Russian).

Kravchenko S.A. Igraizatsiya rossiiskogo obshchestva (K obosnovaniyu novoi sotsiologicheskoi paradigmy) // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2002. N 6. P. 143–155 (in Russian).

Kravchenko S.A. Sotsiologicheskaya "strela vremeni" v XXI veke: innovatsii v materialakh Vsemirnykh sotsiologicheskikh kongressov [The sociological "arrow of time" in the XXI century: innovations in materials from Global sociology conventions] // Vestnik Instituta sotsiologii. 2018. Vol. 9. N 4. P. 84–104 (in Russian).

Lupton D. Digital sociology. N.Y., 2015.

Martynenko T.S. Teoriya global'nogo sotsial'nogo neravenstva v sotsiologii mobil'nostei Dzhona Urri [Theory of global social inequality in the sociology of mobility by John Urry] // Sotsiologiya [Sociology]. 2015. № 1. P. 85–91 (in Russian).

McAfee A., Brynjolfsson E. Machine, platform, crowd: harnessing our digital future. N.Y., 2017.

McAfee A., Brynjolfsson E. The Second Machine Age: work, progress, and prosperity in a time of brilliant technologies. N.Y., 2016.

Negroponte N. Being digital. Kent, 1995.

Noritsugu U. Obshchestvo 5.0: vzglyad Mitsubishi Electric [5.0 Society from Mitsubishi Electric perspective] // Ekonomicheskie strategii [Economic Strategies]. 2017. N 4. P. 2–11 (in Russian).

Osipov G.V. Sotsiologicheskaya nauka v usloviyakh stanovleniya tsifrovoi tsivilizatsii [Sociological science in the development of digital civilization]. SPb., 2016 (in Russian).

Polyakova N.L. Novye teoreticheskie perspektivy v sotsiologii nachala XXI v. [New theoretical perspectives in sociology at the beginning of the 21st century] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. 2015. N 2. P. 29–46 (in Russian).

Prigogine I. Konets opredelennosti. Vremya, khaos i novye zakony prirody [The end of certainty. Time, chaos and new laws of nature]. Izhevsk, 2000 (in Russian).

Rainie H., Wellman B. Networked: the new social operating system. Cambridge, 2012.

Schwab K., Davis N. Shaping the Fourth Industrial Revolution. N.Y., 2018.

Sheller M. Novaya paradigma mobil'nostei v sovremennoi sotsiologii [The new mobility paradigm in modern sociology] // Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2016. Vol. 3–11. N 7 (in Russian).

Shentseva E.A. Ponyatie "set" kak ob"ekt filosofskogo osmysleniya [The concept of "network" as a subject of philosophical understanding] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina. Seriya "Filosofiya". 2011. Vol. 2. N 2. P. 147–156 (in Russian).

Triple Revolution: cybernation. Weaponry. Human Rights // Liberation. 1964. C. 9–15. URL: http://www.educationanddemocracy.org/FSCfiles/C_CC2a_TripleRevolution.htm (accessed: 05.05.2019).

Urry J. Global complexity. Cambridge; Oxford, 2003.

Urry J. Kak vyglyadit budushchee? [What is the Future] M., 2018 (in Russian).

Urry J. Mobil'nosti [Mobilities]. M., 2012 (in Russian).

Vasilkova V. Seti v sotsial'nom poznanii: ot metafory k metateorii [Networks in social knowledge: from metaphor to metatheory] // Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2012. Vol. 15. N 5. P. 11–24 (in Russian).

Vershinina I.A., Dobrinskaya D.E. Pax urbanica: goroda v usloviyakh global'noi setevoi tsivilizatsii [Pax Urbanica: cities in global network civilization] // Informatsionnoe obshchestvo [Information society]. 2018. N 1. P. 25–33 (in Russian).

Wallerstein I. Konets znakomogo mira: sotsiologiya XXI veka [The End of the World As We Know It: Social Science for the Twenty-first Century]. M., 2004 (in Russian).

Wallerstein I. Open the social sciences: report of the Gulbenkian commission on the restructuring of the social sciences. Stanford, 1996.

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-193-208

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ФЕМИНИСТСКОГО ДИСКУРСА В ИСТОРИИ РУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ

С.А. Батуренко, канд. социол. наук, доц. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д. 1. стр. 33, Ленинские горы, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье рассматриваются интеллектуальные предпосылки формирования феминистского дискурса в русской социологии, с которых начинается зарождение в России феминизма как социального явления и теории феминизма в истории русской социальной мысли. Сложившиеся предпосылки способствовали проявлению интереса первых русских социологов к данной проблеме. Специфика историко-культурного развития оказала влияние на осмысление множества вопросов в рамках социальных наук, в том числе и на необходимость исследования "женского вопроса". Ряд выдающихся социологов на рубеже XIX–XX в. активно работали в области изучения данной проблемы. Вопрос о социальном положении и роли женщин вызывал живой интерес у представителей самых разных направлений социологической науки классического периода развития в России: позитивистского, географического, субъективной и генетической, неокантианской, марксистской социологии, неопозитивистского направления. Автор отмечает, что осмысление женского вопроса в России началось значительно раньше, еще в первой половине XIX в., о чем свидетельствует огромное количество книг и статей по данной проблематике. Проблема положения женщин в обществе заметно выражена в контексте русской культуры, и широко раскрывается в русской литературе в работах известных писателей, поэтов, публицистов, философов. Постановка проблемы неравноправия, преодоления зависимого положения женщины, обеспечения ее прав в России отличается от западной особой спецификой. Эта специфика обусловлена историческим и социальным развитием общества, становлением правовой системы, религиозным сознанием. С одной стороны, значительное влияние на формирование феминистского дискурса оказали европейские социальные мыслители. С другой — можно говорить о русских философах XIX — начала XX в., разрабатывавших проблему женского равноправия в своих трудах и во многом определивших общее направление развития отечественной социологии. В статье проанализирован процесс духовно-интеллектуального развития русской социальной мысли, непосредственно предшествующий появлению социологии в России и формированию феминистского дискурса в рамках некоторых ведущих научных школ.

Ключевые слова: *феминистская социология, женский вопрос, русская социология, неравенство полов, социальное положение женщины.*

* **Батуренко Светлана Алексеевна,** e-mail: level_s@rambler.ru

INTELLECTUAL PREREQUISITES OF A FEMINIST DISCOURSE'S FORMATION IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN SOCIOLOGY

Baturenko Svetlana A., PhD Sci., Associate Professor of the Department of history and theory of sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: level_s@rambler.ru

The article considers intellectual premises of forming of a feministic discourse in the Russian sociology are considered. The origin perspective in Russia of feminism as social phenomenon and theory of feminism in the history of the Russian social thought begins with them. The developed prerequisites promoted an indication of interest of the first Russian sociologists to this problem. The specifics of historical and cultural development exerted impact on judgment of a set of questions within social sciences including on need of a research of "women's issue". Many outstanding sociologists actively worked at a turn of the 19–20th centuries in the field of studying of this problem. The question of social position and role of women attracted a keen interest of representatives of the most different directions of sociological science of the classical period of development in Russia: positivistic, neopositivistic, subjective sociology, genetic, neokantian, Marxist, geographical direction. The author notes that judgment of a women's issue in Russia began much earlier, namely in the first half of the 19th century to what a huge number of books and articles on this perspective testifies. The problem of position of women in society is considerably expressed in the context of the Russian culture, and widely reveals in the Russian literature in works of the famous writers, poets, publicists, philosophers. Statement of a problem of inequality, overcoming a dependency of the woman, providing her rights in Russia differs from western in original specifics. These specifics are caused by historical and social development of society, formation of legal system, religious consciousness. On the one hand, considerable impact was exerted by the European social thinkers. On the other hand, it is possible to speak about the Russian philosophers of this period who developed a problem of female equality in the works and in many respects defined the general direction of development of domestic sociology. In article the process of intellectual development of the Russian social thought which is directly preceding emergence of sociology in Russia and to forming of a feministic discourse within some leading schools of sciences is analyzed.

Key words: *feministic sociology, women's issue, Russian sociology, gender inequality, social status of the woman.*

Интерес к "женскому вопросу", феминизм как политическое и социальное движение, берущее начало еще в конце XVIII в. в Европе, а также формирование феминистского дискурса в социологии имеют долгую историю. По мнению некоторых специалистов началом этого явления следует считать более ранний период времени, а именно XV в., время возникновения "спора о женщинах" в работе французского поэта, писательницы и историка Кристины Пизанской "Книга о граде женском" (1405)[1]. В результате активного развития зарубежной феминистской

[1] *Успенская В.* Теоретическая реабилитация женщин в произведениях Кристины Пизанской. Тверь, 2003.

социологии сложилось представление, что феминистский дискурс в науке, а также первые работы, посвященные "женскому вопросу" и истории женских движений, в том числе истории женского освободительного движения в России, принадлежат западным ученым[2]. Вместе с тем принято считать, что в отечественной социологии феминистская проблематика появляется только в 90-х гг. XX в. Следует отметить, что в советский период, несмотря на широко распространенное использование среди обществоведов выражения "социальное равенство полов", складывалась своеобразная методология исследования "женского вопроса". А 60–80-е гг. XX в. характеризуются всплеском исследований профессиональных и семейных ролей женщин[3].

Нам хотелось бы подчеркнуть, что осмысление женского вопроса в России началось значительно раньше, а именно еще в первой половине XIX в., о чем свидетельствует огромное количество книг и статей по данной проблематике. "Женский вопрос" заметно выражен в контексте русской культуры, он широко раскрывается в русской литературе в работах известных писателей, поэтов, публицистов, философов. В историю развития феминистских идей в России вошли имена таких авторов, как А.И. Герцен, Л.Н. Толстой, Н.Г. Чернышевский и др. [4] Известного в середине XIX в. русского поэта, переводчика и политического деятеля Михаила Илларионовича Михайлова называют автором первого манифеста русского феминизма[5]. Отдельного внимания заслуживают русские философы данного периода, разрабатывающие проблему женского равноправия в своих трудах, философы, во многом определившие общее направление развития отечественной социологии[6]. На наш взгляд, сле-

---

[2] *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. СПб., 2002; *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М., 2004.

[3] Человек и его работа. Социологическое исследование / Под ред. А.Г. Здравомыслова, В.П. Рожина, В.А. Ядова. М., 1967; *Пименова А.Л.* Новый быт и становление внутрисемейного равенства // Социальные исследования. Вып. 7. М., 1971; *Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Человек после работы. М., 1972; Динамика изменения положения женщины и семья. XII Международный семинар по исследованию семьи. Вып. 1, 2. М.: ИКСИ АН СССР, ССА, 1972; Изменение положения женщины и семья / Отв. ред. А.Г. Харчев. М., 1977; *Кон И.С.* Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива). М., 1988.

[4] *Герцен А.И.* Кто виноват? М., 1988; *Герцен А.И.* Сорока-воровка. М., 1988; *Толстой Л.Н.* Крейцерова соната. М., 2016; *Чернышевский Н.Г.* Русский человек на rendez-vous // Чернышевский Н.Г. Избранные философские сочинения. Т. 2. М., 1950; *Чернышевский Н.Г.* Что делать? М., 1969.

[5] *Михайлов М.И.* Джон Стюарт Милль об эмансипации женщин // Современник. 1860. № 11; *Он же.* Женщины в Университете // Современник. 1861. № 4; *Он же.* Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // Сочинения: В 3 т. Т. 3. М., 1958; *Он же.* Уважение к женщинам // Современник. 1866. № 2, 3.

[6] *Бердяев Н.А.* Метафизика пола и любви. 1907 // Русский эрос, или философия любви в России / Сост. В.П. Шестаков. М., 1991; *Бердяев Н.А.* Новое религиозное

дует обратить особое внимание на проблему развития феминистских идей в работах первых русских социологов самых разных направлений и социологических школ, а также на интеллектуальные предпосылки формирования феминистского дискурса в отечественной социологии.

Зарождение феминистского дискурса в отечественной социологии начинается с постановки так называемого "женского вопроса". В начале XIX в. в России это понятие употребляется в более широком значении, нежели французское слово "эмансипация". Фактически "женский вопрос" в русской общественной мысли это не только вопрос о равноправии и освобождении женщин, но также широкий спектр проблем, затрагивающих интересы обоих полов в равной степени: семья и брак, отношения мужчины и женщины, воспитание и социализация, защита детства и материнства и другие темы социального характера. Постановка проблемы неравноправия, преодоления зависимого положения женщины, обеспечения ее прав в России отличается от западной своей спецификой. Эта специфика обусловлена историческим и социальным развитием общества, становлением правовой системы, религиозным сознанием.

Русский философ Н.А. Бердяев в своей работе "Метафизика пола и любви" характеризовал проблему пола: "С полом и любовью связана тайна разрыва в мире и тайна всякого соединения; с полом и любовью связана также тайна индивидуальности и бессмертия. Это мучительнейший вопрос для каждого существа, для всех людей он также безмерно важен, как и вопрос о поддержании жизни и смерти"[7]. Вместе с тем, развивая идеи Владимира Соловьева о Вечной Женственности, автор утверждает: "...женщина не ниже мужчины, она по меньшей мере равна ему, а то и выше его, призвание женщины велико, но в женском, женственном, а не в мужеском... Не амазонкой, обоготворяющей женское начало как высшее и конкурирующее с началом мужским, должна войти женщина в новый мир, не бесполой посредственностью, лишенной своей индивидуальности, и не самкой, обладающей силой рода, а конкретным образом Вечной Женственности, призванной соединить мужественную силу с Божеством"[8]. Такое отношение к женщине можно назвать специфически русским, обусловленным всем историческим развитием общества, в том числе и влиянием православия. Вследствие влияния православного воспитания был сформирован определенный образ женщины и женского характера, с присущим ей стремлением к са-

---

сознание и общественность. М., 1999; *Бердяев Н.А.* Размышление об Эросе // Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1990; *Розанов В.В.* Люди лунного света: метафизика христианства. М., 2015; *Розанов В.В.* Семейный вопрос в России: В 2 т. Т. 2. СПб., 1903; *Соловьев В.С.* Смысл любви. М., 1995.

[7] *Бердяев Н.А.* Новое религиозное сознание и общественность. М., 1999. С. 213.

[8] Цит. по: *Бердяев Н.А.* Метафизика пола и любви. 1907 // Русский эрос, или философия любви в России / Сост. В.П. Шестаков. М., 1991. С. 251–255.

моотдаче и внутренней сосредоточенности, описанный позже в рамках классической русской социологии. Об этом пишет один из известных русских социологов, представитель географического направления в социологии, А.П. Щапов, на основе глубокого исторического анализа показывающий изменение значения и социального положения женщины в России, в том числе и под влиянием православия[9].

Данная проблематика в широком философском аспекте отражена в работах русских философов XIX — начала XX вв. "Теология пола" или философия любви являлась специфическим направлением в русской религиозной философии, к представителям данного направления относят достаточно разных по своим взглядам философов, это: Николай Бердяев, Василий Розанов, Владимир Соловьев, Борис Вышеславцев, Павел Флоренский, Сергей Булгаков и многие другие. Среди русских философов, повлиявших на социологов классического периода, можно отметить публициста и философа В.В. Розанова (1856–1919) с его разработкой проблемы "метафизики пола" в работе "Люди лунного света" (1911) и других трудах[10], В.С. Соловьева (1853–1900) с учением об андрогинизме, изложенным в серии статей "О смысле любви" (1892–1893)[11], Н.А. Бердяева (1874–1948) с разработкой проблемы антагонизма между "двумя стихиями пола" — стихией личной, в ее утверждении пути к индивидуальному бессмертию, и стихией родовой в работах "Метафизика пола и любви" и "Размышление об Эросе"[12]. Русская социология классического периода была тесно связана с философскими учениями, во многом определившими ее специфику и направление. Основной характерной чертой социологического творчества русских религиозных мыслителей является подход к изучению социальных явлений с точки зрения их внутреннего смысла и духовных основ. Философия истории и культуры в значительной степени на религиозной основе рассматривалась русскими философами в качестве наиболее адекватной в сфере социального анализа. Таким образом, проблемы пола широко представлены в рамках религиозно-философской мысли начала XX в. известными авторами, творчество которых требует более тщательного изучения.

Безусловно, французская научная и художественная литература, а также общественные события, происходившие в Европе, оказали

---

[9] *Батуренко С.А.* Развитие феминистских идей в рамках географического направления русской социологии XIX — начала XX века: А.П. Щапов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 37.

[10] *Розанов В.В.* Люди лунного света: метафизика христианства. М., 2015; *Розанов В.В.* Семейный вопрос в России: В 2 т. Т. 2. СПб., 1903.

[11] *Соловьев В.С.* Смысл любви. М., 1995.

[12] *Бердяев Н.А.* Метафизика пола и любви. 1907 // Русский эрос, или философия любви в России / Сост. В.П. Шестаков. М., 1991; *Бердяев Н.А.* Размышление об Эросе // Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1990.

значительное влияние на изменение общего представления о женщине, на возникновение феминистского дискурса в истории социальной мысли России. Увеличение феминистской активности, происходившее в 1780–1790 гг., связанное с революционным движением во Франции и США, заметно повлияло на активизацию осмысления "женского вопроса" и возникновение феминистской теории как на Западе, так и в России. Отечественные ученые были достаточно хорошо знакомы с идеями известных мыслителей, идеологов Великой французской революции, усматривавших в угнетенном положении женщины нарушение "естественных прав человека". Одним из сторонников женского равноправия и выразителем идеологии французской буржуазии был А. Кондорсе (1743–1794), считавший рабское положение женщин следствием глубоко укоренившихся предрассудков во взглядах на женщину и предлагавший переход к эмансипации через юридическое равноправие и воспитание. Также развитие идей феминизма связано с именем Олимпии де Гуж, составившей в 1792 г. "Декларацию прав женщины и гражданки", и с именем Т. фон Гиппеля и его работой "Об улучшении гражданских прав женщины" того же года. Работу "Декларация прав женщины и гражданки" называют первым феминистским манифестом, в котором она призывает женщин к борьбе за право на развод, а также за замену церковного брака гражданским контрактом. Автор "Декларации" отстаивает права незаконнорожденных детей, выступает за создание родильных домов, национальных мастерских для безработных и ночлежек для бездомных. Самыми цитируемыми словами Олимпии де Гуж стала одна из статей "Декларации": "Никто не может быть преследуем за его личные убеждения; если женщина имеет право взойти на эшафот, то она должна иметь такое же право подняться на трибуну, при условии, что ее выступления не нарушают общественного порядка, установленного законом"[13]. Эти слова автора называют пророческими, поскольку в 1793 г. О. де Гуж была арестована и вскоре казнена на гильотине "за подстрекательство к мятежу против единой и неделимой республики". Позднее в XIX в. феминизм оказывается тесно связан с французским утопическим социализмом Шарля Фурье, Роберта Оуэна, Анри Сен-Симона. Учение социалистов-утопистов основывалось на представлении о невозможности освобождения общества без освобождения женщины. Освобождение женщины представлялось данными мыслителями главным условием социального прогресса. Ш. Фурье писал: "В целом, прогресс и смена исторических периодов происходят в результате движения женщины по пути свободы, а регресс социального порядка означает уменьшение свободы женщины. Расширение прав женщины есть главный принцип

[13] *Гуж О. де.* Декларация прав женщины и гражданки. URL: http://books.prometey.org/read/l4/13858.html (дата обращения: 19.05.2019).

социального прогресса"[14]. Представители феминизма требовали обеспечения равенства полов посредством социально-экономической и юридической реформ.

Юридическое и фактическое неравенство женщины находило теоретическое объяснение в работах многих мыслителей. С защитой передовых взглядов в 1861 г. выступил известный английский социолог, философ, экономист Дж.Ст. Милль в своей работе "Подчиненность женщины"[15]. Дж.Ст. Милль вступает в полемику с известным основателем позитивизма О. Контом, являвшимся сторонником так называемой биологической теории, объясняющей неравноправное положение женщины в обществе "естественной слабостью женского организма". С точки зрения сторонников биологического подхода, общественного равенства между мужчиной и женщиной не может быть, а ее исключительным призванием являются семейные обязанности. Передовые русские мыслители XIX в. обратили внимание на тот факт, что в рамках биологической трактовки "женский вопрос" предстает вечным и неразрешимым. Работа Дж.Ст. Милля "Подчиненность женщины" была переведена на русский язык и опубликована в 1869 г., автором предисловия стал известный русский социолог, представитель субъективного направления Николай Константинович Михайловский (1842–1904). Первые русские социологи, например Л.И. Петражицкий, достаточно быстро познакомились с трудом Милля и ссылались на него в своих работах, развивая изложенные автором идеи о женском равноправии[16]. Возникновение феминистского дискурса в отечественной социологии в значительной мере обусловлено политическими движениями с требованиями предоставить женщинам равные права с мужчинами, а также как осознание потребности в развитии знания о взаимоотношениях полов в обществе.

Широкую дискуссию среди русских мыслителей вызвала также работа известного австрийского философа и психолога Отто Вейнингера (1880–1903) "Пол и характер" (1902)[17], представляющая собой глобальное "исследование" "мужского" и "женского" начал. Автор доказывал, что для "мужского" начала характерны высокий уровень развития сознания, аскеза и созидание, а "женское" выступает носителем примитивной модели сознания, непродуктивности и чувственности. В данной работе автор сформулировал теорию бисексуальности, утверждая наличие в каждом человеке в разных пропорциях и мужских, и женских черт характера. О. Вейнингер внес значительный вклад в

---

[14] Цит. по: *Айвазова С.* Симона де Бовуар: этика подлинного существования // Бовуар С., де. Второй пол. М., 1997. С. 11.

[15] *Милль Дж.Ст.* Подчиненность женщины. СПб., 1869.

[16] *Петражицкий Л.И.* О женском равноправии. Пг., 1915.

[17] *Вейнингер О.* Пол и характер. Мужчина и женщина в мире страстей и эротики. М., 1991.

развитие психологии. Его исследования привлекли внимание русских социальных мыслителей. Основными идеями, вызвавшими обсуждение были, с одной стороны, идеи бисексуальности человека, а с другой — трактовка "женского" как низменного и недостойного, при этом успехи женщин в общественной сфере объяснялись наличием у них значительной доли "мужского"[18]. Отечественные ученые чаще высказывали свое несогласие с трактовками австрийского психолога, давали критическую оценку его основным идеям.

К отечественным представителям философии пола, оказавшим значительное влияние на становление феминистского дискурса в русской социологии, относятся и сторонники социалистической философской традиции, такие как Н.Г. Чернышевский, А.И. Герцен, Л.Н. Толстой, рассматривающие дифференциацию женского и мужского в обществе и культуре с социальной точки зрения, обсуждающие проблему гендерного неравенства, его несправедливости и необходимости поиска путей преодоления. В работах многих российских писателей и ученых XIX в. делается акцент на важной роли русских женщин в воспроизводстве и передаче нравственных ценностей, поддержании духовности, формулируются призывы к предоставлению женщинам равных прав с мужчинами.

Одним из первых писателей середины XIX в., которых считают первыми русскими феминистами, был Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889). Известный роман писателя "Что делать?" (1862–1863) часто называют учебником жизни для новых женщин. В романе Н.Г. Чернышевский пишет: "Каким верным, сильным, проницательным умом одарена женщина от природы!... История человечества пошла бы в десять раз быстрее, если бы ум этот не был опровергаем и убиваем, а действовал бы"[19]. После публикации этой работы Н.Г. Чернышевский воспринимался среди русских революционеров-демократов как активный защитник раскрепощения женщин. В романе был представлен образ новой женщины, вышедшей за рамки замкнутой семейной жизни, получившей право на активную общественную деятельность и возможность независимого существования. Учитывая известные элементы утопизма, содержащиеся в романе, следует признать, что автор предлагает конкретные пути обретения свободы и равенства путем создания производственных артелей и коммун. Именно художественная литература и публицистика помогли формированию нового образа женщины в российском обществе, а также своеобразному равноправному отношению общества к женщине как к "другу по общему делу". В сложившихся условиях художественная

---

[18] *Аграмакова С.В.* Дополнение к теории О. Вейнингера. Полоцк, 1910; *Ашкинази И.Г.* Женщина и человек. Отто Вейнингер и его книга "Пол и характер". СПб., 1909; *Белый А.* Вейнингер о поле и характере. 1911 // Русский эрос, или философия любви в России / Сост. В.П. Шестаков. М., 1991.

[19] *Чернышевский Н.Г.* Что делать? М., 1969. С. 243.

литература и публицистика стали средством трансляции новых представлений о положении женщины в обществе.

Как литературовед Н.Г. Чернышевский на основе анализа художественной литературы описывает доминирование в России сложившегося образа русского мужчины-интеллигента, отличающегося инфантильностью, нерешительностью, безволием: "...ребенок мужеского пола, вырастая, делается существом мужского пола средних, а потом пожилых лет, но мужчиною он не становится, или, по крайней мере, не становится мужчиною благородного характера"[20]. Многочисленные статьи, посвященные "женскому вопросу" и большие литературные произведения, такие как роман Н.Г. Чернышевского "Что делать?", быстро находили отклик в общественном сознании в качестве ответа на вопрос, а также простых рекомендаций по решению повседневных личных и семейных проблем.

Прогрессивной была позиция по "женскому вопросу" и другого русского классика Ф.М. Достоевского, писавшего о женщине: "В ней заключена одна наша огромная надежда, залог нашего обновления. Восхождение русской женщины в последние двадцать лет оказалось несомненным... Русский человек *(т.е. мужчина)* в эти последние десятилетия страшно поддался разврату стяжания, цинизма, материализма; женщина же осталась гораздо более его верна чистому поклонению идее, служению идее. <...> Вижу, впрочем, и недостатки современной женщины и главный из них — чрезвычайную зависимость ее от собственно мужских идей, способность принимать их на слово и верить в них без контроля"[21]. Наиболее отчетливо выражен был интерес Ф.М. Достоевского к "женскому вопросу" в журнальной публицистике начала 1860-х гг. (статьи и заметки в журналах "Время", "Гражданин", "Дневник писателя", например, «Ответ "Русскому Вестнику"» и "Образцы чистосердечия"). В своих публицистических работах автор писал о характере русской женщины, ее положении в обществе и семье, о ее судьбе, о творческих способностях женщин, размышлял о необходимости высшего образования для женщин. Опираясь на статьи и заметки писателя, можно говорить об особом его взгляде на женскую эмансипацию, рассматриваемую с точки зрения нравственного воспитания общества в соответствии с основными христианскими заповедями. Описывая женщину как существо самодостаточное, Ф.М. Достоевский выступал за разумную эмансипацию, которая заключается не в раскрепощении нравов, а в необходимом стремлении женщины к образованию и труду.

Одним из первых инициаторов дискуссии по женскому вопросу в России был также поэт и публицист Михаил Илларионович Михайлов (1829–1865). Автор оставил обширное литературное наследие, вместе с

---

[20] *Чернышевский Н.Г.* Русский человек на rendez-vous // Чернышевский Н.Г. Избранные философские сочинения. Т. 2. М., 1950.

[21] *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 23. Л., 1981. С. 55.

тем ряд статей, посвященных женскому вопросу ("Джон Стюарт Милль об эмансипации женщин", "Женщины в Университете", "Уважение к женщинам", "Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе"), способствовали тому, что в 50–60-х гг. XIX в. эта проблема привлекла внимание огромной части интеллигенции[22].

Русский поэт и публицист побывал во Франции, где познакомился с основными идеями феминизма. Особое влияние на М.И. Михайлова оказали такие мыслители, как Жюль Мишле (1798–1874), французский историк и публицист, его социологический этюд "Любовь" (1858), и Пьер-Жозеф Прудон (1809–1865), французский политик, экономист, публицист, социолог, в особенности и его работа "О справедливости, революции и церкви" (1858), а также статья Дж.Ст. Милля "Об эмансипации женщин", написанная в соавторстве с женой автора, Гарриет Тейлор Милль. Работы указанных авторов, повлиявших на отечественного писателя и публициста, были популярны и активно обсуждались во Франции. Статьи Михайлова способствовали обращению интереса российского читателя к данной проблематике. Наиболее известная работа М.И. Михайлова "Женщины: их воспитание и значение в семье и обществе" представляет собой отчасти опровержение основных идей Ж. Мишле и П.-Ж. Прудона, а также частично является проектом программы предполагаемых реформ[23].

Оба французских мыслителя в своих работах активно выступили против женской эмансипации, полностью отвергая возможность равенства мужчин и женщин. Авторы рассматривают женщину исключительно в сфере семьи, основным ее призванием является трепетное отношение к мужу и воспитание детей, в соответствии с которым ее главное назначение — любить. Содержание работ данных авторов носило антифеминистский характер, что и привлекло большое внимание общественности. Ж. Мишле исследовал одну из важнейших социальных проблем своего времени — быстрый распад семьи и падение рождаемости. Причины этих процессов усматривались автором в падении нравов во французском обществе, чему и были посвящены его социологические этюды. Представляя свой взгляд на женщин, любовь, брак, Ж. Мишле описывал женщину с позиций биологического детерминизма как слабое, несовершенное существо по сравнению с мужчиной, писал о "физическом фатализме, присущем женщине от природы", обусловленном "болезнью материнства" и "извечной раной". Избавляясь от этих, данных природой особенностей, посредством тяжелого труда, женщина

---

[22] *Михайлов М.И.* Джон Стюарт Милль об эмансипации женщин // Современник. 1860. № 11; *Он же.* Женщины в Университете // Современник. 1861. № 4; *Он же.* Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // Михайлов М.И. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М., 1958; *Он же.* Уважение к женщинам // Современник. 1866. № 2, 3.

[23] *Михайлов М.И.* Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // Михайлов М.И. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М., 1958.

одновременно теряет свою привлекательность и сексуальность. Логическим выводом автора была идея о том, что сама природа исключила женщину из сферы образования и труда. Единственная судьба женщины в сложившейся ситуации, по мнению Ж. Мишле, — быть для всех источником любви, носительницей которой она и является[24].

Пьер-Жозеф Прудон рассматривал положение женщин в связи с вопросом о владении личной собственностью, усилиями, направленными на сохранение домашнего очага, ведением супружеского домохозяйства и верой в мужское превосходство. Автор акцентировал внимание на физической слабости женщины, доказывал ее более несовершенную природу, опираясь на свои наблюдения и используя собственную систему количественных показателей, применяемую к обоим полам, например, относительно меньший размер женского мозга. Выводами французского мыслителя явились утверждения об интеллектуальной и физической неполноценности женщины. Мужчина, оказавшийся в результате исследования более активным, инициативным, обучаемым, занимает высшее положение по отношению к женщине, следовательно, женщина должна была ему повиноваться[25].

М.И. Михайлов, как многие другие русские мыслители, выступил с критикой основных идей Ж. Мишле и П.-Ж. Прудона. Автор пишет: "Книга Прудона замечательна не только как реакция пробудившемуся во Франции стремлению к преобразованию семейных отношений; она еще более знаменательна тем, что показывает, как глубоко сидят еще в человеке нашего времени корни деспотизма и кулачного права"[26].

Русский писатель и публицист был знаком со многими новейшими разработками европейских ученых в области антропологии, медицины, на которые он опирался, размышляя о положении женщин. Автор рассуждает о современном ему положении женщин по сравнению с доцивилизованными обществами, рассматривает основания биологического детерминизма, обусловливающего положение женщины. М.И. Михайлов выражает критическое отношение к использованию доводов природной неполноценности женщин, приравнивая их к расизму, рассматривающему неполноценность людей, принадлежащих к негроидной расе. Автор подчеркивал социальную обусловленность специфического положения женщин и темнокожих в противовес природной, биологической.

Русский писатель рассматривает проблему, обозначившуюся наиболее отчетливо в данный период и заключавшуюся в том, является ли женщина в интеллектуальном отношении ниже мужчины от природы. М.И. Михайлов утверждает, что творческая деятельность осно-

---

[24] *Мишле Ж.* Ведьма. Женщина. М., 1997.

[25] *Мишле Ж.* Ведьма. Женщина. М., 1997; *Он же.* Народ. М., 1965.

[26] *Михайлов М.И.* Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // Михайлов М.И. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М., 1958. С. 370.

вывается на жизненном опыте и наблюдении за окружающим миром. Автор полемизирует с Прудоном, отмечая, что исторически возникли сложности в развитии творческих и интеллектуальных возможностей женщин, поскольку они были привязаны к дому и изолированы от общества. Одной из основных проблем в России, по мнению русского мыслителя, становится проблема образования женщин. Анализируя состояние системы образования, автор дает неудовлетворительную оценку женским институтам и пансионам, которые являлись скорее препятствием на пути развития общественного сознания и полового воспитания, навязывая общие представления о женской "неполноценности". М.И. Михайлов выступал за изменение современного состояния женского образования, утверждая необходимость установления образования, равного мужскому на всех уровнях. "Как элементарное, детское воспитание, так и образование в обширном смысле, общее и специальное, должны быть, в существенных условиях своих, одинаковы для обоих полов. Одинаковая забота должна прилагаться к умственному развитию как мальчика, так и девочки. <...> Всякое знание, признаваемое полезным для мужчины, должно быть признано полезным и для женщины. Личные способности каждого решают степень участия его в успехах науки, в делах общества. Но для того, чтобы человек мог взять на себя дело, согласное с его способностями, и найти в этом деле цель и счастье своей жизни, необходима полная свобода для их развития. Это правило одинаково для обоих полов"[27].

Проблему образования М.И. Михайлов тесно связывает с проблемой семьи и брака, отмечая взаимосвязь уровня образованности мужчины и женщины и возможности создания надежной, устойчивой семьи, эффективно выполняющей свои основные функции, в числе которых обеспечение хорошего образования для детей. В своих работах автор полемизирует с Прудоном по данному вопросу, подчеркивая влияние уровня образования женщины на способность ведения домашнего хозяйства. Таким образом, проблема роли женщины в семье и существования института семьи и брака также были в поле внимания русского писателя, имеющего свое собственное представление о необходимом (должном) укладе семейной жизни. В представлениях М.И. Михайлова семья должна быть основана на взаимном уважении и равенстве, состоять из подходящих друг другу, прежде всего по уровню образования, супругов, имеющих общие дела и интересы, признающих равное положение друг друга. Выступая за укрепление семьи, автор придавал особое значение образованию и равенству, что должно привести к сокращению числа разводов и образованию непрочных союзов мужчины и женщины.

Автор усматривал взаимосвязь между равенством мужчины и женщины в семье и основами управления обществом. М.И. Михайлов

---

[27] *Михайлов М.И.* Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // Михайлов М.И. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М., 1958. С. 373.

утверждал, что "уровень общественного образования и общественной нравственности тотчас начинает подниматься не только при совершенном уничтожении права одного лица владеть другим, но даже при одном только смягчении этого права"[28]. По мнению русского мыслителя, прогресс в обществе связан с устранением эгоистического произвола, в том числе и в рамках семьи, в сфере отношений между полами. "Читатель видел, — пишет автор, — что я принимаю семейство тоже за основу общества; но только при одном условии, при совершенном равенстве прав жены и мужа. Если отец и мать пользуются одинаковым голосом, одинаковым влиянием как на детей своих, так и на касающиеся их дела общества, возможность диктатуры в общественном управлении исчезает сама собою"[29].

Вместе с расширением возможности получения образования для женщин стоит еще одна проблема, требующая немедленного решения, — это проблема равного доступа женщин ко всем видам общественной деятельности, являющейся привилегией мужчин. Михайлов был убежден в том, что само по себе образование женщины не будет иметь большого значения для общества при отсутствии возможности его приложения. Это означает необходимость предоставления женщине свободы выбора в сфере ее деятельности. Русский писатель был убежден в том, что развитие современного ему общества с неизбежностью ведет к новому социальному порядку, при котором участие в труде, промышленности, науке, искусстве будет доступно любому совершеннолетнему члену общества. Принимая во внимание рассматриваемых авторов, разрабатываемые ими вопросы, можно говорить об определенных интеллектуальных предпосылках, повлиявших на возникновение феминистского дискурса в отечественной социологии классического периода.

Феминистскую социологию считают одной из относительно новых областей науки. В настоящее время предметная область исследований активно развивается, обсуждается и критикуется. Многие дискуссии этого направления получили развитие и в современной отечественной социологии. Феминистская теория развивается под влиянием новых социальных вызовов, критических замечаний ученых, изменений общественно-политического контекста. Современные читатели уделяют огромное внимание новейшим разработкам западной социологии в данной области исследования. Внимание сосредоточивается на все более расширяющемся списке авторов и вопросов в проблемном поле феминистской социологии. Научные дискуссии современной социологии связаны с созданием нового аналитического языка, во многом заимствованного в начале 1990-х гг. из европейской науки, в результате

---

[28] *Михайлов М.И.* Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // Михайлов М.И. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М., 1958. С. 373.

[29] Там же.

чего в русский язык перешло огромное количество категорий. Заимствование новых терминов всегда влечет за собой определенные сложности перевода, связанные с социальными и культурными особенностями, а также с освоением концептуальной парадигмы, в которой рождается тот или иной термин. Вместе с тем достаточно часто складывается впечатление о том, что феминистская социология представляет собой исключительно западное явление.

Рассматривая предпосылки и условия становления феминистской социологии как научного направления, не стоит забывать об особенностях развития социологии в России с момента ее возникновения, специфических чертах, характерных для отечественной науки. Следует обратить особое внимание на исторические, социальные и интеллектуальные условия формирования феминистского дискурса в русской социологии, с которых начинается перспектива зарождения в России феминизма как социального явления и теории феминизма в истории русской социальной мысли. Сложившиеся предпосылки способствовали проявлению интереса первых русских социологов к данной проблеме. Специфика историко-культурного развития оказала влияние на осмысление множества проблем в рамках социальных наук, в том числе и на необходимость исследования "женского вопроса". При этом позиция многих отечественных мыслителей была исключительно прогрессивной — против ущемления гражданских прав женщин, и, одновременно, против нивелирования субкультурных половых различий, проявляющихся в любой сфере общественной жизни, поскольку эти различия представлялись равноценными. Осмысление женского вопроса в литературе, философии, науке на рубеже XIX–XX в. в России было достаточно плодотворным, что создавало основу для оформления различных, в том числе и феминистских концепций в области социологического изучения полов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аграмакова С.В. Дополнение к теории О. Вейнингера. Полоцк, 1910.

Айвазова С. Симона де Бовуар: этика подлинного существования // Бовуар С., де. Второй пол. М., 1997.

Ашкинази И.Г. Женщина и человек. Отто Вейнингер и его книга "Пол и характер". СПб., 1909.

Батуренко С.А. Развитие феминистских идей в рамках географического направления русской социологии XIX — начала XX века: А.П. Щапов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 37.

Белый А. Вейнингер о поле и характере. 1911 // Русский эрос, или философия любви в России / Сост. В.П. Шестаков. М., 1991.

Бердяев Н.А. Метафизика пола и любви. 1907 / Русский эрос, или философия любви в России / Сост. В.П. Шестаков. М., 1991.

Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. М., 1999.

Бердяев Н.А. Размышление об Эросе // Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1990.

Вейнингер О. Пол и характер. Мужчина и женщина в мире страстей и эротики. М., 1991.

Герцен А.И. Кто виноват? М., 1988.

Герцен А.И. Сорока-воровка. М., 1988.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 23. Л., 1981.

Милль Дж.Ст. Подчиненность женщины. СПб., 1869.

Михайлов М.И. Джон Стюарт Милль об эмансипации женщин // Современник. 1860. № 11.

Михайлов М.И. Женщины в Университете // Современник. 1861. № 4.

Михайлов М.И. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // Михайлов М.И. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М., 1958.

Михайлов М.И. Уважение к женщинам // Современник. 1866. № 2, 3.

Мишле Ж. Ведьма. Женщина. М., 1997.

Мишле Ж. Народ. М., 1965.

Прудон П.-Ж. Порнократия, или Женщины в настоящее время // Прудон П.-Ж. Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти. М., 2017.

Прудон П.-Ж. Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти. М., 2017.

Прудон П.-Ж. Французская демократия. М., 2011.

Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002.

Розанов В.В. Люди лунного света: метафизика христианства. М., 2015.

Розанов В.В. Семейный вопрос в России: В 2 т. Т. 2. СПб., 1903.

Соловьев В.С. Смысл любви. М., 1995.

Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М., 2004.

Толстой Л.Н. Крейцерова соната. М., 2016.

Успенская В. Теоретическая реабилитация женщин в произведениях Кристины Пизанской. Тверь, 2003.

Чернышевский Н.Г. Русский человек на rendez-vous // Чернышевский Н.Г. Избранные философские сочинения. Т. 2. М., 1950.

Чернышевский Н.Г. Что делать? М., 1969.

REFERENCES

Agramakova S.V. Dopolnenie k teorii O.Vejningera [Addition to O. Veyninger's theory]. Polock, 1910 (in Russian).

Ajvazova S. Simona de Bovuar: Jetika podlinnogo sushhestvovanija [Simona de Beauvoir: Ethics of original existence] // Bovuar S., de. Vtoroj pol [Second sex]. M., 1997 (in Russian).

Ashkinazi I.G. Zhenshhina i chelovek. Otto Vejninger i ego kniga "Pol i harakter" [Woman and person. Otto Veyninger and his book "Sex and Character"]. SPb., 1909 (in Russian).

Baturenko S.A. Razvitie feministskih idej v ramkah geograficheskogo napravlenija russkoj sociologii XIX — nachala XX veka: A.P. Shhapov [Development of the feministic ideas within the geographical direction of the Russian sociology XIX — the beginnings of the XX century: A.P. Shchapov] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija. 2017. N 37 (in Russian).

Berdjaev N. Metafizika pola i ljubvi. 1907 [Metaphysics of a sex and love. 1907] // Russkij jeros, ili filosofija ljubvi v Rossii [The Russian Eros, or love philosophy in Russia.] / Sost. V.P. Shestakov. M., 1991 (in Russian).

Berdjaev N.A. Novoe religioznoe soznanie i obshhestvennost' [New religious consciousness and public]. M., 1999 (in Russian).

Berdjaev N.A. Razmyshlenie ob Jerose [Reflection about Eros] // Berdjaev N.A. Samopoznanie (opyt filosofskoj avtobiografii) [Self-knowledge (experience of the philosophical autobiography)]. M., 1990 (in Russian).

Belyj A. Vejninger o pole i haraktere. 1911 [Veyninger about the field and character. 1911] // Russkij jeros, ili filosofija ljubvi v Rossii [The Russian Eros, or love philosophy in Russia] / Sost. V. P. Shestakov. M., 1991 (in Russian).

Chernyshevskij N.G. Russkij chelovek na rendez-vous [The Russian person on rendez-vous] // Chernyshevskij N.G. Izbrannye filosofskie sochinenija [Chosen philosophical compositions]. Vol. 2. M., 1950 (in Russian).

Chernyshevskij N.G. Chto delat'? [What to do?]. M., 1969 (in Russian).

Dostoevskij F.M. Sochineniya: v 30 t. [Works: in 30 vols]. Vol. 23. L., 1981 (in Russian).

Gercen A.I. Kto vinovat? [Who is guilty?] M., 1988 (in Russian).

Gercen A.I. Soroka-vorovka [Magpie — the thief]. M., 1988 (in Russian).

Mihajlov M.I. Dzhon Stjuart Mill' ob jemansipacii zhenshhin [John Stuart Mill about emancipation of women] // Sovremennik. 1860. N 11 (in Russian).

Mihajlov M.I. Zhenshhiny v Universitete [Women at the University] // Sovremennik. 1861. N 4 (in Russian).

Mihajlov M.I. Zhenshhiny, ih vospitanie i znachenie v sem'e i obshhestve [Women, their education and value in family and society] // Mihajlov M.I. Sochineniya: V 3 t. [Works: in 3 vols]. Vol. 3. M., 1958 (in Russian).

Mihajlov M.I. Uvazhenie k zhenshhinam [Respect for women] // Sovremennik. 1866. N 2, 3 (in Russian).

Mill' Dz.St. Podchinennost' zhenshhiny [The Subjection of women]. SPb., 1869 (in Russian).

Mishle Zh. Ved'ma. Zhenshhina [Witch. Woman]. M., 1997 (in Russian).

Mishle Zh. Narod [People]. M., 1965 (in Russian).

Prudon P.-Zh. Francuzskaja demokratija [French democracy]. M., 2010 (in Russian).

Prudon P.-Zh. Pornokratija, ili Zhenshhiny v nastojashhee vremja // Prudon P.-Zh. What is property? or the Research about the principle of the right and the power. M., 2017 (in Russian).

Prudon P.-Zh. Chto takoe sobstvennost'? ili Issledovanie o principe prava i vlasti [What is property? or the Research about the principle of the right and the power] // Prudon P.-Zh. What is property? or the Research about the principle of the right and the power. M., 2017 (in Russian).

Ritcer Dzh. Sovremennye sociologicheskie teorii [Modern sociological theories]. SPb., 2002 (in Russian).

Rozanov V.V. Ljudi lunnogo sveta: metafizika hristianstva [People of a moonlight: Christianity metaphysics]. M., 2015 (in Russian).

Rozanov V.V. Semejnyj vopros v Rossii [Family question in Russia]. T. 2. SPb., 1903 (in Russian).

Solov'ev V.S. Smysl ljubvi [Sense of love]. M., 1995 (in Russian).

Stajts R. Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: Feminizm, nigilizm i bol'shevizm, 1860–1930 [Women's liberation movement in Russia: Feminism, nihilism and Bolshevism, 1860–1930]. M., 2004 (in Russian).

Tolstoj L.N. Krejcerova sonata [Kreutzer Sonata]. M., 2016 (in Russian).

Uspenskaja V. Teoreticheskaja reabilitacija zhenshhin v proizvedenijah Kristiny Pizanskoj [Theoretical rehabilitation of women in works by Christina Pizanskaya]. Tver, 2003 (in Russian).

Vejninger O. Pol i harakter. Muzhchina i zhenshhina v mire strastej i jerotiki [Sex and character. The man and the woman in the world of passions and a sensuality]. M., 1991 (in Russian).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-209-226

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Н.С. Федоркин, докт. филос. наук, проф., зав. кафедрой политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье рассматриваются методологические проблемы трансформационных процессов в политической науке в конце XIX — начале XX столетий и в период между двумя мировыми войнами. Раскрываются причины и истоки зарождения кризисных явлений в политической науке, обусловленные новыми политическими реалиями, сложившимися в мире, и новыми тенденциями в развитии самой политической науки. Процесс становления современной политической науки анализируется в ее поэтапном развитии (формально-правовом, традиционном, поведенческом и пост-поведенческом). Раскрыта особая роль "чикагской революции" в политологии, создавшей среду и почву для возникновения "поведенческой" революции. Обозначены основные программные положения "поведенческой" революции, выявлены ее результаты, основные векторы развития политической науки в пост-поведенческую эпоху.

Раскрыта роль структурного функционализма (Г. Алмонд и его школа) в формировании современной политической науки. Рассматривается взаимодействие политической науки со смежными социальными дисциплинами, приведшее к появлению целого ряда гибридных дисциплин политического знания, в том числе политической социологии и политического менеджмента. Раскрыто содержание понятия "гибридизация". Выявлена роль социологии в этом процессе как "главного донора" политической науки в рассматриваемую эпоху. Определены объектно-предметные области политической социологии и политического менеджмента, их место и роль в механизме функционирования социально-политических систем, в предметном поле политической науки. Сделаны обобщающие выводы.

Ключевые слова: *политическая система, демократия, политическая наука, политическая жизнь, поведенческая революция, гибридизация, политическая социология, политический менеджмент.*

* **Федоркин Николай Семенович,** e-mail: seneca-j@yandex.ru

POLITICAL SOCIOLOGY AND POLITICAL MANAGEMENT IN THE SUBJECT FIELD OF POLITICAL SCIENCE

Fedorkin Nikolay S., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Political Science and Sociology of Political Processes, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: seneca-j@yandex.ru

The article deals with the methodological problems of transformation processes in political science in the late XIX-th-early XX centuries and in the period between the two world wars. The author reveals the causes and origins of the crisis phenomena in political science due to the new political realities in the world and new trends in the political science development. The process of modern political science formation is analyzed in its gradual development (formal-legal, traditional, behavioral and post-behavioral). The special role of the Chicago revolution in political science, which created the environment and the ground for the emergence of the "behavioral" revolution, is revealed. The main program provisions of the "behavioral" revolution are indicated, its results, the main vectors of political science development in the post-behavioral era are revealed.

The role of structural functionalism (G. Almond and his school) in the formation of modern political science is revealed. The article deals with the interaction of political science with related social disciplines, which led to the emergence of some hybrid disciplines of political knowledge, including political sociology and political management. The content of the hybridization concept is revealed. The role of sociology in this process as the "main donor" of political science in the considered era is revealed. Object-subject areas of political sociology and political management, their place and role in the mechanism of socio-political systems functioning in the subject field of political science are defined. Generalizing conclusions are made.

Key words: *political system, democracy, political science, political life, behavioral revolution, hybridization, political sociology, political management.*

Середина предшествующего века в развитии политической науки характеризовалась фундаментальным переосмыслением исторической эпохи между двумя мировыми войнами. Зримое отражение этого явления нашло, например, в концепциях кризиса и "заката западного мира"[1] в творчестве известных философов, культурологов, психологов, социологов О. Шпенглера, А. Тойнби, К. Ясперса и других, которые рассматривали развитие общества в парадигме цикличности и круговорота. Для своего времени, особенно первой половины XX в., эти теории в определенном смысле отвечали умонастроениям послевоенной Европы, но после Второй мировой войны они объективно смещались к периферии сложившихся в мире новых политических реалий и новых тенденций в развитии самой политической науки.

В политических реалиях изменения были действительно глобальными. Они изменили политическую карту мира. Вместо 68 независимых государств, составлявших политическую карту мира в 1945 г., во

[1] См. подробнее, например: *Старостин Б.С.* Проблема модернизации: история и современность // Модернизация и национальная культура. Материалы теоретического семинара. М., 1995. С. 9–11.

второй половине XX в. в процессе деколонизации возникнет еще около ста независимых государств, народы которых находились на разных уровнях исторического, социального, экономического, политического и культурного в широком смысле этого понятия развития. Мир объективно оказался расколот на два победоносных и одновременно враждебных мира с разными общественно-политическими системами. Стран "первого мира" — во главе с США, "второго мира" — Советского Союза и его союзников, и, как тогда называли, "третьего мира" — стран, освобождающихся от колониальной зависимости.

Сложившаяся политическая реальность требовала нового политического знания, способного не только преодолеть социальный пессимизм предшествующей эпохи, но и дать ответы на многочисленные и многоплановые вопросы практической перестройки мира. Возник реальный запрос на создание универсальных политических теорий, вызвавший своеобразный ренессанс политической науки, дальнейшую специализацию политического знания и появление его гибридных областей в качестве относительно самостоятельных учебно-научных дисциплин. Этот процесс, связанный во многом с так называемой "поведенческой революцией", станет "главной трансформацией", которую переживет политическая наука в середине XX столетия[2]. В ходе ее развития сформируются нынешнее понятие политической науки, структура, проявятся ее реальные достижения и не вполне решенные проблемы[3].

В контексте рассматриваемой проблемы следует подчеркнуть, что сложившиеся послевоенные политические реалии все-таки непосредственно не являлись источником трансформаций в политической науке. Они прослеживаются в более ранний период ее собственной истории, связанные с назревавшими в конце XIX в. кризисными явлениями в самой политической науке. Поэтому можно утверждать, что в послевоенный период новые тенденции в развитии политической науки вполне отвечали исторически сложившимся запросам, духу времени.

В чем суть этих новых тенденций в политической науке? Напомним, что в зарождающейся политической науке второй половины XIX в. среди политологов господствовало предположение "о практически полном соответствии между конституционными и правовыми уложениями, касающимися прав и привилегий носителей государственных должностей и их реальными политическими действиями"[4].

---

[2] См.: *Истон Д.* Политическая наука в Соединенных Штатах: прошлое и настоящее // Современная сравнительная политология. Хрестоматия. М., 1997. С. 13.

[3] См. подробнее: *Федоркин Н.С.* Методологический потенциал сравнительных исследований политических систем // Пространство и Время. SUB SPECIE AETERNITATIS. 2013. № 3(13). С. 36–43.

[4] *Истон Д.* Политическая наука в Соединенных Штатах: прошлое и настоящее // Современная сравнительная политология. Хрестоматия. М., 1997. С. 10.

Д. Истон выделял четыре этапа в становлении и развитии современной политической науки в границах конца XIX-го и практически всего XX века. Первый

Из этих представлений можно было делать вывод о том, что знание законов, норм и процедур, управляющих распределением власти в политических системах, является самодостаточным для понимания механизмов их функционирования и, соответственно, самого технологического процесса государственного управления. На этом этапе развития политология в основном ориентировалась на формально-правовой, институциональный подход в исследовании политических реалий. Однако как заметит Д. Истон, "к всеобщему удивлению" уже в конце XIX в. "обнаружилось, что помимо формальной структуры политических должностей и институтов существует многообразие форм неформального поведения и организаций, способных влиять на процесс принятия решений"[5].

Открытый творчеством Вудро Вильсона, немного позднее творчеством Артура Бентли и представителей "чикагской школы" политологии Ч. Мерриама, Г. Госнелла, Г. Лассвелла и других, этот "мир неформальной политической деятельности" для многих политологов той эпохи станет центром внимания и даже, в завышенных оценках, — "основным предметом изучения"[6].

Этот мир неформальной политической деятельности исторически формировался постепенно вместе с укрепляющими свои доминирующие позиции в мировом пространстве современными, т.е. буржуазными государствами. В историческом контексте начало ему положило изучение деятельности неформальных комитетов в составе законодательных ассамблей США и Великобритании, затем изучение политических партий, групп интересов, групп давления, групп внутри самой бюрократии, общественного мнения. Если не вдаваться в подробности, политический процесс на этом этапе, не всегда осознанно, воспринимался как гигантский механизм процесса принятия политических решений. Политическое решение представлялось следствием *взаимодействий*, *борьбы — давлений* различных формальных и неформальных социаль-

---

этап — *формальный* (правовой), условно с середины XIX-го в. до его конца; второй — *традиционный* (неформальный) или *добихевиоралистский* в его интерпретации — охватывает период с конца XIX до середины XX в. Третий — *бихевиоралистский этап* — условно 1950–1960-е годы; четвертый этап — *постбихевиоралистский* — "как реакция на проблемы, порожденные бихевиорализмом" — 70–90-е годы XX столетия. Отметим, что Д. Истон требовал различать понятия *"бихевиоризм"* и *"бихевиорализм"* как имеющие "мало общего между собой". Их объединяет только понимание того, что "методология, основанная на естествознании, применима и к изучению человека" (С. 13). И хотя он рассматривает развитие и проблемы американской политологии, но эти процессы в политической науке в XX в. приобрели всеобщий, интернациональный характер (См. подробнее: *Алмонд Г.А.* Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 86–96).

[5] *Истон Д.* Политическая наука в Соединенных Штатах: прошлое и настоящее. С. 10.

[6] Там же.

ных групп, осуществляемое инструментами переговорного процесса, влияний, согласований, компромиссов. Оно рождалось как производное борьбы параллелограмма политических сил, участвующих в этом процессе, достижением в ходе этой борьбы "точки равновесия" в расстановке политических сил "здесь и сейчас" по отношению к принимаемому политическому решению. Считалось, что это равновесие, достижение компромисса, "между разнонаправленными силами, воздействующими на лиц, принимающих решения"[7] и порождает конкретную политику.

Такое восприятие политического процесса, обусловленное новыми явлениями в социальной, экономической, политической сферах (усложнение видов собственности, увеличение количественного состава правительств и их функций, появление новых политических структур и видов неформальной политической деятельности) направляло мысль политологов на переориентацию акцентов в изучении политики в практическую плоскость. В поле их зрения оказывались проблемы изучения не столько конституционных принципов формирования органов власти, сколько их эффективное использование в управлении государством, "как закон будет проводиться в жизнь научными методами". Утверждалось понимание, что в новых условиях конституционные законы становилось "труднее заставить работать, <…> чем их разрабатывать". Поэтому само время побуждало "к поиску скрытых причин, препятствующих натурализации науки государственного управления"[8], а вместе с этим и многих других проблем политической науки, во многом менявшим представление о ее структуре, проблемном поле и гносеологических возможностях.

Однако на традиционном этапе становления современной политической науки, наметившиеся тенденции в ее развитии не являлись пока доминирующими. Исследования политических процессов оставались во многом описательными, методики сбора и анализа данных использовались крайне мало, методологически осуществлялись на базе юридических, философских и исторических дисциплин. Как заметит Д. Истон, может быть немного категорично, методы в этот период "считались чем-то настолько само собой разумеющимся, что даже не рассматривались как отдельная проблема"[9].

---

[7] *Истон Д.* Политическая наука в Соединенных Штатах: прошлое и настоящее. С. 11.

[8] *Вильсон В.* Наука государственного управления // Классики теории государственного управления: американская школа. М., 2003. С. 25, 26, 31.

В относительно небольшой статье, похожей скорее на проспект будущего исследования, автор не только обосновал необходимость выделения государственного управления в отдельную отрасль науки об управлении, но и наметил ряд проблем, которые войдут в предметную область изучения сравнительной политологии, политической социологии и политической психологии.

[9] *Истон Д.* Политическая наука в Соединенных Штатах: прошлое и настоящее. С. 13.

Заметные изменения в изучении политики в широком смысле этого понятия с приставкой "научное" начинаются в 20–40-е гг. с "чикагской школы политической науки", деятельность которой Г. Алмонд определял как "чикагскую революцию" в области политологии[10].

В исследовании политических процессов ее основатели (Ч. Мерриам, Г. Госнелл, Г. Лассвелл и др.) стали применять передовые для своего времени стратегии междисциплинарных исследований с использованием эмпирических и количественных методов. Причем, такие исследования проводились ими позднее не только в США, но и в ряде европейских стран — в Англии, Бельгии, Германии, Франции. Значение этой школы в становлении современной политической науки состоит и в том, что ее деятельность расширяла спектр научных исследований по политической тематике. В поле зрения научных интересов и исследовательской практики ее основателей в этот период оказались проблемы электорального поведения граждан, изучение массовых коммуникативных процессов, средств массовой информации и связей с общественностью, социального управления и международных отношений. Тематика гражданского воспитания в США и в Европе, которую, как заметит Г. Алмонд, с полным правом можно было назвать предшественницей "современных исследований политической социализации и политической культуры"[11].

И, пожалуй, что не менее важно, новые тенденции в развитии политической науки, генерируемые этой школой, прочно входили в практику исследования политических процессов, создавали, хотя пока и узкую, академическую среду, воспитывали исследователей новой генерации, фактически способствовали становлению важнейшей отрасли политической науки — политической социологии. Своей деятельностью они объективно создавали среду и почву для возникновения так называемой "поведенческой революции". То, что вошло в понятие "поведенческой революции"[12], достаточно широко освещено в отечественной политико-социологической литературе, в том числе и автором этой статьи[13]. Тем не менее, в контексте рассматриваемой проблемы обратим внимание

---

[10] *Алмонд Г.* Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 86.

Отметим, что в своей деятельности представители этой школы имели уже своих талантливых предшественников, заложивших основы для развития политической социологии, антропологии и психологии. К ним уместно отнести О. Конта, А. Токвиля, К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма, В. Парето, Р. Михельса, Г. Моску, М. Острогорского, да и многих других, благодаря которым "исследование политических процессов приобретало собственный способ объяснения".

[11] *Алмонд Г.* Политическая наука: история дисциплины. С. 86.

[12] Часто этот этап, как мы уже отмечали, в соответствии с периодизацией развития современной политической науки Д. Истона, называют бихевиоралистским этапом.

[13] См., например: *Федоркин Н.С.* Специфика социологии международных отношений (СМО) в контексте дискуссий о предмете политической социологии //

на некоторые моменты этого крупного явления в истории современной политической науки, которому, явлению, сопутствовали сложившиеся объективные обстоятельства.

Перед странами-победительницами в послевоенное время объективно вставала проблема освоения стран "третьего мира", сотрудничества с ним, оказания помощи и выбора пути развития. Для принятия стратегических политических решений требовались многосторонние знания об этом новом и многоликом мире. В этом смысле "поведенческая революция" отвечала запросам времени. Ее программа ориентировала на создание подлинно научной эмпирически ориентированной политической теории, способной "объяснять, понимать и, даже, насколько это возможно, предсказывать политическое поведение людей и функционирование политических институтов"[14].

В отличие от своих предшественников, сторонники этого подхода ориентировались на применение более строгих методов сбора и анализа информации, ее отбор и интерпретацию "как это происходит в естественных науках", например, в биологии или физике. Ставилась цель, ни много ни мало, открытия статистических либо динамических закономерностей развития политической жизни. Само понятие политической теории наполнялось конкретно историческим содержанием. Политическая теория мыслилась инструментом анализа реальных политических процессов разных уровней. Крупные разделы политической науки становились предметом исследования так называемых теорий среднего уровня. А глобалистская ориентация политической науки в этот период способствовала разработке общих, "всеобъемлющих" политических теорий, способных быть эффективным инструментом анализа механизмов формирования и функционирования социально-политических систем разных типов. Именно этим, одним из прагматических аспектов, исследователей привлекала внимание структурно-функциональная модель политической системы, которая, как известно, в системе своего специфического понятийного аппарата выделяла *функции*, *социальные роли*, *структуры, политическую культуру,* позволявшие использование их в качестве оснований сравнительных исследований разных типов политических систем, их формальных и неформальных механизмов.

В совокупности это формировало теоретико-методологическую базу для сравнительных исследований "политических систем любого типа, будь они примитивными или передовыми, демократическими и не демократическими"[15]. Эту мысль ясно выразил, например, автор структурно-функциональной модели политической системы Г. Алмонд

Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений. М., 2017. С. 243–263.

[14] *Истон Д.* Политическая наука в Соединенных Штатах: прошлое и настоящее. С. 14.

[15] *Мэр П.* Сравнительная политология: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 312.

в обзоре деятельности комитета по сравнительной политологии, известного своими крупными исследованиями того периода. Стратегическую задачу этого комитета он видел в объединении ученых, изучающих разные страны, и убеждении их в принадлежности к "общей для них науке, занимающейся одними и теми же теоретическими проблемами, предоставляя им одну и ту же методологию исследования"[16].

При этом, как мы уже отметили, методология структурного функционализма позволяла проводить анализ не только незападных политических режимов, но и одновременно "менее формализованных сторон политических процессов" и в самих западных политических режимах, фокусировать внимание исследователей политической жизни на изучении политических партий, групп интересов, электорального поведения, общественного мнения, стимулировать развитие новых специализированных областей политической науки, создание ее унифицированного понятийного аппарата.

Внешняя респектабельность этой политической теории с ее междисциплинарным подходом объяснения механизма функционирования политических систем обратила на себя внимание официальных политических структур США, а затем и стран Западной Европы. Это нашло выражение в привлечении ее наиболее известных сторонников на государственную службу в качестве политических консультантов, либо к изучению на местах стран "третьего мира". Ряд из них, ныне известных политологов и политических социологов, создавали свои труды на основе изучения отдельных стран и регионов "третьего мира", выходя в своих исследованиях далеко за пределы только проблематики теорий модернизаций.

Словом, шел процесс расширения и углубления исследования проблематики политического знания по всем направлениям, ядром которого выступала центральная проблема — выявление условий, способствующих демократическому развитию общества вообще и обществ освободившихся от колониальной зависимости стран, в частности. Именно в годы поведенческой революции на всех ее этапах — бихевиоралистском и постбихевиоралистском (теории "рационального выбора" и "нового институционализма"), или, как еще говорят, поведенченском и постповеденческом этапах, — политическая наука «приобретает характер современной "профессии"»[17] и современной политической науки, остро востребованной временем[18].

---

[16] Цит. по: *Мэр П.* Сравнительная политология: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 312.

[17] *Алмонд Г.А.* Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 90.

[18] Например, к концу 1970-х гг. только в США по проблемам изучения второго и третьего мира специализировались около 18 тысяч социологов, политологов, социальных психологов, экономистов. По информации Б.С. Старостина, структура 20 ведущих американских университетов в 1970-е гг. показывала, "что в среднем

Однако как известно, ее творцам и их оппонентам не удалось создать некую в позитивистском духе политическую науку в стандартах естественных наук, выявить закономерности политического поведения индивидов и социальных групп в их естественно-научной интерпретации. Дело в том, что по своей природе выводы политической науки все-таки остаются "в высшей степени вероятностными"[19]. Это связано с тем, что политические теории, в отличие от теорий естественных наук, в историческом измерении, вступая в противоречие с изменяющимися, иногда очень часто, социально-политическими процессами, быстрее утрачивают свое былое значение. В социальных науках теории не поддаются верификации потому, что сама действительность постоянно меняется. К примеру, далеко не все максимы, сформулированные в свое время Н. Макиавелли, могут быть значимы в изучении современного общества, потому что изучаемое им общество давно исчезло. Из более близкого к нам исторического времени можно привести пример в изменениях (развитии) теорий социальной и политической стратификации К. Маркса, М. Вебера, П. Сорокина, П. Бурдье. Эти изменения от монокритериальной формы социальной и политической стратификации К. Маркса к многокритериальным ее формам у остальных социологов были обусловлены, прежде всего, реальными изменениями в социальной структуре обществ, в методологических подходах исследования, в заметных трансформациях социальных ролей групп в меняющейся общественно-политической жизни.

Это, конечно, не означает, что в исследуемую эпоху политическая наука не сделала крупных шагов в своем развитии. Аморфная и гетерогенная, не имеющая "строго определенного предмета исследования", как оценят ее состояние в середине 1970-х гг.[20], например, Ф.И. Гринстайн и Н.У. Полсби, в конце XX в. она будет демонстрировать свою возросшую зрелость в качестве сложной самостоятельной научной дисциплины. В объяснении политической реальности, еще недавно с "манихейской бескомпромиссностью" противопоставляемом в борьбе различных школ и направлений, она встанет "на путь объединения различных методологических подходов"[21]. Для нее станут характерными тенденции фрагментации специализации и гибридизации политического знания. Фрагментация неизбежно порождала процесс специализации

каждый третий факультет был предназначен для подготовки кадров в данной области, а в некоторых крупных — каждый второй" (см.: *Старостин Б.С.* Проблема модернизации: история и современность // Модернизация и национальная культура. Материалы теоретического семинара. М., 1995. С. 11).

[19] *Гудин Р.И., Клингеманн Х.-Д.* Политическая наука как дисциплина // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 35–36.

[20] Цит. по: *Доган М.* Политическая наука и другие социальные науки // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 113.

[21] *Гудин Р.И., Клингеманн Х.-Д.* Политическая наука как дисциплина // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 37–38.

политического знания, сменяющийся "рекомбинацией специальностей в новые области-гибриды"[22]. Как явление и процесс, гибридизация это слияние не двух дисциплин, а "нескольких областей знания, выросших из разных дисциплин", совмещение этих сегментов знания "в новых специализированных полях"[23].

Процесс плодотворного научного взаимодействия политической науки со смежными социальными дисциплинами приведет к появлению целого ряда гибридных дисциплин политического знания, таких, к примеру, как политическая социология, политическая психология, политическая антропология, политическая культура, политическая география, политический менеджмент и многие другие.

Структурные и качественные изменения в политической науке в конце XX в. были настолько значительными и масштабными, в том числе и в международном, страноведческом аспекте ее специализации и изучении, что они сводили на нет "старую классификацию социальных наук"[24].

Особую роль в этом процессе перекрестного "опыления политической науки" сыграет социология. В 1960-е гг. она станет "главным донором политической науки"[25]. В смежные социальные дисциплины она экспортировала намного больше, чем заимствовала из них. В сравнении с другими "родительскими дисциплинами" гибридизации (политологии, психологии, экономики и др.) ее вклад в процесс специализации политического знания будет более содержательным. Он состоял не только в появлении политической социологии в качестве специализированной области политического знания, но и в разработке теории групп или группового подхода в политике, электоральных предпочтений, теорий политических систем, т.е. фактически формировалось проблемное поле политической социологии, ее структуры. Становилось очевидным, что гибридные специализации "второго поколения" в социальных науках также порождают все новые гибриды, выражая этим "сущностное явление истории науки"[26].

В русле рассматриваемой проблемы сосредоточим внимание на становлении политической социологии как одной из важнейших ги-

---

[22] *Доган М.* Социология среди других социальных наук // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 5.

[23] Там же. С. 12. См. также: *Доган М.* Политическая наука и другие социальные науки // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 116.

[24] В развитие этой идеи М. Доган даже считал необходимым «создать международное "Генеалогическое древо политической науки"», сложившееся к концу столетия. Сам он продемонстрировал эту проблему на основе специфики проблемных полей развития политической науки в таких странах, как Швеция, Норвегия, Финляндия, Индия, США (см.: *Доган М.* Политическая наука и другие социальные науки. С. 117).

[25] *Доган М.* Социология среди других социальных наук. С. 6–7.

[26] Там же. С. 11.

бридных дисциплин политической науки. Как специализированная область политического знания, она представляет собой синтез "областей родительских дисциплин" политологии, социологии, психологии, экономики, теории социальных систем. Признавая при этом, что проблема определения предметных областей и структуры гибридных дисциплин политической науки в отечественном и зарубежном политическом знании продолжает пока оставаться темой незавершенных дискуссий, по крайней мере, имеющей в ее интерпретации многообразие точек зрения.

Тем не менее, можно, по-видимому, считать достаточно убедительной сложившуюся еще к началу 1960-х гг. концепцию политической социологии американского политического социолога М. Липсета, которая в обобщенном виде представлена в его известной работе "Политический человек: социальные основания политики", недавно переизданной в нашей стране. Ее концептуальные принципы фактически упреждали, на наш взгляд, те выводы, к которым к концу века в острой борьбе школ и направлений придет политическая наука.

Содержание этой концепции можно свести к нескольким системообразующим, по существу, методологическим принципам ее построения.

Во-первых, по его мнению, социолог не может представить себе исследование общества, "которое бы не включало политическую систему в качестве существенной части этого анализа", поскольку изучение политических процессов в реалиях предстает частными случаями "более общих социологических и психологических взаимоотношений и зависимостей"[27].

Во-вторых, поэтому и при изучении человека в обществе нельзя разделять на фрагменты и раскладывать "по разным полочкам согласно независимым понятиям и сферам заинтересованности"[28]. Подтверждение этого он находит в изучении политического поведения политической социологией, политической психологией и политической антропологией. Использование ими общих для них концептов, методов, практик этих областей знания при изучении политического поведения граждан скорее демонстрирует, по его мнению, "основополагающее единство всех общественных наук", чем центробежные тенденции в развитии политической науки.

В-третьих, одним из "основных предметов интереса политической социологии" М. Липсет выделял "анализ социальных условий, способствующих демократии", в чем, собственно, видел "свой вклад в понимание демократических политических систем"[29].

---

[27] *Липсет М.* Политический человек: социальные основания политики. Расширенное издание. М., 2016. С. 13.

[28] Там же.

[29] *Липсет М.* Политический человек: социальные основания политики. Расширенное издание. С. 23, 24.

Содержание этого положения фактически раскрывает концептуальное представление автора о структуре политической социологии как специализированной области знания, ее предметной области и отличиях как от политологии, так и от других специализированных областей политической науки. В ее структуру он включал исследование целого ряда проблем этой отрасли политической науки: демократии как "формы общественной системы", проблем легитимности политической власти, факторы стабильности политических систем, политического представительства и электорального поведения, политического участия, изучение политических партий, общественных движений, политических элит, бюрократии, политических конфликтов и кризисов, революций и контрреволюций. Он видел много и других ясно выраженных тем политической социологии, "которые нуждаются в дальнейшей углубленной проработке и изучении"[30].

Но и без учета этого замечания в его концепции предметная область политической социологии, по нашему мнению, просматривается достаточно ясно. В интеллектуальном контексте ее теоретический фундамент, по его мнению, "в большей или меньшей степени" образуют переосмысленные идеи "четырех великих европейцев": Маркса, Токвиля, Вебера и Михельса[31]. Он полагал, что выступавший дискуссионной проблемой вопрос для живших в XIX в. "отцов политической социологии" о доминировании *общества* или *государства* в их взаимодействии с точки зрения современной ему социологии полностью себя исчерпал, но "лежащая в его основе проблема достижения надлежащего баланса между конфликтом и консенсусом" осталась[32].

Более того, эта проблема виделась ему одной из системообразующих тем политической социологии, формирующей должный для "стабильной демократии" механизм функционирования социально-политической системы, создания и поддержания в ней консенсуса, необходимого для демократического общества. Стабильная демократия, в его понимании, должна осознанно "манифестировать конфликт или раскол таким образом", чтобы в политическом процессе могла разворачиваться равноправная борьба политических сил. Чтобы кто-то мог бросать вызов партиям, стоящим у власти и ставить "под сомнение правомерность их пребывания там", чтобы этот процесс при этом имел реальные возможности для оппозиционных сил в границах конвенциальных правил

---

[30] *Липсет М.* Политический человек: социальные основания политики. Расширенное издание. С. 45.

[31] См.: Там же. С. 26.

Из современников социолога, оказавших на "стимулирование" его научных интересов в области "социологии политической жизни", он называет таких звезд политической и социологической науки как Пауль Лазарсфельд, Роберт Мертон, Роберт Даль, Дэвид Трумэн, Герберт Хаймен и др.

[32] *Липсет М.* Политический человек: социальные основания политики. Расширенное издание. С. 25–26.

политической игры, *мирными способами*, осуществлять смену правящих партий. Без признания властью законных прав оппозиции и отношения ее к ним как к своим собственным правам — "не может быть никакой демократии"[33]. Поэтому исследование условий, способствующих демократии и поощряющих ее укрепление факторов, должно предполагать изучение не только системных источников конфликта, но и в равной степени источников консенсуса. Это и есть "особая сфера социологии политической жизни"[34], выступающая, можно сказать, объектом исследования политической социологии.

В отличие от политологии, концентрирующей свое внимание на исследовании институциональных аспектов политики как относительно самостоятельной части политической реальности, политическая социология делает акцент на изучении отношений и взаимозависимостей между социальными и политическими институтами, между социальным строем и политическими институтами[35]. Под определенным углом зрения она исследует социальные механизмы *влияния* общества на государство. Ее внимание сосредоточено на изучении поведенческих аспектов политики, где социальные и политические институты выступают для нее инструментами социального действия. В этом смысле демократическая социально-политическая система рассматривается им как сложный системный "социальный механизм, который позволяет наибольшей возможной части населения *влиять* на основные решения, благодаря возможности делать выбор между соперниками, претендующими на занятие политических постов"[36].

Предметное поле политической социологии в его концепции представлялось, таким образом, как системное исследование социальных механизмов *власти и влияния* в обществе на разных этапах его развития и в разных фазах функционирования социально-политической системы.

Как уже отмечалось ранее, в демократических социально-политических системах властные отношения реализуются как в формальных, так и в неформальных, *неофициальных* формах. В официально правовой форме их реализация регламентируется правовыми нормами и процедурами, выражающими этим их всеобщность, публичность, легитимность, следовательно, и легитимную возможность власти применять всю мощь государственных ресурсов для достижения целеполагания, т.е. выражать волю государства.

Отношения *влияния* в основном реализуются в *неофициальных формах,* "мире неформальной политической деятельности", — влиянием индивидов, социальных групп, неформальных социальных институтов

---

[33] См.: Там же. С. 25, 51–52 и др.

[34] Там же. С. 26.

[35] См.: *Липсет С.М.* Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 204.

[36] *Липсет М.* Политический человек: социальные основания политики. Расширенное издание. С. 51.

на должностных лиц и политические институты посредством *общественного мнения,* совокупностью специфических инструментов, приемов и способов, относимых к понятию "*политические технологии*". Оба вида политических отношений могут осуществляться как в формальных, так и в неформальных формах, хотя условия такого диалога, коммуникации власти и общества, в конечном счете, определяют власти. При этом эти виды политических отношений различаются природой своего происхождения и поддержки, логикой их внутреннего развития и функционирования[37].

В механизме функционирования властных отношений область *неформальной* политической деятельности значительна. В публичном пространстве современных демократий, в зависимости от уровня их развития, "качества" демократии, она фактически создает параллельный вектор в механизме функционирования социально-политических систем. Он включает, к примеру, неформальную составляющую избирательного процесса органов представительной, законодательной и глав исполнительной власти разных уровней, деятельность групп интересов, лоббистскую деятельность, урегулирование внутрисистемных политических конфликтов (организация, технологии и процедуры переговорного процесса), в целом информационно-аналитическое сопровождение структурами гражданского общества процесса принятия политических решений, в том числе и реализации государственной политики.

На рубеже веков эта область публичных форм политических коммуникаций значительно расширяет свои возможности. Социальные сети и новые коммуникативные политические технологии создают предпосылки качественного видоизменения отношений *власти и влияния,* по крайней мере, в возможности. Позволяют гражданам участвовать (влиять) в формировании повестки дня, оперативно выражать свои требования к институтам управления, а последним — быть более прозрачными и ответственными за результаты и последствия своей деятельности[38].

Специфика политических отношений *влияния* состоит в том, что их субъекты в диалоге с государством в достижении поставленных целей лишены возможности использовать статусные, "легитимные" ресурсы[39]. Свои проблемы они решают средствами и методами *политического менеджмента* как особого вида политико-управленческих отношений. Для этого осуществляется целая система организационных, исследовательских, технологических, неформально управленческих и

---

[37] См.: *Амелин В.Н.* Социология политики. М., 1992. С. 13–15.

[38] *См.: Абучакра Р., Хури М.* Эффективное правительство для нового века: реформирование государственного управления в современном мире. М., 2016. С. 14, 97–102.

[39] См.: *Пушкарева Г.В.* Политический менеджмент. М., 2002. С. 16, 21; *Володенков С.В.* Управление современными политическими кампаниями. М., 2012. С. 43–47.

иных мероприятий и действий, реализуемых в форме *политических кампаний,* различного рода гражданских инициатив, способных системой стратегически скоординированных акций изменять политическое поведение граждан (общественности) в интересах субъекта управления *политической кампанией*, превращать эту силу *влияния* активной общественности в механизм встраивания "представительства гражданских интересов в процесс формирования государственной политики"[40].

Конечно, проблема формирования и реализации государственной политики и, следовательно, технологического процесса механизма функционирования социально-политических систем, — явление противоречивое, обусловленное множеством факторов, характерных не только для различных типов форм правления и государственного устройства, но и для каждой социально-политической системы в отдельности[41].

Таким образом, относительно исследуемой проблемы можно сделать некоторые обобщающие выводы. Во-первых, очевидно, что "сфера политической жизни" социально-политической системы является общим объектом исследования политической социологии и политического менеджмента, как и других гибридных социальных дисциплин с приставкой "политическая".

Во-вторых, причастный ко второму поколению гибридных дисциплин, политический менеджмент формирует свое предметное "специализированное поле" совмещением нескольких областей знания, выросших из разных дисциплин социальных наук. Собственно "родительскими" дисциплинами этого гибрида выступают, прежде всего, государственный менеджмент (государственное управление) и социология (скорее, политическая социология), подтверждающая свою особую роль в качестве главного донора политической науки в рассматриваемую эпоху.

В новое гибридное образование государственный менеджмент "экспортировал" ту область знаний управленческих отношений, называемую "*управлением политическими кампаниями*", субъект которых «не может опереться на право "легитимного насилия" и на свои статусные ресурсы для достижения поставленных целей»[42].

---

[40] Государственная политика: Уч. пособ. / Под ред. А.И. Соловьева. М., 2012. С. 64.

[41] По основанию сочетания *политических* и *административных* методов выделяют, например, три основные модели формирования государственной политики. Модель *односторонней коммуникации*, основанной на доминирующей роли государства в формах публичного общения с общественностью, "вплоть до установления тиранического режима". *Конструктивно-совещательную* модель, отражающую "постоянство коммуникаций власти и общества, наличие разнообразных форм соуправления", и *сингулярную модель,* демонстрирующую "спорадический характер поддержания публичных контактов государства с гражданами" (см.: Государственная политика: Уч. пособ. С. 63).

[42] См.: *Пушкарева Г.В.* Политический менеджмент. С. 16.

Политическая социология фактически вводит политический менеджмент в предметное поле "мира неформальной политической деятельности" в социально-политических системах, являющегося частью предметной области политической социологии и фактически главным предметом исследования политического менеджмента. Уместно, в этой связи, еще раз вспомнить мнение Д. Истона, который еще на этапе зарождения этого мира отводил ему, по нашему мнению, несколько завышенное, место основного предмета изучения новой политологии, политической науки.

В-третьих, теоретико-методологические основы политического менеджмента не ограничиваются только составляющими областей знания "родительских" дисциплин гибридизации. Мир исследования политического менеджмента — междисциплинарный. Специфика его предметной области и характер решаемых им задач предполагают широкое использование знаний других смежных социальных дисциплин — политологии и политической психологии, политической антропологии, теорий политических систем, политической культуры. Общих для них при изучении *политического поведения* индивидов и социальных групп концептов, методов и практик, являя собой, тем самым, свидетельство "основополагающего единства всех общественных наук"[43].

Как особый вид политико-управленческих отношений, политический менеджмент во многом представляет собой дисциплину прикладной политической науки, по определению требующей от субъектов управления политическими кампаниями глубоких теоретических, методологических и прикладных знаний, прежде всего, тех социальных наук и их специализированных областей, которые имеют непосредственное отношение к политическому поведению индивидов. Это политология, политическая социология, политическая психология и государственный менеджмент.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абучакра Р., Хури М. Эффективное правительство для нового века: реформирование государственного управления в современном мире. М., 2016.

Алмонд Г.А. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М., 1999.

Амелин В.Н. Социология политики. М., 1992.

Вильсон В. Наука государственного управления // Классики теории государственного управления: американская школа / Под ред. Дж. Шафритца, А. Хайда. М., 2003.

Володенков С.В. Управление современными политическими кампаниями. М., 2012.

Государственная политика: Уч. пособ. / Под ред. А.И. Соловьева. М., 2012.

Гудин Р., Клингеманн Х.-Д. Политическая наука как дисциплина // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М., 1999.

[43] *Липсет М.* Политический человек: социальные основания политики. Расширенное издание. С. 13.

Доган М. Политическая наука и другие социальные науки // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М., 1999.

Доган М. Социология среди социальных наук // Социологические исследования. 2010. № 10.

Истон Д. Политическая наука в Соединенных Штатах: прошлое и настоящее // Современная сравнительная политология. Хрестоматия. М., 1997.

Липсет М. Политическая социология // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972.

Липсет М. Политический человек: социальные основания политики. Расширенное издание. М., 2016.

Мэр П. Сравнительная политология: общие проблемы // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М., 1999.

Пушкарева Г.В. Политический менеджмент: Уч. пособ. М., 2002.

Старостин Б.С. Проблема модернизации: история и современность // Модернизация и национальная культура. Материалы теоретического семинара. М., 1995.

Федоркин Н.С. Методологический потенциал сравнительных исследований политических систем // Пространство и Время. 2013. № 3(13).

Федоркин Н.С. Специфика социологии международных отношений (СМО) в контексте дискуссий о предмете политической социологии // Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений / Под ред. П.А. Цыганкова. М., 2017.

REFERENCES

Abuchakra R., Huri M. Effektivnoe pravitel'stvo dlya novogo veka: reformirovanie gosudarstvennogo upravleniya v sovremennom mire [Effective government for the new century: public administration reforming in the modern world]. M., 2016 (in Russian).

Almond G.A. Politicheskaya nauka: istoriya discipliny [Political science: history of discipline] // Politicheskaya nauka: novye napravleniya [Political science: new directions] / Pod red. R. Gudina, H.-D. Klingemanna. M., 1999 (in Russian).

Amelin V.N. Sociologiya politiki [Sociology of politics]. M., 1992 (in Russian).

Dogan M. Politicheskaya nauka i drugie social'nye nauki [Political science and other social sciences] // Politicheskaya nauka: novye napravleniya [Political science: new directions] / Pod red. R. Gudina, H.-D. Klingemanna. M., 1999 (in Russian).

Dogan M. Sociologiya sredi social'nyh nauk [Sociology among social sciences] // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological research]. 2010. N 10 (in Russian).

Fedorkin N.S. Metodologicheskij potencial sravnitel'nyh issledovanij politicheskih sistem [Methodological potential of political systems' comparative research] // Prostranstvo i Vremya [Space and Time]. 2013. N 3(13) (in Russian).

Fedorkin N.S. Specifika sociologii mezhdunarodnyh otnoshenij (SMO) v kontekste diskussij o predmete politicheskoj sociologii [Particularity of sociology of international relations (SMO) in the context of discussions on the subject of political sociology] // Gibridizaciya mirovoj i vneshnej politiki v svete sociologii mezhdunarodnyh otnoshenij [Hybridization of world and foreign policy in the light of sociology of international relations] / Pod red. P.A. Cygankova. M., 2017 (in Russian).

Gosudarstvennaya politika: Uchebnoe posobie [State policy: Textbook] // Pod red. A.I. Solov'eva. M., 2012 (in Russian).

Gudin R., Klingemann H.-D. Politicheskaya nauka kak disciplina [Political science as a discipline] // Politicheskaya nauka: novye napravleniya [Political science: new directions] / Pod red. R.Gudina, H.-D. Klingemanna. M., 1999 (in Russian).

Iston D. Politicheskaya nauka v Soedinennyh Shtatah: proshloe i nastoyashchee [Political science in the United States: past and present] // Sovremennaya sravnitel'naya politologiya. Hrestomatiya [Modern comparative politics. Chrestomathy]. M., 1997 (in Russian).

Lipset M. Politicheskaya sociologiya [Political sociology] // Amerikanskaya sociologiya. Perspektivy, problemy, metody [American sociology. Prospects, problems, methods]. M., 1972 (in Russian).

Lipset M. Politicheskij chelovek: social'nye osnovaniya politiki. Rasshirennoe izdanie [Political man: the social bases of politics. Extended edition]. M., 2016 (in Russian).

Mer P. Sravnitel'naya politologiya: obshchie problemy [Comparative political science: general problems] // Politicheskaya nauka: novye napravleniya [Political science: new directions] / Pod red. R. Gudina, H.-D. Klingemanna. M., 1999 (in Russian).

Pushkareva G.V. Politicheskij menedzhment: Uchebnoe posobie [Political management: Textbook]. M., 2002 (in Russian).

Starostin B.S. Problema modernizacii: istoriya i sovremennost' [The problem of modernization: history and modernity] // Modernizaciya i nacional'naya kul'tura. Materialy teoreticheskogo seminara [Modernization and national culture. Materials of the theoretical seminar]. M., 1995 (in Russian).

Vil'son V. Nauka gosudarstvennogo upravleniya [Public administration science] // Klassiki teorii gosudarstvennogo upravleniya: amerikanskaya shkola [Classics of public administration theory: American school] / Pod red. Dzh.S hafritca, A. Hajda. M., 2003 (in Russian).

Volodenkov S.V. Upravlenie sovremennymi politicheskimi kampaniyami [Management of modern political campaigns]. M., 2012 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-227-246

ЦЕННОСТИ И ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ (2012, 2018 гг.): ПОСТОЯНСТВО И ИЗМЕНЧИВОСТЬ

Ю.П. Аверин, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

В.А. Сушко, канд. социол. наук, доц., доц. кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234**

На протяжении многих лет кафедра методологии социологических исследований разрабатывает проблему ценностного измерения российского общества и связь его ценностной структуры с политическим поведением граждан. Результаты проведенных исследований опубликованы в ряде статей в научных журналах[1]. Результаты последнего исследования данной проблемы представлены в данной статье.

На основе эмпирических данных двух социологических исследований, проведенных по единой методике с использованием метода личного анкетирования, в апреле 2012 г. и мае 2018 г. — почти сразу после выборов Президента РФ, — в статье анализируется структура ценностей городских избирателей России, оказывающая влияние на их отношение к участию в президентских выборах, к выдвинувшимся на них кандидатам. Рассматриваются социально-экономические и социально-политические условия в России и их влияние на структуру ценностей городских избирателей. Выявляются причины того, почему при ухудшении экономического положения избирателей в 2018 г. по сравнению с 2012 г., меньшее количество городских избирателей участвовало в выборах и существенно большее их количество проголосовало за В. Путина.

В статье показано, что структура ценностей городских избирателей остается преимущественно "материалистической" (по Р. Инглхарту), при этом в ней усиливается роль "постматериалистических" ценностей. Раскрыто влияние ценностной структуры избирателей на их участие в голосовании на президентских выборах и на поддержку того или иного кандидата. На основе сравнения результатов президентских выборов в 2012 и 2018 г. показано, что за 6 лет идеологический спектр кандидатов расширился и стал выражать более

* **Аверин Юрий Петрович**, e-mail: marfenka28@gmail.com

** **Сушко Валентина Афанасьевна**, e-mail: valentina.sushko@gmail.com

[1] *Аверин Ю.П., Добреньков В.И., Добренькова Е.В.* Качество жизни российских граждан и его влияние на их политические и экономические предпочтения: по результатам социологического исследования. М., 2013.

широкий диапазон политических взглядов на дальнейшее развитие российского общества и государства — от крайне либеральных, демократических, до крайне консервативных, тоталитарных, что является существенной особенностью современной российской партийно-политической системы. Середину этого спектра представлял либеральный консерватизм В. Путина и его поддержка в 2018 г. отражает сдвиг ценностей городских избирателей от крайне правых и крайне левых к середине — к либеральному консерватизму.

Выявлено, что в рамках "материалистической" структуры ценностей городских избирателей, ценность материального достатка не играет существенной роли при выборе избирателями будущего развития России. На первом месте находится ценность бескорыстного патриотизма и семьи. Сложные политические условия, в которых оказалась Россия в 2018 г., придали патриотизму избирателей воинственный характер, который отсутствовал в 2012 г., что в еще большей степени объединило российское общество вокруг В. Путина и стало причиной существенного роста его поддержки со стороны избирателей. Либеральная составляющая консерватизма в программе В. Путина — расширение экономических, политических и духовных свобод — привела к его поддержке со стороны умеренно либеральных избирателей. Все это вместе предопределило самый большой успех В. Путина на выборах Президента РФ в 2018 г.

Ключевые слова: *структура ценностей избирателей, участие в выборах, отношение к кандидатам на выборах.*

VALUES AND ELECTORAL BEHAVIOR OF RUSSIAN CITIZENS AT PRESIDENTIAL ELECTIONS (2012, 2018): CONSTANCY AND VARIABILITY

Averin Yury P., Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociological Research Methodology, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: marfenka28@gmail.com

Sushko Valentina A., Associate Professor, Candidate of Sociology, Associate head of the department at Faculty of Sociology of Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: valentina.sushko@gmail.com

Based on the empirical data of two sociological studies conducted in accordance with the uniform methodology using the personal questionnaire method in April 2012 and May 2018 (almost immediately after the election of the President of the Russian Federation), the article analyzes the structure of values of Russian urban voters, influencing their attitude to participation in the presidential elections and to the competing candidates. The socio-economic and socio-political conditions in Russia and their influence on the structure of values of urban voters are considered in the article. The article reveals the reasons why the fewer urban voters participated in the elections and a much larger number of them voted for Vladimir Putin when the economic situation of voters deteriorated in 2012 compared to 2018.

The article shows that the structure of values of urban voters remains predominantly "materialistic" (according to Ronald Inglehart). The influence of the value structure of voters on their participation in voting at the presidential election and on the support of a certain candidate is revealed. On the basis of comparing the results of the presidential

elections in 2012 and 2018, it is shown that during 6 years the ideological spectrum of candidates has expanded and began to express a wider range of political views on the further development of Russian society and state — from extremely liberal, democratic to extremely conservative, totalitarian, which is essential feature of the modern Russian party and political system. The middle of this spectrum was represented by liberal conservatism of Vladimir Putin, and his support in 2018 reflects a shift in the values of urban voters from the extreme right and the extreme left to the middle, toward liberal conservatism that is becoming inherent in an increasing number of urban voters.

It is revealed that within the framework of the "materialistic" value structure of urban voters, the value of material wealth does not play a significant role when voters choose the future development of Russia. The value of unselfish patriotism and family is in the first place. The difficult political conditions in Russia in 2018 gave the voters patriotism a militant character that was absent in 2012. It united Russian society around Vladimir Putin even more and was the cause of a significant increase in his support from voters. Liberal component of conservatism in the program of Vladimir Putin (the expansion of economic, political, and spiritual freedoms) led to his support from moderately liberal voters. All these factors together predetermined the great success of Vladimir Putin in the presidential elections in Russia in 2018.

Key words: *values structure of voters, participation in elections, attitude to candidates in elections.*

Анализ влияния структуры ценностей городского населения России на его отношение к участию в выборах Президента Российской Федерации является в настоящее время актуальным в связи с существенными изменениями в электоральном поведении российских граждан, произошедшими в российских городах в 2018 г. по сравнению с 2012 г. — снижением уровня участия городских избирателей в выборах и увеличением количества избирателей, проголосовавших за В. Путина[2].

Результаты голосования за В. Путина на президентских выборах 2012 и 2018 гг. выглядят противоречиво с точки зрения изменений социально-экономических условий в России за этот период. До 2012 г. экономическое положение российского населения улучшалось быстрыми темпами[3]. В конце 2014 г. Россия вошла в новый экономический кризис, который существенно подорвал экономическое положение появившегося в России среднего класса, сосредоточенного в основном в городах[4]. Увеличилось количество российских граждан, проживающих за чертой бедности.

---

[2] Явка ниже, чем в 2012 г.: почему новосибирцы не захотели пойти на выборы. Информационное агентство Regn. URL: https://regnum.ru/news/2392571 (дата обращения: 24.11.2018).

[3] Какова реальная средняя зарплата в России — врет ли Росстат? Независимая журналистика. URL: http://iqreview.ru/economy/average-salary-in-russia-2015/#___2014-2015 (дата обращения: 03.11.2018).

[4] От 60 до 120: сколько зарабатывает средний класс в России // РБК. URL: https://www.rbc.ru/economics/18/06/2018/5b27bf829a794710796bbfe5 (дата обращения: 15.12.2018).

За шесть лет, с 2012 по 2018 г. сильно изменилось социально-политическое положение России. Это изменение носило противоречивый характер. С одной стороны, Россия успешно провела зимние Олимпийские игры в 2014 г. Результативно проведена военная операция в Сирии по борьбе с террористической организацией ИГИЛ (запрещена в РФ). Крым вошел в состав Российский Федерации. С другой стороны, Соединенные штаты Америки и страны Европейского Союза не признали присоединение Крыма к России и наложили на нее экономические санкции, которые к 2018 г. только усиливались. Отравление Сергея Скрипаля и его дочери Юлии 4 марта 2018 г. в Солсбери (Великобритания) и обвинение в этом России еще больше усилило напряженность в ее отношениях с западными странами.

Таким образом, в благоприятных социально-экономических и социально-политических условиях в выборах Президента РФ в 2012 г. участвовало больше городских избирателей, а количество голосов, поданных за В. Путина, было существенно меньшим по сравнению с 2018 г. В неблагоприятных социально-экономических и социально-политических условиях, сложившихся в России к 2018 г., в городах наблюдалось уменьшение количества российских избирателей, участвовавших в выборах Президента РФ, а количества голосов, поданных за В. Путина в 2018 г. увеличилось. Объяснение данному противоречию может дать анализ изменений в структуре ценностей городского населения России, произошедших за предыдущие шесть лет в сложившихся за этот период условиях. Этот анализ позволит понять особенности воздействия ценностей российского населения на его электоральное поведение.

Методология. Электоральное поведение в широком смысле рассматривается как совокупность действий и поступков граждан, связанных с осуществлением местных или общенациональных выборов в органы власти, а также их участием в референдумах. В узком смысле электоральное поведение понимается как процесс принятия решений гражданами относительно своего участия в выборах и голосования за те или иные политические силы и кандидатов[5]. В политической науке электоральное поведение рассматривается как форма политического поведения[6].

Для того чтобы понять причины участия или неучастия российских граждан в выборах и предпочтения какому-либо кандидату, необходимо определить какой модели электорального поведения следовал российский избиратель. К настоящему времени предложено несколько теоретических моделей, позволяющих объяснить электоральное поведение. Одной из классических моделей является *социологическая*

---

[5] Электоральное поведение. Фонд знаний "Ломоносов". URL: http://lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0126698 (дата обращения: 03.11.2018).

[6] *Шестопал Е.Б.* Психологический профиль российской политики 1990-х. М., 2000. С. 123.

модель. В рамках данной модели это поведение объясняется посредством влияния социальной дифференциации на формирование электорального выбора избирателей. При таком подходе решающим фактором выбора является принадлежность избирателей к той или иной социальной группе в обществе, в соответствии с которой они формируют свой электоральный выбор[7].

В последующие годы исследования показали изменчивость электорального поведения, которую не может объяснить социологическая модель. *В связи с этим была предложена социально-психологическая модель э*лекторального поведения, основателями которой считаются А. Кэмбелл, У. Миллер и Ф. Конверс[8]. В основе данной модели лежит представление о том, что *электоральный выбор избирателя является демонстрацией своего эмоционального отождествления с той или иной политической силой под воздействием установок по отношению к кандидатам, политическим курсам, а также зависит от характера связи между партиями и социальными группами*. Ряд исследований электорального поведения избирателей в 90-гг. XX в. российскими социологами показали, что избиратели оценивают кандидата с точки зрения своих партийных предпочтений, основанных на идеологических взглядах кандидата. В то же время последующие выборы показали, что для российских избирателей характерна неустойчивость идеологических и электоральных предпочтений[9].

Социально-психологическая модель показала свою объяснительную силу в тех странах, где преобладает устойчивая двухпартийная модель политической системы. Однако в условиях многопартийной политической системы, где существуют политически значимые партийные различия, как в России (левый — правый, религиозный — светский, авторитарный — либеральный), влияние партийного отождествления на электоральный выбор избирателей становится неоднозначным. В этих условиях социально-психологическая модель электорального поведения имеет ограниченную объяснительную силу.

Во второй половине XX в. у*чеными для объяснения электорального поведения была предложена модель рационального выбора. Она основана на предположении о рациональном поведении избирателей, которые голосуют за ту политическую силу, победа которой принесет им наибольшую выгоду*. Причем основным критерием оценки этих результатов могут являться успехи в экономике[10].

---

[7] *Lipset S., Rokkan M.* Cleavage structures, party systems and voter alignments. An introduction // Party Systems and Voter Alignments. N.Y., 1967.

[8] *Campbell A. et al.* The American Voter. N.Y., 1960.

[9] *Милешкина Е.Ю.* Российский избиратель: установки и выбор // Первый электоральный цикл в России (1993–1996). М., 2000; *Попова О.В.* Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПб., 2002.

[10] *Duch R.* Economic vote: how political and economic institutions condition election results. Cambridge, 2008.

Каждая из рассмотренных моделей имеет свои достоинства и свои ограничения в описании электорального поведения и не способна полностью объяснить его. Оно является результатом воздействия на избирателей сложного сочетания социально-экономических и социально-политических условий, в которых они находятся, особенностей их исторического опыта, политической культуры. Насущной представляется разработка интегрального подхода. В рамках данного подхода в качестве независимой переменной, выражающей особенности избирателей, определяющие их электоральное поведение, могут выступать различия в их ценностной структуре. Именно структура ценностей избирателей описывает результирующее состояние сознания, формируемое под воздействием долгосрочных и краткосрочных исторических, культурных, социально-политических и социально-экономических факторов. При этом необходимо ответить на вопросы: каким образом структура ценностей определяет электоральное поведение избирателей и как она встраивается в ту или иную модель электорального поведения.

Для решения данной задачи целесообразно рассмотреть концепцию политической культуры, предложенную Р. Инглхартом, содержание которой он связал с процессом модернизации[11]. В рамках этого процесса он проводит различия между "материалистами" и "постматериалистами" в зависимости от их ориентации на определенные ценности. Для материалистов это преимущественно экономическое благополучие, семья, безопасность. Они больше ценят уровень жизни, порядок, законность. Для постматериалистов это преимущественно личностная независимость, права и свободы человека, экология, и они больше ценят качество жизни, политическое участие. Переход от материалистических ценностей к постматериалистическим будет происходить по мере смены поколений. В значительной степени это произошло в Западной Европе и Северной Америке[12] и начинает происходить в Восточной Европе[13].

С концепцией Р. Инглхарта связан подход к пониманию особенностей участия в голосовании на выборах и предпочтения какому-либо кандидату С. Хантингтона[14], который выделяет автономное (сознательно обусловленное) и мобилизационное (под давлением государства, манипулирования, страха, подкупа, долга, экономического, административного и иного принуждения) участие граждан в политических действиях. Автономное участие граждан в политических действиях основано на постматериалистических ценностях, характерных для постмодерна, а мобилизационное — на материалистических ценностях, характерных для индустриального общества.

---

[11] *Инглхарт Р.* Меняющиеся ценности, экономическое развитие и политические перемены // Международный журнал социальных наук. 1996. № 12. С. 48.

[12] *Inglehart R.* Culture shift in advanced industrial society. Princeton; N.Y., 1990.

[13] *Inglehart R.* Modernization and Postmodernization. Princeton, 1997.

[14] *Huntington S.P.* Political order in changing societies. New Haven; L.; Yale, 2006.

Следуя рассуждениям Р. Инглхарта и С. Хантингтона, в рамках рациональной модели поведения процесс модернизации сопровождается переходом от модели эгоцентричного, инструментального, мобилизационного электорального поведения, основанного на личных экономических интересах, к социотропной модели, основанной на общих интересах, оценке положения дел в стране в целом. При этом данная оценка строится на постматериалистических ценностях, порождающих автономное электоральное поведение.

Эмпирический анализ функциональной связи ценностей и электорального поведения российских избирателей на основе рассмотренных подходов позволит понять, какая модель присуща российским избирателям, какие изменения она претерпела за последние шесть лет, и, тем самым, определить, на каком этапе развития находится российское общество, как в нем протекает процесс модернизации. Для решения данной задачи необходимо соотнести структуру ценностей избирателей с теми моделями электорального поведения, с которыми она может быть связана.

Клайд Клакхон определил ценность как "осознанное или неосознанное, характерное для индивида или для группы индивидов представление о желаемом, которое определяет выбор целей (индивидуальных или групповых) с учетом возможных средств и способов действия"[15]. Данные общие подходы к пониманию ценностей выражают сходное представление о влияние ценностей в ситуации выбора индивидом своих действий.

Для выделения тех ценностей, которые имеют функциональную связь с электоральным поведением, обратимся к подходам тех ученых, которые рассматривали ценности на инструментальном уровне. Одним из таких ученых является Милтон Рокич[16]. Он определял ценности в их иерархическом отношении как структуру, в которой отдельные ценности имеют различную интенсивность. Для выделения ценностей с точки зрения их функциональных связи с электоральным поведением следует обратиться к интраперсональным ценностям, которые выделяет М. Рокич, так как они ориентированы на личность, выражают предпочитаемые конечные цели ее существования. Реализация или не реализация этих целей зависит в определенной степени от того, кто придет к власти, и понимание этого ориентирует индивида участвовать или нет в голосовании, на то, какого кандидата выбирать. При этом важно выбрать те ценности, содержание которых может быть соотнесено с моделями электорального поведения. К данным ценностям правомерно отнести такие ценности, как здоровье, материально обеспеченная жизнь, продуктивная жизнь, развлечения, свобода, счастливая семейная жизнь.

---

[15] *Kluckhohn C.* Values and value orientations in the theory of action // Toward a general theory of action / Ed. by T. Parsons, E.A. Shils. Cambridge; Harvard, 1951. P. 395.

[16] *Rokeach V.* The nature of human values. N.Y.; L., 1973. P. 3.

Представление о том, какая политическая сила способна обеспечить достижение этих целей, определяет электоральное поведение индивида.

Опираясь на теорию М. Рокича, свою классификацию ценностей предложил Шалом Шварц[17]. По его мнению, с одной стороны, ценности можно рассматривать на социальном уровне как определенные нормативные идеалы, а с другой — на индивидуальном уровне как приоритеты конкретных индивидов. В зависимости от цели, которую они желают достигнуть, индивиды соответствующим образом действуют. Ш. Шварц выделяет десять ценностей, соответствующих основным целям индивида. Содержательно они во многом пересекаются с ценностями, предложенными М. Рокичем. При этом Ш. Шварц, с одной стороны, сужает классификацию ценностей, с другой стороны, добавляет в нее свои ценности, исходя из их мотивационной природы. Для исследования нашей проблемы, прежде всего, важно выделить такие добавленные им ценности, как безопасность и традиции.

Советские и российские ученые ориентировались в своих исследованиях ценностей на подходы М. Рокича и Ш. Шварца, адаптируя их к советским и российским особенностям[18].

Использование для эмпирического исследования системы ценностей, предложенных М. Рокичем и Ш. Шварцем, связано с несколькими проблемами. Во-первых, в своих работах они не раскрывают операционального содержания исследуемых ценностей, ограничиваясь их использованием в виде общих концептуальных понятий. В таком виде это затрудняет измерение состояния ценностной структуры, так как индивиды могут толковать эти понятия субъективно и неоднозначно, что снижает достоверность исследования. Во-вторых, нельзя признать классификацию, предложенную М. Рокичем и Ш. Шварцем, полной. В ней в явном виде отсутствуют такие ценности, которые определяют действия индивида, в том числе его электоральное поведение, как любовь к Родине и стабильность. Тем не менее, их классификация позволяет выделить те ценности, которые имеют функциональную связь с электоральным поведением. Данные ценности были операционализированы и получили инструментальное выражение в анкете.

Выводы и результаты. Для изучения структуры ценностей и их влияния на модели электорального поведения российских граждан, степени их постоянства и изменчивости в различных социально-политических и социально-экономических условиях проведены два анкетных квартирных опроса городских избирателей по единой методике в апреле 2012 г. и июле 2018 г. после выборов Президента РФ. Выборка: территориальная, гнездовая, квотная (по полу, возрасту). Численность выборочной совокупности в 2012 г. составила 705 человек в 21 цент-

---

[17] *Шварц Ш.* Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. 2008. № 2. С. 37–67.

[18] Динамика ценностей населения реформируемой России. М., 1996.

ральном городе, в 2018 г. — 1200 человек в 6 центральных городах, что обеспечило представительность результатов исследования к городскому населению России в возрасте от 18 лет и старше по полу, возрасту, образованию, территориальному расселению с погрешностью ± 4%. В анкете использовались два блока вопросов. Первый блок состоял из вопросов, относящихся к оценке ценностей в их инструментальном выражении. В 2012 г. этот блок состоял из восьми вопросов, касающихся следующих ценностей: счастливой семейной жизни, гедонизма, познания, творчества, материальной обеспеченности жизни, здоровья, патриотизма. В 2018 г. в этот блок были добавлены вопросы, касающиеся безопасности, свободы и стабильности. Исследования финансировались социологическим факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова. Второй блок состоял из вопросов, относящихся к оценке социально-демографического, социально-образовательного и материального положения городского населения России.

Результаты исследования позволили проследить изменение структуры ценностей городского населения в период с 2012 по 2018 г. и характер их влияния на поведение избирателей в зависимости от состояния социально-политических и социально-экономических условиях в России.

Ценностная структура городских избирателей в 2012 г. Для того чтобы ответить на вопрос о том, каким образом зависит отношение избирателей к голосованию и выбору кандидатов от их ценностной структуры, проведен ее анализ. Факторный анализ позволил выявить латентные переменные, которые описывают типологическую структуру ценностей городских избирателей и вес каждого из ее типов. В соответствии с концепцией политической культуры Р. Инглхарта в целом ценностная структура городских избирателей является в преобладающей степени "материалистической", так как в пространстве их ценностей значительный вес имеют, во-первых, ценность материально обеспеченной жизни; во-вторых, ценность семьи. Иными словами, для городских избирателей характерна преобладающая роль инструментальной рациональности, присущей индустриальному обществу. "Постматериалистические" ценности также присутствуют в пространстве ценностей городских избирателей. Это познание и творчество, но их значимость ниже по сравнению с материалистическими ценностями.

При этом молодые люди являются большими материалистами, чем старшее поколение. Для них инструментальная рациональность, присущая индустриальному обществу, характерна в еще большей мере, чем для старшего поколения. Значимость духовных составляющих, характерных для "постматериалистов", среди людей старшего возраста выше чем у молодежи. Это свидетельствует о большей, по сравнению со старшим поколением, рациональности молодежи, которая считает постижение интеллектуального и духовного наследия предшествующих

поколений (литература, наука, музыка, живопись) не столь важным для достижения своих творческих целей. Молодежь, по сравнению со старшими поколениями, хочет больше иметь и меньше знать. Духовная сторона жизни ее волнует меньше, чем материальная. Насыщение российского общества потребительскими ценностями, стремление обладать ими, жить комфортно вытесняют духовные ценности жизни, умаляют их значимость для молодежи. Говорить о переходе российской молодежи от материалистических ценностей к постматериалистическим в сравнении со старшим поколением вряд ли можно.

Влияние ценностной структуры городских избирателей на отношение к участию в выборах Президента РФ в 2012 г. Рассмотрим, как ценностная структура городских избирателей влияет на отношение к участию в голосовании. Бескорыстный патриотизм в наибольшей степени влияет на уровень участия городских избирателей. Душевная привязанность к России, любовь к ней ведут людей на выборы Президента России. Значимость создания крепкой дружной семьи также подвигает людей идти на выборы, так как они связывают это с политикой Президента. Значимость творчества и познания мало влияет на участие городских избирателей в выборах, так как они слабо связывают наличие возможностей в постижения духовного наследия и реализации своих творческие способностей с политикой властей. Значимость комфортной жизни снижает уровень участия в выборах Президента России.

Таким образом, на выборы Президента РФ в 2012 г. пришли в большей мере те люди, для которых важным является душевная привязанность к России, любовь к ней, забота о благополучии семьи и детей, в меньшей степени те, для которых важным является комфортная жизнь. Важность достижения материального достатка и укрепления здоровья, значимость воинственного патриотизма и антипатриотизма не влияли на участие граждан в голосовании на выборах Президента РФ в 2012 г. Следовательно, отношение к участию в выборах Президента РФ граждане не связывали с состоянием своих материальных проблем и проблем со здоровьем, их решением, ибо эти проблемы находятся в круге личных интересов граждан. Президент РФ, во многом, выводится ими за рамки этого круга и воспринимается гражданами как выразитель интересов российского народа и государства в целом.

Влияние ценностной структуры городских избирателей на отношение к кандидатам в Президенты РФ на выборах в 2012 г. Рассмотрим, как ценностная структура городских избирателей влияет на отношение к кандидатам. В 2012 г. в выборах Президента РФ участвовали пять кандидатов — Владимир Жириновский, Геннадий Зюганов, Сергей Миронов, Михаил Прохоров, Владимир Путин. Программы этих кандидатов позволяют достаточно определенно выделить пути развития страны, олицетворяемые данными кандидатами. Это левый путь развития, "революция слева", которую олицетворял Геннадий Зюганов; правый путь

развития, "революция справа", которую олицетворял Михаил Прохоров; унитарный путь развития, "унитарная революция", которую олицетворял Владимир Жириновский; социал-демократический путь развития, "социал-демократическая революция", которую олицетворял Сергей Миронов; "серединный путь"[19] развития, без революции, который олицетворял Владимир Путин. В данном исследовании "серединный путь" развития имеет несколько измерений. Он понимается как такая линия развития государства и общества, которая находится между левым путем развития, олицетворяемым Г. Зюгановым, и правым, либеральным путем, олицетворяемым М. Прохоровым; между унитаризмом и национализмом В. Жириновского и космополитизмом М. Прохорова; между социал-демократическим путем развития, который олицетворяет Сергей Миронов, и правым путем, олицетворяемым М. Прохоровым. Хотя каждый из данных путей имеет ряд сходных составляющих, однако указанные их обозначения выражают, на наш взгляд, в обобщенном виде те составляющие развития страны, предложенные кандидатами, которые существенно отличают эти пути друг от друга[20].

Выборы Президента РФ в 2012 г. выявили следующие тенденции в характере влияния ценностей на выбор кандидата.

В. Путину оказали существенно больше среднего значения поддержку те российские избиратели, для которых важнее всего был бескорыстный патриотизм, создание крепкой дружной, счастливой семьи, уверенность в будущем благополучии своих детей; несколько больше среднего значения — те избиратели, для которых важнее всего было постижение духовного наследия предшествующих поколений для реализации своих творческих способностей; существенно меньше среднего значения — те избиратели, для которых значим антипатриотизм. Программа "серединного пути" развития, которую В. Путин предложил избирателям в ходе предвыборной компании, олицетворяла для абсолютного большинства избирателей патриотическое отношение к России, уважение духовного наследия предшествующих поколений, поддержку семьи, благополучие детей, возможности для творчества, отказ от революций, развитие демократии, открытость российской экономики под контролем государства, поддержку слабых, уменьшение материального неравенства, адресную и эффективную социальную политику, социальное равенство в получении образования и медицинского обслуживания, преодоление сепаратизма и сращивания власти с криминалом, стратегию национальной политики, основанную на

---

[19] Об использовании данного термина по отношению к социально-экономическому курсу В. Путина см. статью: *Межуев Б., Бенедиктов К., Дробницкий Д.* Государственный консерватизм в формате политической конкуренции // НГ-ПОЛИТИКА. 2012. 7 февр.

[20] *Аверин Ю.П., Добреньков В.И., Добренькова Е.В.* Качество жизни российских граждан и его влияние на их политические и экономические предпочтения… С. 54–71.

гражданском патриотизме, недопустимость вмешательства извне в дела России. В 2012 г. существовало "единство абсолютного большинства" по поводу "серединного" пути развития российского общества и государства, который предлагал В. Путин. Существенно меньше среднего значения оказали ему поддержку те российские избиратели, для которых важнее всего жить комфортно, ни в чем себе не отказывая[21].

Г. Зюганову оказали существенно больше среднего значения поддержку те российские избиратели, для которых важнее всего крепкое здоровье и желание прожить как можно дольше; меньше среднего значения — те избиратели, для которых значим антипатриотизм. База поддержки Г. Зюганова распределена очень неравномерно среди различных социальных групп. Абсолютное большинство граждан, среди поддержавших Г. Зюганова, составляли люди в возрасте от 35 лет и старше, причем преобладающая возрастная группа среди них — люди в возрасте от 45 до 64 лет. Они имели высшее или среднее специальное образование. В начале 1990-х гг. данная группа людей находилась в молодом возрасте, т.е. в начале своего трудового пути. В процессе перехода от плановой к рыночной экономике эти социальные группы пострадали в наибольшей степени, материально и морально, от разрушения и закрытия промышленных предприятий, резкого падения и задержек заработной платы, утраты профессиональных навыков и престижа в обществе, фактически, потери будущего. Политические и экономические разрушения 1990-х, связанные с распадом Советского Союза, обесценили их трудовой потенциал, разрушили их жизненные планы, не позволили им осуществиться.

М. Прохорову оказали существенно больше среднего значения поддержку те российские избиратели, для которых важнее всего возможность жить комфортно, ни в чем себе не отказывая, и значимость антипатриотизма. В своей предвыборной программе за основу переустройства экономической системы России М. Прохоров взял идеологию экономического либерализма, провозглашающую приоритет прав частной собственности и сведение до минимума государственного регулирования экономики, обеспечение свободы частного предпринимательства. В этой программе сочетались культурный либерализм, который выступает против государственного регулирования в сфере литературы, искусства, вмешательства государства в личную жизнь, за сексуальную, религиозную, академическую свободу, и социальный патернализм, с точки зрения которого государство должно обеспечивать социальную справедливость в доступе людей к реализации необходимых потребностей. В целом все это означает "революцию справа".

База поддержки М. Прохорова в большинстве своем присутствовала в тех группах, которые являются относительно немногочислен-

---

[21] *Аверин Ю.П., Добреньков В.И., Добренькова Е.В.* Качество жизни российских граждан и его влияние на их политические и экономические предпочтения… С. 54–71.

ными, — среди предпринимателей, менеджеров, студентов. В массовых социальных группах — среди работников производственной сферы, образования, здравоохранения, науки, культуры и социального обеспечения, торговли, бытовых услуг, ЖКХ — база поддержки М. Прохорова была представлена незначительно. Абсолютное большинство граждан, поддерживающих М. Прохорова, составляют люди в возрасте до 44 лет, причем большая их часть — люди в возрасте до 34 лет. Более половины этих граждан имеет высшее образование. Абсолютное их большинство получало образование и вступало в трудовую жизнь в период упрочения рыночной экономики, когда заканчивался самый разрушительный этап ее формирования. В России начинался экономический подъем, заработали промышленные предприятия, финансовые учреждения, начался рост заработной платы, и у этих граждан появилась возможность найти себя, построить успешную карьеру. Политические и экономические разрушения 1990-х гг., связанные с распадом Советского Союза, коснулись их значительно меньше, чем людей старшего возраста. Прошлый жизненный опыт не довлел над ними. М. Прохоров стал для них олицетворением возможностей рыночной экономики. В то же время, существенно меньше среднего значения оказали поддержку М. Прохорову те российские избиратели, для которых важнее всего ценность семьи и здоровья. Для них М. Прохоров никак не ассоциировался с семьей и детьми. Он стал символом дикого капитализма, несправедливой приватизации государственной собственности, разрушения государственного здравоохранения, и его коммерциализации, распущенности в личной жизни[22].

В. Жириновскому оказали существенно больше среднего значения поддержку те российские избиратели, для которых важнее всего жить комфортно, ни в чем себе не отказывая. В. Жириновский в сознании голосующих за него российских избирателей во многом олицетворялся с комфортной жизнью и мало олицетворялся с семьей. Главной особенностью предвыборной программы В. Жириновского являлось закрепление на конституционном уровне значимости, первенствующего положения русского народа как государствообразующего, обеспечивающего общественное единство, замена национально-республиканского устройства страны на территориально-административное, устранение в нем национальных составляющих, т.е. осуществление "унитарной революции" в России. База поддержки В. Жириновского в основном присутствовала среди относительно немногочисленных социальных групп — менеджеров и студентов. Сторонники В. Жириновского в большей степени присутствуют в тех регионах, которые имеют многонациональный состав населения, где на их узкие жизненные возможно-

[22] *Аверин Ю.П., Добреньков В.И., Добренькова Е.В.* Качество жизни российских граждан и его влияние на их политические и экономические предпочтения… С. 23–34.

сти накладывается чувство национальной ущемленности. Абсолютное большинство граждан, поддерживающих В. Жириновского, составляли люди в возрасте до 44 лет, причем большая их часть — люди в возрасте до 34 лет. Среди них больше граждан, имеющих среднее специальное образование, и меньше — имеющих высшее образование.

С. Миронову оказали существенно больше среднего значения поддержку те российские избиратели, для которых важнее всего жить комфортно, ни в чем себе не отказывая. С. Миронов в своей программе выступал за переход к социально справедливому обществу в рамках демократии, за обеспечение социальных прав граждан и снижение уровня социально-экономического неравенства. База поддержки С. Миронова в основном находилась среди массовых социальных групп — пенсионеров, работников образования, здравоохранения, науки, культуры, социального обеспечения, среди рабочих промышленности и строительства, имеющих высокий уровень образования и низкую материальную обеспеченность. По своему возрастному положению абсолютное большинство этих граждан находится в пенсионном возрасте, не имеют перспектив для самостоятельного улучшения своего материального положения. Несоответствие между высоким профессиональным уровнем и низким материальным положением сторонников С. Миронова обостряет у них чувство социальной несправедливости. Разруха в Российском государстве в 1990-х гг. резко понизила их социальный статус, лишила их обеспеченного материального положения, а экономический подъем, начавшийся в России в 2000-е гг., не способствовал улучшению условий их жизни[23].

Ценностная структура избирателей в 2018 г. и характер ее изменения за шесть лет. Рассмотрим, как изменилась ценностная структура городских избирателей в 2018 г. по сравнению с 2012 г. За прошедшие с 2012 г. шесть лет типологическая структура ценностей городских избирателей претерпела существенную перестройку. На первое место в ней по своему весу вышел бескорыстный воинственный патриотизм. В 2012 г. значимость патриотизма находилась на четвертом-пятом местах. Преобладающая роль ценностного типа воинствующего патриотизма в 2018 г. обусловлена современным международным положением России — усиливающимся санкционным давлением западных стран в связи с присоединением Крыма и образованием ДНР и ЛНР.

Рассмотрим, как ценностная структура городских избирателей влияет на отношение к участию в голосовании на выборах Президента РФ в 2018 г. Существует ряд ценностей, наличие которых *повышало участие в голосовании*. Наиболее сильное влияние на это оказывала ценность жизни в стабильном государстве, при этом свобода жизни в

---

[23] *Аверин Ю.П., Добреньков В.И., Добренькова Е.В.* Качество жизни российских граждан и его влияние на их политические и экономические предпочтения… С. 45–53.

нем в этом влиянии не участвовала. Следующими ценностями по силе влияния на участие в голосование были ценность бескорыстного воинственного патриотизма, любви к Родине и ценность семьи. Наличие ряда ценностей *снижало участие в голосовании*. Это ценность комфортной жизни и гедонизма. Стремление к комфорту, желание брать от жизни все, получать от нее как можно больше удовольствий не подвигало избирателей прийти на выборы Президента РФ.

Таким образом, на выборы Президента РФ в 2018 г., в отличии от выборов 2012 г., пришли в большей мере те люди, которые хотели обеспечить сохранение стабильности в Российском государстве, защиту Родины от внутренних и внешних врагов, защиту своей семьи. Наиболее сильно это сказалось на участии в выборах молодежи.

Рассмотрим, как изменившаяся ценностная структура городских избирателей влияла на отношение к кандидатам, набравшим более одного процента голосов на выборах президента РФ в 2018 г. Это Павел Грудинин от КПРФ, Владимир Жириновский от ЛДПР, Владимир Путин в качестве самовыдвиженца**,** Ксения Собчак от партии "Гражданская инициатива" и Григорий Явлинский от партии "Яблоко". Пути развития России, которые предложили данные кандидаты, существенно отличались между собой. Левый путь развития олицетворяла программа Павла Грудинина, выдвинутого КПРФ, основные положения которой повторяли программу Геннадия Зюганова на президентских выборах 2012 г. В своей программе Владимир Жириновский, также как и в 2012 г., предложил унитарный путь развития России. Ксения Собчак в своей программе предложила избирателям либеральный европейский путь развития России, который в 2012 г. отчасти олицетворял Михаил Прохоров[24]. Либеральную программу предложил также Григорий Явлинский, которая имела сильную антимилитаристскую составляющую, направленную против военно-политических инициатив существующей власти. В отличие от 2012 г., В. Путин изложил основные программные установки в послании Федеральному собранию 1 марта 2018 г. В этот раз основной упор он сделал на развитии экономики, повышении благополучия людей, развитии образования, здравоохранения и инфраструктуры, снижении бедности. Особое внимание было уделено обеспечению безопасности России, созданию нового оружия. Способы решения этих задач остались теми же, что и в программе 2012 г. — "серединный путь" развития, без революций.

Таким образом, в программах кандидатов в Президенты в 2018 г. российскому обществу был представлен более широкий, чем в 2012 г., выбор путей развития России, который выражал интересы различных

---

[24] Предвыборная программа Ксении Собчак. Президент-РФ. URL: http://president-rf.ru/page/predvybornaja-programma-ksenii-sobchak (дата обращения: 16.12.2018).

социальных групп населения. Выбор этих путей избирателями во многом был обусловлен структурой их ценностей.

Выборы Президента РФ в 2018 г. выявили следующие тенденции в характере влияния ценностей на выбор кандидата. **В. Путин** получил поддержку существенно больше средней величины среди тех российских избирателей, для которых характерен бескорыстный воинственный патриотизм, ценность семьи и духовные ценности. Существенно ниже среднего значения поддержку В. Путину оказали те российские избиратели, для которых были важны ценность жизни в свободном стабильном государстве, материально обеспеченный комфорт, гедонизм и у которых присутствовал антипатриотизм. Таким образом, В. Путин олицетворял для одних избирателей любовь к Родине, ее защиту, заботу о благополучии семьи, о духовном наследии предшествующих поколений. Для них был неприемлем антипатриотизм, преувеличение значимости материальных сторон жизни, гедонизма и умаление духовных ценностей. Такие люди, как показали результаты выборов в 2018 г., составляли абсолютное большинство среди городских избирателей — в среднем более 70% голосовавших. Это существенно больше, чем в 2012 г., при меньшей явке избирателей на выборы. В целом примерно половина избирателей В. Путина — люди моложе 45 лет[25]. Таким образом, в 2018 г. "единство абсолютного большинства" вокруг "серединного пути" развития, предложенного В. Путиным, выросло по сравнению с 2012 г. Этот рост не в последнюю очередь обеспечил мобилизационный (по С. Хантингтону) характер голосования городских избирателей, обусловленный ростом их воинственного патриотизма, который был вызван сложными для России политическими и экономическими условиями. С одной стороны, увеличилось количество избирателей, голосовавших за В. Путина, особенно среди молодежи. С другой стороны, В. Путин оттолкнул тех избирателей, для которых не приемлемы воинственные заявления в сторону Запада, те действия, которые они расценивают как ущемление свободы граждан. Для них В. Путин олицетворял ограничение экономической и политической свободы, нестабильность, военный авантюризм. Часть их не стала участвовать в выборах, что, предположительно, также увеличило процент голосовавших за В. Путина.

П. Грудинин получил поддержку больше средней величины среди тех российских избирателей, для которых важны жизнь в свободном стабильном государстве, материально обеспеченная комфортная жизнь, которые не связывают себя патриотическими обязательствами перед Россией**.** Такие избиратели составляли в целом небольшую часть городских жителей (12%). П. Грудинин оттолкнул часть патриотически настроенных избирателей, сторонников КПРФ, из-за своего двойствен-

---

[25] Итоги выборов президента 2018 года в инфографике. URL: https://medium.com/kartinkamaciya/vybory-2018-itogi-486e9813d131 (дата обращения: 16.12.2018).

ного положения. Выдвинутый в качестве кандидата от КПРФ, он не стал членом этой партии, является предпринимателем, получает заработную плату во много раз больше, чем рядовые работники совхоза, которым он руководит. Он имеет собственность и вклады за рубежом.

В. Жириновский получил поддержку больше средней величины среди российских избирателей, имеющих ту же структуру ценностей, что и избиратели, голосовавшие за В. Путина — это бескорыстный воинственный патриотизм и духовные ценности. Однако при этом для него, как и в 2012 г., был характерен воинствующий национализм, который привлекает небольшую часть российских избирателей, и прежде всего в многонациональных регионах, жители которых сталкиваются с межнациональными конфликтами, и в тех регионах, где чувствуется угроза со стороны других государств. В 2018 г. количество избирателей, голосовавших за В. Жириновского, уменьшилось с 6,22 до 5,65%. Больше всего голосовали за него избиратели Приморья, которые ощущают опасность со стороны Японии.

К. Собчак получила поддержку больше средней величины среди городских избирателей, имеющих структуру ценностей, противоположную структуре ценностей избирателей, голосовавших за В. Путина. Это ценность жизни в свободном стабильном государстве, ценность материально обеспеченной комфортной жизни, антипатриотизм и гедонизм. Таких людей среди российских избирателей в целом оказалось незначительное количество (1,68%).

Г. Явлинский получила поддержку больше средней величины среди городских избирателей, имеющих структуру ценностей, схожую с ценностями избирателей, голосовавших за К. Собчак. В целом по России сторонников Г. Явлинского (1,05%) оказалось еще меньше, чем сторонников К. Собчак. Это люди — верные сторонники партии "Яблоко", чье становление проходило в начале 90-х гг. XX в. Молодежь пошла в большей степени за молодой, эпатажной К. Собчак, чем за Г. Явлинским.

Сравнение результатов президентских выборов в 2012 и 2018 гг. показывает приоритет ценности защиты своей семьи, своего государства, Родины, и что в результате демократизации партийно-политической системы России, произошедшей за шесть лет, ее идеологический спектр расширился — от крайне либеральных, демократических до консервативных и тоталитарных. Середину этого спектра представляет либеральный консерватизм В. Путина. Такой широкий идеологический спектр является существенной особенностью российской партийно-политической системы, переживающей переходный период и дрейфующей от авторитарной к демократической системе, сочетающей в себе остатки прежней и проявления новой системы. При этом само общество за шесть лет сильнее сдвинулось от крайне правых и крайне левых к середине — к либеральному консерватизму.

Структура ценностей российских избирателей остается по большей части "материалистической". Однако в рамках этой структуры, как показали результаты выборов, ценность материального достатка не играет существенной роли при выборе избирателями будущего развития России. На первом месте находится ценность бескорыстного патриотизма и семьи. На это указывает тот факт, что в условиях экономического кризиса, ухудшения материального положения людей, существенно большее их количество проголосовали за В. Путина, который является в их глазах выразителем данных ценностей. Сложные политические условия, в которых оказалась Россия в 2018 г., придали патриотизму В. Путина и поддерживающих его избирателей воинственный характер, который отсутствовал в 2012 г. Это в еще большей степени объединило российское общество вокруг В. Путина и стало причиной существенного роста его поддержки со стороны избирателей. В то же время в российском обществе происходит постепенный переход от "материалистических" к "постматериалистическим" ценностям, в которых существенное место занимает ценность свободы. Либеральная составляющая консерватизма в программе В. Путина — расширение экономических, политических и духовных свобод — привела к его поддержке со стороны умеренно либеральных избирателей. Все это вместе предопределило самый большой успех В. Путина на выборах Президента РФ в 2018 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверин Ю.П., Добреньков В.И., Добренькова Е.В. Качество жизни российских граждан и его влияние на их политические и экономические предпочтения (по результатам социологического исследования). М., 2013.

Инглхарт Р. Меняющиеся ценности, экономическое развитие и политические перемены // Международный журнал социальных наук. 1996. № 12.

Итоги выборов президента 2018 года в инфографике. URL: https://medium.com/kartinkamaciya/vybory-2018-itogi-486e9813d131 (дата обращения: 16.12.2018).

От 60 до 120: сколько зарабатывает средний класс в России. РБК. URL: https://www.rbc.ru/economics/18/06/2018/5b27bf829a794710796bbfe5 (дата обращения: 15.12.2018).

Предвыборная программа Ксении Собчак. Президент-РФ. URL: http://president-rf.ru/page/predvybornaja-programma-ksenii-sobchak (дата обращения: 16.12.2018).

Президентская программа. За Явлинского. URL: https://2018.yavlinsky.ru/campaign/ (дата обращения: 24.11.2018).

Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 2.

Шестопал Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. М., 2008.

Электоральное поведение. Фонд знаний "Ломоносов". URL: http://lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0126698 (дата обращения: 03.11.2018).

Явка ниже, чем в 2012 году: почему новосибирцы не захотели пойти на выборы. Информационное агентство Regnum. URL: https://regnum.ru/news/2392571 (дата обращения: 24.11.2018).

REFERENCES

Averin YU.P., Dobren'kov V.I., Dobren'kova E.V. Kachestvo zhizni rossijskih grazhdan i ego vliyanie na ih politicheskie i ehkonomicheskie predpochteniya (po rezul'tatam sociologicheskogo issledovaniya) [The quality of life of Russian citizens and its influence on their political and economic preferences (according to the results of a sociological study)]. M., 2013 (in Russian).

Campbell A. et al. The American voter. N.Y., 1960.

Downs A. An economic theory of political action in a democracy // The Journal of Political Economy. 1957. P. 135–150.

Duch R. Economic vote: how political and economic institutions condition election results. Cambridge, 2008.

Electoral behavior. Knowledge Fund "Lomonosov". URL: http://lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0126698 (accessed: 03.11.2018) (in Russian).

Golosov G.V. Povedenie izbiratelej v Rossii: teoreticheskie perspektivy i rezul'taty regional'nyh vyborov [Voter Behavior in Russia: Theoretical Perspectives and Results of Regional Elections] // Policy. Political studies. 1997. N 4. P. 44–56 (in Russian).

Inglehart R. Culture shift in advanced industrial society. Princeton; N.Y.; Princeton, 1990.

Inglehart R. Modernization and postmodernization. Princeton, 1997.

Inglehart R. Changing values, economic development and political change // International Journal of Social Sciences. 1996. N 12. P. 199–217 (in Russian).

From 60 to 120: how much does the middle class earn in Russia. RBC. URL: https://www.rbc.ru/economics/18/06/2018/5b27bf829a794710796bbfe5 (accessed 15.12.2018) (in Russian).

Himmelweit H. How voters decide? L., 1981.

Kluckhohn C. Values and value orientations in the theory of action // Toward a general theory of action / Ed. by T. Parsons, E.A. Shils. Cambridge; Harvard, 1951.

Lazarsfeld P.E. The people's choice. N.Y., 1948.

Meleshkina E.YU. Issledovaniya ehlektoral'nogo povedeniya: teoreticheskie modeli i problemy ih primeneniya [Studies of electoral behavior: theoretical models and problems of their application] // Politicheskaya nauka: Zarubezhnaya politologiya v XX stoletii: Sb. nauch. tr. / Red-sost. M.V. Il'in. M., 2001 (in Russian).

Oslon A.A., Petrenko E.S., Klimov I.A. Desyat' let sociologicheskih nablyudenij [Ten years of sociological observations]. M., 2003.

Rich. The poor man. Economy and life. URL: https://www.eg-online.ru/article/275745/ (accessed: 24.11.2018) (in Russian).

Rokeach V. The nature of human values. N.Y.; L., 1973.

Samoregulyaciya i prognozirovanie social'nogo povedeniya lichnosti [Self-regulation and prediction of social behavior] / Pod red. V.A. Yadova. L., 1979.

Samuel P. Huntington. Political order in changing societies. New Haven; L.; Yale, 2006.

Shestopal E.B. Psihologicheskij profil' rossijskoj politiki 1990-h. [Psychological profile of the Russian politics of the 1990s]. M., 2007 (in Russian).

Shvarc S.H. Kul'turnye cennostnye orientacii: priroda i sledstviya nacional'nyh razlichij. Psihologiya [Cultural value orientations: the nature and consequences of national differences] // Zhurnal Vysshej shkoly ehkonomiki. 2008. T. 5. N 2. P. 37–67 (in Russian)

Sobchak called "suckers" 69% of Russians. News "Our vocation". URL: http://ren.tv/novosti/2018-03-12/sobchak-nazvala-lohami-69-rossiyan (accessed: 14.11.2018) (in Russian).

Sobchak explained why she called the Russians "genetic scum" and "lokhozhiteli". Newspaper Kemerovo. URL: http http://gazeta.a42.ru/lenta/news/sobchak-obyasnila-pochemu-nazvala-rossiyan-geneticheskim-otr (accessed: 14.11.2018) (in Russian).

Sobchak explained dancing at the temple. Rambler. URL: https://news.rambler.ru/starlife/38890576-sobchak-obyasnila-tantsy-u-hrama/ (accessed: 14.11.2018) (in Russian).

Sociologists have announced the active participation of young people in the presidential elections. RIA News. URL: https://ria.ru/election2018_news/20180322/1517004324.html (accessed: 24.11.2018) (in Russian).

The Chamber of Accounts named the number of Russians living below the poverty line // Vedomosti. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/news/2017/12/22/746234-golikova-nazvala-chislo-zhivuschih-za-chertoi bednosti-rossiyan (accessed: 20.11.2018) (in Russian).

The election program of Ksenia Sobchak. President of the Russian Federation. URL: http://president-rf.ru/page/predvybornaja-programma-ksenii-sobchak (accessed 16.12.2018) (in Russian).

The results of the presidential elections in 2018 in infographics. URL: https://medium.com/kartinkamaciya/vybory-2018-itogi-486e9813d131 (accessed 16.12.2018) (in Russian).

Turnout is lower than in 2012: why Novosibirsk residents did not want to go to the polls // Regn Information Agency. URL: https://regnum.ru/news/2392571 (accessed 24.11.2018) (in Russian).

What is the real average salary in Russia — is Rosstat lying? Independent journalism. URL: http://iqreview.ru/economy/average-salary-in-russia-2015/#___2014-2015 (accessed: 03.11.2018) (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-247-264

РОЛЬ СМИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ*

Т.Н. Самсонова, докт. полит. наук, проф. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

Е.С. Наумова, магистрант социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234***

В статье анализируется роль средств массовой информации в процессе политической социализации российской молодежи, происходящей в контексте глубоких социально-экономических и политических преобразований. Особенно значимый для развития политических взглядов период — от 15 до 25 лет. Молодые граждане России находятся на этапе формирования политических установок и подвержены воздействию различных факторов. Бóльшая часть политической информации поступает в настоящее время из средств массовой информации, как традиционных — газет, журналов, радио, телевидения, так и инновационных — посредством интернета. Телевидение способствует формированию общественного мнения, передавая политические новости и их оценку, затрагивая важные проблемы, существующие в политической сфере. Наиболее ощутимо возросла роль интернета. Новостные агрегаторы и онлайн-блогеры представляют широкий спектр мнений о политических событиях. Очевидна значимость адекватной оценки роли традиционных и инновационных СМИ в политической социализации молодежи, в формировании политической субъектности молодого поколения россиян.

***Ключевые слова**: средства массовой информации, российская молодежь, политическая социализация, интернет, гражданское образование.*

THE ROLE OF MASS MEDIA IN POLITICAL SOCIALIZATION OF MODERN RUSSIAN YOUTH

Samsonova Tatiana N., PhD in Political Science, Professor, Department of Politology and the Sociology of Political Processes, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ashberry@mail.ru

Naumova Ekaterina S., Master's Student, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: naumova-umka@yandex.ru

The article analyzes the role of mass media in the process of political socialization of the Russian youth in the context of deep socioeconomic and political transformations.

---

* *Начало (Статья 1). Окончание в № 1 за 2020 г.*

** **Самсонова Татьяна Николаевна**, e-mail: ashberry@mail.ru

*** **Наумова Екатерина Сергеевна**, e-mail: naumova-umka@yandex.ru

Especially significant for the development of political views is the period from 15 to 25 years. Young Russian citizens are just at the stage in the process of developing political habits and are easily influenced by different factors. Much of political information comes from the media, both traditional: newspapers, magazines, radio, television, and innovative — through the Internet. Television helps to shape public opinion by providing political news and their assessment, touching upon important problems, existing in the political sphere. The growth of the Internet is especially significant. News aggregators and online bloggers present a broad range of opinions on political events. The importance of an adequate assessment of the role of the traditional and innovative media in the political socialization of young people, in shaping the political subjectivity of young Russian citizens is obvious.

Key words: *mass media, Russian youth, political socialization, the Internet, civic education.*

"Молодежь стала особым классом общества"
Роже Вадим

Статья 1

О политической социализации молодежи

В любом обществе процесс подготовки молодого поколения к будущей общественно-политической жизни имеет большое значение и неизменно находится в центре общественного внимания. И это понятно, ведь молодежь — наиболее активная и мобильная часть общества, его стратегический резерв, носитель большого инновационного потенциала.

В молодости, как на определенном этапе жизненного цикла человека, идет формирование мировоззрения, выбор жизненной стратегии. "Беспредельная надежда и энтузиазм — главное богатство молодежи", — писал Р. Тагор. Именно в возрасте от 15 до 25 лет (при всей значимости детства в процессе политической социализации) происходит апробация первичных знаний о политике, их расширение и углубление в ходе обучения в старших классах школы, в колледже, вузе. Происходит адаптация молодежи в обществе, освоение новых социальных ролей, включение в общественно-политическую жизнь. При этом в процессе политической социализации происходит *не только усвоение* индивидами передаваемых им старшими поколениями, но и *выработка собственных* политических взглядов, ценностей, идет формирование установок и моделей политического поведения. ("Хотя мир в целом движется вперед, молодежи приходится всякий раз начинать сначала", *И. Гете*). Обусловлены эти сложные и многогранные процессы как спецификой социально-политической и экономической среды, в которой осуществляется политическая социализация, так и личностными особенностями индивида. В сознании молодого человека происходит интериоризация политических знаний, идет формирование системы ценностей, сознательный выбор политических предпочтений и самоидентификация как приверженца тех или иных политических взглядов.

Механизмы политической социализации, формирование политических взглядов и установок в немалой степени зависят от того, происходят они в стабильной или трансформирующейся социально-политической системе. Мы сегодня живем, как точно заметила в одном интервью писательница Д.И. Рубина, во время "слома эпох, смены сознания и абсолютного уплощения: мыслей, чувств, общения и способа (а также эмоционального накала) восприятия мира". Молодое поколение россиян формируется в условиях продолжающихся социально-экономических и политических преобразований общества, неопределенности ориентиров общественного развития страны; значительных перемен в деятельности институтов и агентов социализации[1]. В условиях переходного состояния общества, когда происходят изменения в политической культуре, в ходе политической социализации идет не только передача накопленного политического опыта, но и "процесс осмысления и усвоения того нового, что соответствует принципам демократии. Политическая социализация призвана содействовать формированию гражданского общества и гражданской культуры. Показателем эффективности процесса социализации является уровень политических знаний и политической активности человека, т.е. степень его вовлеченности в политическую жизнь, и его гражданская ответственность"[2]. На смену советской модели политической социализации, носившей единообразный по своей нормативности характер, "пришли" вариативные модели, произошли изменения принципов политической социализации. Нельзя не учитывать то, что немалое влияние на ее осуществление оказывают процессы, происходящие не только на национальном, но и на геополитическом уровне.

Все это остро ставит вопрос о необходимости разработки адекватных объяснительных схем происходящих перемен, выработки новых подходов и решений возникающих проблем. Ведется поиск наиболее эффективной в условиях современной российской действительности

---

[1] См.: *Гришко Н.А.* Специфика социально-политических факторов, влияющих на процесс политической социализации молодежи в современной России // Общество и право. 2012. № 1; Политическая социализация российских граждан в период трансформации / Под ред. Е.Б. Шестопал. М., 2008; *Самсонова Т.Н.* О гражданском воспитании в условиях институциональных изменений в современной России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 2; *Она же.* Гражданское образование в условиях глобализации: проблемы и пути совершенствования // Кризис цивилизации в контексте политических процессов XXI века / Под ред. А.И. Костина. М., 2016; *Титов В.В.* Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. Монография. М., 2017. См. также: *Ихилов О.* Быть или не быть: политическая социализация в изменяющемся мире // Политическая психология: Хрестоматия / Сост. Е.Б. Шестопал. М., 2018.

[2] *Самсонова Т.Н.* О гражданском воспитании в условиях институциональных изменений в современной России. С. 43.

модели политической социализации, определение направлений и средств развития общественно-политического потенциала российской молодежи, формирования ее политической субъектности[3]. При этом нельзя не учитывать, что молодежь современной России — весьма неоднородная социальная общность, дифференцированная по разным основаниям, в том числе по уровню жизненных шансов в силу разницы стартовых возможностей (место проживания, экономическое положение семьи, качество полученного образования и т.д.).

Эффективность деятельности и роль институтов социализации необходимо оценивать не только и не столько по тому, насколько они обеспечивают усвоение и воспроизводство унаследованных ценностей и навыков, сколько по тому, насколько успешно они готовят молодое поколение к самостоятельной жизни, к постановке и решению задач, которых не было у предшествующих поколений. ("Наставники, которым кажется, что они понимают молодежь, — чистейшие мечтатели. Юность вовсе не хочет быть понятой, она хочет одного: оставаться самой собой", *Э.М. Ремарк.*) Многое зависит от того, насколько государство, общественно-политические организации сумеют преодолеть присущее значительной части молодежи отчуждение от политики. "Политические настроения молодежи России парадоксальны по своей природе: с одной стороны, молодые люди дают нейтрально-негативные оценки политической жизни, с другой стороны, они настроены на стабильность и при этом демонстрируют низкую политическую активность"[4].

Формирование гражданской политической культуры молодого поколения и воспитание деятельного патриотизма требуют планомерной реализации государственных программ в области молодежной политики, совершенствования деятельности институтов гражданского общества, эффективного использования имеющихся и создания новых механизмов вовлечения молодежи в общественно-политические практики.

Молодежь является не только объектом, но и субъектом политической социализации. Этот процесс все больше имеет не вертикальный, а горизонтальный характер (модель горизонтальной политической социализации была разработана американским ученым Р. Мерельманом), когда происходит непрерывный выбор из возможных образов мира, моделей политического поведения и т.д. На "горизонтальном" уровне

---

[3] См.: *Самсонова Т.Н.* О становлении политической субъектности российской молодежи в процессе политической социализации // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 7; *Станевич А.Ю.* Политические настроения российской молодежи: состояние и особенности // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 4.

[4] *Станевич А.Ю.* Политические настроения российской молодежи: состояние и особенности // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 4. С. 270.

складываются взаимоотношения "равных" участников процесса социализации, при этом их число увеличивается[5]. Но по-прежнему важен вопрос: как в процессе политической социализации "формируются те политические ценности и установки, которые позволяют индивиду ориентироваться, выбирать между конкурирующими образами социально-политической действительности, реализуя усвоенное в своем последующем политическом поведении и участии?"[6].

В ходе политической социализации молодежь подвергается и целенаправленному, и стихийному воздействию со стороны разных институтов и агентов, участвующих в этом процессе. В последние десятилетия произошли значительные изменения в их иерархии и роли. Среди основных институтов политической социализации по-прежнему семья, школа, система образования, государство, общественные и политические организации. Возросло политико-социализирующее влияние армии, церкви. А вот трудовые коллективы, профсоюзы в немалой степени утратили свое влияние.

Одним из институтов, оказывающих в настоящее время особенно сильное влияние на формирование политических взглядов, установок, национально-государственной идентичности молодого поколения, несомненно, являются средства массовой информации и коммуникации.

Средства массовой информации как институт политической социализации

Прежде чем анализировать роль средств массовой информации (СМИ) в процессе политической социализации молодого поколения россиян, необходимо коротко охарактеризовать современные СМИ и особенности их воздействия на молодежную аудиторию.

К средствам массовой информации, согласно действующему законодательству, относятся: периодические печатные издания, сетевые издания, теле-, и радиоканалы, теле-, радио-, видео-, кинопрограммы и иные формы периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием[7]. В настоящее время в наиболее крупных СМИ государство является если не владельцем-монополистом, то соучредителем и имеет блок-пакет (например, на ведущих федеральных телеканалах), что позволяет контролировать поток политических новостей, форму подачи информации и ее оценку журналистами.

---

[5] См.: *Merelman R.M.* Revitalizing Political Socialization // Political Psychology: Contemporary Problems and Issues / Ed. by M. Hermann. San-Francisco, 1986. P. 280.

[6] *Самсонова Т.Н.* О становлении политической субъектности российской молодежи в процессе политической социализации // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 7. С. 20.

[7] См.: Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 "О средствах массовой информации" (вступ. в силу с 01.01.2018). Ст. 2. Средства массовой информации. Основные понятия. URL: https://rg.ru/1991/12/27/smi-zakon.html (дата обращения: 26.04.2019).

В 2018 г. было запланировано создание государственного телеканала, посвященного политпросвещению детей[8].

Средства массовой информации и неразрывно связанные с ними средства массовой коммуникации (СМК), являясь в совокупности гипердинамичной комплексной системой, стремительно развиваются, все больше усложняются и коммерциализируются. Они насыщают информационное поле политики, выступают в качестве института-посредника во взаимодействии общества и других политических субъектов. Информация служит предпосылкой действий субъектов политики и одновременно является их важнейшим ресурсом. Сбылись предсказания Э. Тоффлера, который около сорока лет назад констатировал наступление эры "Третьей волны", когда информация станет самостоятельным материальным ресурсом, непосредственно влияющим на развитие человечества.

Действительно, СМИ не только транслируют информацию, отражая состояние общественных настроений, но и служат инструментом их формирования. Масс-медиа формируют представления о событийной структуре политической реальности, ранжируют политические факты по определенным шкалам их социальной значимости, предлагая обществу интерпретации, комментарии и аналитические осмысления политических реалий. В результате отношение к "проблемам и явлениям, даже сам подход к тому, что считать проблемой или явлением, во многом предопределены теми, кто контролирует мир коммуникаций"[9].

Тем самым СМИ выполняют целый ряд функций: информационная, познавательно-образовательная, ценностно-ориентационная, функция артикуляции общественных интересов и формирования общественного мнения, интегративная, мобилизационная, идеологическая и др. При этом воздействие СМИ на общественное мнение осуществляется зачастую не напрямую, а опосредовано. Исходящий поток мнений и

---

[8] По мнению Л.Н. Духаниной, заместителя председателя комитета Государственной Думы РФ по образованию и науке, в образовательном и информационном пространстве, в котором находятся российские школьники, такого проекта явно не хватает. По данным опросов школьников, проведенных Общероссийским народным фронтом, "более 60% школьников от 14 до 17 лет получают информацию из телевидения. Но при этом доверяют информации из телевидения куда меньшее количество детей. Хорошо, что речь идет об общественно-политическом просвещении детей. Главное в таких проектах — это, конечно, контент, подача и уровень доверия к тем, кто эту информацию доносит, чтобы этот канал имел в себе высокую долю образовательного содержания. Очень важно, чтобы была достигнута гармония, разумный баланс между масс-медиа, передовой педагогикой и воспитательной работой" (См.: В России создадут политканал для детей? URL: https://news.rambler.ru/education/38356868-v-rossii-sozdadut-politkanal-dlya-detey/amp/ (дата обращения: 29.04.2019).

[9] *Паренти М.* Демократия для немногих. М., 1990. С. 216.

оценок воздействует сначала на лиц, выполняющих социальную роль лидеров общественного мнения, а те, в свою очередь, уже воздействуют непосредственно на публику.

С помощью СМИ государство в ходе проводимой им информационной политики, а также другие политические субъекты могут не только информировать молодое население о целях своей политики, но и моделировать отношения с общественностью в вопросах формирования представительных органов власти, состава политических элит, поддержания значимости соответствующих общественных ценностей, традиций и стереотипов.

Молодых людей отличает особая восприимчивость к новизне и актуальности информации, а формируемые у молодежи политические образы дают в качестве результата достаточно устойчивые и глубоко интериоризированные политические установки. Средства массовой информации служат для молодых россиян одним из основных источников сведений о политике, оказывая значительное воздействие в силу частоты и продолжительности взаимодействия. Так, по данным исследований ФОМ[10], в свое свободное время молодые люди чаще всего заняты просмотром телевидения, общением с друзьями, прослушиванием музыки и просмотром фильмов, прогулками и серфингом в интернете. При этом взаимодействие с другими институтами политической социализации носит либо обязательный, директивный характер (учеба и работа), либо совершается гораздо реже (как форма проведения досуга).

Однако нельзя забывать, что сфера масс-медиа — одна из наиболее прибыльных и быстро развивающихся, поэтому помимо влияния со стороны государства, во многих вопросах СМИ подчиняются законам рынка. Их функционирование напрямую связано с интересами бизнеса, на средства которого существуют практически все каналы массовой коммуникации. В связи с этим многие СМИ не способны в полной мере выполнять одну из ключевых и общественно значимых функций — транслировать общественное мнение и защищать интересы граждан, способствуя тем самым осуществлению обратной связи в функционировании политической системы. Рычагами давления выступают владельцы СМИ и бизнес-элита, заинтересованная во взаимовыгодном сотрудничестве с властями. Этим обусловлено появление нового вида политики — медиакратия, представляющего своего рода "дисбаланс в системе политика — медиа-аудитория СМИ, который подразумевает сращение медиа и политики в процессе распределения и отправления властных полномочий"[11].

---

[10] Опрос ФОМ. "Опрос молодежи: досуговые и интернет-практики". URL: https://fom.ru/posts/13103 (дата обращения: 26.04.2019).

[11] *Бодрунова С.С.* Медиакратия: современные подходы к определению термина // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2012. № 3. С. 6.

На первый взгляд, учитывая стремление СМИ к извлечению максимальной прибыли и их политическую ангажированность либо подчинение, можно предположить, что уровень доверия к информации, транслируемой в средствах массовой информации, будет невысоким. Однако это не совсем так. Например, на март 2019 г. одобрение деятельности института СМИ выражали 51,2% опрошенных Всероссийским центром исследования общественного мнения[12]. По мнению 45% опрошенных в апреле 2018 г. ФОМ россиян[13], СМИ в целом можно считать объективными в освещении происходящих в стране событий; 41% респондентов, напротив, уверены в их необъективности. Нельзя не отметить, что первую позицию чаще разделяют потребители телевидения, радио и прессы, вторую — аудитории новостных сайтов и форумов, блогов. Наиболее критично относятся к СМИ именно молодые люди от 18 до 30 лет (39% — доверяют, 50% — не доверяют). При этом, однако, из всех возрастных групп молодежь наименее заинтересована в том, чтобы СМИ занимали более критическую позицию в отношении властей (42% респондентов в возрасте 18-30 лет все утраивает).

Проявляемое частью населения недоверие к СМИ обусловлено упрощением политической картины мира, нагнетанием обстановки (преобладание негативных коннотаций в освещении тех или иных событий) и недостоверностью (а порой и нереалистичностью) предоставляемой информации, в правдивости которой может усомниться даже неспециалист. Кроме того, в качестве информационного шума и завесы политтехнологами используются различные скандалы и псевдособытия. Новости преподносятся под определенным углом зрения, а аудитории предлагается простая бинарная оценка действующих лиц, их поступков и мотивов их поведения. Широкое освещение событий в заданном направлении оценки создает искусственную информированность людей об общественных проблемах, которая может скрывать массовую апатию. В целях манипулирования массовым сознанием в СМИ применяются различные технологии давления: массированное тиражирование одной и той же версии события, блокирование нежелательной информации и оценочных суждений, не соответствующих заданному образу, включение в интерпретационное поле текущего события неадекватных аналогий из прошлого, эксплуатация стереотипов негативного восприятия мишени информационной атаки[14].

---

[12] Мониторинг ВЦИОМ “Деятельность общественных институтов”. URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennyx_institutov/ (дата обращения: 27.04.2019).

[13] Опрос ФОМ. “СМИ: востребованность и оценки работы”. URL: https://fom.ru/SMI-i-internet/14028 (дата обращения: 28.04.2019).

[14] См.: *Русакова О.Ф.* Виртуальная власть масс-медиа // Дискурс-Пи. 2010. № 1–2. С. 36. См. также: *Елишев С.О.* Молодежь как объект социализации и манипуляций. М., 2015.

Реакция аудитории на сообщения в СМИ является барометром общественного настроения. С целью предупреждения социальной напряженности и политических конфликтов взаимодействие СМИ и общества по вопросам политической информации контролируется государством посредством государственной информационной политики. Стараясь минимизировать возможности проявления протестных настроений, формируя конформизм и лояльность граждан по отношению к действующей власти и сложившейся социальной структуре общества, СМИ тем самым в определенной степени препятствуют развитию критического мышления граждан[15]. Очевидно, что проявление недоверия к СМИ может нарушить (и нередко нарушает) коммуникативную связь между обществом и властью, вызывая "дефицит доверия к последней"[16].

Для достижения доверительных взаимоотношений взаимодействие всех субъектов политики должно выстраиваться на основе взаимного учета интересов. Возможности реализации данного принципа значительно расширились с внедрением в процессы массовой политической коммуникации новых технологий. Процесс медиатизации политики представляет собой диффузию политического поля и медийного коммуникативного пространства, в результате происходит "перетекание" политических символов и смыслов из сферы политических практик в виртуально-медийную сферу.

Потенциал позитивного влияния СМИ на общество и молодое поколение пока недостаточно используется государством в целях практического решения насущных проблем. Значительный объем поступающей информации носит не содержательный, а скорее развлекательный характер. Нередко она нацелена на нивелирование действительно значимых событий, тех проблем и вопросов, которые требуют особого внимания, обсуждения и поиска решений их эффективного урегулирования. Однако только определенные социальные проблемы занимают значимое место в российских СМИ. Многие важные политические явления в силу различных причин находятся "на периферии"

---

[15] В процессе формирования гражданских качеств личности "может быть реализовано два различных императива. *Первый императив* — внушение патриотических ценностей и соответствующих норм поведения. В этом случае делается упор на формирование чувства гражданского единства, национально-патриотической гордости и обязанностей гражданина. *Второй императив* — культивирование демократического стиля мышления и политических действий; в этом случае упор делается на необходимость учитывать различные точки зрения, касающиеся ключевых вопросов. Однако избежать перекоса в сторону одного из императивов очень сложно" (См.: *Самсонова Т.Н.* Проблемы гражданского образования в России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2007. № 4. С. 49).

[16] *Ермакова С.С.* Доверие российского общества к СМИ: современное состояние и перспективы развития // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 12. С. 1.

публичного дискурса или вовсе за его пределами. Сегодня наблюдается дефицит внимания со стороны СМИ к проблемам безработицы, экономического расслоения в обществе, неравенства регионов, миграции. Большего внимания требуют вопросы воспитания толерантности у молодежи, что помогло бы предотвратить появление конфликтов на почве культурной и религиозной разобщенности и подготовило Россию к возможным вызовам миграции, которые в настоящее время подрывают стабильность многих европейских государств.

В условиях современной информационно-коммуникационной системы в политической социализации молодых россиян особенно значимы, как нам представляется, такие функции СМИ, как информационно-познавательная, интегративная, а также функция формирования национально-государственной идентичности. Сложнее обстоит дело с реализацией функции артикуляции интересов и обратной связи. И, бесспорно, наиболее пагубные дисфункции — "наркотизация", т.е. компенсация реальной деятельности потреблением сообщений СМИ и манипуляция общественным мнением.

Роль традиционных средств массовой информации в политической социализации молодежи

Прежде чем говорить о роли СМИ в политической социализации современной российской молодежи, целесообразно кратко охарактеризовать деятельность традиционных (классических, если так можно выразиться) СМИ в российском политическом пространстве и оценить возможности влияния различных каналов на политическое сознание и поведение молодых людей.

К традиционным средствам массовой информации относятся, прежде всего, пресса, радио и телевидение. Исторически в течение длительного периода для широкой публики главным источником политической информации служила пресса — газеты и журналы. Первоначально многие из них возникали в качестве новостных брошюр политических партий или органов власти. Позднее появилось радио, и только в 1970-е гг. доминирующим средством массовой информации стало телевидение.

Воздействие традиционных СМИ заключается в систематическом распространении политической информации среди разных по численности, рассредоточенных аудиторий с целью утверждения определенных политических ценностей. С одной стороны, главными медийными конструктами, из которых складывается виртуальная политическая реальность, выступают события, новости и медиаобразы политических субъектов и институтов. С другой стороны, в различных средствах массовой информации и коммуникации для анализа, сравнения и выделения особенностей каналов необходимо выявлять содержательные (смысловые) единицы — формы политической коммуникации. В порядке убывания их частоты: новости о политике, сервисное взаимо-

действие (госуслуги и информирование о них), политическая реклама, пропаганда и агитация.

Все вышеперечисленные формы коммуникации в России имеют свою специфику и выполняют определенные функции во взаимодействии государства, медиа-рынка и общества. В частности, новости в целом высоко политизированы, они формируют разностороннее представление о проблемном поле политики и внутриполитических процессах. При этом патриотическое воспитание является более приоритетным по сравнению с гражданским образованием. Последнее отчасти осуществляется в ходе сервисного взаимодействия в рамках предоставления госуслуг.

Из материалов *прессы* молодые люди получают информацию о событиях в регионе/стране даже реже, чем из радиопередач (однако пресса обладает "эффектом отложенного спроса", что способствует более качественному усвоению информации). Между тем именно благодаря печатным периодическим изданиям ранее осуществлялось продолжение гражданского образования, начинающегося в школе в рамках соответствующих дисциплин.

Печатная пресса в России, как и во всем мире, сейчас переживает упадок своей популярности. Крупные, часто цитируемые газеты — "Известия", "Коммерсантъ", "Ведомости", "Российская газета", "Комсомольская правда" — ориентируются в качестве целевой аудитории преимущественно на возрастные группы старше 35 лет. Молодежная аудитория почти не читает периодические издания (это не является для нее частью культурной традиции). А вот чтение электронных СМИ, напротив, отвечает требованиям моды, к тому же позволяет экономить время и средства. Подборки кратких информационных статей в ленте социальных сетей или блоках новостных агрегаторов больше отвечают запросам молодежи. Негативное последствие такой переориентации — "хаотизация" информационного потока, снижение качества материалов ввиду их анонимности (зачастую распространение фейк-ньюс) и отсутствия ответственных за предоставление полной и правдивой информации. Между тем в печатных изданиях, прежде всего, "старых добрых" газетах уровень ответственности за распространяемую информацию по-прежнему высок. Как ни парадоксально, но при широчайшем распространении соцсетей целевые аудитории классических печатных изданий стали в последние годы несколько расширяться. (Другой вопрос: в какой степени такое расширение аудитории может коснуться молодого поколения россиян?). В Москве, например, с успехом реализуется проект издательского дома "Мой район", выпускающий газету тиражом около миллиона экземпляров. Поэтому не стоит торопиться хоронить печатные издания[17].

---

[17] См.: *Фигуровский Н.* Фактчекинг бьет фейк-ньюс // Культура. 2019. № 15. С. 5.

Радио на сегодняшний день является наиболее ограниченным каналом политической коммуникации. Его воздействие на процесс политической социализации в значительной степени сводится к новостным выпускам. Молодые люди воспринимают радио скорее в качестве "старомодного" способа прослушивания музыки. Радиостанциям сложно привлечь внимание молодежи к аналитическим программам. "Трудно себе представить, что такое благодушное СМИ, как радио, которое большинством населения, особенного молодого, воспринимается как всего лишь приятный музыкальный фон, на протяжении практически всей своей истории было связано с политикой и военным делом, выступало и продолжает выступать мощным психологическим оружием в руках политиков, пропагандистов и политтехнологов"[18].

Наиболее известные радиостанции, осуществляющие новостное вещание — "Говорит Москва", "Эхо Москвы", "Радио Свобода", "Радио России", "Коммерсантъ ФМ", и "Euronews" — уже длительное время больше ориентированы на свои интернет-версии. Именно в аудитории онлайн-радио весомую долю составляют молодые люди. Наблюдается смещение интереса молодежи в сторону независимых и оппозиционных СМИ. В качестве примера можно привести довольно высокий уровень популярности у молодежи радио "Эхо Москвы", которое в значительной степени выражает частные интересы, поскольку "на сегодня 66% всех акций предприятия "Эхо Москвы" принадлежат Газпром-Медиа Холдингу"[19].

Лидирующие позиции в качестве основного источника новостной информации из числа традиционных СМИ уже долгое время удерживает *телевидение*. Оно включает весь спектр вышеназванных форм политической коммуникации. Именно с помощью телевидения государство способно наиболее быстро и эффективно транслировать необходимую информацию о всех аспектах своей деятельности: законотворческой, правоохранительной, хозяйственной и т.д. В отличие от интернета, где поведение пользователя непредсказуемо, число телеканалов ограничено, федеральные телеканалы являются медиа-гигантами, которые имеют устойчивую аудиторию. Однако данные телеканалы скованы двумя взаимоисключающими требованиями. С одной стороны, это необходимость получения прибыли за счет рекламы, увеличения коммерческой аудитории, с другой — осуществление пропаганды и агитации, которые диктуются государством. Сосредоточение механизмов контроля над телевидением и влияния на него в руках государства позволяет успешно проводить пропагандистские политические кампании с целью форми-

---

[18] *Шариков А.* Политическое радио через призму истории // Ключи к эфиру: В 2 кн. Радиожурналист и политика / Под ред. Г. А. Шевелева. М., 2007. Кн. 1. С. 11.

[19] *Молчанова О.И.* Аспекты социального управления современной радиостанцией в условиях медиаконвергенции на примере радио "Эхо Москвы" // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 1. С. 86.

рования лояльности и патерналистских воззрений граждан, убеждения в том, что государство всячески заботится о них, несмотря на сложные времена. По данным, за последние пять лет молодежь перестала смотреть прежде всего федеральные каналы: доля молодых зрителей у телеканала "Первый" сократилась на 38%, а у телеканала "Россия 1" — на 29%[20]. Ряд телеканалов и отдельных передач, ориентированных преимущественно на молодежную аудиторию, осуществляет попытки завоевать внимание и доверие молодежи в качестве источника информации. Однако аудитория даже наиболее политизированных телеканалов — "Мир24" (преимущественно новостное вещание) и "Дождь" (аналитические, дискуссионные и авторские программы) — включает относительно небольшое число молодых людей. Неслучайно в 2018 г. Д.А. Медведев поручил нескольким министерствам подготовить предложения по созданию специального федерального телеканала, ориентированного на молодежь, который "освещал бы деятельность в сфере молодежной политики"[21].

Технологии формирования средствами массовой информации картины политической реальности особенно востребованы в ходе выборов. Так, начало 2018 г. было ознаменовано стартом предвыборных кампаний кандидатов на пост Президента РФ. Телеканал СТС, один из самых популярных у молодежной аудитории, в марте 2018 г. транслировал серию агитационных видеороликов, направленных исключительно на молодого зрителя. Молодой человек, герой ролика, был уверен, что, если он не пойдет на выборы, ничего плохого не случиться, однако вслед за этой репликой с ним происходят серьезные неприятности.

Предвыборная кампания представляет особый интерес для исследователей массовой коммуникации, стремящихся ответить на вопросы: в какой степени СМИ могут повлиять/влияют на результаты выборов? под действием какого типа информации избиратель принимает решение при голосовании? В ситуации выбора, например, президента страны средства массовой информации являются единственным коммуникативным каналом для большей части электората. Так, в 2018 г. в ходе выборов Президента РФ наблюдался низкий уровень осведомленности населения о содержании программ кандидатов на фоне высокой степени информированности о предстоявших выборах.

Анализируя роль СМИ в политической социализации, нельзя не отметить роль *киноиндустрии*. Кинематограф обладает широкими возможностями влияния на общественное сознание, поэтому активно используется в политических и пропагандистских целях. В соответствии с государственной программой "Развитие культуры и туризма"

---

[20] См.: Молодежь все меньше смотрит телевизор. URL: https://news.rambler.ru/other/42082473/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 25.04.2019).

[21] См.: Молодежи посылают телесигнал // Газета Коммерсантъ. № 29 (6267) от 16.02.2018. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3549700 (дата обращения: 25.04.2019).

на 2013–2020 гг., одной из основных задач современного российского кинематографа является воспитание чувства патриотизма и гражданского самосознания россиян[22]. В 2004 г. был создан Фонд поддержки патриотического кино и литературы, основная цель которого — пропаганда патриотических идеалов и формирование положительного образа гражданина России и защитника Отечества[23].

С точки зрения конструирования общественного мнения о событиях современной истории, интерес представляет фильм "Крым" режиссера А.В. Пиманова, имеющий явную политическую окраску. Но он не вызвал особого внимания со стороны молодежи. Иначе был воспринят документальный фильма американского режиссера О. Стоуна "Путин", аудитория первой телевизионной трансляции которого была на редкость равномерна по возрастному составу. Аналогичный одноименный документальный фильм А.О. Кондрашова после телепоказа стал хитом социальных сетей, где его посмотрели свыше 35 миллионов человек[24].

Рассматривая традиционные СМИ как институт политической социализации, мы можем говорить о функциональной неполноте его влияния, поскольку его однонаправленность исключает одну из весьма значимых составляющих процесса социализации — возможность обратной связи посредством политической коммуникации. На сегодняшний день она осуществляется преимущественно в интернете.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бодрунова С.С. Медиакратия: современные подходы к определению термина // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2012. № 3. С. 203–215.

Вартанова Е.В., Засурский Я.Н. Медиаобразование как средство формирования информационной безопасности молодежи // Информационная и психологическая безопасность в СМИ / Под ред. А.И. Донцова, Я.Н. Засурского, М.Л. Матвеевой, А.И. Подольского. М., 2002. С. 7–18.

В России создадут политканал для детей? URL: https://news.rambler.ru/education/38356868-v-rossii-sozdadut-politkanal-dlya-detey/amp/ (дата обращения: 29.04.2019).

Государственная программа Российской Федерации "Развитие культуры и туризма" на 2013–2020 годы. URL: https://www.russiatourism.ru/content/2/section/27/detail/27/ (дата обращения: 10.04.2019).

Гришко Н.А. Специфика социально-политических факторов, влияющих на процесс политической социализации молодежи в современной России // Общество и право. 2012. № 1. С. 293–298.

---

[22] Государственная программа Российской Федерации "Развитие культуры и туризма" на 2013–2020 годы. URL: https://www.russiatourism.ru/content/2/section/27/detail/27/ (дата обращения: 10.04.2019).

[23] Фонд поддержки патриотического кино. URL: https://ruskino.ru/production/patriotfilm (дата обращения: 10.04.2019).

[24] Канал "Россия" начал показ фильма "Путин" // Вести.ru. URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=2997857&tid=111685 (дата обращения: 25.04.2019).

Добринская Д.Е. Социологическое осмысление интернета: теоретические подходы к исследованию сети // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 3. С. 21–38.

Елишев С.О. Молодежь как объект социализации и манипуляций. М., 2015.

Ермакова С.С. Доверие российского общества к СМИ: современное состояние и перспективы развития // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 12. С. 43–46.

Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 "О средствах массовой информации" (вступ. в силу с 01.01.2018). Статья 2. Средства массовой информации. Основные понятия. URL: https://rg.ru/1991/12/27/smi-zakon.html

Зиненко В.Е. Патриотическое воспитание российской молодежи: современные реалии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 1. С. 145–161.

Ихилов О. Быть или не быть: политическая социализация в изменяющемся мире // Политическая психология: Хрестоматия / Сост. Е.Б. Шестопал. М., 2018. С. 13–23.

Камнев Д.Г. СМИ в процессе политической социализации молодежи в России: фокус на сравнительный анализ роли Интернета // PolitBook. 2013. № 4. С. 61–74.

Канал "Россия" начал показ фильма "Путин" // Вести.ru. URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=2997857&tid=111685 (дата обращения: 25.04.2019).

Кастельс М. Власть коммуникации. М., 2017.

Молодежи посылают телесигнал // Газета Коммерсантъ. № 29 (6267) от 16.02.2018. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3549700 (дата обращения: 25.04.2019).

Молодежь все меньше смотрит телевизор. URL: https://news.rambler.ru/other/42082473/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 25.04.2019).

Молчанова О.И. Аспекты социального управления современной радиостанцией в условиях медиаконвергенции на примере радио "Эхо Москвы" // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 1. С. 78–95.

Мониторинг ВЦИОМ "Деятельность общественных институтов". URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennyx_institutov/ (дата обращения: 27.04.2019).

Опрос молодежи: досуговые и интернет-практики. Опрос ФОМ. URL: https://fom.ru/posts/13103 (дата обращения: 26.04.2019).

Паренти М. Демократия для немногих. М., 1990.

Политическая социализация российских граждан в период трансформации / Под ред. Е.Б. Шестопал. М., 2008.

Русакова О.Ф. Виртуальная власть масс-медиа // Дискурс-Пи. 2010. № 1–2. С. 33–37.

Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. 2014. Т. 14. № 4. С. 65–77.

СМИ: востребованность и оценки работы. Опрос ФОМ. URL: https://fom.ru/SMI-i-internet/14028 (дата обращения: 28.04.2019).

Сайганова Е.В. Политическая социализация молодежи: основные агенты и каналы формирования // Социология. Политология. 2013. № 4. С. 34–37.

Самсонова Т.Н. Проблемы гражданского образования в России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2007. № 4. С. 47–56.

Самсонова Т.Н. О гражданском воспитании в условиях институциональных изменений в современной России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 37–51.

Самсонова Т.Н. Гражданское образование в условиях глобализации: проблемы и пути совершенствования // Кризис цивилизации в контексте политических процессов XXI века / Под ред. А.И. Костина. М., 2016. С. 222–247.

Самсонова Т.Н. О становлении политической субъектности российской молодежи в процессе политической социализации // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 7. С. 18–24.

Самсонова Т.Н., Титов В.В. К вопросу о становлении национально-гражданской идентичности российской молодежи в условиях глобальных социокультурных трансформаций начала XXI века // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 3. С. 156–173.

Станевич А.Ю. Политические настроения российской молодежи: состояние и особенности // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 4. С. 254–272.

Суходолов А.П. Идеологическая функция средств массовой информации в условиях информационных войн // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. № 2. С. 117–126.

Титов В.В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности в России: роль институтов культуры и массмедиа // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 3. С. 45–57.

Титов В.В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. Монография. М., 2017.

Фонд поддержки патриотического кино. URL: https://ruskino.ru/production/patriotfilm (дата обращения: 10.04.2019).

Фигуровский Н. Фактчекинг бьет фейк-ньюс // Культура. 2019. № 15.

Шариков А. Политическое радио через призму истории // Ключи к эфиру: В 2 кн. Радиожурналист и политика / Под ред. Г.А. Шевелева. М., 2007. Кн. 1. С. 11–29.

REFERENCES

Bodrunova S.S. Mediakratiya: sovremenny'e podhody' k opredeleniyu termina [Mediacracy: modern approaches to the definition] // Vestnik SPbGU. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedeniye. Zhurnalistika. 2012. N 3. S. 203–215 (in Russian).

Dobrinskaya D.E. Sociologicheskoe osmy'slenie interneta: teoreticheskie podhody' k issledovaniyu seti [Sociological understanding of the Internet: theoretical approaches to the study of networks] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2016. N 3. S. 21–38 (in Russian).

Elishev S.O. Molodezh kak ob'ekt socializacii i manipulyacij [Youth as an object of socialization and manipulation]. M., 2015 (in Russian).

Ermakova S.S. Doverie rossijskogo obshhestva k SMI: sovremennoe sostoyanie i perspektivy' razvitiya [The Russian society's trust in mass media: current state and prospects of development] // Obshhestvo: politika, e'konomika, pravo. 2016. N 12. S. 43–46 (in Russian).

Figurovskij N. Faktcheking b'et fejk-n'yus [Factchecking beats fake news] // Kul'tura. 2019. N 15 (in Russian).

Fond podderzhki patrioticheskogo kino. URL: https://ruskino.ru/production/patriotfilm

Gosudarstvennaya programma Rossijskoj Federacii "Razvitie kul'tury' i turizma" na 2013–2020 gody'. URL: https://www.russiatourism.ru/content/2/section/27/detail/27/

Grishko N.A. Specifika social'no-politicheskih faktorov, vliyayushhih na process politicheskoj socializacii molodezhi v sovremennoj Rossii [Specificity of socio-political factors affecting the process of political socialization of young people in modern Russia] // Obshhestvo i pravo. 2012. N 1. S. 293–298 (in Russian).

Ihilov O. By't' ili ne by't': politicheskaya socializaciya v izmenyayushhemsya mire [To be or not to be: political socialization in a changing world] // Politicheskaya psihologiya: Hrestomatiya / Sost. E.B. Shestopal. M., 2018. S. 13–23 (in Russian).

Kamnev D.G. SMI v processe politicheskoj socializacii molodezhi v Rossii: fokus na sravnitel'ny'j analiz roli Interneta [Mass-media in the process of political socialization of the Russian youth: focus on comparative analysis of the Internet role] // PolitBook. 2013. N 4. S. 61–74 (in Russian).

Kanal "Rossiya" nachal pokaz fil'ma "Putin" // Vesti.ru. URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=2997857&tid=111685

Kastel's M. Vlast' kommunikacii [The power of communication]. M., 2017 (in Russian).

Merelman R.M. Revitalizing Political Socialization // Political Psychology: Contemporary Problems and Issues / Ed. by M. Hermann. San-Francisco, 1986. P. 279–319.

Molchanova O.I. Aspekty' social'nogo upravleniya sovremennoj radiostanciej v usloviyah mediakonvergencii na primere radio "E'ho Moskvy" [Aspects of social management of a modern radio station in the conditions of media convergence on the example of radio "Echo of Moscow"] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2019. N 1. S. 78–95 (in Russian).

Molodezh vse men'she smotrit trlevizor [Young people are less watching TV]. URL: https://news.rambler.ru/other/42082473/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

Molodezhi posy'layut telesignal // Gazeta Kommersant'. N 29 (6267) ot 16.02.2018. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3549700

Monitoring VCIOM "Deyatel'nost' obshhestvenny'h institutov". URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennyx_institutov/

Opros molodezhi: dosugovy'e i internet-praktiki. Opros FOM. URL: https://fom.ru/posts/13103

Parenti M. Demokratiya dlya nemnogih [Democracy for the few]. M., 1990. 418 s. (in Russian).

Politicheskaya socializaciya rossijskih grazhdan v period transformacii [Political socialization of Russian citizens in the period of transformation] / Pod red. E.B. Shestopal. M., 2008 (in Russian).

Rusakova O.F. Virtual'naya vlast' mass-media [Virtual power of mass-media] // Diskurs-Pi. 2010. N 1–2. S. 33–37 (in Russian).

Rusakova O.F., Gribovod E.G. Politicheskij mediadiskurs i mediatizaciya politiki kak koncepty' politicheskoj kommunikativistiki [Political media discourse and communication policy as the concepts of political communication study] // Nauchny'j ezhegodnik IFiP UrO RAN. 2014. N 4. S. 65–77 (in Russian).

SMI: vostrebovannost' i ocenki raboty'. Opros FOM. URL: https://fom.ru/SMI-i-internet/14028

Sajganova E.V. Politicheskaya socializaciya molodezhi: osnovny'e agenty' i kanaly' formirovaniya [Political socialization of the youth: key agents and channels of formation] // Sociologiya. Politologiya. 2013. N 4. S. 34–37 (in Russian).

Samsonova T.N. Problemy' grazhdanskogo obrazovaniya v Rossii [Problems of civic education in Russia] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya, 2007. N 4. S. 47–56 (in Russian).

Samsonova T.N. O grazhdanskom vospitanii v usloviyah institucional'ny'h izmenenij v sovremennoj Rossii [On civic education in the context of institutional changes in modern Russia] // Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2012. N 2. S. 37–51 (in Russian).

Samsonova T.N. Civic Education for the 21st Century: Russia and the USA // Politics, Culture and Socialization. 2013. Vol. 4. N 1. P. 23–34.

Samsonova T.N. Grazhdanskoe obrazovanie v usloviyah globalizacii: problemy' i puti sovershenstvovaniya [Civil education in the context of globalization: problems and ways of improvement] // Krizis civilizacii v kontekste politicheskih processov XXI veka / Pod red. A.I. Kostina. M., 2016. S. 222–247 (in Russian).

Samsonova T.N. O stanovlenii politicheskoj sub"ektnosti rossijskoj molodezhi v processe politicheskoj socializacii [On the formation of political subjectivity of the Russian youth in the process of political socialization] // Obshhestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika. 2018. N 7. S. 18–24 (in Russian).

Samsonova T.N., Titov V.V. K voprosu o stanovlenii nacional'no-grazhdanskoj identichnosti rossijskoj molodezhi v usloviyah global'nyh sociokul'turny'h transformacij nachala XXI veka [On the question of formation of national-civil identity of the Russian youth in the conditions of global socio-cultural transformations at the beginning of the XXIst century] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2017. N 3. S. 156–173 (in Russian).

Sharikov A. Politicheskoe radio cherez prizmu istorii [Political radio through the prism of history] // Klyuchi k e'firu: V 2 kn. Radiozhurnalist i politika / Pod red. G.A. Sheveleva. M., 2007. Kn. 1. S. 11–29 (in Russian).

Stanevich A.Yu. Politicheskie nastroeniya rossijskoj molodezhi: sostoyanie i osobennosti [Political mood of the Russian youth: state and characteristics] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2018. N 4. S. 254–272 (in Russian).

Suhodolov A.P. Ideologicheskaya funkciya sredstv massovoj informacii v usloviyax informacionny'h vojn [Ideological function of mass media in the conditions of information wars] // Voprosy' teorii i praktiki zhurnalistiki. 2015. N 2. S. 117–126 (in Russian).

Titov V.V. Politika pamyati i formirovanie nacional'no-gosudarstvennoj identichnosti v Rossii: rol' institutov kul'tury' i massmedia [Politics of memory and formation of national-state identity in Russia: the role of cultural institutions and mass media] // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarny'e nauki. 2016. N 3. S. 45–57 (in Russian).

Titov V.V. Politika pamyati i formirovanie nacional'no-gosudarstvennoj identichnosti: rossijskij opy't i novy'e tendencii. Monografiya. [Politics of memory and the formation of national-state identity: Russian experience and new trends]. M., 2017 (in Russian).

Vartanova E.V., Zaruskij Ya.N. Mediaobrazovanie kak sredstvo formirovaniya informacionnoj bezopasnosti molodyozhi [Media education as a means of formation of information security of the youth] // Informacionnaya i psihologicheskaya bezopasnost' v SMI / Pod red. A.I. Doncova, Ya.N. Zasurskogo, M.L. Matveevoj, A.I. Podol'skogo. M., 2002. S. 7–18 (in Russian).

V Rossii sozdadut politkanal dlya detej? URL: https://news.rambler.ru/education/38356868-v-rossii-sozdadut-politkanal-dlya-detey/amp/

Zakon RF ot 27.12.1991 N 2124-1 "O sredstvah massovoj informacii" (vstup. v silu s 01.01.2018). Stat'ya 2. Sredstva massovoj informacii. Osnovny'e ponyatiya. URL: https://rg.ru/1991/12/27/smi-zakon.html

Zinenko V.E. Patrioticheskoye vospitanie rossijskoj molodezhi: sovremenny'e realii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2019. N 1. S. 145–161 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-265-278

ТРАНСФОРМАЦИИ КОРПОРАТИВИЗМА В ЭПОХУ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

П.С. Каневский, канд. полит. наук, доц. кафедры политологии и социологии политических процессов социологии Социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Данная статья посвящена исследованию становления и современного состояния корпоративизма в странах Западной Европы. Автор показывает, каким образом происходила эволюция корпоративизма начиная с XIX в. и каким образом корпоративизм трансформировался в течении XX в. Особое внимание в статье уделяется последней стадии развития корпоративизма, которая связана с эволюцией неолиберализма и политического плюрализма. Корпоративизм рассматривается как форма взаимодействия организованных групп общества с государством и как политико-идеологическое течение, уходящее корнями в средневековую социальную философию. Расцвет корпоративизма пришелся на послевоенные десятилетия, когда большинство стран Западной Европы пошли по пути создания вертикально интегрированных ассоциативных групп, представлявших интересы основных социально-экономических групп, в первую очередь, бизнеса и наемных работников. При этом корпоративизм всегда строился на четком ценностном фундаменте, который подразумевал следование общественным интересам и равномерное распределение ресурсов между всеми участниками корпоративных договоренностей. В статье показано, каким образом наступление неолиберализма привело к снижению роли корпоративизма. Начиная с 1990-х гг., в тех странах, которые традиционно выстраивали процесс согласования и принятия ключевых политических решений на корпоративистской основе, происходит очевидная плюрализация систем групп интересов, которая все чаще вытесняет традицию и практику корпоративизма. При этом корпоративизм не исчезает, во многих странах он остается важным элементом системы коллективного согласования интересов, однако меняется его характер и содержание. Отсюда можно сделать вывод, что классические концепции корпоративизма не способны полностью объяснить его сегодняшнее состояние, необходимо использовать новые подходы, которые могли бы выявлять суть происходящих трансформаций.

Ключевые слова: *корпоративизм, неокорпоративизм, плюрализм, либерализм, неолиберализм, группы интересов, лоббизм.*

* **Каневский Павел Сергеевич,** e-mail: baggio-18@yandex.ru

TRANSFORMATIONS OF CORPORATISM IN NEOLIBERAL ERA

Kanevskiy Pavel S., PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Political Science and Sociology of Political Processes, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: baggio-18@yandex.ru

This article is devoted to the study of the formation and current state of corporatism in Western European countries. Author shows how the evolution of corporatism took place since the XIX century and how corporatism was transforming during the XX century. Particular attention is paid to the last stage of the development of corporatism, which is associated with the evolution of neoliberalism and political pluralism. Corporatism is seen as a form of interaction between organized groups of society and the state, and as a political-ideological category rooted in medieval social philosophy. Corporatism flourished in the post-war decades, when most of the countries of Western Europe took the path of creating vertically integrated associative groups representing the interests of the main socio-economic groups, primarily business and employees. At the same time, corporatism has always been built on a clear value foundation, which implies the pursuit of public interests and the equal distribution of resources among all parties of corporate agreements. The article shows how the onset of neoliberalism led to a reduction in the role of corporatism. Since the 1990s, in those countries that traditionally lined up to the process of agreeing on and adopting key political decisions on a corporate basis, there has been an obvious pluralisation of the systems of interest groups, which is increasingly replacing the tradition and practice of corporatism. At the same time, corporatism does not disappear; in many countries it remains an important element of collective bargaining, but its nature and content are changing. We can conclude that the classic concepts of corporatism are not able to fully explain its current state, it is necessary to use new approaches that could reveal the essence of the transformations taking place.

Key words: *corporatism, neocorporatism, pluralism, liberalism, neoliberalism, interest groups, lobbying.*

Корпоративизм исторически является одной из наиболее устойчивых форм взаимодействия организованных групп интересов и органов власти. Будучи глубоко укорененным в западноевропейской традиции, корпоративизм в течение десятилетий определял развитие систем групп интересов в странах Скандинавии, Германии, Австрии, Швейцарии, Нидерландах. В разное время корпоративизм оказывал серьезное влияние на организацию политического процесса в Великобритании, Ирландии, Франции, Бельгии, Италии, Испании, Люксембурге. Иными словами, в послевоенный период практически все страны Западной Европы пережили на себе влияние идей и практик корпоративизма. Однако сегодня корпоративизм переживает период исторического кризиса, теряя влияние даже в тех странах, где он был более всего укоренен. Данная статья представляет собой попытку выявить идейные и политические предпосылки развития корпоративизма в Европе в XX в., а также проследить причины его трансформаций в условиях неолиберальной эпохи.

Корпоративизм происходит от латинского слова *corpo* (тело) и в широком смысле означает организацию и структуру социально-экономических интересов общества[1]. Как политико-идеологическое течение, корпоративизм начал активно развиваться во второй половине XIX в. в странах Западной Европы. С одной стороны, корпоративизм во многом стал ответом на политический либерализм, который в XIX в. представлял из себя "совокупность таких ценностей, как индивидуализм, свобода, разум, справедливость, толерантность и частная собственность"[2]. Корпоративисты видели в свободном рынке, продвигаемом либерализмом, систему, в которой выигрывает сильнейший, в ущерб общественному интересу. Развитие профсоюзного движения и социал-демократических партий послужило важной институциональной предпосылкой распространения корпоративизма, который был призван найти баланс между обществом и государством в условиях набиравших силу классовых противоречий.

Главные идейные предпосылки корпоративизма содержатся в средневековой католической социальной философии, к которой не раз обращались корпоративисты XIX в. Они настаивали на установлении "коллективистских и иерархических отношений ради преодоления социальных разрывов и достижения общего блага"[3]. Ранний корпоративизм рассматривал доиндустриальное средневековое общество как пример гармоничного и естественного общества. Это общество не было ни раздробленным, ни монолитным, а подразделялось на функциональные элементы, такие как городские сообщества, братства и гильдии, в рамках которых существовало четкое разделение обязанностей и которые действовали ради блага тех сообществ, которые они представляли.

Одним из наиболее ярких манифестов раннего корпоративизма стала энциклика Папы Римского Льва XIII от 1891 г. Папа выступил с критикой одновременно и социализма, и либерализма, предлагая частичное возрождение духа средневекового коллективизма. Решение классовых конфликтов он видел в создании ассоциаций наемных работников и работодателей, схожих со средневековыми гильдиями, которые служили бы защитой для своих членов и способствовали решению спорных вопросов, касающихся в первую очередь распределения доходов. Папа ссылался на опыт гильдий, которые структурировали средневековую экономику вертикально, а каждая гильдия представляла отдельную ремесленную отрасль. Это в корне отличалось от социалистической идеологии того времени, которая предлагала структурировать

---

[1] См.: *Capling A.* Corporatism // Encyclopedia of Democratic Thought / Ed. by P. Clarke, J. Foweraker. L., 2001. P. 139.

[2] *Осипова Н.Г.* Социально-философские основы (теоретическое ядро) классического либерализма // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 7.

[3] *Capling A.* Corporatism. P. 139.

экономику посредством классов, а не отдельных секторов экономики. В видении Льва XIII, ассоциации должны быть вертикальными картелями, которые равномерно распределяют ренту между их членами. По его мнению, "ответственным за формирование подобных картелей должно быть государство, которое оставляет за собой право вмешательства во взаимоотношения между работниками и работодателями с тем, чтобы не допустить нечестного распределения"[4].

Вплоть до Первой мировой войны идеи корпоративизма были фактически монополизированы социальным католицизмом. Однако в межвоенный период ситуация меняется и корпоративизм постепенно становится политическим мэйнстримом. По мнению П. Крауча, «возникают версии корпоративизма, в основе которых — стремление к созданию нового светского ценностного единства: в первую очередь следует упомянуть в этой связи корпоративизм Эмиля Дюркгейма. Сторонники такого рода теорий не проявляли особого интереса к государству; его не рассматривали в качестве главного центра организации корпоративных единиц. В некоторых версиях порядок, который, как предполагалось, будет обеспечен соглашениями между представителями интересов, рассматривался в качестве замены государства: такой подход можно видеть на примере английского "гильдейского социализма"»[5]. Корпоративистские идеи распространяются практически во всех странах Западной Европы, включая Австрию, Германию, Скандинавию. В частности, в Австрии "возникает система палат, практика сотрудничества между государством и объединениями лиц с общими интересами; тогда же произошла централизация в профсоюзах, началось сотрудничество в органах, образованных на паритетных началах"[6]. В конечном счете, корпоративизм межвоенного периода был попыткой как гармонизации общества в условиях нарастающих социальных противоречий, так и способом сохранения легитимности государства, которая ставилась под сомнение революционными движениями.

Примечательно, что впервые корпоративизм стал полноценной основой государственной политики в авторитарных и тоталитарных странах. Несомненным лидером не только с точки зрения внедрения, но и научного осмысления корпоративизма оказалась Италия эпохи Б. Муссолини. В 1920–1930-е гг. в Италии образовалась отдельная школа корпоративизма, включавшая в себя такие имена как Дж. Боттаи, А. Рокко, Э. Россони, А. Градилоне и пр[7]. Итальянские корпоративисты

---

[4] Цит. по: *Morck R., Yeung B.* Corporatism and the ghost of the third way // Capitalism and Society. 2010. N 5 (3). P. 13.

[5] Цит. по: *Салмин М.С.* Неокорпоративизм в странах Запада // Полития. 2005. № 3. С. 262.

[6] Там же. С. 277.

[7] См.: *Costa Pinto A.* Corporatism and Fascism: the corporatist wave in Europe. L.; N.Y., 2017.

пытались обосновать увеличение роли государства в новых социально-политических условиях и встроить данную теорию в общие рамки нового тоталитаризма. Один из родоначальников фашистской теории корпоративизма А. Рокко писал в 1920 г., что "причиной нарастающего экономического и политического кризиса в Италии было бесконтрольное развитие различных групповых объединений, что ведет к упадку государства… Следовательно, для того, чтобы остановить дезинтеграцию, государство должно не уничтожать данные объединения, а встроить их в систему государственного управления"[8]. Более того, данные группы должны быть выстроены таким образом, чтобы существовал постоянный диалог между объединениями работодателей и объединениями наемных работников для решения трудовых конфликтов. Государство же гарантирует нахождение компромиссных решений для всех сторон. Однако в реальной политической жизни фашистский вариант корпоративизма предоставил государству фактически монопольное право создания и регулирования ассоциаций, лишив последние какой-либо видимой самостоятельности. Хотя фашистский вариант корпоратизма стал обоснованием всеобъемлющей роли государства в межвоенной Италии, нацистской Германии, франкистской Испании, салазаровской Португалии, он заложил важное направление для анализа и практического развития взаимодействия групп интересов и государства.

Будучи прочно связанным в общественном мнении с фашизмом, термин "корпоративизм" перестает употребляться в научном лексиконе после Второй мировой войны, однако реальные корпоративистские отношения никуда не исчезли. Приняв либеральные конституции, разрушенные войной страны Западной Европы не были готовы к быстрой либерализации. Поэтому практически все страны Западной Европы, которые до войны находились под влиянием теории и практики корпоративизма, сохранили высокую роль государства в управлении групповыми интересами. Главное отличие заключалось в том, что новый корпоративизм подразумевал, что теперь ассоциации и прочие секторальные группы становятся главными действующими акторами, в то время как государству отводится лишь роль регулятора. Ф. Шмиттер назвал это "социетальным корпоративизмом", а Г. Лембрух "либеральным корпоративизмом", подчеркивая, что государство формулирует политику, в первую очередь исходя из интересов крупнейших ассоциативных объединений, таких как пиковые ассоциации бизнеса или профсоюзы. Ф. Шмиттер предложил различать корпоративизм прошлого, который был дискредитирован связью с фашистскими режимами, и послевоенный неокорпоративизм, который развился в условиях демократизации и либерализации большинства западноевропейских стран.

---

[8] Цит. по: *Meenan J.* Corporatism in Italy // The Irish Monthly. 1936. Vol. 64. N 762. P. 795.

В этом же русле рассуждал Г. Лембрух, который предложил разделять исторические типы корпоративизма — традиционный, характерный для гильдейских систем Средневековья, этатистский, развившийся в межвоенный период в авторитарных и тоталитарных странах, и, наконец, либеральный, свойственный для западноевропейских индустриальных стран после Второй мировой войны[9]. По словам А.В. Павроза, "хотя в практическом плане новый корпоративизм, так же как и старый, строится на формировании политики в рамках тесного и зачастую закрытого взаимодействия между наиболее крупными группами интересов и государственными институтами, характер указанного взаимодействия существенно изменился: группы получили большую свободу, а директивная роль государства сократилась"[10].

Новый корпоративизм стал обозначать не просто институциональную поддержку со стороны государства для больших ассоциированных групп, но и четко выстроенный процесс согласования и принятия решений, основную роль в которых играют ассоциации с постоянным штатом, стремящиеся к выражению интересов наиболее важных общественных групп, таких как промышленники, члены профсоюзов, сельско-хозяйственные работники и пр. Согласно Ф. Шмиттеру, корпоративизм определяли и как идеологию, и как разновидность политической культуры или государственного устройства, и как форму организации экономики, и даже как особый тип общества; наиболее продуктивным оказался подход, в рамках которого корпоративизм рассматривается в качестве "одного из возможных механизмов, позволяющих ассоциациям интересов посредничать между своими членами (индивидами, семьями, фирмами, локальными сообществами, группами) и различными контрагентами (в первую очередь, государственными и правительственными органами)"[11].

При этом Ф. Шмиттер считал, что корпоративизм важно рассматривать как антипод плюрализма, который в большей степени свойственен странам англо-американского типа. Если под плюрализмом Ф. Шмиттер понимал равные возможности для групп интересов мобилизовать ресурсы и влиять на политику, то новый корпоративизм подразумевает "систему представительства интересов, составные части которой организованы в несколько особых, принудительных, неконкурентных, иерархически упорядоченных, функционально различных разрядов, официально признанных или разрешенных (а то и просто созданных) государством, наделяющим их монополией на представительство в

---

[9] См.: *Almond G.* Corporatism, pluralism, and professional memory // World Politics. 1983. Vol. 35. N 2. P. 249.

[10] *Павроз А.В.* Корпоративизм: истоки, эволюция, современное состояние // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2009. № 4. С. 55.

[11] *Шмиттер Ф.* Неокорпоративизм // Полис. 1997. № 2. С. 15–16.

своей области в обмен на известный контроль за подбором лидеров и артикуляцией требований"[12]. При этом Ф. Шмиттер не скрывал своей симпатии к корпоративизму, считая это более справедливым способом учета общественных интересов по сравнению с плюрализмом, который виделся им как источник неравенства в доступе к процессу принятия решений.

Согласно другому классическому определению А. Коусона, корпоративизм — это не просто представительство интересов, это "специфический социально-политический процесс, в котором организации, представляющие монополистические функциональные интересы, вступают во взаимодействие с органами государственной власти по поводу принятия решений"[13]. При этом государство исходит из того, что политика в первую очередь должна быть ориентирована на экономический рост, повышение конкурентоспособности и умение реагировать на структурные изменения в экономике.

Однако корпоративизм в Европе всегда обозначал не только механизм принятия решений, но и определенную систему ценностей, прочно укорененную в политической традиции и базирующуюся на равноправном доступе к политическим ресурсам и коллективному решению социально-политических конфликтов. В этом смысле наиболее полным представляется определение послевоенного корпоративизма, данное Г. Лембрухом: "Корпоративизм — это больше, чем способ артикуляции интересов. Скорее, это институциональный процесс принятия решений, в рамках которого крупные заинтересованные организации взаимодействуют друг с другом и с органами власти не только во имя артикуляции, но ради определения общих ценностей и реализации политики, построенной на данных ценностях"[14]. Данное определение очень четко выхватывает дух взаимодействия групп интересов и государства в условиях корпоративизма, конечной целью которого является не просто оказание влияния ради достижения узкогрупповых целей, но поддержка социального консенсуса в интересах общества. Определение Г. Лембруха примечательно тем, что оно подчеркивает не только рациональные политико-экономические основания корпоративизма, но и его ценностное, моральное начало.

Многие видели в новом корпоративизме способ сглаживания крайностей либерализма и социализма. В частности, Й. Шумпетер писал, что "ассоциативный корпоративизм устранит преграды, которые существуют между рабочими и работодателями… Однако ассоциативный корпоративизм не может быть навязан или внедрен исключительно

---

[12] *Шмиттер Ф.* Неокорпоративизм. С. 16.

[13] *Cawson A.* Organized Interests and the state. Studies in Mesocorporatism. L., 1985. P. 8.

[14] *Lehmbruch G.* Liberal corporatism and party government // Trends towards Corporatist Intermediation / Ed. by P. Schmitter, G. Lehmbruch. L., 1979. P. 150.

посредством соответствующих законов. Он может быть рожден только волей и действиями свободных людей, которые руководствуются принципами социальной ответственности и моральными принципами"[15]. Й. Шумпетер видел в корпоративизме способ сдерживания социализма, который, по его мнению, содержит постоянную тенденцию к чрезмерной централизации и крайностей либерализма, грозящих конфликтами и социальными разрывами в обществе.

Однако в 1980–1990-е гг. вместе с наступлением неолиберальной эпохи теория неокорпоративизма постепенно теряет свое влияние, так как на место взаимодействия между вертикально организованными ассоциациями профсоюзов и промышленников приходят плюралистические отношения. Идеи свободного рынка и неолиберальная идеология, направленная на снижение роли государства, вступили в прямое противоречие с принципами корпоративизма. Отличительными чертами плюралистических систем, присущих в первую очередь США, Великобритании и странам Содружества, является то, что членство в группах носит добровольный характер, они чаще имеют свободную и децентрализованную организационную структуру, а также в большинстве случаев отделены и независимы от правительства. В рамках подобной системы существует множество особых секторов общественных интересов или, если воспользоваться терминологией Р. Даля, — сфер принятия решений. Каждая из сфер принятия решений представлена самыми разными группами интересов, — от ассоциаций до профсоюзов, — которые ведут конкурентную борьбу между собой за право доступа к центрам власти.

Т. Бернс и М. Карсон считают, что плюрализм и корпоративизм отличны по организации взаимодействия групп интересов и органов власти, институциализации взаимодействия, нормам и стратегиями, которые выбирают группы интересов для осуществления влияния и предсказуемости принятия решений (см. табл.).

Современная Европа в значительной степени является пространством, сочетающем в себе корпоративистские и плюралистические отношения, причем все чаще данное соотношение не в пользу корпоративизма. Причину этой трансформации еще в 1991 г. очень точно описали В. Штреек и Ф. Шмиттер в рубежной статье "От национального корпоративизма к транснациональному плюрализму"[16]. Авторы отмечают, что европейская интеграция с 1980-х гг. была направлена не только на создание единого рынка, но на максимальное дерегулирование национальных экономик. Увеличение влияния транснационального биз-

---

[15] *Noto S.* Beyond the business cycle and socialism: the late Schumpeter's corporatist view. SSRN. 2008. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1261910 (accessed: 15.05.2019).

[16] См.: *Streeck W., Schitter P.* From national corporatism to transnational pluralism: organized interests in the single European market // Politics & Society. 1991. Vol. 19. Iss. 2.

Таблица

Корпоративизм и плюрализм[17]

	Корпоративизм	**Плюрализм**
Организация взаимодействия	Интегративная система взаимодействия между группами интересов и государством. Ограниченное количество групп интересов, встроенных в процесс принятия решений. Группы интересов выстроены в вертикальные организации, а контакты с органами власти носят формальный и упорядоченный характер	Фрагментированная система взаимодействия между группами интересов и государством. Большое количество групп интересов, взаимодействующих с органами власти. Взаимодействие построено на двусторонних контактах между организованными группами, лицами и центрами принятия решений
Институциализация взаимодействия	Государство создает и регулирует институты, посредством которых осуществляется взаимодействие групп интересов и органов власти, влияние первых на процесс принятия решений. Группы интересов институционально зависимы от государства. Государство отвечает за урегулирование конфликтов, возникающих между группами интересов	Минимальная институциализация взаимодействия со стороны государства. Группы интересов редко встроены в институты взаимодействия, создаваемые государством. Группы интересов более свободны и независимы от государства. Государство принимает минимальное участие в урегулировании конфликтов между группами интересов. Следовательно, между группами интересов выше уровень конкуренции
Нормы взаимодействия	Взаимодействие между группами интересов и государством построено на нормах инклюзивности, компромисса, общего блага, коллективного интереса	У групп интересов не обязательно имеются социальные обязательства. Превалирование частных интересов. Доступ к органам власти не регламентируется четкими нормами
Стратегии групп интересов	Стратегии влияния построены на правилах, соответствующих нормам взаимодействия. Стратегии носят стабильный характер, так как механизм взаимодействия групп интересов и органов власти существует в течении длительного времени	Стратегии влияния построены на торге и зависят от количества ресурсов, которыми обладают группы интересов. Стратегии выбираются исходя из собственных интересов организованных групп. Компромиссы, союзы с другими группами интересов могут использоваться как временная тактика влияния, но не являются основой стратегий
Предсказуемость процесса принятия решений	Относительно высокая степень предсказуемости процесса принятия решений. Принятие решений носит негибкий характер, так как отбираются только те интересы, которые соответствуют базовым принципам и нормам	Относительно низкая степень предсказуемости процесса принятия решений. Принятие решений носит гибкий характер, так как существует меньше институциональных и нормативных преград для влияния на органы власти

[17] См.: *Burns T., Carson M.* European Union neo-corporatist, and pluralist governance arrangements: lobbying and policy-making patterns in a comparative perspective // International Journal of Regulation and Governance. 2002. N 2 (2). P. 133.

неса на общеевропейскую политику, а также отсутствие традиционных корпоративистских институтов в наднациональных органах Евросоюза, в конечном счете, будет характеризоваться тенденцией к снижению роли иерархий и монополий в сфере согласования интересов. "Как бы ни развивалось европейское сообщество после 1992 г., нет никаких оснований говорить, что процесс будет повернут вспять, в сторону усиления неокорпоративизма"[18]. Уже в начале 1990-х гг. было очевидно, что время масштабных корпоративистских систем уходит в прошлое.

При этом нельзя сказать, что в условиях неолиберализма корпоративизм полностью утратил свое влияние. Существует ряд исследований, которые указывают на то, что корпоративистская политика координации интересов не перестала играть свою роль в регулировании рынка труда и социального обеспечения[19]. Более того, корпоративистские отношения распространились на такие страны, как Ирландия, в которой, как казалось, для его развития не было базовых условий в виде централизованных иерархических организаций на рынке труда. Однако было очевидно, что классическая шмиттеровская модель уступает место новым вариациям корпоративизма, подверженным влиянию нового витка либерализма. Стали появляться новые модели, пытающиеся выхватить суть происходящих изменений и то, как корпоративизм модифицирует себя в новых политических, экономических и идеологических условиях. Одной из самых известных стала модель динамичного корпоративизма.

Одними из первых модель динамичного корпоративизма ввели Й. Виссер и А. Хемерейк, которые на примере Нидерландов наглядно показали, каким образом произошла трансформация корпоративизма в условиях нового политико-экономического климата. По их мнению, корпоративизм в 1990-х гг. в корне отличался от того, что было в послевоенный период, так как корпоративистские отношения, хотя и сохранили ориентацию на поиск доверия и консенсуса между группами интересов и государством, "перешли на микроуровень тысяч локальных переговоров между компаниями, профсоюзами, организациями работодателей и органами власти"[20]. Й. Виссер и А. Хемерейк выделили две важнейшие характеристики нового корпоративизма: уровень институциональной интеграции и уровень социетальной поддержки. Уровень

---

[18] *Streeck W., Schitter P.* From national corporatism to transnational pluralism: organized interests in the single European market. P. 159.

[19] См., например: *Bacarro L.* What is Dead and what is Alive in the Theory of Corporatism? // British Journal of Industrial Relations. 2003. Vol. 41. Iss. 4; *Schmitter P., Grote J.* The Renaissance of national corporatism: unintended side-effect of European Economic and Monetary Union or calculated response to the absence of European social policy? // Transfer: European Review of Labour and Research. 1999. Vol. 5. Iss. 1–2.

[20] *Visser J., Hemerijck A.* "A Dutch miracle" — Job Growth, welfare reform and corporatism in the Netherlands. Amsterdam, 1997. P. 64.

институциональной интеграции показывает, в какой степени органы власти поддерживают группы интересов и трипартистские институты. Уровень социетальной поддержки демонстрирует, насколько сами группы интересов репрезентативны и насколько они поддерживают корпоративистские практики. Хотя напрямую данные характеристики друг с другом не коррелируют, вместе взятые они дают возможность оценить уровень развития корпоративистских отношений между группами интересов и властью. Если совпадают высокий уровень институциональной интеграции и уровень социетальной поддержки, это приводит к отзывчивому корпоративизму, более или менее соответствующему идеальной модели. Если оба показателя находятся на низком уровне развития, это ведет к разрыву в корпоративистском механизме.

Модель динамичного корпоративизма получила широкое распространение применительно и к странам Скандинавии. В частности, М. Майланд в середине 2000-х г. высказал идею, что датская модель более не подпадает под привычные рамки корпоративизма в духе Ф. Шмиттера, а является скорее вариантом динамичного корпоративизма. Динамичный корпоративизм, по М. Майланду, является "формой корпоративизма, при котором формулировка политики происходит посредством временных *ad hoc* соглашений"[21]. В отличие от классического корпоративизма, когда обсуждение соглашений между индустрией, работодателями и государством было фактически монополизировано большими зонтичными ассоциациями и подразумевало долгосрочность их исполнения, сегодня подобные соглашения обсуждаются по многочисленным каналам и должны перезаключаться гораздо чаще, учитывая динамично меняющуюся экономическую и политическую обстановку.

Другими словами, неолиберальный виток развития Запада привел к тому, что традиционный корпоративизм был вынужден подстраиваться под новые условия и, как следствие, трансформироваться. Важнейшим следствием неолиберальной политики стало политическое дерегулирование и, как следствие, снижение роли государства в управлении общественными интересами, что было важнейшим элементом неокорпоративизма. По словам В.И. Челищева, новая неолиберальная модель «воспроизводила в подновленном приспособленном к новым экономическим условиям варианте, модель формирующейся политической экономики капиталистического общества А. Смита, в которой роль государства существенно "урезалась", а стихийного рынка — увеличивалась»[22]. Снижение роли государства привело к тому, что вся

[21] *Mailand M.* Dynamic neo-corporatism — regulating work and welfare in Denmark // Transfer: European Review of Labour and Research. 2006. N 12 (3). P. 386.

[22] *Челищев В.И.* Либерализм — неолиберализм — рыночный фундаментализм: от концепции свободы к тоталитарной догме (*Окончание*) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 1. С. 171.

система взаимодействия между группами интересов и государством стала более фрагментированной, группы интересов стали более свободными и независимыми от государства, а стратегии их влияния стали строится в большей степени на торге, чем на установленных нормах взаимодействия. Данные тенденции лишний раз подтверждают, что корпоративизм не только видоизменяется, но все чаще уступает место плюрализму.

Последние три десятилетия даже в системах, которые исконно считались корпоративистскими, таких как Австрия, Германия, скандинавские страны, происходит стремительное развитие плюралистических отношений — группы интересов чаще стремятся не зависеть от корпоративистских структур и самостоятельно отстаивать свои позиции. Исследователи корпоративизма и плюрализма в Скандинавии Х. Ромметвед, Г. Тесен, П.С. Кристиансен, А. Нёргард считают, что развитие лоббизма в англо-американском духе связано именно с усилением плюралистических взаимоотношений организованных групп с государством, которые противоречат скандинавским традициям корпоративизма. "Корпоративизм является институционализированной и привилегированной интеграцией организованных групп в процесс подготовки и реализации политических решений… Лоббизм же является непривилегированным и неинстуционализированным участием групп интересов в подготовке и принятии политических решений"[23].

Это не значит, что корпоративизм оказался полностью замещен плюрализмом, так как ряд важных элементов корпоративистского механизма согласования интересов сохраняются, особенно в тех странах, где корпоративизм является давней частью политической традиции. Однако новый виток развития политических систем в условиях неолиберализма и, как следствие, дробление систем групп интересов, повышение значимости частных интересов при принятии решений, индивидуализация политики, привели к тому, что "золотой век" корпоративизма остался в прошлом. Для Западной Европы это означает фундаментальный сдвиг в развитии всей системы представительства интересов. Снижение роли корпоративизма неизбежно сказывается на роли традиционных центристских политических партий, для которых корпоративные структуры были важнейшей институциональной опорой. Усиление плюрализма означает, что отношения между организованными группами и государством становятся более хаотичными и в меньшей степени подчиняются четким нормам. Развитие лоббизма англо-американского типа также является прямым следствием. Это ставит перед государствами задачу быстрого реагирования на изменя-

[23] *Rommetvedt H., Thesen G., Christiansen P.M., Nørgaard A.S.* Coping with corporatism in decline and the revival of parliament. Interest group lobbyism in Denmark and Norway, 1980–2005 // Comparative Political Studies. 2013. Vol. 46. Iss. 4. P. 460–461.

ющееся политическое пространство и необходимость регулирования новых типов взаимоотношений между группами интересов и властью. Для научного сообщества это означает необходимость разработки новых концепций, которые могли бы с большей точностью описывать те трансформации, которые переживает корпоративизм в его нынешнем состоянии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Осипова Н.Г. Социально-философские основы (теоретическое ядро) классического либерализма // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4.

Павроз А.В. Корпоративизм: истоки, эволюция, современное состояние // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2009. № 4.

Салмин М.С. Неокорпоративизм в странах Запада // Полития. 2005. № 3.

Челищев В.И. Либерализм — неолиберализм — рыночный фундаментализм: от концепции свободы к тоталитарной догме (*Окончание*) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 1.

Шмиттер Ф. Неокорпоративизм // Полис. 1997. № 2.

REFERENCES

Almond G. Corporatism, pluralism, and professional memory // World Politics. 1983. Vol. 35. N 2.

Bacarro L. What is dead and what is alive in the theory of corporatism? // British Journal of Industrial Relations. 2003. Vol. 41. Iss. 4.

Burns T., Carson M. European Union neo-corporatist, and pluralist governance arrangements: lobbying and policy-making patterns in a comparative perspective // International Journal of Regulation and Governance. 2002. N 2 (2).

Capling A. Corporatism // Encyclopedia of Democratic Thought / Ed. by P. Clarke, J. Foweraker. L.; N.Y., 2001.

Cawson A. Organized Interests and the State. Studies in Mesocorporatism. L., 1985.

Chelischev V.I. Liberalizm — neoliberalizm — rynochnyj fundamentalizm: ot koncepcii svobody k totalitarnoj dogme (okonchanie) [Liberalism — neoliberalism — market fundamentalism: from the concept of freedom to totalitarian dogma (ending)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. 2016. N 1 (in Russian).

Costa Pinto A. Corporatism and fascism: the corporatist wave in Europe. L.; N.Y., 2017.

Lehmbruch G. Liberal corporatism and party government // Trends towards Corporatist Intermediation / Ed. by P. Schmitter, G. Lehmbruch. L., 1979.

Mailand M. Dynamic neo-corporatism — regulating work and welfare in Denmark // Transfer: European Review of Labour and Research. 2006. N 12 (3).

Meenan J. Corporatism in Italy // The Irish Monthly. 1936. Vol. 64. N 762.

Morck R., Yeung B. Corporatism and the ghost of the third way // Capitalism and Society. 2010. N 5 (3).

Noto S. Beyond the business cycle and socialism: the late Schumpeter's corporatist view. SSRN. 2008. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1261910 (accessed: 15.05.2019).

Osipova N.G. Social'no-filosofskie osnovy (teoreticheskoe yadro) klassicheskogo liberalizma [Socio-philosophical foundations (theoretical core) of classical liberalism] //

Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. 2015. N 4 (in Russian).

Pavroz A.V. Korporativizm: istoki, evolyuciya, sovremennoe sostoyanie [Corporatism: origins, evolution, current state] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. 2009. N 4 (in Russian).

Rommetvedt H., Thesen G., Christiansen P.M., Nørgaard A.S. Coping with corporatism in decline and the revival of parliament. Interest group lobbyism in Denmark and Norway, 1980–2005 // Comparative Political Studies. 2013. Vol. 46. Iss. 4.

Salmin M.S. Neokorporativizm v stranah Zapada [Neocorporatism in Western countries] // Politiya. 2005. N 3 (in Russian).

Schmitter F. Neokorporativizm [Neocorporatism] // Polis. 1997. N 2 (in Russian).

Schmitter P., Grote J. The Renaissance of national corporatism: unintended side-effect of European Economic and Monetary Union or calculated response to the absence of European social policy? // Transfer: European Review of Labour and Research. 1999. Vol. 5. Iss. 1–2.

Streeck W., Schitter P. From national corporatism to transnational pluralism: organized interests in the single European market // Politics & Society. 1991. Vol. 19. Iss. 2.

Visser J., Hemerijck A. "A Dutch Miracle" — job growth, welfare reform and corporatism in the Netherlands. Amsterdam, 1997.

СОЦИОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-279-287

СОЦИОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В.П. Васильев, канд. эконом. наук, доц., зав. кафедрой социологии государственного управления социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье представлены основные итоги развития кафедры социологии государственного управления, условия и концептуальные основы проведения научных исследований и содержания учебного процесса. Проанализированы результаты реализации проблемных задач в рамках направления "Социальное государство: модернизация управления и социальная политика". Структурированы основные достижения в области научных исследований. Показаны новизна изданных учебников и учебных пособий. Дана характеристика основных учебных дисциплин, разработанных кафедрой.

Ключевые слова: *социология государственного управления, социальное государство, стратегическое планирование, пространственное развитие, государственная служба, социальные процессы.*

SOCIOLOGY OF PUBLIC ADMINISTRATION

Vasiliev Vladimir P., Candidate of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Public Administration Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: vasvp15@gmail.com

The article presents the main results of the development of the Department of sociology of public administration, the conditions and conceptual foundations of research and the content of the educational process. The results of the implementation of problem tasks in the framework of the direction Social state: modernization of management and social policy are shown. The main achievements in the field of scientific research are structured. The novelty of published textbooks and teaching AIDS is shown. The characteristic of the main academic disciplines developed by the Department is given.

Key word: *sociology of public administration, social state, strategic planning, spatial development, public service, social processes.*

В 2014 г. произошло знаковое событие в жизни кафедры. Решением Ученого Совета МГУ кафедра государственного и муниципального

* **Васильев Владимир Петрович,** e-mail: vasvp15@gmail.com

управления социологического факультета была преобразована в кафедру социологии государственного управления. Был определен новый вектор развития кафедры, направленный на сочетание фундаментальной социологической теории и практической социологии.

Этому событию предшествовал ряд обстоятельств. В минувшие 15 лет кафедра осуществляла учебный процесс в рамках специалитета с программами общих и специальных курсов по учебным планам подготовки специалистов в области социологии и менеджмента организаций. Соответственно и научные исследования, и учебные курсы охватывали значительный диапазон от экономики до антикризисного управления[1]. Социальные практики в России и других странах выдвинули целый ряд новых феноменов и проблем общественной динамики, которые требовали нового подхода к анализу роли государства, осмысления и трансляции в учебный процесс нового государственного сознания. Модернизация государственного управления, его соответствие интересам общества, формирование среднесрочных и долгосрочных целей социальной динамики стали логичными направлениями работы. Новые задачи встали перед кафедрой в связи с переходом образования на двухуровневую систему и его модернизацией. Центральной задачей в связи с подготовкой и началом реализации нового стандарта высшего профессионального образования по направлению "Социология" стал поиск и разработка новых учебных курсов, направленных на реализацию компетенций в области социологии. Методологической основой научной и учебной работы выступили классические работы ученых-социологов и представителей других социально-гуманитарных направлений.

Теоретическими основаниями нового подхода к социологии государственного управления являются:

– теория социологии (теория государства, социальная структура общества, социальная мобильность, статус и статусные роли, социальные изменения и социальная динамика);

– экономическая социология (макрорегулирование экономических и социальных процессов, распределительные отношения, модели социально-экономической политики);

– теория неоинституционализма (общественный договор, "провалы государства", институты регулирования).

Научные исследования и учебная работа кафедры трансформировались, осуществлен логичный, на наш взгляд, переход от тематики государственного и муниципального управления к доминанте проблем социальной политики и социального государства. При этом в структуре читаемых дисциплин сохранились базовые элементы государственного управления, понимаемого не как технократическое управление, а как

---

[1] См.: *Васильев В.П.* Государственное и муниципальное управление // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2009. № 2. С. 65–71.

особый социальный институт. Вместе с тем новое направление позволило более широко и предметно исследовать и добавлять компетенции студентам в области социальных изменений, социальной динамики на основе социологического знания. Рассматриваемые проблемы актуализированы современной мировой и российской практикой, дискуссиями и спорами о долгосрочном тренде социального развития России.

В определении основных читаемых дисциплин и вектора научных исследований кафедра опиралась на разработку общей системы социологии П. Сорокина, который конституировал социальную политику в качестве предмета социологии, относя ее к практической социологии.

Новые дисциплины кафедры связаны с социальной политикой, основанной на теории социологии и являющейся ее практическим воплощением. Объектами такого рода политики становятся базовые элементы социальной структуры общества, социальные процессы, социальная динамика. Поэтому в центре внимания читаемых курсов — политика в области формирования человеческого и социального капитала, регулирование занятости и социально-трудовых отношений, политика сокращения дифференциации населения, снижения уровня бедности и эксклюзии. В курсах системно раскрываются проблемы социального партнерства, социального страхования, социальной защиты уязвимых слоев населения. Естественно, существенное внимание уделено государству как институту, разрабатывающему и реализующему долгосрочные и краткосрочные программы социальной политики. Был изучен опыт профессиональной подготовки в зарубежных университетах по направлениям Public administration и Public policy.

Научные исследования кафедры сконцентрированы вокруг направления "Социальное государство: модернизация управления и социальная политика". В 2016 г. кафедрой проведена Всероссийская научная конференция с международным участием "Управление социальными изменениями в нестабильных условиях". Конференция была посвящена анализу социальных изменений в условиях внешних и внутренних рисков, выработке предложений по стимулированию социальной динамики исходя из опыта социальных практик Российской Федерации и зарубежных стран. Для обсуждения в рамках панельных дискуссий были проанализированы следующие вопросы: модификация принципов социального государства в условиях нестабильности, социальные изменения в организациях: роль новых институтов, риски демографических факторов социальных изменений[2].

---

[2] Управление социальными изменениями в нестабильных условиях материалы Всероссийской научной конференции Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова / Отв. ред. В.П. Васильев. М., 2016; *Деханова Н.Г., Маркеева А.В.* Управление социальными изменениями в нестабильных условиях. Обзор научной конференции // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 1. С. 67–82.

Результаты научных исследований кафедры опубликованы в ведущих российских и зарубежных журналах, представлены на знаковых международных и всероссийских конференциях. В научных публикациях кафедры с позиций социологического знания исследуются ключевые проблемы социологии государственного управления и социальной политики, включая отраслевую составляющую (здравоохранение, образование).

Направленность анализа основных публикаций содержит следующие проблемы: социологические доминанты в исследовательских проектах теории и практики государственного управления, целевые ориентиры социальной политики, формирование регулятивных функций социального государства, управление инновациями: базовые теории и направления, эволюция научных воззрений о правовом и социальном государстве, социальная политика Российского государства: глобальные вызовы, создание антикоррупционной среды во взаимодействии государства и частного сектора[3].

Переход на двухуровневую систему образования и концентрация научных исследований на проблематике социальных вопросов государственного управления, макрорегулирования социальных процессов предопределили роль кафедры в учебном процессе. Были разработаны новые курсы вариативной части учебного плана — "Социальная политика" и "Социология управления", а также ряд курсов по выбору, дополняющих компетенции названных направлений. Курс "Социальная политика" сочетает фундаментальную социологическую подготовку студентов с актуальными практическими знаниями и умениями в области социальной политики. Областями развития компетенций являются функции социального государства, ресурсы социальной политики,

---

[3] См.: *Васильев В.П.* Социологические доминанты в исследовательских проектах теории и практики государственного управления // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 1. С. 123–139; *Он же.* Целевые ориентиры социальной политики // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 3. С. 134–144; *Он же*. Формирование регулятивных функций социального государства // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 4. С. 206–223; *Он же*. Управление инновациями: базовые теории и направления // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 5. С. 115–122; *Деханова Н.Г., Деханов С.А*. Эволюция научных воззрений о правовом и социальном государстве // Социально-политические науки. 2018. № 2. С. 294–298; *Коровяковская Н.Д., Холоденко Ю.А*. Социальная политика Российского государства: глобальные вызовы // Труд и социальные отношения. 2016. № 3 (135). С. 50–62; *Васильев В.П., Деханова Н.Г*. Факторы формирования человеческого капитала в сфере высшего образования // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 3. С. 237–248; *Деханова Н.Г.* Социальное партнерство как механизм согласования групповых интересов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 4. С. 117–124.

проблемы занятости и социальной защиты населения. Специальное внимание уделено подходам к механизмам устойчивого развития, социального планирования социальной динамики, критериям и показателям эффективности реализации социальных программ, включая пространственное развитие.

Курс "Социология управления" построен на методологических принципах социологического знания и не сводится к традиционным проблемам менеджмента. Областями проблемного изложения выступают социологические концепции управления, ценности и мотивы личности в системе управления, принципы социального прогнозирования и проектирования, социальные функции регионального управления и ряд других актуальных разделов[4]. В вариативную часть учебного плана органически вошли курсы кафедры по выбору студентов — "Социальное государство" и "Институты формирования человеческого капитала".

На методической основе образовательного стандарта интегрированного магистра по образовательной программе "Социология" кафедрой разработана и реализуется магистерская программа "Государственное управление социальными процессами". Теоретическими основами программы стал анализ социальных процессов и институтов их динамики, принципы социального государства и новые механизмы государственного социального планирования. Основными курсами программы, образующими ее ядро являются "Принципы социального государства", "Стратегическое планирование социальной динамики", "Управление пространственным развитием" и "Государственное регулирование демографических процессов". Ряд курсов по выбору органично дополняют читаемые курсы (модели социальной политики, теория общественного выбора социология государственной службы и др.)[5].

Кафедральные научные исследования и опыт преподавания по ряду дисциплин позволили подготовить ряд учебников и учебных пособий, востребованных студентами не только социологического факультета, но и других университетов России.

Для базовой части образовательного стандарта было подготовлено значительно переработанное и дополненное 2-е издание учебника "Экономика"[6]. Учебник основан на изложении современного концептуального неоклассического подхода. Значительно расширена

---

[4] Социология государственного управления: Сб. рабочих программ дисциплин кафедры социологии государственного управления по направлению подготовки 39.03.01 — Социология (уровень бакалавриата); 38.03.02 — Менеджмент (уровень бакалавриата): Уч.-метод. пособ. / Под общ.ред. В.П. Васильева. М., 2019. С. 144.

[5] Государственное управление социальными процессами / Под ред. В.П. Васильева. М., 2018. С. 232.

[6] *Васильев В.П., Холоденко Ю.А.* Экономика: уч. и практикум для академического бакалавриата. М., 2018.

аналитическая, институциональная и информационная составляющие, отражающие социально-экономические практики России. В учебнике артикулированы экономические проблемы социального развития, представлены новые статистические материалы.

Дополнением к учебнику "Экономика" и развитием компетенций в области государственного управления стал учебник "Государственное регулирование экономики"[7]. В третьем издании структурированы как традиционные, так и новые направления макрорегулирования не только собственно экономики, но и социальной динамики.

Существенным разделом учебных курсов по социологии управления и социальной политики является тематика, необходимая для получения комплекса компетенций в области государственной службы. Самостоятельный курс социологии государственной службы кафедрой читается на программах магистратуры. Опыт преподавания данного предмета нашел отражение в изданном учебнике "Социология государственной службы"[8].

В учебнике на основе социологического подхода анализируется механизм функционирования государственной гражданской службы. Акцентировано внимание на государственной службе как социальном институте и как виде профессиональной деятельности, социальном статусе госслужащего.

Для комплекса учебных дисциплин по проблематике государственного управления, включающего междисциплинарные области (экономика, социология, политология), кафедрой подготовлен и издан в третьем издании учебник "Государственное и муниципальное управление". Учебник значительно переработан и дополнен новыми разделами, актуализирующими представленный материал[9]. Комплексный подход к подготовке учебника позволил представить материалы для получения компетенций в области функций всех ветвей власти, разработки и реализации социальной политики государства и муниципальных образований, методов управленческих решений в области социальной динамики. Авторы включили в учебные материалы ранее не использованные в учебной литературе проблемы стратегического планирования, пространственного развития, международной конкурентоспособности в контексте разработки и реализации Национальных целей развития России на среднесрочную и долгосрочную перспективу и соответствующих национальных проектов.

---

[7] *Васильев В.П.* Государственное регулирование экономики: уч. и практикум для бакалавриата и специалитета. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2018.

[8] *Деханова Н.Г.* Социология государственной службы: учеб. пособ. для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., испр. и доп. М., 2019.

[9] *Васильев В.П., Деханова Н.Г., Лось Н.А., Холоденко Ю.А.* Государственное и муниципальное управление: уч. и практикум для академического бакалавриата. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2019.

Имеющийся научный задел, опыт преподавательской деятельности по новым направлениям социологического знания, актуализация исследуемых проблем социологии государственного управления обуславливает концентрацию работы кафедры в области макрорегулирования социальных процессов, социологии пространственного развития, социоэкономической конкурентоспособности государства. На этом пути необходимы междисциплинарные исследования, кооперация с кафедрами социологического факультета, использование и осмысление зарубежного опыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев В.П. Государственное и муниципальное управление // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2009. № 2. С. 65–71.

Васильев В.П. Государственное регулирование экономики: уч. и практикум для бакалавриата и специалитета. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2018.

Васильев В.П. Мировой экономический кризис: причины и пути выхода // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2009. № 3. С. 31–35.

Васильев В.П. Социологические доминанты в исследовательских проектах теории и практики государственного управления // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 1. С. 123–139.

Васильев В.П. Целевые ориентиры социальной политики // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 3. С. 134–144.

Васильев В.П. Формирование регулятивных функций социального государства // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 4. С. 206–223.

Васильев В.П. Управление инновациями: базовые теории и направления // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 5. С. 115–122.

Васильев В.П., Деханова Н.Г. Факторы формирования человеческого капитала в сфере высшего образования // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 3. С. 237–248.

Васильев В.П., Деханова Н.Г., Лось Н.А., Холоденко Ю.А. Государственное и муниципальное управление: уч. и практикум для академического бакалавриата. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2019.

Васильев В.П., Холоденко Ю.А. Экономика: уч. и практикум для академического бакалавриата. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018.

Государственное управление социальными процессами / Под ред. В.П. Васильева. М., 2018.

Деханова Н.Г. Социология государственной службы: уч. пособ. для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., испр. и доп. М., 2019.

Деханова Н.Г. Социальное партнерство как механизм согласования групповых интересов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 4. С. 117–124.

Деханова Н.Г., Деханов С.А. Эволюция научных воззрений о правовом и социальном государстве // Социально-политические науки. 2018. № 2. С. 294–298.

Деханова Н.Г., Маркеева А.В. Управление социальными изменениями в нестабильных условиях. Обзор научной конференции // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 1. С. 67–82.

Коровяковская Н.Д., Холоденко Ю.А. Социальная политика Российского государства: глобальные вызовы // Труд и социальные отношения. 2016. № 3 (135). С. 50–62.

Менеджмент инноваций / Под ред. В.П. Васильева. М., 2018.

Социология государственного управления: Сб. рабочих программ дисциплин кафедры социологии государственного управления по направлению подготовки 39.03.01 — Социология (уровень бакалавриата); 38.03.02 — Менеджмент (уровень бакалавриата): Уч.-метод. пособ. / Под общ. ред. В.П. Васильева. М., 2019.

Холоденко Ю.А. Модернизация социальной политики современного российского государства // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 4. С. 99–108.

Управление социальными изменениями в нестабильных условиях материалы Всероссийской научной конференции Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова / Отв. ред. В.П. Васильев. М., 2016.

REFERENCE

Gosudarstvennoe upravlenie social'nymi processami [State management of social processes] / Pod red. V.P. Vasil'eva. M., 2018 (in Russian).

Dekhanova N.G. Creation of an anti-corruption environment in the interaction between the government and the private sector // Central Problems of Innovation Economics. 2015. Vol. 2. P. 4–17.

Dekhanova N.G. Social'noe partnyorstvo kak mekhanizm soglasovaniya gruppovyh interesov [Social partnership as a mechanism for coordinating group interests] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2018. N 4. S. 117–124 (in Russian).

Dekhanova N.G. Sociologiya gosudarstvennoj sluzhby: ucheb. posobie dlya bakalavriata i magistratury [Sociology of public service: textbook. allowance. for undergraduate and graduate programs]. 2-e izd., ispr. i dop. M., 2019 (in Russian).

Dekhanova N.G., Dekhanov S.A. Evolyuciya nauchnyh vozzrenij o pravovom i social'nom gosudarstve [The evolution of scientific views on the rule of law and the social state] // Social'no-politicheskie nauki. 2018. N 2. S. 294–298 (in Russian).

Dekhanova N.G., Markeeva A.V. Upravlenie social'nymi izmeneniyami v nestabil'nyh usloviyah. Obzor nauchnoj konferencii [Managing social change in volatile environments. Conference Review] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2017. N 1. S. 67–82 (in Russian).

Holodenko Yu.A. Modernizaciya social'noj politiki sovremennogo rossijskogo gosudarstva [Modernization of the social policy of the modern Russian state] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2014. N 4. S. 99–108 (in Russian).

Korovyakovskaya N.D., Holodenko Yu.A. Social'naya politika Rossijskogo gosudarstva: global'nye vyzovy [Social policy of the Russian state: global challenges] // Trud i social'nye otnosheniya. 2016. N 3 (135). S. 50–62 (in Russian).

Menedzhment innovacij [Innovation management] / Pod red V.P. Vasil'eva. M., 2018 (in Russian).

Sociologiya gosudarstvennogo upravleniya: Sbornik rabochih programm disciplin kafedry sociologii gosudarstvennogo upravleniya po napravleniyu podgotovki 39.03.01 — Sociologiya (uroven' bakalavriata); 38.03.02 — Menedzhment (uroven' bakalavriata) Uchebno-metodicheskoe posobie [Sociology of Public Administration: Sat. work programs disciplines of the Department of Sociology of Public Administration in the direction of preparation 39.03.01 — Sociology (undergraduate level); 03.03.02 — Management

(undergraduate level): Academic method. allowance] / Pod obshch. red. V.P. Vasil'eva. M., 2019 (in Russian).

Upravlenie social'nymi izmeneniyami v nestabil'nyh usloviyah materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii Moskovskij gosudarstvennyj universitet im. M.V. Lomonosova [Management of social changes in unstable conditions materials of the All-Russian Scientific Conference Moscow State University. M.V. Lomonosov] / Otv. red. V.P. Vasil'ev. M., 2016 (in Russian).

Vasil'ev V.P. Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie [State and municipal government] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2009. N 2. S. 65–71 (in Russian).

Vasil'ev V.P. Mirovoj ekonomicheskij krizis: prichiny i puti vyhoda [The global economic crisis: causes and ways out] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2009. N 3. S. 31–35 (in Russian).

Vasil'ev V.P. Celevye orientiry social'noj politiki [Social Policy Targets] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2015. N 3. S. 134–144 (in Russian).

Vasil'ev V.P. Sociologicheskie dominanty v issledovatel'skih proektah teorii i praktiki gosudarstvennogo upravleniya [Sociological dominants in research projects of the theory and practice of public administration] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2016. N 1. S. 123–139 (in Russian).

Vasil'ev V.P. Upravlenie innovaciyami: bazovye teorii i napravleniya [Innovation Management: Basic Theories and Directions] // Problemy teorii i praktiki upravleniya. 2017. N 5. S. 115–122 (in Russian).

Vasil'ev V.P. Gosudarstvennoe regulirovanie ekonomiki [State regulation of the economy]: uchebnik i praktikum dlya bakalavriata i specialiteta. 3-e izd., pererab. i dop. M., 2018 (in Russian).

Vasil'ev V.P. Formirovanie regulyativnyh funkcij social'nogo gosudarstva [The formation of the regulatory functions of the social state] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2018. N 4. S. 206–223 (in Russian).

Vasil'ev V.P., Dekhanova N.G. Faktory formirovaniya chelovecheskogo kapitala v sfere vysshego obrazovaniya [Human capital formation factors in higher education] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2017. N 3. S. 237–248 (in Russian).

Vasil'ev V.P., Dekhanova N.G., Los' N.A., Holodenko Yu.A. Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie [State and municipal government]: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata. 3-e izd., pererab. i dop. M., 2019 (in Russian).

Vasil'ev V.P., Holodenko Yu.A. Ekonomika: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata [Economics: studies and workshop for academic undergraduate]. 2-e izd., ispr. i dop. M., 2018 (in Russian).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И МЕНЕДЖМЕНТ

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-288-308

ДАУНШИФТИНГ КАК ПОСТМОДЕРНИЗМ В ДЕЙСТВИИ

С.А. Барков, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

А.В. Маркеева, канд. социол. наук, доц., доц. кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234**

Дауншифтинг — феномен эпохи постмодерна. В статье показано, что он не мог возникнуть ни в доиндустриальном, ни в индустриальном обществе. Если классики философии постмодернизма развенчивали идею прогресса в теории, дауншифтеры делают это на практике. К появлению дауншифтинга привели многообразные причины. Структурные перестройки в организациях ограничили возможности традиционной вертикальной карьеры для многих людей. Процесс глобализации и ознакомление с восточными культурами показали условность успеха как главного ориентира в жизни человека. Перемещение людей из центров мегаполисов на окраины и за пределы города позволили осознать возможность жизни вне "благ цивилизации". Распространение фриланса также стало важным фактором, позволившим людям реализовать жизненную стратегию дауншифтинга.

Анализ интернет-пространства, исследование сообществ в социальных сетях, посвященных дауншифтингу, контент-анализ постов и комментариев, анализ интернет-публикаций позволили выявить ряд интересных тенденций, связанных с реализацией данной стратегии профессионального и личностного развития. В частности, растет интерес к дауншифтингу среди различных возрастных аудиторий, в последние годы среди активно обсуждающих данное социальное явление в российском сегменте интернета появилось много совсем молодых людей, еще не начавших свою профессиональную карьеру, но идеологически поддерживающих дауншифтинг; под влиянием социально-экономических условий происходит изменение популярности отдельных видов дауншифтинга. Признавая, что дауншифтинг в ближайшие десятилетия не станет жизненным сценарием для большинства, необходимо понимать, что вне зависимости от числа людей, прибегнувших к нему, дауншифтинг демонстрирует реальное понимание многомерности социального пространства и ограниченность бытовавших ранее и казавшихся аксиоматическими представлений о социальной динамике.

* **Барков Сергей Александрович,** e-mail: barkserg@live.ru

** **Маркеева Анна Валерьевна**, e-mail: anna_markeeva@mail.ru

Ключевые слова: *дауншифтинг, виды дауншифтинга, прогресс, постмодерн, карьера, социальный статус, социальная динамика, жизненная стратегия.*

DOWNSHIFTING AS POSTMODERNISM IN ACTION

Barkov Sergey A., Doctor of Sociology, Professor, Head of Economic Sociology and Management Department, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: barkserg@live.ru

Markeeva Anna V., Asociate Professor, PhD in Sociology, Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: anna_markeeva@mail.ru

Downshifting is a phenomenon of the postmodernity. It could not exist in neither pre-industrial nor industrial society. If classical philosophy of postmodernism has debunked the idea of progress in theory, downshifters do this in practice. Downshifting has multiple causes. Resent restructurizations in organizations limited the possibility of the traditional vertical career path for many people. The process of globalization and familiarization with Eastern cultures has shown the arbitrariness of success as a major meaning of the human being's life. The movement of people from centers of megalopolises to the outskirts and suburban areas enabled to realize the possibility of the life outside the "benefits of civilization". The spread of freelancing has also become an important factor that allowed people to implement the life strategy of downshifting.

Analysis of the Internet space (downshifting communities in social networks, content analysis of posts and comments about downshifting, online publications, etc.) revealed trends related to this strategy of professional and personal development. In particular, interest in downshifting is growing among various age audiences. In recent years, much very young man who have not yet begun their professional career actively discussed this social phenomenon and ideologically supported downshifting. It is also notable, the change in the popularity of different types of downshifting in Russia.

Downshifting strategy regardless of the number of people who have use it, demonstrates a real understanding of social space as a multidimensional entity and limitations of the outdated and seemingly axiomatic ideas of the social dynamics.

Key words: *downshifting, types of downshifting, progress, postmodernity, career, social status, social dynamics, life strategy.*

В развитии социальной мысли очень часто встречаются ситуации, когда нечто временное активно и весьма "доказательно" пытаются выдать за постоянное. Эпоха модерна задала общественным системам и отдельным людям четкий вектор "правильного" развития — вперед и вверх. Все другие направления признавались несоответствующими природе человека и общества. И объективные реалии того времени как нельзя лучше отвечали таким представлениям.

На макросоциальном уровне были убраны искусственные барьеры для вертикальной мобильности. Каждый человек вне зависимости от своего происхождения, в принципе, мог стать великим. Это направление воспринималось как вдохновляющее и в высшей степени "гуманисти-

ческое". Только много позже, при накоплении социального опыта стала понятна порочность такого вида социализации. В погоне за величием выигрывают единицы, а проигрывают миллионы, оказываясь в тисках несбывшихся надежд, комплексов неполноценности и ненависти к выигравшим. Но в эпоху модерна такие представления только начинали формироваться.

На организационном уровне миллионы людей стали делать карьеру и однозначно ориентироваться на движение вверх по служебной лестнице. А классические пирамидальные организационные структуры позволяли реализовывать эти устремления. Через определенное время человек всегда был вправе рассчитывать на повышение, и для продвижения лучших в этой структуре всегда находились вакансии.

Однако ориентация на непременное продвижение по службе, которая сегодня характерна для множества людей и кажется чем-то незыблемым, на самом деле имеет совсем недавнюю историю. До конца XIX столетия подавляющие большинство людей на планете занималось крестьянским трудом. А куда мог продвинуться по служебной лестнице крестьянин? Точно так же были закрыты возможности построения карьеры и для традиционного ремесленника (из подмастерья в мастера — и все!) и для представителей большинства профессий в доиндустриальную эпоху. При этом люди отнюдь не испытывали постоянной неудовлетворенности. Построить карьеру можно было лишь в трех профессиональных областях — на государственной службе, в армии и церкви. Поэтому ориентация на обязательное построение карьеры, обязательное регулярное повышение является актуальной для большинства людей чуть более одного века. В дальнейшем эта ориентация будет ослабевать в связи с изменением размера компаний и сокращением количества уровней в организационных структурах. Эпоха перенесения идеологии прогресса на принципы построения людьми своих жизненных стратегий заканчивается. И, как будет показано ниже, дауншифтинг является наиболее очевидным тому доказательством.

Дауншифтинг как феномен общества эпохи постмодерна

Дауншифтинг как социальное явление по своим идеологическим и практическим составляющим принадлежит эпохе постмодерна. Дауншифтинг — это волевой акт отказа от стереотипных жизненных стратегий, это не наслаждение поражением, а умение увидеть и реализовать на практике многообразие состояний победы. О дауншифтинге невозможно говорить применительно к доиндустриальному и индустриальному обществу. В этих общественных системах нет места такому феномену даже при некоторых очень немногочисленных аналогиях, которые можно встретить в истории. Только в эпоху постмодерна появились значимые предпосылки для того, чтобы движение вниз предстало как относительно равноправная альтернатива иным формам социальной мобильности.

Вступление человечества в постиндустриальную эпоху резко изменило идеологические приоритеты. В качестве относительно целостного методологического направления социальной мысли возник постмодернизм. Теоретики постмодернизма справедливо обратили внимание на недоказуемость, неконкретность и порочность идеи прогресса. Они обрушили свой гнев на создание из него символа веры, в угоду которому можно жертвовать жизнями миллионов людей[1]. Постмодернизм сегодня однозначно связывается с отвержением идеи прогресса. Следует оговориться, что эта идея отвергается только частично. Никто не может остановить прогресс техники или отменить желание человека жить лучше. Но категорию прогресса нужно было ограничить только той небольшой частью социальной реальности, которой она была бы адекватна. Например, американский социолог и политолог Рональд Инглхард, еще в конце прошлого века отмечал, что становление постиндустриального общества способствует сдвигу от материалистических ценностей, основа которых — материальное благополучие и физическая безопасность, к постиндустриальным ценностям. Причина трансформации заключается в том, что экономическое и технологическое развитие позволило уделять меньше внимания экзистенциальным потребностям, а "место экономических достижений как высшего приоритета в обществе постмодерна занимает все большее акцентирование качества жизни"[2]. В частности, это выражается в формировании новых потребностей свободы индивидуального выбора жизненных стилей и индивидуального самовыражения[3].

Дауншифтинг многообразен. Это и переезд в сельскую местность (так называемый "экологический дауншифтинг"), и отказ от построения карьеры ради семьи, заботы о детях (при этом человек не меняет радикально свое трудоустройство), и поиск работы-хобби с потерей социального статуса, и переезд в другую (слаборазвитую) страну, и многое другое. Главное, что дауншифтер осознает многомерность социального пространства и относительность идеологии прогресса. Идея дауншифтинга в том, что, двигаясь против обычной траектории развития личности в эпоху модерна, можно обрести новые возможности и прожить жизнь счастливо.

Дауншифтинг неразрывно связан как с социально-экономическими преобразованиями (структурные реформы в корпорациях и активное

---

[1] См., например: *Бауман З.* Философия и постмодернистская социология // Вопросы философии, 1993. № 3. С. 46–61; *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2000; *Лиотар Ж.-Ф.* Гибкое приложение к вопросу о постмодернизме // Ступени. Философский журнал, 1994. № 2(9); *Он же.* Состояние постмодерна. СПб., 1998 и др.

[2] *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис: Политические исследования. 1997. № 4. С. 6.

[3] *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М., 2011. С. 201–215.

развитие малых организационных форм многократно снизили возможности, а с ними и привлекательность вертикальной карьеры), так и с качественным и очень важным скачком в сознании современного человека. Существующее положение вещей заставило людей задуматься об относительности стереотипных для эпохи модерна жизненных сценариев. В какой-то мере эти тенденции, характерные для постиндустриальной экономики, парадоксальным образом возродили ориентацию на стабильность, свойственную доиндустриальному обществу.

После торможения движения вверх и стабилизации всегда возникает некая маятниковая сила, подталкивающая к опробованию движения вниз. Так появился дауншифтинг. Именно после того, как модерн сделал идею прогресса основополагающей, а построение вертикальной карьеры на протяжении нескольких поколений стало восприниматься как естественное стремление любого человека, могло возникнуть явление, на практике отвергающее такое строение и понимание жизненного мира.

Дауншифтинг как объект научного исследования

Термин "дауншифтинг" был впервые использован американской журналисткой Сарой Бен Бреатна, которая пыталась обозначить им нарастающий среди части американского общества тренд сознательного отказа от текущего профессионального статуса и уровня потребления в обмен на увеличение количества свободного времени, повышение степени свободы в своих действиях и снижение уровня стресса[4].

Однако сущность данного социального явления, а также социальные, экономические и политические факторы, способствующие его развитию, были ранее рассмотрены в работах, посвященных "добровольному упрощению жизни"[5], а с середины 80-х гг. XX в. еще и активно популяризованы сторонниками новых социальных движений, связанных с замедлением жизни, отказом от навязанной обществом потребления гонкой за статусом, материальными благами. Эти многообразные идеологии позже оформились в "зонтик" социальных движений за альтернативные стили жизни под общим названием *Slow Movement*.

На первоначальном этапе изучения дауншифтинг рассматривался специалистами как менее радикальная форма "добровольной

---

[4] *Breathnach S.* Ban trends; Living in a lower gear: downshifting. Redefining success in the '90s // Washington Post. 1990.31.12. URL: http://2012god.ru/wp-content/uploads/LtNemo/downshift.jpg (accessed: 15.09.2018).

[5] *Gregg R. V.* The value of voluntary simplicity // Visva-Bharati Quarterly. 1936. URL: http://www.duaneelgin.com/wp-content/uploads/2010/11/the_value_of_voluntary_simplicity.pdf; *Elgin D., Mitchell A.* Voluntary simplicity. Parts I & II // The Co-Evolution Quarterly. 1977. Summer. Vol. 14. P. 4–19. URL: http://www.duaneelgin.com/wp-content/uploads/2010/11/voluntary_simplicity.pdf ; *Shi D.E.* The simple life: plain living and high thinking in American culture. N.Y.; Oxford, 1985.

простоты", при которой люди "внесли долгосрочные добровольные изменения в образ жизни, кроме запланированной пенсии, которые привели к снижению дохода[6] или снижению потребления"[7]. Так, в своих работах А. Этциони пытался отделить дауншфитеров от более радикальных последователей потребительского рестрикционизма (сторонников радикального упрощения образа жизни и участников "движения простой жизни"), указывая на различия причин отказа от апшифтинга[8].

Уже в первых теоретических работах, посвященных институционализации дауншифтинга, была выявлена многомерность данного социального явления, указано, что формы и способы нахождения баланса жизни и работы, обретения "полноты" жизни очень вариативны. Спустя три десятилетия с начала исследований дауншифтинга, необходимо признать, что сегодня стратегии дауншифтинга изменяются еще более быстрыми темпами, комбинируются, гибридизируются в соответствии с открывающимися новыми возможностями (технологическими, социальными и т.д.). Например, в последние годы одним из вариантов дауншифтинга становится развитие коммунального жилья нового типа. Коливинги (*co-living*, англ. — "коммунальное жилье"), соответствующая технологическая и бытовая инфраструктура, упрощающая нахождение людей со схожими ценностями для совместного проживания, а также активное строительство соответствующего формата жилья популяризируют этот вид дауншифтинга у разных возрастных категорий во всех странах мира.

Анализ теоретических работ, посвященных дауншифтингу, показывает, что изучение данного социального явления ведется в четырех основных направлениях:

– поиск исторических, социально-экономических предпосылок, способствующих распространению дауншифтинга;

– типологизация стратегий (видов) дауншфитинга;

– определения мотивов, заставляющих людей прибегать к альтернативным апшифтингу видам профессиональной и личностной самореализации;

– выделение социальных групп (типов дауншифтеров), выбирающих для себе такой стиль жизни, и описание их профилей.

Также существует целый пласт исследований, посвященных изучению отдельных аспектов дауншифтинга, например, его связи с досугом

---

[6] *Schor J.B.* Overspent American: upscaling, downshifting, and the new consumer. N.Y., 1998. P. 22.

[7] *Hamilton C., Mail E.* Downshifting in Australia: a sea-change in the pursuit of happiness // Discussion paper. 2003. N 50. P. 7–8.

[8] *Etzioni A.* The post affluent society // Review of Social Economy. 2004. Sept. Vol. LXII. N 3. P. 408–420; *Etzioni A., Donerty D.* Voluntary simplicity: responding to consumer culture (rights & responsibilities). Lanham, 2003. P. 101–124.

и изменением досуговых практик[9], с профессиональным стрессом, с вопросами финансового обеспечения[10] и т.д.

Как уже указывалось, дауншифтинг можно рассматривать как противоположность практическим реализациям традиционной веры в прогресс, поэтому такое явление не могло возникнуть в обществе, в котором прогресс является основополагающей категорией для всех сфер социальной жизни[11]. Категория прогресса при этом органически сочеталась с категорией успеха: тот, кто более активно развивался в прогрессивном направлении, обретал успех. Понятие успеха в современных условиях рассматривается людьми в логике многомерности: «хотя эта социальная практика (дауншифтинг — *Прим. С.Б., А.М.*), можно сказать, испытывает некоторый дефицит социального признания, "идея успешности" в современном обществе становится плюралистичной, так как понимается разными группами неодинаково. Значимость успеха, при этом, остается нерушимой, но меняется его смысл, как и понятие "полноценной жизни"»[12].

Идеология дауншифтинга затрагивает личностный аспект противостояния человека социуму, представляет собой индивидуальный протест против общества с его ложными ценностями бесконечного движения вверх — к богатству, счастью, успеху. Отказ от существующей апшифтинговой идеологии заставляет человека искать новую траекторию профессиональной и личностной реализации, находить ответы на фундаментальные вопросы о предназначении человека, вырабатывать новые критерии и понимание счастья. Фундаментальная черта дауншифтинга — это изменение личных ценностей людей, в которых финансовый, карьерный и материальный успех больше не является доминирующей ценностью[13]. Подобная замена ценностных установок может быть вызвана целым рядом факторов. Исследования, проведенные К. Гамильтоном и К. Брейкспир, позволили выделить четыре основные причины, которые заставляют людей "жить на пониженной передаче":

---

[9] *Hampton R.* Downshifting, leisure meaning and transformation in leisure. A dissertation in Leisure studies. University Park, 2008.

[10] *Perrone L., Vickers M., Jackson D.* Financial independence as an alternative to work // Employer Response Rights. 2015. Vol. 27. P. 195–211. DOI: 10.1007/s10672-015-9262-9.

[11] *Барков С.А.* Радость прогресса и счастье дауншифтинга: модерн и постмодерн // Управление социальными изменениями в нестабильных условиях: Всероссийская научная конференция; 24 мая 2016 г., Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, социологический факультет / Под общ. ред. В.П. Васильева. М., 2016. С. 255–265. ISBN 978-5-317-05286-7.

[12] *Мерзлякова В.* Альтернативные модели успешности в современной культуре: дауншифтинг // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссия. 2008. Т. 96. № 4. С. 33–42.

[13] *Kennedy E.H., Krahn H., Krogman N.T.* Downshifting: an exploration of motivations, quality of life, and environmental practices // Sociological Forum. 2013. Vol. 28 (4). P. 764–783.

1) желание иметь более сбалансированную жизнь; 2) столкновение между личными ценностями и ценностями рабочих мест; 3) стремление к личной реализации и 4) проблемы со здоровьем. Большинство опрошенных ими респондентов подчеркивали, что их решение было обусловлено сочетанием этих причин[14]. При этом решающую роль в принятии решения об изменении жизни играло субъективное чувство потери контроля над своей жизнью.

Отход от ценностей общества потребления в сторону самореализации внутреннего потенциала и управления собственной жизнью приводят человека к новому образу жизни, приносящему ощущение счастья и полноты жизни. Возникает понимание простой истины, что самое дорогое дается нам бесплатно. Чистый воздух, общение с природой и близкими людьми, любовь, дружба, искусство, хобби — все, на что раньше не хватало времени, становится главным приоритетом и смыслом существования. Быть счастливым здесь и сейчас, а не в далеком будущем, в соответствии с собственным пониманием цели и смысла жизни — такие идеологические принципы характерны для дауншифтеров. Так, анализируя связь дауншифтинга и синдрома отложенного счастья, Клайв Гамильтон пришел к выводу, что среди австралийцев существуют три стратегии борьбы с синдромом отложенного счастья, в соответствии с которыми он выделяет три типа людей: 1) люди, пытающиеся сформировать активы, экономящие на всем для того, чтобы реализовать мечту о счастливой жизни в будущем; 2) люди, за счет потребительского кредитования, ипотечных долгов, стремящиеся реализовать мечту сейчас; 3) собственно дауншифтеры[15]. Гамильтон полагает, что первые две стратегии не приводят к подлинной реализации мечты о полноценной, наполненной смыслом жизни, так как в конечном счете заканчивают банкротством (и те, и другие накапливают долги, только одни денежные, а другие — долги отношений), разница между ними лишь в том, что "в одном случае судебные приставы приходят в дверь, в то время как в другом уходит партнер". Дауншифтеры же, напротив, разрывают связь между деньгами и счастьем. В отличие от двух других типов они уделяют меньшее внимание деньгам и гораздо больше отношениям, здоровью, чувству личного удовлетворения. При этом делают свою жизнь счастливой "здесь и сейчас".

Главная характеристика таких людей — сознательный нравственный выбор между работой ради денег и возможностью быть самим собой, работой ради удовольствия и реализацией собственных интересов. Фактор сознательности выбора очень важен при определении субъектов дауншифтинга, поскольку появляется категория ленивых

---

[14] *Hamilton C., Breakspear C.* Getting a life: understanding the downshifting phenomenon in Australia // Discussion Paper. 2004. N 62.

[15] *Hamilton C.* Carpe diem? The deferred happiness syndrome // Web Paper. 2004. May. P. 6.

людей, выгнанных с высокодоходного места за непрофессионализм и объявляющих себя дауншифтерами по убеждению.

Существующие попытки найти связь дауншифтинга с определенной возрастной группой и/или определенными профессиональными группами, наиболее подверженными таким стратегиям, с разными доходными когортами, выявить гендерные различия между придерживающимися данной идеологии и их критиками, не увенчались успехом. Дауншифтеры — разнообразная группа, объединяющая представителей разных поколений, имеющих детей и семью и одиноких, представителей рабочих профессий и офисных служащих. Самое удивительное, что это явление затрагивает не только «богатые домохозяйства, которые имеют значительную финансовую "подушку" безопасности, но проявляется и среди людей, имеющих умеренные и даже низкие доходы»[16]. В целом, это люди, не только осознавшие возможность альтернативных апшифтингу стратегий реализации, но и воплощающих их своими ежедневными действиями.

В последние годы актуализируются исследования, связанные с временным характером дауншифтинга. Часть специалистов предлагает разделять его на постоянный и временный. Первый является состоянием, из которого уже не возвращаются обратно к апшифтингу. Это полный, сознательный отказ от прежних жизненных стратегий и нежелание прибегать к ним повторно. Второй — это временная стратегия, перерыв, используемый человеком для разрешения внутренних конфликтов, пересмотра жизненных ориентиров, выработки и постановки новых целей профессионального и личного развития, это жизненная пауза, позволяющая человеку вырваться из постоянного стресса, усталости и сформировать новую траекторию жизненного пути.

Это деление находит отражение и в многочисленных попытках классификации дауншифтинговых стратегий. Начиная с наиболее часто цитируемой классификации Гамильтона и Брейкспир[17], существует традиция разделения его на "легкий" и "глубокий", первый — не связан с кардинальной трансформацией образа жизни и не требует разрыва сложившихся социальных контактов, второй, напротив, предусматривает радикальные изменения и в социальном статусе, и в доходе, сопровождается изменением сферы профессиональной занятости, места жительства и резким снижением текущих практик потребления.

Существующие классификации дауншифтинга[18] построены, как правило, на основе результатов анализа основных мотивов дауншиф-

---

[16] *Hamilton C., Mail L.* Downshifting in Australia: a sea change in the pursuit of happiness // Discussion Paper. 2003. N 50.

[17] *Hamilton C., Breakspear C.* Getting a life: understanding the downshifting phenomenon in Australia // Discussion Paper. 2004. N 62.

[18] Ibid.; *Мерзлякова В.* Альтернативные модели успешности в современной культуре: дауншифтинг // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискус-

тинга, однако их разделение и попытка увязать их с глубиной изменений в образе жизни не позволяет, на наш взгляд, составить общую картину такого многоаспектного социального явления как дауншифтинг. Во-первых, такие классификации значительно упрощают дауншифтинг, в реальной практике мы видим совмещение нескольких видов дауншифтинга: например, переезд в другую страну или сельскую местность может совмещаться/не совмещаться с изменением сферы занятости.

Во-вторых, в основе классификаций заложены только карьерные и территориальные перемещения, но, как отмечалось выше, современный дауншифтинг затрагивает и другие сферы жизни, которые помогают человеку находить столь необходимый баланс в жизни. Например, активная включенность людей в социальные медиа часто деструктивно влияет на взаимоотношения современных людей, что приводит к развитию такого вида дауншифтинга, как виртуальный, основная реализация которого состоит в сознательном ограничении или полном отказе от потребления информации из социальных медиа[19]. В российской практике данное явление называют также медиаскетизмом[20].

В-третьих, типы дауншифтерских стратегий во многом зависят от институциональных факторов стран, регионов. Например, для западно-европейских стран или Австралии, где не существует существенной разницы в качестве жизни между городом и деревней, территориальная стратегия дауншифтинга — бегство из города в село выглядит простым и легким способом реализации. В России оказаться в сельском дауншифтинге физически легко (достаточно отъехать 150–200 км от Москвы), однако потеря в качестве жизни, комфорте, доступности благ будет принципиально иной, чем в Европе, что требует кардинальной перестройки сознания, изменения системы ценностей человека. Но, наибольшие сомнения вызывает отнесение всех самозанятых к дауншифтерам. И здесь также социокультурные и экономические условия имеют важное значение, осознанный выбор в пользу самозанятости и "вынужденный" ее характер в российских условиях не дают оснований считать самозанятых дауншифтерами.

Таким образом, многочисленные факторы — социальные, экономические, технические — сделали возможным дауншифтинг в эпоху постмодерна. Очевидная с точки зрения формальной логики анализа

сия. 2008. Т. 96. № 4. С. 33–42; *Никольский Е.В., Ефимов В.Ф., Романова Д.Я.* Современный дауншифтинг: опыт социально-психологического и религиозно-философского осмысления // Научно-популярный журнал Метеор-Сити. 2016. № 6. С. 3–21 и др.

[19] *Оноре К.* Без суеты. Как перестать спешить и начать жить. М., 2004; *Москвин А.С., Полуян Н.Н., Кушова И.А.,* Роль и место виртуального дауншифтинга в современных молодежных учебных практиках // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 9. С. 17–21.

[20] *Плешаков В.А.* Теория киберсоциализации человека: Монография / Под ред. А.В. Мудрика. М., 2011.

социального пространства нисходящая траектория развития личности получила в современных условиях позитивную возможность для своей актуализации. Эпоха постмодерна презентует себя как время неиерархичного многообразия, поэтому дауншифтеры, сколько бы их ни было и какими бы особенностями в каждой стране они бы ни обладали, займут свое особое место в социальной структуре общества, ежемоментно подтверждая своим существованием всю относительность традиционных представлений о социальной мобильности.

Отношение к дауншифтингу в российских виртуальных сообществах

Слово "дауншифтинг" вошло в оборот в России относительно недавно: до 2006 г. оно использовалось преимущественно только в изданиях, ориентированных на бизнес-аудиторию[21]. В 2007 г. сам термин вошел в повседневный оборот пользователей, произошла довольно быстрая популяризация данного феномена, расширилась аудитория.

Официальных данных о количестве людей, предпочитающих разные формы дауншифтинга, нет. Исследования дауншифтинга носят в России фрагментарный, по большей части поисковый характер: исследуются либо отдельные типы стратегий, либо причины дауншифтинга у отдельных социодемографических групп[22]. Однако о популярности новых альтернативных образов жизни можно судить на основании анализа интернет-пространства. В ходе эмпирического исследования были проанализированы русскоязычные интернет-ресурсы, посвященные дауншифтингу (группы в социальных сетях, форумы, сайты и т.д. — см. табл. 1), что в совокупности с анализом пользовательских запросов в Яндексе, контент-анализом сообщений (650 информационных блоков), посвященных дауншифтингу, позволило сформировать выводы о популярности данного явления, динамике интереса к нему со стороны русскоязычного сегмента пользователей, а также сгруппировать основные темы обсуждения.

Обращаясь к специфическим особенностям реализации дауншифтинга в России, следует указать, что особенности структуры нашей экономики создают возможности для включения в гонку за социальным статусом. В России много крупных компаний, обладающих традиционными пирамидальными структурами. Это и системообразующие нефте-

---

[21] *Фуколова Ю.* Игра на понижение // Секрет фирмы. 2004. № 32. С. 59–61.

[22] *Айсина Р.М.* Карьерный дауншифтинг как стратегия преодоления кризиса, связанного с потерей работы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 4. С. 31–40; *Овечкина Я.В.* Особенности организации трудовой деятельности современных дауншифтеров // Управленческое консультирование. 2015. № 10 (82); *Солодникова И.В., Ермакова С.Н.* Дауншифтинг по-русски // Человек. 2013. № 1. С. 134–142; *Moskvin A., Kushova I., Korotysheva N. etc.* Urban youth: trends to downshifting in the Internet // Modern Journal of Language Teaching Method. 2018. Vol. 8. Iss. 6. P. 273–282.

газовые компании, и играющие особую роль в сложных климатических условиях России инфраструктурные отрасли (железные дороги, ЖКХ, энергетика и др.). Для этих отраслей характерна традиционная многоуровневая структуризация организаций. Если к этому прибавить еще и мощные силовые структуры, каждая из которых представляет собой жесткую иерархию, то станет понятно, что жителям страны есть, где делать карьеру.

Таким образом, на микроуровне у российских работников есть возможность традиционной вертикальной карьеры. Значительная часть людей стремится превратить возможность в действительность, однако немногие в этом преуспевают. Для большинства россиян различных доходных групп следующие цели "стать богатым человеком", "занять высокое положение в обществе", "сделать карьеру" являются социально притягательными, но большинство понимает их недостижимость. Так, 58% бедных, 58% уязвимых, 33% представителей среднедоходных страт и даже 28% представителей высокодоходных групп понимают невозможность в современных российских реалиях добиться высокого положения в обществе[23].

Однако в результате участия в гонке многие получают возможность оценить, с какими рисками и потерями это движение вверх сопряжено: *"Когда встаешь в 6 утра, на работу приезжаешь в 9, заканчиваешь в 19.30, а домой приезжаешь в 21.30 и так раз за разом, то возникает вопрос: а когда жить? Особенно остро этот вопрос встает, когда от такой работы умирают 35–40-летние, тогда понимаешь, что карьера — это не все. Хочется на свободу"* (женщина, 37 лет). По результатам опроса Минтруда, более 60% работников отмечают стресс в качестве негативного фактора, связанного с работой[24]. Можно утверждать, что социальная база для развития дауншифтинга "успешно" формируется, хотя пока немногие из россиян сознательно отказываются от социального статуса и сопряженных с ним доходов и возможностей.

С момента появления в России первых сообществ дауншифтеров (большинство из них сформировалось после финансового кризиса 2008 г., только одно из ныне действующих было создано ранее — в 2006 г.), интерес к дауншифтингу медленно, но растет. Если в 2016 г. термин "дауншифтинг" запрашивался пользователями в русскоязычном сегменте интернета 93 411 раз, то в 2018 г. количество запросов превышало 115 тысяч. Наибольшую активность по поиску информации о дауншифтинге проявляют жители Москвы и Московской области, а так-

---

[23] Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под ред. Н.Е. Тихоновой. СПб., 2018. С. 142.

[24] *Синичкина С.* Минтруд: 85% россиян работа приносит стресс и болезни. URL: https://life.ru/t/%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B5/912872/mintrud_dlia_85_rossiian_rabota_prinosit_striess_i_boliezni (дата обращения: 28.01.2019).

же Санкт-Петербурга и Ленинградской области (свыше 40% от общего количества ежемесячных запросов приходится на эти регионы). Этому есть две разные причины. Во-первых, две столицы собирают наиболее успешных людей страны. Эти люди по понятным причинам более всех страдают от издержек обретения успеха. Поэтому именно они и начинают в первую очередь задумываться о дауншифтинге. Для некоторых он может означать обратный переезд туда, откуда они перебрались в Москву, "манимые" возможностями получить высокий социальный статус. Во-вторых, в Москве и Санкт-Петербурге уровень жизни выше, чем в среднем по стране. Кроме того, у жителей крупнейших российских мегаполисов больше вариантов реализации рентных стратегий (сдача квартиры или иной недвижимости), что в совокупности с более высокими заработными платами, позволяет человеку жить, не балансируя на грани выживания. Все это косвенно подтверждает факт, что стратегия дауншифтинга требует немалых затрат. Ее могут позволить себе люди, имеющие "подушку безопасности". С этим связано растущее негативное отношение к дауншифтингу среди российских интернет-пользователей, которые понимают, что это жизненная стратегия не для всех, а только для тех, кто имеет определенные финансовые или материальные ресурсы. В этом отношении углубляется дифференциация в российском обществе между социальными группами, которые думают о балансе личной жизни и работы, о поиске новых путей для самореализации, и другими (значительно более многочисленными, чем первые), которые думают только о выживании. Следует согласиться с выводами Этциони и Ши, которые указывали, что дауншифтинг осуществляется, прежде всего, теми, кто имеет свободу выбрать уровень жизни, и очевидно, что у бедных такого выбора нет[25].

Проанализированные российские интернет-сообщества, посвященные дауншифтингу, не очень многочисленны с точки зрения постоянных подписчиков, однако обладают хорошим количеством просмотров, что свидетельствует о значительной аудитории, интересующейся данной проблемой (табл. 1). Наибольшее количество участников наблюдается в сообществах, в которых дауншифтинг не является центральной темой, как например, в сообществах, посвященных туризму, особенностям переезда и жизни в сельской местности или в целом эмиграции из России.

Большинство сообществ объединяют пользователей от 25 до 45 лет (65%), что закономерно, как правило, к идеям о дауншифтинге приходят люди, которые достигли определенных карьерных высот и вследствие "профессионального выгорания" и стрессов на занимаемой долж-

---

[25] *Etzioni A.* Voluntary simplicity: characterization, select psychological implications, and societal consequences // Journal of Economic Psychology. 1998. Vol. 19. P. 619–643; *Shi D.E.* The simple life: plain living and high thinking in American culture. N.Y.; Oxford, 1985.

Таблица 1

Российские интернет-ресурсы, посвященные дауншифтингу

№	Интернет-ресурсы (группы в социальных сетях, форумы и т.д.)	Кол-во участников	Кол-во посетителей за год	Год создания
1	Форум Винского Дауншифтинг, работа и учеба, бизнес за границей. Эмиграция и иммиграция. http://forum.awd.ru/viewforum.php?f=1195&sid=7fc0813e5792e1d4645d18b395913077 https://vk.com/vinski	235 000/ 37810	3 145 873	2003 — н/в (подтема выделена в 2008 г.)
2	Из города в деревню https://vk.com/vselo	85795	н/д	2014 — н/в
3	Пора валить pora-valit.livejournal.com	12084	552440	2010 — н/в
4	Дауншифтеры https://www.daunshiftery.ru/	15396	61 560	2010–2017
5	Дауншифтинг: свободные путешествия https://vk.com/downshifting_and_travel	6732	1576	2013 — н/в
6	Дауншифтинг как светлое будущее!!! https://vk.com/down.shifting	5770	н/д	2013 — н/в
7	Сообщество русскоязычных чайлдфри https://ru-childfree.livejournal.com/	5215	76419	2004 — н/в
8	Дауншифтинг по-русски. Блог “поехавшей” в деревню многодетной мамы https://vk.com/downshifting_po_russki	3514	н/д	2015 — н/в
9	Дауншифтеры. Возврат к себе http://www.down-shifters.ru/	2148	9780	2009 — н/в
10	Дауншифтинг — план побега https://vk.com/plan_pobeg	2056	н/д	2015 — н/в
11	Сообщество дауншифтеров https://ru-downshift.livejournal.com/	1409	20 034	2006 — н/в
12	Дауншифтинг. Без РАБоты, с улыбкой и при деньгах https://vk.com/club8233111	703	н/д	2014 — н/в
13	Сообщество дауншифтеров России https://ru-downshifting.livejournal.com/	339	н/д	2006 — н/в
14	Ушельцы от потреблятства https://usheltzy.livejournal.com/	300	н/д	2009–2015
15	Simple life, “Жизнь без понтов” http://simple-life-ru.livejournal.com/	278	н/д	2008–2016
16	Форум фермы “Ореховый сад” http://www.goldenhill.ru/phpBB2/viewforum.php?f=7	426	н/д	2007 — н/в
17	Дауншифтинг клуб — форум, блоги и статьи путешественников http://downshifting-club.ru/	37	н/д	2014 — н/в
18	Форум об интернет-маркетинге. Дауншифтинг. Реальность — какова она? https://searchengines.guru/showthread.php?t=734381	н/д	н/д	2012 (закрыт)

ности выбирают более приемлемые для себя пути профессиональной реализации. Однако следует указать, что до 20% комментариев и обсуждений приходится на совсем молодых людей, еще не начавших свою профессиональную карьеру, но поддерживающих идеологически идеи дауншифтинга: *"В дауншифтинге пока смыслю не очень, да и лет пока маловато, но, думаю, о будущем стоит хотя бы задуматься. Прочитал статью. Надеюсь, что большая часть совпадает с реальным положением дел"* (мужчина, 19 лет).

Таблица 2

Распределение объема и удельного веса информации о различных видах дауншифтинга

Индикатор	Объем информации (количество слов) до 2015	Удельный вес признаков,%	Объем информации (количество слов) 2015–2017 год	Удельный вес признаков,%	Объем информации (количество слов) 2018 год	Удельный вес признаков,%
Переезд в сельскую местность из мегаполиса	266	15,5	642	19,8	489	17,9
Свободные путешествия (жизнь в других странах, на море)	228	13,3	435	13,4	237	8,7
Выбор занятия по душе	197	11,4	252	7,8	224	8,2
Добровольный уход с работы или понижение	336	19,5	511	15,8	300	11,0
Избегание стресса, забота о здоровье	99	5,8	222	7,0	229	8,4
Поиск гармонии	150	8,7	309	9,4	262	9,6
Переход на удаленную работу, фриланс	59	3,4	105	3,5	248	9,1
Ценность каждой минуты, жизнь в удовольствие	86	5,0	319	9,6	284	10,4
Выбор заботы о семье	103	6,0	79	2,4	188	6,9
Свобода, ценность собственных взглядов	197	11,4	367	11,3	267	9,8
	1721	100	3241	100	2728	100

В проанализированных интернет-сообществах наибольшую дискуссию рождают темы территориального дауншифтинга (табл. 2). Причем, если количество информации, касающейся специфического вида территориального дауншифтинга — бегства городских жителей в деревню (*Urban Escapee*), увеличивается, дауншифтинг, связанный с переездом в

другие страны (особенно популярный в начале 2000-х у россиян переезд в страны третьего мира — *Sea Changer*), теряет свою актуальность.

Наша страна предоставляет широкие возможности для бегства от городских будней. Проехав два–три часа на машине из любого мегаполиса, человек попадает в условия жизни вековой давности. Поэтому так называемый "экологический" дауншифтинг не требует особых усилий. При этом дауншифтинг не означает разрыва с родной культурой и возникновение серьезных трудностей для продолжения неформальных отношений с друзьями и родственниками, как в случае отъезда в отдаленную страну. Как уже отмечалось, для жителей Европы, США, Канады и Японии такой дауншифтинг, фактически, невозможен из-за сближенности параметров сельской и городской жизни.

Понятно, что территориальное перемещение в менее комфортные по общепринятым параметрам условия жизни — это только один из видов дауншифтинга. Но он очень символичен и значим. И несмотря на легкость осуществления в России, он требует от человека серьезных волевых усилий и радикального изменения мировоззрения. Так, один из идеологов территориального дауншифтинга так описывает эти изменения: «*Первое, чем отличается дауншифтер от нормального человека, это тем, что он низводит с пьедестала божество по имени "уровень материального потребления", и ставит его в один ряд с прочими ценностями. В частности, с такой банальной ценностью как наличие свободного времени, не занятого работой, здоровья… Сельская жизнь позволяет вырваться из системы сразу по многим направлениям… Условий, чтобы можно было вырваться из системы, немало. Практически все они — психологического характера. Основное — это вовсе не освоить гиперсложные премудрости, как возделывать огород или доить козу... Основное и самое сложное — это изменить систему ценностей. Сделать так, чтобы хотелось других вещей, чем нормальному человеку*» (мужчина, 43 года).

Относительно бегства из страны, идеологии свободных путешествий можно утверждать, что данный вид территориального дауншифтинга все реже становится предметом вожделения для россиян (см. табл. 2). Начиная с 2016 г. наблюдается возвратная мобильность уехавших — значительная часть уехавших в Таиланд, Вьетнам, на Гоа и т.п. возвращается в Россию из-за изменения экономических условий (изменение валютных курсов, потеря дистанционной работы, позволявшей существовать, снижение стоимости аренды квартир в России и др.). Внутри сообществ возрастает количество постов и статей, посвященных адаптации "бывших дауншифтеров" к жизни в России.

Интересной представляется и произошедшая за последние годы смена интереса к карьерному дауншифтингу. Анализ текстов и постов в интернет-сообществах позволяет утверждать, что на ранних этапах (до 2015 г.), после территориального (*Urban Escapee* и *Sea Changer*)

больше всего дауншифтинг ассоциировался у пользователей с добровольным уходом с работы или понижением в должности: *"Надоело? Так зачем терпеть бесконечные недовольства начальника и неадекватных коллег… Берешь и увольняешься — все просто!"* (мужчина, 39 лет). В те годы дауншифтинг в наименьшей степени представлялся как переход на удаленную работу. В последние годы количество информации, связывающий дауншифтинг и удаленную работу неуклонно растет.

Анализ социальных медиа показывает, что за последние годы россияне стали более осторожными в плане карьерного дауншифтинга. Вероятно, это связано с общим ростом неопределенности у значительной части экономически активного населения, боязнью потери какой бы то ни было работы: *"Я в душе дауншифтер… только в нашей стране вдруг опять кризис или инфляция"* (женщина, 44 года).

Одной из новых тем для российского интернета является обсуждение возможности вернуться к апшифтингу после дауншифтинга. Как уже отмечалось выше, начиная с 2015 г. наблюдается смена отношения к территориальному дауншифтингу[26], в статьях начинает превалировать ранее необсуждавшаяся тема — есть ли жизнь после дауншифтинга. Причем, если первоначально речь шла преимущественно о возможности и необходимости вернуться в Россию после нескольких лет жизни в Юго-Восточной Азии, то в 2018 г. люди стали обсуждать возможность вернуться в профессиональную карьеру после нескольких лет отказа от карьерного продвижения без смены места жительства.

Значительно чаще люди начинают выбирать дистантные формы работы для того, чтобы находить, пусть иллюзорную, но возможность управления жизнью, прежде всего, посредством управления личным временем. Согласно опросу 3000 пользователей "Моего круга", 81% опрошенных удаленных российских работников не менял место жительства, просто изменил формат работы на дистанционную, только 7% переходили на образ жизни цифровых кочевников, 6% совмещали смену формата работы с переездом в деревню или пригороды крупных городов, и только 3% — с переездом в другую страну[27]. Россия движется в общемировом тренде: распространенное в общественном сознании представление о дауншифтинге "как способе улучшить жизнь за пределами работы (путем отказа от нее)" постепенно сменяется представлением, что дауншифтинг позволяет улучшить ожидания от работы, делать работу более привлекательной и управляемой[28].

---

[26] Кризис гонит дауншифтеров обратно на Родину // Портал Daunshiftery.ru. 2017.17.01. URL: https://www.daunshiftery.ru/456-krizis-gonit-rossijskix-daunshifterov-obratno-na-rodinu.html (дата обращения: 18.02.2018).

[27] *Хохлова Д.* Состояние рынка удаленной работы в России — исследование "Моего круга". URL: https://vc.ru/24254-moykrug-remote (дата обращения: 18.02.2019).

[28] *Cochman R.L.* Leadership, downshifting and the experience of power in high education// Thesis. Sheffield Hallam University. 2015. Oct. P. 98.

Расширение социальной базы дауншифтинга будет естественным образом происходить по мере увеличения возможностей для нестандартной занятости, в том числе для дистанционной работы и фриланса, а также увеличения возможностей расширения самозанятости. Первый фактор будет обеспечивать легкость перехода на "пониженную передачу", а второй может в определенной мере способствовать реализации мечты россиян об идеальной работе: «предел человеческого счастья — иметь своего рода "рабочее хобби", которое приносит не только моральное удовлетворение, но и достойный заработок»[29].

Рост интереса к дауншифтингу однозначно определяется ростом капиталистической эксплуатации, с которой столкнулись россияне в XXI в. Во многих странах история этого явления значительно более продолжительная. Работа по 10–14 часов в день с постоянно возрастающей интенсивностью, отсутствием полноценных отпусков, невозможностью заниматься любимым делом после работы в силу постоянной усталости — все это заставляет людей по всему миру "примерять на себя одежды" дауншифтера.

Даже признавая факт, что дауншифтинг вероятно не станет жизненным сценарием для большинства, но те немногие или многие, которые изберут его своим личным примером, покажут новые возможности понимания социальной реальности и социальной динамики. Важно видеть за этими процессами не просто чудачество или попытки неудачников придать некоторую "изюминку" своему существованию, как говорится "сделать хорошую мину при плохой игре". Дауншифтинг во всех своих проявлениях есть постмодернизм в действии с осознанием многомерности социального пространства и пониманием всей условности традиционных постулатов построения жизни — на работе и вне ее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айсина Р.М. Карьерный дауншифтинг как стратегия преодоления кризиса, связанного с потерей работы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 4. С. 31–40.

Барков С.А. Радость прогресса и счастье дауншифтинга: модерн и постмодерн // Управление социальными изменениями в нестабильных условиях: Всероссийская научная конференция; 24 мая 2016 г., Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, социологический факультет / Под общ. ред. В.П. Васильева. М., 2016. С. 255–265.

Бауман З. Философия и постмодернистская социология // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 46–61.

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.

Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис: Политические исследования. 1997. № 4. С. 6–32.

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М., 2011. С. 201–215.

[29] О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова., М. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М., 2013. С. 128.

Кризис гонит дауншифтеров обратно на Родину // Портал Daunshiftery.ru. 2017.17.01. URL: https://www.daunshiftery.ru/456-krizis-gonit-rossijskix-daunshifterov-obratno-na-rodinu.html (дата обращения: 18.02.2018).

Лиотар Ж.-Ф. Гибкое приложение к вопросу о постмодернизме // Ступени. Философский журнал. 1994. № 2 (9).

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998.

Мерзлякова В. Альтернативные модели успешности в современной культуре: дауншифтинг // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссия. 2008. Т. 96. № 4. С. 33–42.

Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под ред. Н.Е. Тихоновой. СПб., 2018.

Москвин А.С., Полуян Н.Н., Кушова И.А. Роль и место виртуального дауншифтинга в современных молодежных учебных практиках // Общество: социология, психология, педагогика.2017. № 9. С. 17–21.

Никольский Е.В., Ефимов В.Ф., Романова Д.Я. Современный дауншифтинг: опыт социально-психологического и религиозно-философского осмысления // Научно-популярный журнал Метеор-Сити. 2016. № 6. С. 3–21.

О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, М. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М., 2013.

Овечкина Я.В. Особенности организации трудовой деятельности современных дауншифтеров // Управленческое консультирование. 2015. № 10 (82).

Оноре К. Без суеты. Как перестать спешить и начать жить. М., 2004.

Плешаков В.А. Теория киберсоциализации человека: Монография / Под ред. А.В. Мудрика. М., 2011.

Синичкина С. Минтруд: 85% россиян работа приносит стресс и болезни. URL: https://life.ru/t/%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B5/912872/mintrud_dlia_85_rossiian_rabota_prinosit_striess_i_boliezni (дата обращения: 28.01.2019)

Солодникова И.В., Ермакова С.Н. Дауншифтинг по-русски // Человек. 2013. № 1. С. 134–142.

Фуколова Ю. Игра на понижение // Секрет фирмы. 2004. № 32. С. 59–61.

Хохлова Д. Состояние рынка удаленной работы в России — исследование “Моего круга”. URL: https://vc.ru/24254-moykrug-remote (дата обращения: 18.02.2019).

REFERENCES

Aisina R.M. Kar'ernyi daunshifting kak strategiya preodoleniya krizisa, svyazannogo s poterei raboty [Career downshifting as the strategy of overcoming the crisis connected with work loss] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences]. 2016. N 4. P. 31–40 (in Russian).

Barkov S. A. Radost' progressa i schast'e daunshiftinga: modern i postmodern [Joy of progress and happiness of downshifting: modernist style and postmodern] // Upravlenie sotsial'nymi izmeneniyami v nestabil'nykh usloviyakh: Vserossiiskaya nauchnaya konferentsiya; 24 maya 2016 g., Moskva, MGU imeni M.V. Lomonosova, sotsiologicheskii fakul'tet [Management of social changes in unstable conditions: Lomonosov Moscow State University. 24.05.2016] / Pod obshch. red. V.P. Vasil'eva. M., 2016. S. 255–265. ISBN 978-5-317-05286-7 (in Russian).

Bauman Z. Filosofiya i postmodernistskaya sotsiologiya [Philosophy and postmodern sociology] // Voprosy filosofii [Philosophy questions]. 1993. № 3. P. 46–61 (in Russian).

Bodriiyar Zh. Simvolicheskii obmen i smert' [Symbolical exchange and death]. M., 2000 (in Russian).

Breathnach S. Ban trends; living in a lower gear: downshifting/ Redefining success in the '90s // Washington Post. 1990.31.12. URL: http://2012god.ru/wp-content/uploads/LtNemo/downshift.jpg (accessed: 15.09.2018).

Cochman R.L. Leadership, downshifting and the experience of power in high education. Thesis // Sheffield Hallam University. 2015. Oct.

Elgin D., Mitchell A. Voluntary simplicity. Parts I & II // The Co-Evolution Quarterly. 1977. Summer. Vol. 14. P. 4–19. URL: http://www.duaneelgin.com/wp-content/uploads/2010/11/voluntary_simplicity.pdf (accessed: 26.02.2019).

Etzioni A. The post affluent society // Review of Social Economy. 2004. Vol. LXII. N 3. P. 408–420.

Etzioni A. Voluntary simplicity: characterization, select psychological implications, and societal consequences // Journal of Economic Psychology. 1998. Vol. 19. P. 619–643.

Etzioni A., Donerty D. Voluntary simplicity: responding to consumer culture (rights & responsibilities). Lanham, 2003.

Fukolova Yu. Igra na ponizhenie [Short selling] // Sekret firmy [Secret of firm]. 2004. N 32. P. 59–61 (in Russian).

Gregg R.V. The value of voluntary simplicity // Visva-Bharati Quarterly. 1936. URL: http://www.duaneelgin.com/wpcontent/uploads/2010/11/the_value_of_voluntary_simplicity.pdf (accessed: 18.01.2019).

Hamilton C. Carpe diem? The deferred happiness syndrome // Web Paper. The Australia Institute. 2004. May.

Hamilton C., Breakspear C. Getting a life: understanding the downshifting phenomenon in Australia // Discussion Paper. 2004. N 62.

Hamilton C., Mail L. Downshifting in Australia: a sea change in the pursuit of happiness // Discussion Paper. 2003. N 50.

Hampton R. Downshifting, leisure meaning and transformation in leisure. A dissertation in Leisure studies. University Park, 2008.

Inglkhart R. Postmodern: menyayushchiesya tsennosti i izmenyayushchiesya obshchestva [Postmodern: the changing values and the changing societies] // Polis: Politicheskie issledovaniya [The Policy: Political researches]. 1997. N 4. P. 6–32 (in Russian).

Inglkhart R., Vel'tsel' K. Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya [Modernization, cultural changes and democracy: Sequence of human development]. M., 2011. P. 201–215 (in Russian).

Kennedy E.H., Krahn H., Krogman N.T. Downshifting: an exploration of motivations, quality of life, and environmental practices // Sociological Forum. 2013. Vol. 28 (4). P. 764–783.

Khokhlova D. Sostoyanie rynka udalennoi raboty v Rossii — issledovanie "Moego kruga" [A condition of the market of distant work in Russia — a research of "My circle"]. URL: https://vc.ru/24254-moykrug-remote (accessed: 18.02.2019) (in Russian).

Krizis gonit daunshifterov obratno na Rodinu [Crisis drives downshifters back home] // Portal Daunshiftery.ru. 2017.17.01. URL:https://www.daunshiftery.ru/456-krizis-gonit-rossijskix-daunshifterov-obratno-na-rodinu.html (accessed: 18.02.2018) (in Russian).

Liotar Zh.-F. Gibkoe prilozhenie k voprosu o postmodernizme [Flexible annex to a question of postmodernism] // Stupeni. Filosofskii zhurnal [Steps. Philosophical magazine]. 1994. N 2 (9) (in Russian).

Liotar Zh.-F. Sostoyanie postmoderna [The Postmodern Condition]. SPb., 1998. (in Russian).

Merzlyakova V. Al'ternativnye modeli uspeshnosti v sovremennoi kul'ture: daunshifting [Alternative models of success in modern culture: downshifting] // Vestnik

obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussiya [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions]. 2008. T. 96. N 4. P. 33–42 (in Russian).

Model' dokhodnoi stratifikatsii rossiiskogo obshchestva: dinamika, faktory, mezhstranovye sravneniya [Model of profitable stratification of the Russian society: dynamics, factors, intercountry comparisons] / Pod red. N.E. Tikhonovoi. SPb., 2018 (in Russian).

Moskvin A.S., Poluyan N.N., Kushova I.A. Rol' i mesto virtual'nogo daunshiftinga v sovremennykh molodezhnykh uchebnykh praktikakh [Role and the place of virtual downshifting in modern youth educational practices] // Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics]. 2017. N 9. P. 17–21 (in Russian).

Moskvin A., Kushova I., Korotysheva N. etc. Urban youth: trends to downshifting in the Internet // Modern Journal of Language Teaching Method. 2018. Vol. 8. Iss. 6. P. 273–282.

Nikol'skii E.V., Efimov V.F., Romanova D.Ya. Sovremennyi daunshifting: opyt sotsial'no-psikhologicheskogo i religiozno-filosofskogo osmysleniya [Modern Downshifting: an Experience of Socio-Psychological and Religious-Philosophical Comprehension // Nauchno-populyarnyi zhurnal Meteor-Siti [Meteor-City Scientific Popular Magazine]. 2016. N 6. P. 3–21 (in Russian).

O chem mechtayut rossiyane: ideal i real'nost' [What Russians dream of: ideal and reality] / Pod red. M.K. Gorshkova, M. Krumma, N.E. Tikhonovoi. M., 2013 (in Russian).

Onore K. Bez suety. Kak perestat' speshit' i nachat' zhit' [In Praise of Slow: How a Worldwide Movement is Challenging the Cult]. M., 2004 (in Russian).

Ovechkina Ya.V. Osobennosti organizatsii trudovoi deyatel'nosti sovremennykh daunshifterov [Features of the organization of work of modern downshifters/] // Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Administrative Consulting]. 2015. N 10 (82) (in Russian).

Perrone L., Vickers M., Jackson D. Financial independence as an alternative to work // Employer Response Rights. 2015. Vol. 27. P. 195–211. DOI 10.1007/s10672-015-9262-9

Pleshakov V.A. Teoriya kibersotsializatsii cheloveka: monografiya [Theory of cybersocialization] / Pod red. A.V. Mudrika. M., 2011 (in Russian).

Schor J.B. Overspent American: upscaling, downshifting, and the new consumer. N.Y., 1998.

Shi D.E. The simple life: plain living and high thinking in American culture. N.Y.; Oxford, 1985.

Sinichkina S. Mintrud: 85% rossiyan rabota prinosit stress i bolezni [Ministry of Labour and Social Protection: 85% of Russians work brings a stress and diseases]. URL: https://life.ru/t/%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B5/912872/mintrud_dlia_85_rossiian_rabota_prinosit_striess_i_boliezni (accessed: 28.01.2019) (in Russian).

Solodnikova I.V., Ermakova S.N. Daunshifting po-russki [Downshifting in Russian] // Chelovek [People]. 2013. N 1. P. 134–142 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ И ДЕМОГРАФИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-309-324

БОРЬБА С КУРЕНИЕМ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ*

Е.Н. Новоселова, канд. социол. наук, доц., зам. зав. кафедрой социологии семьи и демографии по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

В статье анализируется влияние образа жизни, в частности, распространенности такой вредной привычки, как табакокурение, на здоровье и продолжительность жизни населения. Взяв за основу новейшие статистические данные, автор рассматривает проблему курения табака в России и в мире, описывает влияние этой пагубной привычки не только на здоровье населения, но и на окружающую среду и экономику страны. В работе приводится краткая история борьбы с курением табака, описываются современные антитабачные меры, принятые мировым сообществом под эгидой Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ).

Особое внимание уделяется состоянию общественного мнения по вопросам, связанным с распространенностью табакокурения в России, его влиянию на здоровье и продолжительность жизни населения, мотивации населения к отказу от этой вредной привычки и влиянию на ее наличие/отсутствие ближайшего социального окружения. Затрагивается проблема детского и подросткового курения, анализируются степень влияния родителей на формирование данного вида аддиктивного поведения и вероятность того, что ребенок впоследствии станет регулярным курильщиком.

Автор касается проблемы пассивного курения и воздействия вторичного дыма на здоровье детей и взрослых и отмечает, что принятый в России в 2013 г. антитабачный закон снизил количество пассивных курильщиков, что не может не иметь благоприятного воздействия на здоровье населения.

В работе затронут актуальный на сегодняшний момент вопрос об использовании электронных средств доставки никотина (ЭСДН), приводится статистика употребления, а также ставится вопрос о последствиях роста популярности ЭСДН.

Эмпирической базой работы являются данные ВОЗ, Федеральной службы государственной статистики, Американского онкологического общества, а также исследования кафедры социологии семьи и демографии социологического

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта "Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976–2020 гг.)" №18-011-01037.

** **Новоселова Елена Николаевна**, e-mail: alena_n_@mail.ru, nauka@socio.msu.ru

факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Фонда общественное мнение и Всероссийского центра изучения общественного мнения.

Данная статья будет интересна специалистам в области социологии медицины, а также широкому кругу читателей, интересующихся вопросами аддиктивного поведения и формирования здорового образа жизни.

Ключевые слова: *здоровый образ жизни, табакокурение, борьба с курением, пассивное курение, электронные системы доставки никотина.*

FIGHT AGAINST SMOKING AS A FACTOR OF HEALTHY LIFESTYLE

Novoselova Elena N., PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of the Family and Demography, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: alena_n_@mail.ru, nauka@socio.msu.ru

The article analyzes the impact of lifestyle, tobacco smoking in particular, on health and life expectancy. Using the latest statistics, the author examines the problem of tobacco smoking in Russia and the world, describes the impact of this harmful habit not only on the health of the population, but also on the environment and the economy. The paper provides a brief history of tobacco control, describes modern anti-tobacco measures taken by the world community under the auspices of the World Health Organization (WHO).

Special attention is paid to the state of public opinion on issues related to the prevalence of tobacco smoking in Russia, its impact on the health and life expectancy of the population, the motivation of the population to abandon this habit and the impact on its presence / absence in social environment. It addresses the problem of child and adolescent smoking, analyzes the degree of parental influence and the likelihood that the child, in consequence, will become a regular smoker.

The author deals with the problem of passive smoking and the impact of secondary smoke on the health of children and adults, and notes that the anti-tobacco law adopted in Russia in 2013 undoubtedly reduced the number of passive smokers, which had beneficial effect on public health.

The work touches upon the currently relevant issue of Electronic Nicotine Delivery Systems (ENDS), provides usage statistics, and also raises the question of the consequences of the increasing popularity of ENDS.

The empirical base of the work is the data of WHO, the Federal State Statistics Service, the American Cancer Society, as well as studies of the Department of Sociology of Family and Demography (Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University), the Public Opinion Foundation and the All-Russian Public Opinion Research Center.

This article will be of interest to specialists in the field of sociology of medicine, as well as to a wide circle of readers interested in the issues of addictive behavior and the formation of a healthy lifestyle.

Key words: *healthy lifestyle, smoking, smoke control, passive smoking, electronic nicotine delivery systems.*

Формирование здорового образа жизни (ЗОЖ) населения является важнейшей задачей государства, ставящего своей целью сохранение и защиту здоровья своих граждан. Ведь именно поведенческие факторы

образа жизни по данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), а также согласно другим зарубежным и отечественным исследованиям, создают основу для сохранения индивидуального и общественного здоровья[1]. Формирование культуры ЗОЖ — процесс крайне сложный, долгосрочный и многоэтапный, требующий использования широкого спектра средств и объединения усилий всех социальных институтов, так как необходимы изменения на государственном, общественном и индивидуальном уровнях.

На сегодняшний момент "общество крайне мало делает для того, чтобы обучать людей сберегающим здоровье технологиям"[2], при этом одним из главных направлений в формировании ЗОЖ должно являться именно воспитание сознательного отношения человека к здоровью, осознания индивидом приоритета здоровья среди других жизненных ценностей, а также создание эффективной системы мер по борьбе с вредными привычками. В данной работе мы сосредоточим свое внимание на такой весьма распространенной отрицательной практике здоровья, как табакокурение, а также мерах его профилактики, так как исключение из жизни населения данного фактора риска заболеваний может стать основой снижения негативных характеристик здоровья и увеличения продолжительности жизни россиян.

Проблема табакокурения существует уже давно, европейская цивилизация столкнулась с ней более 500 лет назад, а к XIX в. в мире уже не осталось регионов, куда не проник бы табак. К этому времени курение табака охватывает различные слои населения, и когда в 1881 г. Джеймс Альберт Бонсак патентует машину, которая производит 12000 сигарет в час и начинается промышленное производство сигарет, табачную эпидемию уже невозможно остановить[3].

Сегодня табакокурение является наиболее распространенной вредной привычкой, которая уносит огромное количество жизней и вызывает беспокойство как у курящей, так и у некурящей части общества. В данной ситуации крайне актуальным становится налаживание системы постоянного мониторинга проблемы табакокурения, конечной целью которого является борьба с ним, а также профилактика данной вредной привычки с тем, чтобы мотивировать сегодняшних курильщиков бороться с табачной зависимостью и вести более здоровый образ жизни,

---

[1] См., об этом: *Дорофеев С.Б., Бабенко А.И.* Национальные стратегии формирования здорового образа жизни населения // Здравоохранение РФ. 2015. № 6; *Цыбусов А.П., Атмайкина О.В., Уткина Л.И.* Формирование здорового образа жизни — актуальная и неотложная задача отечественного здравоохранения // Медицинский альманах. 2017. № 2 (47).

[2] *Осипова Н.Г.* Социальное конструирование общественного здоровья // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4. С. 130.

[3] См. об этом: *Шабашов А.* Курение. Краткая история победившей эпидемии // Отечественные записки. 2006. № 2.

который немыслим без отказа от курения, а в будущем и сформировать новое поколение людей с антитабачным сознанием.

Борьба с курением, в современном ее понимании, началась значительно позже того, как табак плотно вошел в повседневную жизнь человечества, однако его гонения, в основном по религиозным причинам, начались довольно давно. В Европе еще во времена инквизиции церковь считала табак "дьявольским искушением", за которое могли сжечь на костре или отрубить руку. В России при царе Михаиле Федоровиче Романове был введен запрет на табак, за хранение и употребление которого секвестировали ноздри, ссылали в Сибирь, а позже и подвергали смертной казни. Однако уже в 1697 г. Петр I именным указом легализовал "адскую траву" и ввел налог на его продажу, сделав табак источником государственного дохода, которым он является до сих пор. Повышение акцизов на табак и удорожание табачной продукции только в 2017 г. пополнили государственный бюджет РФ более чем на 500 миллиардов рублей[4]. Какая часть этих денег тратится на борьбу с курением не совсем понятно, однако, как показывает мировой опыт, не много. По данным на 2015 г. в мире ежегодные поступления от табачных акцизов составляют около 269 миллиардов долларов США, при этом тратится в совокупности на борьбу с курением лишь около миллиарда[5].

Возвращаясь к истории борьбы с табакокурением, следует сказать, что вследствие долгого отсутствия научных доказательств негативного влияния табака на здоровье никаких действий по борьбе с данной вредной привычкой фактически не предпринималось. Аргументированно о вредном воздействии табака одним из первых заговорил английский врач Джон Хилл, который в 1761 г. провел исследование и описал случай рака, вызванного табаком[6]. Сегодня в пагубном воздействии табака уже никто не сомневается, опубликовано десятки тысяч научных работ, не оставляющих "сомнений в том, что курение является самой важной причиной преждевременной инвалидности и смертности во всем мире"[7]. Однако люди по-прежнему курят. 942 миллиона мужчин и 175 миллионов женщин в возрасте 15 лет и старше являются курильщиками[8]. По

---

[4] См., об этом: Доходы от дыма: 500 миллиардов казне, остальное в тени // Парламентская газета. 2017.16.10. URL: https://www.pnp.ru/economics/dokhody-ot-dyma-500-milliardov-kazne-ostalnoe-v-teni.html (дата обращения: 05.05.2019).

[5] См., об этом: Доклад ВОЗ о глобальной табачной эпидемии. 2015 // Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0007/295720/WHO-Report-on-the-Global-Tobacco-Epidemic-2015-RUS-rev1.pdf?ua=1 (дата обращения: 05.05.2019).

[6] См., об этом: *Драпкина О.М.* Курение и ассоциированные с ним проблемы в практике кардиолога // Артериальная гипертензия. 2010. № 2.

[7] *Шабашов А.* Указ. соч.

[8] Источник данных: The tobacco atlas. Sixth edition. Published by the American Cancer Society, Inc. URL: https://tobaccoatlas.org/ (accessed: 07.05.2019).

данным ВОЗ, курят 28% населения Европейского региона, т.е. именно Европа удерживает лидерство по количеству курильщиков, причем во многом за счет курящих женщин, которых значительно больше, чем в других регионах мира (см. табл. 1).

Таблица 1

Распространенность курения в регионах мира по данным Всемирной организации здравоохранения, в %

Регион ВОЗ	**Распространенность курения среди мужчин**	**Распространенность курения среди женщин**	**Оба пола**
Европа	38	19	28
Страны западной части Тихого океана	48	3	26
Страны Восточного Средиземноморья	37	3	20
Америка	22	13	17
Страны Юго-Восточной Азии	32	2	17
Африка	25	2	13
В мире	36	7	21

Источник: WHO report on the global tobacco epidemic. 2015. URL: https://www.who.int/tobacco/global_report/2015/en/

На сегодняшний момент потребление табака остается одной из ведущих причин ряда социально значимых болезней и предотвратимой преждевременной смертности — от "причин, связанных с табакокурением, ежегодно умирает до 7,2 млн человек, т.е. больше, чем от СПИДа, малярии и туберкулеза вместе взятых"[9]. Болезни и смерти от причин, связанных с курением, — это не только трагедия для семей курильщиков, они также наносят вред окружающей среде и экономике. Прямые и косвенные потери для экономики от причин, ассоциированных с курением составляют около 2 триллионов долларов[10], что включает затраты на здравоохранение (расходы на курящих всегда выше, чем на некурящих[11]), а также утрату трудоспособности курящими и экономическую ценность лет жизни, потерянных из-за их преждевременной

[9] Табак // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: http://www.euro.who.int/ru/health-topics/disease-prevention/tobacco/tobacco (дата обращения: 06.05.2019).

[10] Источник данных: The tobacco atlas. Sixth edition. Published by the American Cancer Society, Inc. URL: https://tobaccoatlas.org/ (дата обращения: 06.05.2019).

[11] *Izumi Y., Tsuji I., Ohkubo T., Kuwahara A., Nishino Y., Hisamichi S.* Impact of smoking habit on medical care use and its costs: a prospective observation of National-Health Insurance beneficiaries in Japan // International Journal of Epidemiology. 2001. N 30. P. 616–621.

смертности. По некоторым данным, курение "обходится мировому сообществу примерно в 6% всех затрат на поддержание здоровья и в 2% внутреннего валового продукта"[12]. Средний курильщик тратит на свою привычку около 22 рабочих дней в год[13], болеет чаще и дольше своих некурящих коллег — "вероятность пропуска рабочих дней по болезни у курящих работников на 9% выше, чем у некурящих"[14], все это ведет к потерям производительности труда и опять же наносит вред экономике. Что касается влияния курения на окружающую среду, то в его негативном воздействии сомневаться не приходится. Помимо того, что курение приносит в атмосферу огромное количество формальдегида, никотина и углекислого газа, все, начиная от производства сигарет и заканчивая мусором из использованных пачек, блоков от сигарет, окурков, которые засоряют почвенно-растительный покров, наносят вред животным, провоцируют пожары, "выступает фактором трансформирующим окружающую среду и ее отдельные компоненты"[15].

Таким образом, меры по борьбе с курением являются перспективными как с точки зрения экологической и экономической эффективности, так и в плане первичной профилактики, направленной на улучшение здоровья, снижение смертности и увеличение продолжительности жизни населения мира, и они сегодня внедряются усиленно и более или менее успешно.

Количество курильщиков и интенсивность потребления табачной продукции сокращаются во всем мире, однако это происходит не так быстро, как это необходимо для достижения целей, согласованных в Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака (РКБТ ВОЗ), открытой для подписания в 2003 г. и насчитывающей в настоящее время 180 стран-участниц. Кроме того, системы мониторинга табакокурения в некоторых странах оставляют желать лучшего, а в других, особенно странах с низким доходом, подобных репрезентативных обследований и вовсе не проводится. Тем не менее, по состоянию на 2016 г. 121 страна, в том числе страны с низким и среднем уровнем доходов, применяет по крайней мере одну из комплекса мер РКБТ на самом высоком уровне эффективности (для сравнения в 2007 г. таких было всего 42), что "доказывает возможность эффективно бороться с табачной эпидемией и

---

[12] ВОЗ назвала число курильщиков на планете // ТАСС. 2018.30.05. URL: https://tass.ru/obschestvo/5249215 (дата обращения: 06.05.2019).

[13] *Батенёва Т., Носкова Е., Фурсова И.* Дело — табак. Меры против курения вступили в действие, но пока не работают // Российская газета. 2013.04.06.

[14] *Засимова Л.С., Матьянов Р.К.* Борьба с курением как элемент здорового образа жизни // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2012. № 1 (451). С. 150.

[15] *Сальникова Е.В., Сальникова В.И., Аманов П.Ч., Юдин А.А.* Курение как экологический фактор, влияющий на состояние окружающей среды // Universum: химия и биология. 2017. № 7 (37). URL: http://7universum.com/ru/nature/archive/item/4909 (дата обращения: 08.05.2019).

спасать жизни"[16], для чего необходимо сделать борьбу с табакокурением важнейшей задачей для государства и общества[17].

Российская Федерация ратифицировала РКБТ ВОЗ в 2008 г., тем самым взяв на себя обязательства "принимать последовательные меры по предотвращению потребления, маркетинга и воздействия табака"[18] и воплотить в жизнь целый комплекс антитабачных инициатив. Между тем, распространенность курения среди населения нашей страны одна из самых высоких в мире. По показателям курения Россия пропускает вперед только Кирибати, Черногорию, Грецию и Восточный Тимор[19]. Мы не только больше всех курим и являемся одним из самых значительных рынков сбыта табачной продукции, но и стали крупнейшим производителем сигарет, в нашей стране размещены мощнейшие заводы British American Tobacco, Philip Morris, Imperial Tobacco и Japan Tobacco. Масштабы производства таковы — 335,77 миллиарда сигарет было произведено в РФ в 2016 г.[20] Кроме того, увеличение цен на сигареты спровоцировало рост рынка нелегальной продукции, так как российский покупатель очень чувствителен к цене, он вынужден переходить на более дешевые сигареты вне зависимости от законности их происхождения и качества. По некоторым данным, по "итогам первого квартала 2019 года, доля нелегальных сигарет достигла 10,3% всего российского табачного рынка против 7,7% годом ранее"[21].

Тем не менее, по данным большинства исследований, существует обратная зависимость между ценой на сигареты и их курением, "10% повышение цен на сигареты в развитых странах приводит к 3–5% снижению потребления сигарет"[22]. Население России с выводами ученых скорее согласно. Согласно опросу Фонда "Общественное мнение",

---

[16] Доклад ВОЗ о глобальной табачной эпидемии. 2017. Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/258555/WHO-NMH-PND-17.4-rus.pdf?sequence=1 (дата обращения: 06.05.2019).

[17] Там же.

[18] Табак и Рамочная конвенция ВОЗ по борьбе против табака // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: https://www.who.int/features/qa/tobacco/ru/ (дата обращения: 06.05.2019).

[19] *Хавайя А.* В каких странах курят больше и меньше всего? // BBC News. Русская служба. 2018.31.05.

[20] The tobacco atlas. Sixth edition. Published by the American Cancer Society, Inc. URL: https://tobaccoatlas.org/

[21] Названа доля нелегальных сигарет в России // Информационное агентство Regnum. 2019.24.04. URL: https://regnum.ru/news/2618151.html (дата обращения: 06.05.2019).

[22] Более высокие цены на табачные изделия сокращают курение, снижая его распространенность и сокращая количество выкуриваемых сигарет теми, кто продолжает курить. URL: http://www.treatobacco.net/ru/page_120.php (дата обращения: 07.05.2019).

почти половина тех, кто положительно относится к повышению цен на сигареты, считает, что многие в таком случае откажутся от курения (48,9%)[23]. Сами курящие заявляют, что если пачка сигарет будет стоить более 200 рублей, то 28% из них бросят курить, 15,4% станут курить меньше, однако четверть никак не изменят свои привычки (25,6%)[24]. Опрос, проведенный ранее, дал еще более обнадеживающие результаты и показал, что при семикратном повышении цен на сигареты (от уровня 2013 г., т.е. пачка будет стоить в районе 235 рублей) 40% курильщиков бросят курить и 21% станет курить меньше. Следует отметить, что 66% курящих россиян против повышения цен на сигареты (против 36% некурящих), так как это затрагивает их интересы (36,1%) и ударит по семейному бюджету (30,6%)[25].

Несмотря на то что по данным Минздрава количество курильщиков в России сокращается, 30,5% населения нашей страны по-прежнему не могут и/или не хотят побороть эту вредную привычку. На 2017 г. в России, согласно отчету ВОЗ, курят 45% мужчин и 15% женщин[26]. Снижение количества курильщиков в нашей стране происходит в основном, за счет сильной половины человечества, количество курящих женщин практически не снижается, а по данным некоторых исследований, даже растет, что можно объяснить как более лояльным отношением общества к курению женщин, так и борьбой табачной индустрии за женщин как потребителей и появлением на рынке табачной продукции, предназначенной специально для них, — тонких ароматизированных сигарет в красочных модных пачках.

В нашей стране курят даже беременные женщины и матери малолетних детей. Выборочное обследование репродуктивного здоровья российских женщин показало, что 11,5% из них продолжали курить, узнав о том, что они беременны[27], 72% женщин, бросивших эту привычку во время беременности, снова начинают курить после рождения ребенка[28]. Установлено, что курение во время беременности ведет к повышению перинатальной заболеваемости и смертности, новорожденные, подвергнутые внутриутробному воздействию никотина, чаще

---

[23] Отношение к повышению цен на сигареты // ФОМнибус. 2013. 23 июня. URL: https://fom.ru/obshchestvo/10976 (дата обращения: 09.05.2019).

[24] О новых мерах против курения // ФОМнибус. 2018. 01 июля. URL: https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14061 (дата обращения: 09.05.2019).

[25] Отношение к повышению цен на сигареты // ФОМнибус. 2013. 23 июня. URL: https://fom.ru/obshchestvo/10976 (дата обращения: 09.05.2019).

[26] Здоровый образ жизни: некоторые важные решения и показатели за 6 лет // Официальный сайт правительства Российской Федерации. URL: http://government.ru/info/32118/ (дата обращения: 09.05.2019).

[27] См. об этом: *Сакевич В.* Распространенность курения среди россиянок // Демоскоп Weekly. 2014. 16 июня — 31 июля. № 603–604. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0603/reprod01.php (дата обращения: 09.05.2019).

[28] Internal report. Imperial Tobacco. 1989.

рождаются с низкой массой тела, "табачный синдром плода" приводит к затруднению адаптации новорожденного к внеутробной жизни, стойкому желтушному синдрому, гипервозбудимости и т.д. Курение в период лактации провоцирует изменения окраски кожных покровов новорожденного, брадикардию, апноэ, рвоту после кормления, парез кишечника[29]. Помимо проблем с физическим развитием курение во время беременности приводит к замедлению интеллектуального развития ребенка.

В июне 2013 г. вступил в силу Федеральный закон Российской Федерации от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ "Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака", запрещающий курение в общественных местах, спонсорство и рекламу табака, а также вовлечение детей в употребление табака[30]. Позитивный тренд в ситуации с курением в России после введения закона есть, однако эксперты отмечают, что необходимо ужесточение закона, а также контроля за его исполнением. Само курящее население по большей части отмечает, что с введением антитабачного закона в отношении количества выкуриваемых ими сигарет ничего не изменилось — 54,9% курильщиков, лишь 11,7% стали курить меньше[31]. Однако даже если на уже состоявшихся курильщиков влияние закона спорно, он не бесполезен хотя бы потому, что сложно отрицать тот факт, что мера несколько снизила число тех, кто подвергается пассивному воздействию табачного дыма, что крайне важно, учитывая тот факт, что от вторичного курения в мире ежегодно умирает более 890 000 человек[32].

По данным ФОМ, 80% населения России считают курение крайне опасным для здоровья. Как курящие, так и некурящие осознают, что курение наносит непоправимый вред здоровью, хотя те, кто сам подвержен этой вредной привычке склонны преуменьшать вред, наносимый здоровью курением, — лишь 61% считает, что это крайне опасно для здоровья (против 91% тех, кто никогда не курил и 85% тех, кто курил, но бросил)[33]. Следует отметить, что вызванные курением заболевания укорачивают здоровую жизнь россиян обоих полов в среднем на 13,6

---

[29] *Нугманова Ж.М.* Влияние курения на беременность и плод // Вестник хирургии Казахстана. 2012. № 4 (32).

[30] ФЗ "Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака" // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. URL: https://59.rkn.gov.ru/directions/control/smi/p18619/ (дата обращения: 09.05.2019).

[31] Источник данных: О новых мерах против курения // ФОМнибус. 2018. 1 июля. URL: https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14061 (дата обращения: 09.05.2019).

[32] Табак // Официальный сайт всемирной организации здравоохранения. URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/tobacco (дата обращения: 09.05.2019).

[33] Источник данных: О курении и дыхании // ФОМнибус. 2015. 25 окт. URL: https://fom.ru/Zdorove-i-sport/12483 (дата обращения: 09.05.2019).

года[34], в 16–17% случаев табак является причиной преждевременной смертности в России[35], таким образом вредное воздействия табака на организм человека невозможно оспорить.

По состоянию на 2017 г. 79% российских курильщиков хотят бросить эту вредную привычку[36]. Нередко одного желания мало, "что определяется никотиновой зависимостью и другими патофизиологическими механизмами воздействия табака"[37], так, около 40% курящих заявляют, что хотят, но не могут бросить курить[38]. Только 7% курящих согласны с тем, что курение наносит серьезный вред здоровью; имеющие потребность бросить курить смогли год продержаться без этой вредной привычки[39]. Во многом это связанно с тем, что никотиновая зависимость является одной из наиболее тяжелых и резистентных к терапии[40].

Европейское исследование респираторного здоровья показало, что у людей, проживающих вместе с курящими, в два раза меньше шансов бросить курить[41], а если вместе с курящим проживают дети, то вероятность того, что они в будущем также будут курить весьма высока, такие дети начинают курить раньше и чаще становятся регулярными курильщиками[42]. "В семьях с курящими родителями и даже в семьях бывших курильщиков две трети подростков хоть раз в жизни пробовали курить, в некурящих семьях таких намного меньше — 41%"[43].

---

[34] Источник данных: Главврач 1. 2012.

[35] В 17% случаев табак является причиной преждевременной смертности в России // Официальный сайт Министерства здравоохранения Российской Федерации. URL: https://www.rosminzdrav.ru/news/2018/11/15/9632-v-17-sluchaev-tabak-yavlyaetsya-prichinoy-prezhdevremennoy-smertnosti-v-rossii (дата обращения: 12.05.2019).

[36] Источник данных: Курение в России: мониторинг // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116248 (дата обращения: 12.05.2019).

[37] *Мельниченко Г.А., Бутрова С.А., Ларина А.А.* Влияние табакокурения на здоровье и массу тела человека // Ожирение и метаболизм. 2010. № 1. С. 16.

[38] Источник данных: О курении и дыхании // ФОМнибус. 2015.25.10. URL: https://fom.ru/Zdorove-i-sport/12483 (дата обращения: 12.05.2019).

[39] См.: *Паксютова В.В.* Успешная мотивация отказа от курения и поддерживающие ее факторы // Контроль над табаком и общественное здоровье в Восточной Европе. 2011. № 1. С. 45.

[40] См.: *Менделевич В.Д.* Польза и вред электронных сигарет сквозь призму разных терапевтических методологий // Вестник современной клинической медицины. 2015. № 2.

[41] Цит. по: *Вознесенский Н.А.* Про то, как бросить курить и что за это будет // Астма и аллергия. 2010. № 4.

[42] См.: Курение в семье и возраст начала курения подростка // Европейское Социальное Исследование (ESS). Институт Сравнительных Социальных Исследований "CESSI". URL: http://www.cessi.ru/index.php?id=74 (дата обращения: 12.05.2019).

[43] Влияние родителей на отношение подростков к курению // Институт сравнительных социальных исследований. URL: http://www.cessi.ru/index.php?id=74 (дата обращения 15.05.2019).

Согласно статистике ВОЗ, подавляющая часть курящих взрослых начали курить, будучи подростками. Количество курящих подростков в возрасте 13–15 лет в России остается весьма высоким — 15,1%, среди них 17% мальчиков и 13,3% девочек, при этом начали курить в возрасте до 10 лет 26,3%[44] из них.

Исследование кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, проведенное в 2018 г., показало, что курят 22,9% россиян, имеющих детей, среди них 34,2% мужчин и 13,8% женщин. Причем курящие оценивают риски для здоровья, для себя и своих детей, связанные с этой привычкой, гораздо ниже — 56,6% считают, что это очень вредно, против 91,7% тех, кто никогда не курил. Кроме того, почти четверть курящих родителей считают, что они прививают здоровый образ жизни своим детям личным примером, что, конечно, значительно ниже, чем у некурящих (64,5%), но тоже достаточно самонадеянно. Интересен тот факт, что именно курильщики (40%) считают, что ЗОЖ требует много времени и денег, когда как среди некурящих таких 17,5%, большинство из них (65%) уверены, что было бы желание, а временные и денежные затраты не такие уж большие. Также данное исследование продемонстрировало зависимость между курением респондента и количеством лет, которые он рассчитывает прожить, так, курящие рассчитывают прожить в среднем 82,2 года, а некурящие — 85,2.

Говоря о проблеме курения, нельзя не затронуть относительно новую для России, да и мира в целом, проблему использования электронных средств доставки никотина (ЭСДН — вейпы, е-сигареты, парогенераторы), которые набирают все большую популярность. Численность курильщиков электронных сигарет в мире неуклонно растет, так, если в 2011 г. их было около 7 млн, то в 2016 стало уже 35 млн, а к 2021 г. их число достигнет 55 млн человек[45]. По данным ВОЗ, глобальный рынок электронных систем доставки никотина и электронных систем доставки продуктов, не являющихся никотином, на 2015 г. составлял 10 млрд долларов США[46].

Более двух третей потребителей электронных сигарет в мире в прошлом являлись активными курильщиками табака и перешли на

---

[44] См.: *Покатилов А.Б., Тириченко О.Ю.* Курение среди несовершеннолетних // Главврач Юга России. 2017. № 2 (54).

[45] См.: *Gordon L., MacGuill S.* Growth in vapour products // Euromonitor International. URL: https://blog.euromonitor.com/growth-vapour-products/ (accessed: 15.05.2019).

[46] См.: Электронные системы доставки никотина и электронные системы доставки продуктов, не являющихся никотином // Доклад ВОЗ. Конференция Сторон Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака Седьмая сессия, Дели, Индия, 7–12 ноября 2016. URL: https://www.who.int/fctc/cop/cop7/FCTC_COP_7_11_RU.pdf (дата обращения 12.05.2019).

ЭСДН по причине их более низкой токсичности (84%)[47], в чем их активно убеждают производители электронных сигарет. Возможно, это так и есть и электронные сигареты могли бы при правильном подходе и грамотном кураторе враче-нарколог стать помощником для курильщиков в их полном отказе от этой привычки, однако специфика нашей страны в отношении употребления ЭСДН состоит в том, что население употребляет электронные сигареты параллельно с традиционными (61%)[48] и не спешит отказываться от привычной формы потребления никотина. Тем не менее, даже полный переход на электронные сигареты не решает проблемы, так как несмотря на то, что в них значительно меньше канцерогенных веществ и никотина, пары, испаряемые вейпами, все же содержат токсичные соединения (формальдегид, ацетальдегид, ацетон, акролеин)[49], а для того чтобы полноценно изучить их влияние на здоровье человека, необходимы долгосрочные исследования. Кроме того, своей высокой технологичностью ЭСДН привлекают внимание молодых людей (33% потребителей электронных сигарет в России от 18 до 29 лет[50]), что, несмотря на отсутствие лонгитюдных данных о вовлечении подростков в курение посредством ЭСДН, вызывает обеспокоенность.

Итак, сделаем выводы. Несмотря на некоторые успехи, достигнутые Россией в деле борьбы с курением, в нашей стране все еще есть большие резервы для сокращения числа людей, страдающих этой вредной привычкой. Курение табака по-прежнему представляет серьезную опасность для здоровья и становится причиной преждевременной смертности трудоспособного населения РФ. Необходим комплексный подход к борьбе с курением, объединяющий усилия различных социальных институтов. Опираясь на мировой опыт борьбы с курением и уже существующие в РФ законы относительно курения табака, можно назвать следующие меры выявления, профилактики и лечения табакокурения:

– Организация доступной и эффективной медицинской помощи в отказе от курения и информирование населения о результативных методах устранения никотиновой зависимости.

– Проведение общественных программ, поощряющих людей бросить курить, создание негативного образа курильщика, пропаганда здорового образа жизни.

---

[47] *Менделевич В.Д.* Указ. соч.

[48] См.: *Новопашина Н.* Треть потребителей электронных сигарет в России пришлась на молодежь // РБК. URL: https://www.rbc.ru/business/08/02/2017/589b10469a79477d222745dc (дата обращения: 12.05.2019).

[49] См.: *Скворцова С.В., Штурмин Ф.С.* Правовое регулирование использования электронных сигарет в России // Успехи в химии и химической технологии. 2017. № 7 (188).

[50] См.: *Новопашина Н.* Указ. соч.

– Формирование антитабачного сознания у молодежи, в том числе посредством разъяснительной работы с родителями об их ответственности за здоровье детей и необходимости отказа от курения в их присутствии.

– Увеличение цен на табачную продукцию. Это одно из самых эффективных средств борьбы с курением, которое, хотя и встречает сопротивление у населения, приносит видимый результат. Данную меру необходимо сочетать с тщательным контролем за нелегальным рынком сигарет, дабы предотвратить переход производителей к теневой экономике.

– Создание свободных от табачного дыма зон в местах общественного пользования, постепенное увеличение штрафов за несоблюдение ФЗ о запрете курения в общественных местах. Также необходимо более тщательно следить за исполнением данного закона, так как несмотря на запреты население продолжает курить на железнодорожных вокзалах, остановках, в подъездах, вблизи станций метрополитена, на территориях детских площадок и т.д.

– Демотивирующий дизайн упаковки — простая унифицированная пачка, лишенная визуальной айдентики, например черная пачка сигарет одинаковая для всех брендов, без возможности размещения на ней товарных знаков. Эта мера действует в некоторых странах мира — Австралия, Великобритания, Ирландия, Франция.

– Более детальное изучение проблемы употребления электронных сигарет, создание в обществе отрицательного отношения к вейпам, запрет на продажу испарителей несовершеннолетним и тщательный контроль за исполнением данного положения. Несмотря на то что е-сигареты, казалось бы, наносят меньший вред организму человека, они формируют лояльность к курению в целом, нивелируют запреты, формируют психологическую зависимость от процесса курения, поэтому данную сферу необходимо регламентировать.

Безусловно, большинство из этих мер так или иначе прописано в “антитабачном законе” либо в Концепции осуществления государственной политики противодействия потреблению табака в России, однако несмотря на запреты и номинальное одобрение данных мер (88% тех, кто никогда не курил и 50% курящих положительно относятся к “антитабачным” ограничениям[51]), население России продолжает следовать своим привычкам, нарушая действующее законодательство. Следовательно, помимо самих законов, необходимо усиление общественного контроля и большая активность контролирующих органов за его исполнением. В этом отношении Федеральный закон “Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления

[51] Источник данных: “Антитабачный” закон: эффективность и отношение к нему // ФОМнибус. 2014.05.10. URL: https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/11761 (дата обращения: 12.05.2019).

табака" является достаточно эффективным инструментом, однако его необходимо использовать в полной мере, только тогда мы сможем сохранить огромное количество жизней и оградить себя и своих детей от вредного воздействия табачного дыма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Влияние родителей на отношение подростков к курению // Институт сравнительных социальных исследований. URL: http://www.cessi.ru/ index.php?id=74 (дата обращения: 15.05.2019).

Вознесенский Н.А. Про то, как бросить курить и что за это будет // Астма и аллергия. 2010. № 4.

Дорофеев С.Б., Бабенко А.И. Национальные стратегии формирования здорового образа жизни населения // Здравоохранение РФ. 2015. № 6.

Драпкина О.М. Курение и ассоциированные с ним проблемы в практике кардиолога // Артериальная гипертензия. 2010. № 2.

Засимова Л.С., Матьянов Р.К. Борьба с курением как элемент здорового образа жизни // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2012. № 1 (451).

Курение в семье и возраст начала курения подростка // Европейское Социальное Исследование (ESS). Институт Сравнительных Социальных Исследований "CESSI". URL: http://www.cessi.ru/index.php?id=74

Мельниченко Г.А., Бутрова С.А., Ларина А.А. Влияние табакокурения на здоровье и массу тела человека // Ожирение и метаболизм. 2010. № 1.

Менделевич В.Д. Польза и вред электронных сигарет сквозь призму разных терапевтических методологий // Вестник современной клинической медицины. 2015. № 2.

Нугманова Ж.М. Влияние курения на беременность и плод // Вестник хирургии Казахстана. 2012. № 4 (32).

Осипова Н.Г. Социальное конструирование общественного здоровья // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4.

Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: https://www.who.int/ru

Официальный сайт Министерства здравоохранения Российской Федерации. URL: https://www.rosminzdrav.ru

Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: http://government.ru

Покатилов А.Б., Тириченко О.Ю. Курение среди несовершеннолетних // Главврач Юга России. 2017. № 2 (54).

Сакевич В. Распространенность курения среди россиянок // Демоскоп Weekly. 2014. 16 июня — 31 июля. № 603–604. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0603/reprod01.php

Сальникова Е.В., Сальникова В.И., Аманов П.Ч., Юдин А.А. Курение как экологический фактор, влияющий на состояние окружающей среды // Universum: химия и биология. 2017. № 7 (37).

Скворцова С.В., Штурмин Ф.С. Правовое регулирование использования электронных сигарет в России // Успехи в химии и химической технологии. 2017. № 7 (188).

ФЗ "Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака" // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. URL: https://59.rkn.gov.ru/directions/control/smi/p18619/

Хавайя А. В каких странах курят больше и меньше всего? // BBC News. Русская служба. 2018.31.05.

Цыбусов А.П., Аттмайкина О.В., Уткина Л.И. Формирование здорового образа жизни — актуальная и неотложная задача отечественного здравоохранения // Медицинский альманах. 2017. № 2 (47).

Шабашов А. Курение. Краткая история победившей эпидемии // Отечественные записки. 2006. № 2.

Электронные системы доставки никотина и электронные системы доставки продуктов, не являющихся никотином // Доклад ВОЗ. Конференция Сторон Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака Седьмая сессия, Дели, Индия, 7–12.10.2016. URL: https://www.who.int/fctc/cop/cop7/FCTC_COP_7_11_RU.pdf

REFERENCES

FZ "Ob ohrane zdorov'ya grazhdan ot vozdejstviya okruzhayushchego tabachnogo dyma i posledstvij potrebleniya tabaka" [Federal Law on the Protection of Citizens' Health from the Impact of Ambient Tobacco Smoke and the Effects of Tobacco Use] // Federal'naya sluzhba po nadzoru v sfere svyazi, informacionnyh tekhnologij i massovyh kommunikacij. URL: https://59.rkn.gov.ru/directions/control/smi/p18619/ (in Russian).

Cybusov A.P., Atmajkina O.V., Utkina L.I. Formirovanie zdorovogo obraza zhizni — aktual'naya i neotlozhnaya zadacha otechestvennogo zdravoohraneniya [Formation of a healthy lifestyle is an urgent and urgent task of domestic health care] // Medicinskij al'manah. 2017. N 2 (47) (in Russian).

Dorofeev S.B., Babenko A.I. Nacional'nye strategii formirovaniya zdorovogo obraza zhizni naseleniya [National strategies for the formation of a healthy lifestyle of the population] // Zdravoohranenie RF. 2015. N 6 (in Russian).

Drapkina O.M. Kurenie i associirovannye s nim problemy v praktike kardiologa [Smoking and associated problems in the practice of a cardiologist] // Arterial'naya gipertenziya. 2010. N 2 (in Russian).

Elektronnye sistemy dostavki nikotina i elektronnye sistemy dostavki produktov, ne yavlyayushchihsya nikotinom [Electronic nicotine delivery systems and electronic non-nicotine product delivery systems] // Doklad VOZ. Konferenciya Storon Ramochnoj konvencii VOZ po bor'be protiv tabaka Sed'maya sessiya Deli, Indiya, 7–12.10.2016. URL: https://www.who.int/fctc/cop/cop7/FCTC_COP_7_11_RU.pdf (in Russian).

Gordon L., MacGuill S. Growth in Vapour Products // *Euromonitor International URL:* https://blog.euromonitor.com/growth-vapour-products/ (accessed: 15.05.2019).

Havajya A. V kakih stranah kuryat bol'she i men'she vsego? [In which countries do they smoke more and less?] // BBC News. Russkaya sluzhba. 2018.31.05 (in Russian).

Internal report. Imperial Tobacco. 1989. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0305/tema01.php

Izumi Y., Tsuji I., Ohkubo T., Kuwahara A., Nishino Y., Hisamichi S. Impact of smoking habit on medical care use and its costs: a prospective observation of NationalHealth Insurance beneficiaries in Japan // Internsational Journal of Epidemiology. 2001. N 30. P. 616–621.

Kurenie v sem'e i vozrast nachala kureniya podrostka [Smoking in the family and age at which a teen begins to smoke] // Evropejskoe Social'noe Issledovanie (ESS). Institut Sravnitel'nyh Social'nyh Issledovanij "CESSI". URL: http://www.cessi.ru/index.php?id=74 (in Russian).

Melnichenko G.A., Butrova S.A., Larina A.A. Vliyanie tabakokureniya na zdorov'e i massu tela cheloveka [Effect of tobacco smoking on health and body mass] // Ozhirenie i metabolizm. 2010. N 1 (in Russian).

Mendelevich V.D. Pol'za i vred elektronnyh sigaret skvoz' prizmu raznyh terapevticheskih metodologij [The benefits and harms of electronic cigarettes through the prism of various therapeutic methodologies] // Vestnik sovremennoj klinicheskoj mediciny. 2015. N 2 (in Russian).

Nugmanova Z.M. Vliyanie kureniya na beremennost' i plod [The effect of smoking on pregnancy and the fetus] // Vestnik hirurgii Kazahstana. 2012. N 4 (32) (in Russian).

Oficial'nyj sajt Vsemirnoj organizacii zdravoohraneniya [The official site of the World Health Organization]. URL: https://www.who.int/ru (in Russian).

Oficial'nyj sajt Ministerstva zdravoohraneniya Rossijskoj Federacii [Official website of the Ministry of Health of the Russian Federation]. URL: https://www.rosminzdrav.ru (in Russian).

Oficial'nyj sajt Pravitel'stva Rossijskoj Federacii [Official site of the Government of the Russian Federation]. URL: http://government.ru (in Russian).

Osipova N.G. Social'noe konstruirovanie obshchestvennogo zdorov'ya [The social construction of the public health] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2016. N 4 (in Russian).

Pokatilov A.B., Tirichenko O.Y. Kurenie sredi nesovershennoletnih [Smoking among minors] // Glavvrach YUga Rossii. 2017. N 2 (54) (in Russian).

Sakevich V. Rasprostranennost' kureniya sredi rossiyanok [The prevalence of smoking among Russians] // Demoskop Weekly. 2014. 16 iyunya — 31 iyulya. № 603–604. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0603/reprod01.php (in Russian).

Sal'nikova E.V., Sal'nikova V.I., Amanov P.Ch., Yudin A.A. Kurenie kak ekologicheskij faktor, vliyayushchij na sostoyanie okruzhayushchej sredy [Smoking as an environmental factor affecting the state of the environment] // Universum: himiya i biologiya. 2017. N 7 (37) (in Russian).

Shabashov A. Kurenie. Kratkaya istoriya pobedivshej epidemii [A brief history of the victorious epidemic] // Otechestvennye zapiski. 2006. N 2 (in Russian).

Skvorcova S.V., Shturmin F.S. Pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya elektronnyh sigaret v Rossii [Legal regulation of the use of electronic cigarettes in Russia] // Uspekhi v himii i himicheskoj tekhnologii. 2017. N 7 (188) (in Russian).

The tobacco atlas. Sixth edition. Published by the American Cancer Society, Inc. URL: https://tobaccoatlas.org/

Vliyanie roditelej na otnoshenie podrostkov k kureniyu [The influence of parents on adolescents' attitude towards smoking] // Institut sravnitel'nyh social'nyh issledovanij. URL: http://www.cessi.ru/ index.php?id=74 (data obrashcheniya: 15.05.2019) (in Russian).

Voznesenskiy N.A. Pro to, kak brosit' kurit' i chto za eto budet [How to quit smoking and what are the consequences] // Astma i allergiya. 2010. N 4 (in Russian).

Zasimova L.S., Mat'yanov R.K. Bor'ba s kureniem kak element zdorovogo obraza zhizni [The fight against smoking as an element of a healthy lifestyle] // Vserossijskij ekonomicheskij zhurnal EKO. 2012. N 1 (451) (in Russian).

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, **ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ "ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ 18. СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ" в 2019 г.**

№ Стр.

К 30-летию социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Антонов А.И. В строю научной школы фамилизма (о вкладе кафедры социологии семьи и демографии в достижения социологического факультета МГУ)..... 4 37–43

Барков С.А., Осеев А.А. История кафедры экономической социологии и менеджмента — реорганизация длиною в жизнь 4 52–76

Васенина И.В., Липатова М.Е., Сушко В.А. Профессиональные и образовательные стратегии современных абитуриентов 4 102–123

Гавриленко О.В. Социальные технологии как исследовательское поле и инструмент социальных преобразований 4 77–94

Кочетков В.В. Кафедра социологии международных отношений 4 95–101

Мамедов А.К., Чудновская И.Н., Коркия Э.Д., Обрывалина О.А. Единственная настоящая роскошь — это роскошь человеческого общения 4 44–51

Осипова Н.Г. Социологический факультет МГУ — лидер университетской социологии 4 7–21

Федоркин Н.С., Карпова Н.В. Кафедра политологии и социологии политических процессов 4 22–36

Социология неравенства

Викторов А.Ш. Институты неравенства в современном обществе..... 1 7–28

Мартыненко Т.С. Социальное неравенство в социологической теории Зигмунта Баумана..... 1 29–41

Осипова Н.Г., Добринская Д.Е., Лядова А.В., Мартыненко Т.С. Пространство и бедность: междисциплинарная конференция в Университете Зальцбурга..... 2 30–35

Теория, методология и история социологии

Батуренко С.А. Марксистский феминизм: теоретический проект, генезис и опыт практической реализации в XX в..... 1 111–129

Баценкова А.А. Трансформации публичной сферы как отражение процесса индивидуализации..... 1 130–144

Вершинина И.А. Концепция мегалополиса Жана Готтмана..... 3 36–48

Кочетков В.В. Международные отношения в интерпретации теорий исторической социологии..... 3 49–70

Троцук И.В., Гребнева В.Е. Возможности и ограничения основных методических подходов к изучению счастья..... 3 7–35

Современная социология, теория и методология

Добринская Д.Е. Цифровое общество в социологической перс-пективе..... 4 175–192

Осипова Н.Г. Социальное неравенство в современном мире 4 124–153

Полякова Н.Л. Глобальная социология. Основные исследовательские стратегии. Часть I. Универсалистский подход..... 4 154–174

История социологии

Батуренко С.А. Интеллектуальные предпосылки формирования феминистского дискурса в истории русской социологии..... 4 193–208

Кудрявцев В.А. Идейные и теоретические основы процесса институционализации социологии в дореволюционной России 2 7–29

Политология и социология политики

Беляков Н.С., Кургачева К.Д. Интернет-технологии в условиях современного политического процесса..... 1 162–174

Зиненко В.Е. Патриотическое воспитание российской молодежи: современные реалии..... 1 145–161

Политическая социология

Аверин Ю.П., Сушко В.А. Ценности и электоральное поведение российских граждан на президентских выборах (2012, 2018 гг.): постоянство и изменчивость... 4 227–246

Каневский П.С. Трансформации корпоративизма в эпоху неолиберализма 4 265–278
Самсонова Т.Н., Наумова Е.С. Роль СМИ в политической социализации современной российской молодежи 4 247–264
Федоркин Н.С. Политическая социология и политический менеджмент в предметном поле политической науки 4 209–226

Социология государственного управления
Васильев В.П. Социология государственного управления 4 279–287

Экономическая социология, управление и менеджмент
Васильев В.П. Социоэкономические координаты устойчивого развития 3 156–172

Экономическая социология и менеджмент
Барков С.А., Маркеева А.В. Дауншифтинг как постмодернизм в действии 4 288–308

Экономическая социология
Социологический анализ рынков труда в России и Германии (совместный проект МГУ и Университета прикладных исследований рынка труда г. Мангейма) 2 36–39
Барков С.А., Коврова М.А., Селезнева А.С., Чугунова М.А. Территориальная мобильность населения как экономическая и социокультурная проблема российского рынка труда 2 66–92
Барков С.А., Шарпф М. Институциональные контексты развития рынка труда в России и Германии 2 40–65
Колодезникова И.В., Кондуров В.Р., Галицкая Д.В. Особенности функционирования систем социального страхования России и Германии: социологический анализ 2 93–115
Кузнецова И.В. Неформальность российского рынка труда 2 116–132
Маркеева А.В., Панферов Д.А., Жолобова О.А. Модернизация программ переобучения безработных граждан в РФ в условиях перехода к цифровой экономике 2 133–156
Свердликова Е.А. Восприятие социальных и психологических аспектов безработицы в российском сегменте интернета 2 157–175

Социология коммуникаций и киберпространства
Смирнов В.А. Онлайн-сообщества российских волонтеров (на примере социальной сети vkontakte) 3 71–93
Сурхайханов М.М. Уничтожение репутации лидера в киберпространстве: влияние имиджевых ошибок и внешних атак 3 94–116

Социология медицины
Лядова А.В. Особенности становления социологии медицины как междисциплинарного научного направления 1 42–61

Социология города
Вершинина И.А. Новые грани социального неравенства: концепция постмодернистской урбанизации Эдварда Сойи 1 62–77

Социология семьи и демографии
Новоселова Е.Н. Борьба с курением как фактор формирования здорового образа жизни 4 309–324

Социология семьи
Гуляева Л.В., Семенов М.Ю. Роль социального статуса семьи в формировании конкурентоориентированности и конкурентоспособности старшеклассников (на примере Тюменской области) 3 140–155
Карпова В.М. Особенности межпоколенной трансляции семейных ценностей 3 117–139

Социология культуры
Молчанова О.И. Аспекты социального управления современной радиостанцией в условиях медиаконвергенции на примере радио "Эхо Москвы" 1 78–95
Попов Е.А., Нагайцев В.В., Стерлядева Н.А., Шрайбер А.Н. Социология культуры в отечественных учебниках 1 96–110

Социология религии
Трофимов С.В. Эмиль Дюркгейм о роли религии в общественной жизни. Обоснование выбора элементарной религии 3 173–197

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Общие требования к рукописям, предлагаемым для опубликования в журнале “Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология”

Материалы, представленные на рассмотрение для публикации в журнале, обязательно должны соответствовать тематике журнала (основные тенденции современного социального развития и изменения, методологические и теоретические проблемы современной социологии и политологии, конкретные области социологического и политологического анализа, исследования проблем и специфики современного общества и институционального порядка, политических процессов, вопросы социальной и государственной политики, социального и организационного менеджмента).

Все материалы должны представлять собой самостоятельное научное исследование (то есть должны содержать вклад автора в постановку и разработку выбранной для научного исследования проблемы). В целях обеспечения качества публикуемых материалов и соблюдения авторских прав все поступающие статьи проходят проверку через систему “Антиплагиат”.

Материалы должны быть актуальными (содержать элементы научной и информационной новизны).

Рукопись обязательно должна соответствовать принятым в журнале техническим требованиям к оформлению. В случае соответствия требованиям предлагаемая статья может быть рассмотрена в редакции и отправлена на рецензирование (экспертную оценку), а при необходимости может быть обсуждена на редколлегии. В последующем будет принято решение о возможности/невозможности публикации рукописи с учетом публикационных планов журнала.

Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. По вопросам, связанным с публикацией представленных в редколлегию материалов, необходимо обращаться по электронной почте vestnik@socio.msu.ru, ilinih@socio.msu.ru, а также по телефону ответственного секретаря журнала Ильиных Ольги Владимировны +7 (903) 268-89-69.

Желающие опубликовать статью в журнале “Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология”, могут присылать материалы

в № 1 (январь–март) — до 20 августа,

в № 2 (апрель–июнь) — до 20 ноября,

в № 3 (июль–сентябрь) — до 20 февраля,

в № 4 (октябрь–декабрь) — до 20 мая

каждого года.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Рукописи не возвращаются. Гонорар авторам за публикацию рукописей не выплачивается.

Плата с авторов (в том числе с аспирантов) за публикацию рукописей не взимается.

Рукописи, подаваемые в журнал,
должны соответствовать следующим требованиям

Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде (в том числе рисунки (диаграммы, графики, схемы и т.п.)).

Все предоставляемые в редколлегию материалы должны содержать:

1) название статьи на русском и английском языках;
2) сведения обо всех авторах на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора, город, страна, индекс. Авторская транслитерация ФИО должна учитывать то обстоятельство, что ее изменение, возможно, затруднит поиск прежних публикаций автора, которые перестанут учитываться в перечне его работ (то есть необходимо транслитерировать ФИО так, как в загранпаспорте или в предыдущих работах, т.е. унифицировать).
3) аннотации на русском и английском языках (не менее 200–250 слов каждая);
4) ключевые слова (6–8 слов/словосочетаний) на русском и английском языках;
5) основной текст. К рассмотрению принимаются материалы и статьи преподавателей и научных сотрудников объемом от 1 авторского листа (40 тыс. знаков) до 1,3 авторского листа (приблизительно 53 тыс. знаков). Объем аспирантских статей от 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков). (Указано общее число знаков вместе с пробелами, знаками рисунков, оформительскими страницами);
6) список литературы в конце статьи (число русскоязычных работ + число работ на иностранных языках = 20–30). Отсутствие пристатейного списка литературы может стать причиной отказа в рассмотрении статьи.

Список литературы помещается после основного текста статьи, и оформляется следующим образом:

а) список литературы на русском языке (по алфавиту (кириллическому) без нумерации). Этот список имеет подзаголовок “Список литературы”;
б) второй список имеет подзаголовок “References”. Этот список в свою очередь включает в себя транслитерацию (по системе BSI. При создании транслитерации возможно использование программы транслитерации текста, к примеру, translit.net) и перевод на английский вышеприведенного списка литературы на русском языке, а также список литературы на иностранных языках (транслитерация русскоязычных работ + список работ на иностранных языках, все общим списком по алфавиту (латинскому)).

Более подробно требования к оформлению статей представлены на сайте журнала http://vestnik.socio.msu.ru/jour Там же можно посмотреть образцы оформления ссылок, списков литературы и т.п.

Кроме того, на сайте есть электронная форма, с помощью которой необходимо подать статью в редколлегию.

С уважением,
редколлегия журнала “Вестник Московского университета.
Серия 18. Социология и политология”